

№ 9 СЕНТЯБРЬ 1970 г.

★

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит с января 1926 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». МОСКВА

Вопросы ИСТОРИИ

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Ю. Л. Дьяков — Создание северной угольно-металлургической
базы СССР 3
- Н. П. Красников — Эволюция социальной концепции православия . 16
- И. А. Федосов — Просвещенный абсолютизм в России 34
- И. Л. Андреев (Владимир) — Специфика некапиталистического раз-
вития народов, не завершивших процесса складывания классов . 56
- Ю. Н. Королев — Рабочее движение и распространение марксизма в
Чили 74

ПУБЛИКАЦИИ

- Крушение «полудержавного властелина» (Документы следственного
дела князя А. Д. Меншикова). Вступительная статья Р. В. Овчин-
никова 87

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

- К. Ф. Шацillo — К попыткам сепаратных переговоров во время пер-
вой мировой войны (март—май 1915 г.) 105
- Н. Н. Яковлев — Из истории клана Кеннеди 113

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Обзоры

- В. И. Буганов — Советская литература о приемах работы В. И. Ле-
нина с источниками 129

Рецензии

- Г. Д. Комков — М. Р. Круглянский. Высшая школа СССР в годы
Великой Отечественной войны 136
- М. М. Шегал — Серьезный труд по истории фабрики «Скороход» . 138
- В. Г. Карасев — Ю. А. Писарев. Сербия и Черногория в первой ми-
ровой войне 141

Ю. Л. Молчанов — «Ленинизм и мировое революционное рабочее движение (Проблемы борьбы за единство пролетариата, всех антиимпериалистических сил)»	143
И. И. Орлик — Л. Н. Нежинский. Очерк истории народной Венгрии. 1948—1962	146
Новые книги	149
Статьи в советских периодических изданиях	152

Хроника научной жизни

С. Л. Плешкова — Об учебном пособии «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе»	154
Хроникальные заметки	167

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Обзоры

А. Д. Колпаков — Актуальные проблемы истории Ирландии и ирландская историческая наука	171
---	-----

Рецензии

М. С. Восленский — Г. Раш. Бонн и Москва. О необходимости германо-советской дружбы	180
Е. М. Тепер (Ленинград) — Ц. Кристанов. За свободу Испании. Мемуары болгарского коммуниста	182

По страницам зарубежных журналов

Содержание журналов, выходящих в социалистических странах . .	184
Заметки о статьях. А. С. Аветян. Колониальная политика фашистской Германии накануне второй мировой войны; В. В. Согрин. К истории «прогрессивизма» в США; А. И. Борозняк (Липецк), В. А. Смоляков (Хабаровск). Австралийский ученый о кризисе немецкого буржуазного историзма; И. З. Романов. Новые веяния в Американской исторической ассоциации; М. А. Батунский. Об одной попытке периодизации истории ислама; Л. А. Ельницкий. Историческое значение Аттилы . . .	185
Рецензии на советские издания	194
Коротко о книгах	195

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

Н. И. Циммер (Одесса) — О судьбе Севастополя на заключительном этапе войны 1853—1856 годов	199
--	-----

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

А. Г. Федоров — Из племени отважных	206
Высказывания об истории и историках	209
А. П. Каждан — Сколько ели византийцы?	215

Об итогах всесоюзного смотра-конкурса работ молодых ученых по общественным наукам, посвященного 100-летию со дня рождения В. И. Ленина	219
Сведения об авторах	220
Резюме статей на английском языке	221

СТАТЬИ

СОЗДАНИЕ СЕВЕРНОЙ УГОЛЬНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ БАЗЫ СССР

Ю. Л. Дьяков

Создание Северной угольно-металлургической базы СССР — одна из ярких страниц в истории промышленного развития Советской страны. Гигантский промышленный комплекс составляют Оленегорский и Ено-Ковдорский железорудные предприятия Кольского полуострова, Печорский угольный бассейн, базы нерудного сырья, расположенные на Европейском Севере СССР, и Череповецкий металлургический комбинат. Строительство комплекса, начатое еще в предвоенные годы, продолжалось во время Великой Отечественной войны и было завершено в послевоенный период. Тем самым была создана третья угольно-металлургическая база страны.

В советской исторической литературе трудовые дела героев первых пятилеток, в том числе создателей второй угольно-металлургической базы на востоке страны получили широкое отражение. Об этом написано немало монографий, научных статей и диссертаций. История же создания Северного угольно-металлургического комплекса до сих пор специально не исследовалась. В имеющихся общих работах, вышедших главным образом в Коми АССР¹, приводится лишь некоторый фактический материал по этой важной проблеме.

В настоящей статье предпринимается попытка на основании документов и материалов ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ЦГАНХ СССР, архива Академии наук СССР, Партархива Коми обкома КПСС и научного фонда Городского краеведческого музея Воркуты, а также периодической печати и воспоминаний участников событий охарактеризовать в основных чертах возникновение и развитие Северной угольно-металлургической базы СССР. Эта база создавалась в специфических (географических, экономических и транспортных) условиях Европейского Севера СССР, где было трудно, а порой и невозможно применить опыт создания угольных и металлургических баз в других районах страны.

Исследование и освоение природных ресурсов Европейского Севера началось с первых лет существования Советской власти, поскольку большое значение стала приобретать проблема создания мощной металлургической и топливно-энергетической базы для Ленинграда. Уже в первые годы Советской власти В. И. Ленин наметил программу экономического возрождения страны. Ленинский «Набросок плана научно-тех-

¹ «25 лет Коми АССР». Л. 1946; «Очерки по развитию промышленности Коми АССР». Сыктывкар. 1956; «Печорский угольный бассейн». Сыктывкар. 1957; «Печорский угольный бассейн». Л. 1959; «40 лет Коми АССР». Сыктывкар. 1961; «Очерки по истории Коми АССР». Т. 2. Сыктывкар. 1962; «Очерки истории Коми партийной организации». Сыктывкар. 1964; А. С. Б л а н к, А. В. К а т а н и к о в. Череповец. Историко-экономический очерк. Вологда. 1966; В. Г. Т о р о п о в. Коми партийная организация в борьбе за освоение и развитие Печорского угольного бассейна в годы Великой Отечественной войны. Сыктывкар. 1969, и др.

нических работ» и план ГОЭЛРО открыли перспективы нового размещения производительных сил, положили начало экономическому районированию страны, в котором огромное внимание уделялось развитию Северо-Запада.

На заседании СНК 13 июля 1918 г. рассматривалось ходатайство Пермского университета о выделении средств для экспедиции по разведке печорского угля и ухтинской нефти². В трудный период, когда Донбасс и Криворожье оказались захваченными белогвардейцами, весной и летом 1918 г. начались научно-исследовательские работы на мурманском побережье и одновременно изучение бассейна Печоры³. В соответствии с указаниями В. И. Ленина в системе Академии наук в 1918 г. была создана Северная подкомиссия Комиссии по изучению естественных производительных сил России, а в январе 1919 г. при ВСНХ — Комиссия по изучению Севера. 4 марта 1920 г. постановлением Президиума ВСНХ эта комиссия была реорганизована в Северную научно-промысловую экспедицию («Севэкспедицию») с задачей изучения естественных богатств Севера⁴. Для работы в «Севэкспедиции» были привлечены крупнейшие советские ученые и исследователи Севера: президент Академии наук А. П. Карпинский возглавил Ученый совет экспедиции, его заместителем стал академик А. Е. Ферсман, членами Ученого совета являлись профессора Н. М. Книпович, Л. С. Берг и другие. В. Л. Комаров (в дальнейшем академик и президент Академии наук СССР) был секретарем экспедиции.

С 1920 г., по мере освобождения Севера от интервентов и белогвардейцев, отряды «Севэкспедиции» разворачивали исследовательскую деятельность на побережье Белого моря, в бассейне реки Печоры и особенно на Кольском полуострове, куда в августе 1920 г. была направлена первая минералогическая экспедиция под руководством академика А. Е. Ферсмана. С этого момента начались более широкие исследования ископаемых богатств Кольского полуострова. Наряду с «Севэкспедицией» изучением советского Севера занималась Полярная комиссия Академии наук и другие научные учреждения⁵. Если в первые годы Советской власти эта работа носила характер общего ознакомления с состоянием Европейского Севера страны, то с 1921 до конца 20-х годов развернулись групповые поиски. В этот период были обнаружены угленосные пласты в бассейне р. Печоры. Поскольку уголь в них был невысокого качества, необходимо было вести длительные поиски промышленных залежей угля.

Грандиозные задачи реконструкции народного хозяйства, выдвинутые Коммунистической партией в конце 20-х годов, потребовали форсирования подготовительных работ по созданию топливно-сырьевых баз для Ленинграда. С этого времени усиливаются геологоразведочные и поисковые работы на Кольском полуострове. Уже в 1932—1933 гг. здесь была геологически очерчена железорудная база⁶. В 1932—1934 гг. были открыты крупнейшие месторождения кианитов в центральной части Кольского полуострова⁷. Продолжались геологоразведочные и поисковые работы в бассейне Печоры. Результатом многолетних исследований было открытие в июне 1930 г. геологом Г. А. Черно-

² С. Морозов. Выполняя ленинские декреты. «Коммунист», 1969, № 17, стр. 76.

³ М. С. Волин. Организация изучения естественных ресурсов Советской страны в 1917—1919 гг. «Вопросы истории», 1956, № 2, стр. 80—86.

⁴ «Богатства недр Кольского полуострова». Сборник статей. Мурманск. 1957, стр. 7; С. В. Славин. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. М. 1961, стр. 103.

⁵ «XXV лет научной деятельности Арктического института». М.-Л. 1945, стр. 10, 11; С. В. Славин. Указ. соч., стр. 103, 104.

⁶ А. Е. Ферсман. Полезные ископаемые Кольского полуострова. Современное состояние. Анализ. Прогноз. М.-Л. 1941, стр. 16.

⁷ «Богатства недр Кольского полуострова», стр. 11.

вым на заполярной реке Воркуте месторождения высококачественных коксующихся углей. «Горстка людей вдаль от населенных пунктов, в центре Большеземельской тундры... начала наступление на Великое белое безмолвие. В тундре слышался стук топоров и лязг лопат, и в излучине Воркуты... вырос поселок из палаток и землянок. В эти же дни была забурена первая буровая скважина, подтвердившая предположения геологов и положившая начало рождению заполярной кочегарки»⁸, — пишет в своих воспоминаниях С. В. Шатилов, первый радист на Воркуте.

В августе 1931 г. Президиум ВЦИК принял постановление, в котором предусматривалось создание каменноугольной промышленности в Коми области⁹. На XVII конференции ВКП(б) В. В. Куйбышев говорил: «Перспективы развития Ленинградской области были бы не полно мною обрисованы, если бы я не упомянул о нащупываемой топливной и металлургической базе Ленинграда... В Мурманском крае найдены железные руды. Во второй пятилетке возможна постройка металлургического завода, который будет снабжать Ленинград металлом. Легко понять значение этого факта в экономике Ленинграда и всей страны». В. В. Куйбышев подчеркнул, что «для удовлетворения нужд индустриального строительства СССР план должен предусмотреть... приступ к широкой эксплуатации углей бассейна Печоры»¹⁰. Решение этой проблемы связывалось с необходимостью широкого транспортного строительства в районах Севера во второй пятилетке. В марте 1932 г. Совет Труда и Оборона принял развернутое постановление «О развитии каменноугольной промышленности и о расширении геологоразведочных работ в бассейне Печоры». Правительство поставило задачу ускорить эти работы и начать с 1932 г. добычу угля в целях промышленной разведки¹¹. 1 июля 1932 г. была заложена первая воркутинская разведочно-эксплуатационная шахта № 1—2, и в том же году были добыты первые тысячи тонн угля. Добыча велась тогда еще примитивными средствами — обушком и лопатой. Часть угля большегрузными лодками отправлялась по Воркуте и Усе в Москву на анализ.

Постепенно расширялись масштабы работ, но не хватало инженерно-технических работников и квалифицированных рабочих. По призыву партии в годы первой пятилетки на Печору прибыла большая группа коммунистов-угольщиков из Донбасса и других районов страны. Многие из них самоотверженным трудом снискали себе заслуженную славу. Основателями шахты № 1—2 были М. В. Петрушин, А. И. Волков, А. А. Солдатов, Б. А. Собанов, И. М. Зотов и многие другие. Они первыми начали горные выработки.

Суров климат района Воркуты, расположенного за Полярным кругом. Весной и осенью связь с внешним миром прекращалась. Серьезным препятствием на пути шахтостроителей была вечная мерзлота, слой которой в этих местах достигает 45—130 метров. При проходке шахт периодически резко увеличивался приток воды, выпучивало крепи, много преград создавали пльвуны. С подобными трудностями строители встретились впервые.

Несмотря на большой объем изыскательских работ, все же степень изученности районов Европейского Севера СССР была недостаточной. Предстояло определить ценность природных ресурсов Севера для ленинградской промышленности и наметить рациональные пути их промыш-

⁸ Научный фонд Городского краеведческого музея Воркуты (далее — ГКМ Воркуты), инв. № 22.

⁹ «Очерки по истории Коми АССР», стр. 177.

¹⁰ «XVII конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)». Стенографический отчет. М. 1932, стр. 177.

¹¹ «Социалистические преобразования в Коми АССР». Сборник статей. Вып. 9. Сыктывкар. 1965, стр. 56.

ленного освоения. В связи с этим Академия наук СССР с 1933 г. приступила к комплексным работам по изучению Печорского края в тесной взаимосвязи с исследованиями в Карелии и на Кольском полуострове. Исследовательские работы в эти годы поднялись на новую ступень и имели в виду определение основных направлений экономического освоения северных районов¹².

Научно-технической и проектной базой освоения природных ресурсов Европейского Севера СССР являлся Ленинград — крупнейший промышленный центр страны. Совершенно естественно, Ленинградская партийная организация и лично С. М. Киров стремились всячески активизировать научные исследования.

Проблема создания топливной и металлургической базы Северо-Запада страны занимала одно из первостепенных мест среди множества вопросов, входивших в круг деятельности С. М. Кирова. Он бывал в Институте металлов, «Механобре» и других научно-исследовательских учреждениях, где знакомился с работами по обогащению железных руд Карелии и Кольского полуострова. На XVII съезде ВКП (б) С. М. Киров говорил о значении создания металлургической базы Ленинграда на основе железных руд Кольского полуострова, отметив необходимость освоения в этих целях собственной топливной базы¹³. Во втором пятилетнем плане, утвержденном съездом, были намечены первые шаги по созданию черной металлургии Ленинградской области на базе кольских руд и печорского угля. Предполагалось начать подготовку к строительству крупного металлургического завода¹⁴. Поэтому в соответствии со вторым пятилетним планом продолжались широкие исследовательские работы на Кольском полуострове, в Карелии и Коми области; шли также напряженные поиски оптимального варианта транспортного соединения месторождений железных руд и угля, ибо наиболее серьезным препятствием в использовании печорского угля было отсутствие транспортных коммуникаций. 25 июля 1933 г. было начато строительство узкоколейной железной дороги от шахты на Воркуте до пристани Усть-Воркута на реке Усе протяженностью в 65 км. 4 августа 1934 г. дорога была сдана в эксплуатацию. 1 сентября была сдана в эксплуатацию первая воркутинская шахта¹⁵. Однако уже тогда стало ясно, что узкоколейка снимает транспортные затруднения в этом районе лишь временно, пока грузопоток значительно не вырос. Судоходство же по Усе было возможно лишь в весенние и осенние месяцы. В межнавигационный период транспортные связи Воркуты с Архангельском, Мурманском и другими портами почти прекращались.

Открытие на Кольском полуострове к 1936 г. новых богатейших месторождений железных руд ускорило разрешение вопроса о создании металлургической базы, тем более, что уже имелась и определенная топливная база. В конце 1933 г. запасы угля Воркутинского месторождения исчислялись в 210 млн. т, а общие запасы Печорского бассейна в середине 1934 г. ориентировочно были определены в 1 134 млн. тонн¹⁶. Расчеты показали, что, если добыча печорского угля не превысит 1,5 млн. т в год, будет достаточно водных коммуникаций и средств транспорта (по Усе и Печоре), но если добыча угля возрастет, понадобится строительство железнодорожной магистрали. Учитывая это, СНК СССР принял 28 октября 1937 г. постановление о строительстве железнодорожной линии Коноша — Котлас — Княжпогост — Усть-Кожва — Ворку-

¹² Архив АН СССР, ф. 174, оп. 2 б, ед. хр. 10, лл. 4, 19, 42; ед. хр. 27, л. 21.

¹³ «XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)». М. 1934, стр. 255.

¹⁴ «Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР. (1933—1937)». Т. 2. М. 1934, стр. 26—28.

¹⁵ Архив АН СССР, ф. 174, оп. 13, ед. хр. 138, л. 26; оп. 2, ед. хр. 22, лл. 9, 44; «25 лет Коми АССР», стр. 60.

¹⁶ Архив АН СССР, ф. 174, оп. 2 б, ед. хр. 59, л. 3; оп. 2, ед. хр. 22, лл. 12—48.

та¹⁷. Строительство железной дороги явилось решающим шагом в деле превращения Печорского бассейна в угольную базу северо-западной металлургии. Поэтому с 1937 г. здесь стали закладываться новые мощные угольные шахты. Необходимость снабжения развивающейся промышленности углем и металлом ощущалась все острее. Бурно росла и ленинградская промышленность. Старые заводы Ленинграда были реконструированы и оснащены современными машинами, что позволило в десятки раз увеличить выпуск продукции. Уже в 1938 г. выпуск промышленной продукции города составлял 109,5% по сравнению с выпуском промышленной продукции всей царской России¹⁸. Собственная так называемая «малая металлургия» Ленинграда уже не могла удовлетворить запросы города; металл приходилось завозить издалека, с уральских заводов. В предвоенные годы в Ленинград ежегодно завозилось только черного металла 1,5 млн. тонн¹⁹. Недоставало и угля. Потребление его из года в год возрастало. Уголь в Ленинград доставлялся железнодорожным транспортом за сотни километров — из Донецкого бассейна.

Выявление запасов металлургического сырья на Кольском полуострове и начало промышленной разработки коксующихся углей Воркуты позволили уже в годы третьей пятилетки поставить вопрос о создании единого Северного угольно-металлургического комплекса. Так, вторая Мурманская областная партийная конференция, состоявшаяся в феврале 1939 г., ходатайствовала перед правительством о том, чтобы в третьей пятилетке завершить подготовку к созданию на Севере Кольско-Печорского угольно-металлургического комбината с тем, чтобы в течение четвертой пятилетки решить эту задачу²⁰.

СНК СССР в июне 1940 г. принял постановление о создании металлургической базы Северо-Запада. Правительство дало указание начать проектирование металлургического завода, который должен был базироваться на рудных запасах Кольского полуострова и углях Печоры²¹. Одновременно в 1940 г. в Печорском бассейне были заложены три шахты. Ускорились темпы сооружения Северо-Печорской железной дороги. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 9 января 1941 г. горняцкое поселение на Воркуте было объявлено рабочим поселком. Предприятия «Воркутстроя» укреплялись рабочей силой, повышалась квалификация кадров, совершенствовалась организация труда. Коммунисты и комсомольцы играли авангардную роль в создании Заполярного угольного бассейна. На конец октября 1940 г. партийная организация «Воркутстроя» насчитывала в своих рядах 164 члена и кандидата в члены партии, а комсомольская организация — 320 человек²².

В итоге накануне Отечественной войны на Воркуте действовала одна шахта и строились четыре, создавались заводы по производству местных строительных материалов, ремонтно-механические предприятия. Но добыча угля в Печорском бассейне была еще незначительной. В 1940 г. она составляла около 0,3 млн. т (в 1937 г. было добыто более 0,1 млн. т)²³. В 1941 г. был составлен проект металлургического завода в Череповце, одновременно были начаты проектирование и подготовка строительства Оленегорского железного рудника²⁴. С началом Великой Отечественной войны эти работы были прерваны. Но значение

¹⁷ «25 лет Коми АССР», стр. 15, 80.

¹⁸ «Ленинград и Ленинградская область к выборам в местные Советы депутатов трудящихся». Л. 1939, стр. 13.

¹⁹ «Правда», 21.III.1946.

²⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, ед. хр. 2997, л. 24.

²¹ «Правда», 4.VI.1940; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 49, ед. хр. 424, л. 131.

²² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 22, ед. хр. 1364, лл. 113—115.

²³ «Народное хозяйство Коми АССР». Статистический сборник. Сыктывкар. 1957, стр. 23.

²⁴ «Плановое хозяйство», 1959, № 1, стр. 74; К. К. Сараханов, Г. Я. Шулгин. Мурманский экономический административный район. М. 1959, стр. 94.

Воркуты в условиях войны неизмеримо возросло, особенно после временной потери Донецкого и Подмосковского угольных бассейнов. Центральный Комитет ВКП(б), ГКО уделяли этой стройке огромное внимание, оказывая ей помощь материалами, оборудованием, кадрами. Несмотря на всю тяжесть войны, размеры капиталовложений в развитие угольной промышленности и железнодорожное строительство на Севере не только не уменьшились, но значительно увеличились. В связи с острым недостатком рабочей силы и специалистов ГКО направлял на шахты Воркуты и на трассу железной дороги квалифицированных горняков и железнодорожников из многих областей страны, а также эвакуированное население²⁵.

Темпы строительных и изыскательских работ на Воркуте нарастали, закладывались новые шахты, достраивалась заложенная в 1939 г. ТЭЦ, строители железной дороги в труднейших условиях полярной ночи отвоевывали у тундры один километр за другим. В конце 1941 г. вся Северо-Печорская магистраль была введена в действие, что позволило осуществлять во все возрастающих размерах перевозки воркутинских углей и строительных материалов²⁶.

В целях улучшения снабжения страны топливом 12 февраля 1942 г. в дни тяжелых боев с немецко-фашистскими захватчиками ГКО принял постановление «О развитии добычи воркуто-интинских углей и мероприятиях по обеспечению их вывозки»²⁷. Перед горняками Севера была поставлена задача в 1942 г. увеличить добычу угля в 2,5 раза по сравнению с 1941 г., для чего были выделены государственные денежные ассигнования, строительные материалы и кадры. О возрастании роли Печорского угольного бассейна говорит тот факт, что за годы войны было принято 12 постановлений ГКО о его развитии, сопровождавшихся выделением денежных средств, материалов, кадров²⁸. По путевкам ЦК ВКП(б) только в 1942 г. в Воркуту прибыло более 100 инженеров, техников и квалифицированных шахтеров из Донбасса, Подмосковского угольного бассейна, Кузбасса и Караганды. В связи с новыми задачами увеличились масштабы геологоразведочных работ на воркутинском и интинском месторождениях. На реке Инте быстро стал создаваться новый угольный район. Если в августе 1942 г. суточная добыча угля на Воркуте составляла 2,5 тыс. т, то в октябре она поднялась до 3,5 тыс. тонн. До 1942 г. на Воркуте было мало передовых шахтеров, овладевших методами высокопроизводительной работы. В начале 1942 г. уже 250 человек выполняли 1,5—2 нормы в смену. По инициативе партийных, профсоюзных и комсомольских организаций среди угольщиков Заполярья ширилось движение за добычу сверхпланового угля, который записывался на фронтовой счет. Введение фронтовых счетов — индивидуальных, бригадных и участковых — явилось ценным патриотическим начинанием, которое активно распространилось среди рабочих и служащих Воркуты. Развертывание социалистического соревнования среди горняков также способствовало неуклонному наращиванию добычи топлива.

В конце 1942 г. пусковые стройки Воркуты еще не были полностью укомплектованы рабочей силой. Приходилось сосредоточивать людские и материальные ресурсы на самых важных объектах, шахтах и ТЭЦ. В связи с этим резко снизилось гражданское строительство, и население Воркуты и Инты испытывало острую нужду в жилье. Но, несмотря

²⁵ ГKM Воркуты. Рукопись воспоминаний В. И. Шукина.

²⁶ Подробнее об этом см. Ю. Л. Дьяков. Строительство и эксплуатация Северо-Печорской железной дороги в годы Отечественной войны. «История СССР», 1969, № 5, стр. 114—124.

²⁷ «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945». Т. 2. М. 1963, стр. 507.

²⁸ «Печорский угольный бассейн». Л. 1959, стр. 37, 38.

на все трудности, воркутяне добывали уголь, сооружали шахты, подсобные предприятия, дома. К 1943 г. «Воркутстрой» сдал в эксплуатацию шесть шахт, производственная мощность которых составляла около 2 млн. т в год. Инта уже в 1942 г. дала 53 тыс. т угля²⁹. В 1943 г. в Печорском бассейне получили распространение новые формы организации труда. Были организованы фронтовые сменные вахты, фронтовые недели, декады, месячники. Большой размах получило соревнование по профессиям, борьба за звания: «мастер угля», «лучший железнодорожник», «мастер социалистического труда». Ширилось движение за открытие фронтовых счетов сверхплановой продукции в фонд Красной Армии, в фонд помощи героическому Ленинграду и областям, освобожденным от оккупации.

Велика была роль Печорского бассейна в оказании помощи Ленинграду в годы блокады. Первые же эшелоны воркутинского угля по новой магистрали, через Ладогу по «Дороге жизни», были направлены в осажденный город. В 1942 г. в Ленинград было доставлено 60 эшелонов воркутинского угля — 139,2 тыс. тонн³⁰. В январе 1943 г., после прорыва блокады, первым эшелоном, прибывшим в Ленинград, был эшелон с воркутинским углем. Тогда же в Ленинград прибыл первый эшелон интинского угля³¹. С июня 1943 г. в Печорском бассейне стали проводиться фронтовые месячники, вошло в традицию добывать сверхплановый уголь для Ленинграда. Во время первого фронтового месячника широкое развитие получило движение передовиков, выполнявших нормы на 200—300%. Работать за двоих и троих стало обычным на Воркуте.

Ленинградцы также помогали своему заполярному угольному цеху станками, оборудованием, металлом, химикатами, медикаментами, культтоварами, посылали специалистов. В результате непрерывно возрастал поток угля, шедший в Ленинград. В 1943 г. уголь Печоры составлял 71,6% от общего количества поступавшего в Ленинград твердого топлива. Всего в 1943 г. в город на Неве было доставлено 212,3 тыс. т печорского угля³².

С развитием нового бассейна росли кадры горняков и строителей. Накануне войны там было 2 752 рабочих и служащих вольнонаемного состава, а уже к концу 1943 г. их стало 5 256 человек, то есть почти вдвое больше³³. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР 26 ноября 1943 г. центр основного угольного месторождения поселок Воркута стал городом республиканского (АССР) подчинения.

8 февраля 1944 г. ГКО принял постановление о мероприятиях по развитию добычи угля в Печорском угольном бассейне в 1944 году³⁴, в котором намечался ряд мер по дальнейшему росту Северной топливной базы страны. ГКО ставил в зависимость от работы Печорского угольного бассейна работу промышленности, транспорта всего Европейского Севера СССР и Ленинграда. В государственном плане распределения ресурсов Воркута была выделена как предприятие союзного значения. Обеспечением Воркуты стали заниматься непосредственно Госплан и Правительство СССР. Все военнообязанные, работавшие в системе «Воркутстроя», включая призывников 1922—1926 гг. рождения, освобождались от призыва в Красную Армию³⁵.

²⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 43, ед. хр. 941, лл. 62, 67, 68; ед. хр. 945, л. 17; «Очерки истории Коми партийной организации», стр. 236, 237.

³⁰ «Ленинградская правда», 14.III.1945; «Печорский угольный бассейн», Сыктывкар. 1957, стр. 134, 278.

³¹ В. М. Никишин, П. А. Почиталин. У шахтеров Инты. Инта. 1958, стр. 10; «40 лет Коми АССР», стр. 25.

³² А. Н. Александров. Труд во имя победы. Сыктывкар. 1968, стр. 29, 284; «Печорский угольный бассейн», Сыктывкар. 1957, стр. 134.

³³ В. Г. Торопов. Указ. соч., стр. 54.

³⁴ «СССР в Великой Отечественной войне. 1941—1945». М. 1964, стр. 510.

³⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 44, ед. хр. 685, лл. 5, 12, 16.

Чтобы помочь горнякам и строителям Севера, Ленинградский горком ВКП(б) и Ленгорисполком в сентябре 1944 г. приняли постановление о шефстве Ленинграда над Воркутой. Одновременно горком и Ленгорисполком приняли постановление «О неотложных мерах помощи Воркуте», в котором предусматривались: посылка необходимых специалистов, технических материалов, восстановление в Ленинграде проектной конторы «Гипрошахта», занимавшейся генеральным проектированием комбината «Воркутауголь»³⁶. Такая всесторонняя помощь способствовала ускорению темпов развития угольного бассейна. В годы войны здесь было заложено 29 новых шахт, из которых 12 были сданы в эксплуатацию, была достроена ранее заложенная шахта № 1 «Капитальная» и реконструирована шахта № 8. Уголь Севера прочно вошел в топливный баланс народного хозяйства.

За годы войны общий объем капитальных затрат в угольную промышленность Севера составил более 600 млн. руб.³⁷, тогда как за 1938—1940 гг. капиталовложения составляли около 70 млн. рублей. Соответственно быстрыми темпами росла угледобыча. Если 1940 год принять за 100%, то в 1941 г. было добыто 113%, в 1942 — 268%, в 1943 — 604%, в 1944—901%, в 1945—1182% угля, то есть в сравнении с последним довоенным годом добыча угля возросла в 11,8 раза. Если за девять лет до войны на Воркуте было добыто 1 036 тыс. т угля, то за эти пять лет — около 9 млн. тонн³⁸. Трудно найти примеры практики строительства, когда бы за такой короткий отрезок времени в одном бассейне создавалось несколько десятков шахт, железная дорога, заводы, причем в исключительно сложных природных условиях. Создан был угольный бассейн в основном в грозные годы войны. Это свидетельствовало о мощи и жизнеспособности социалистического общественного строя, о силе советского народа, сумевшего не только воевать, но и строить.

Война задержала создание металлургической базы Северо-Запада. Однако и эта задача становилась все более острой. В годы войны на Урал и в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию было эвакуировано много крупных промышленных предприятий. Рядом с угольными и металлургическими базами Урала и Сибири возникли мощные промышленные центры, потреблявшие большую часть добываемого угля и металла. Завозить металл и уголь в Ленинград из Донбасса, Кузбасса и с Урала стало еще более нецелесообразным. Одновременно встал вопрос о том, стоило ли возвращать с Востока в Ленинград все вывезенные из города металлоемкие производства, поскольку отсутствовала собственная металлургическая база. А. А. Жданов в докладе на пленуме Ленинградского горкома ВКП(б) 11 апреля 1944 г. говорил: «Отвечая на вопрос, должен ли Ленинград ожидать лучших времен или должен немедленно восстанавливаться на производстве того, чем он был славен, партия и правительство ответили: Ленинград должен начать восстановление, не ожидая лучших времен, а немедленно и сейчас, Ленинград должен быть восстановлен на тех профилях производства, которыми Ленинград был славен всегда»³⁹. 29 марта 1944 г. ГКО принял постановление «О первоочередных мероприятиях по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 году», в котором большое значение придавалось восстановлению машиностроительной промышленности⁴⁰. Уже в 1944 г. Ленинград стал вновь превращаться в крупнейший центр машиностроительной промышленности страны.

³⁶ Там же, ед. хр. 875, лл. 104, 112, 113.

³⁷ «Очерки по развитию промышленности Коми АССР», стр. 122.

³⁸ Подсчитано по данным указанной книги В. Г. Торопова, стр. 23, 113, 115.

³⁹ ЦПА. ИМЛ, ф. 17, оп. 44, ед. хр. 793, л. 27.

⁴⁰ «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам». Т. 3. М. 1967, стр. 195.

Машиностроение — наиболее металлоемкое производство, поэтому для дальнейшего послевоенного развития города необходимо было в кратчайшие сроки решить проблему собственной металлургической базы.

Еще во время войны партия и правительство поддержали план сооружения крупного металлургического завода на севере страны. Перед Академией наук СССР в ноябре 1944 г. была поставлена задача — с учетом новых условий разработать пути решения этой проблемы. С этого времени начинается завершающий этап создания Северной угольно-металлургической базы СССР. Основной базой для снабжения северо-западной металлургии должны были стать Оленегорское и Ено-Ковдорское месторождения железных руд на Кольском полуострове и Печорский угольный бассейн. Наиболее удобным пунктом строительства металлургического завода был вновь признан Череповец.

Для разработки конкретных мероприятий, обеспечивавших практическое развертывание строительства металлургического завода и снабжения его высококачественными топливно-сырьевыми ресурсами в Совете по изучению производительных сил (СОПС) при АН СССР была создана специальная бригада по проблемам развития металлургии Севера, которую возглавил президент Академии наук СССР академик В. Л. Комаров. В состав бригады вошли академики А. Е. Ферсман (заместитель руководителя бригады), И. П. Бардин, А. А. Байков, А. А. Полканов, А. А. Скочинский, Е. А. Чудаков, профессора В. М. Куплетский, А. Е. Пробст⁴¹. Советские ученые в сжатые сроки научно обосновали как необходимость, так и эффективность создания северо-западной металлургии на основе сочетания железных руд Кольского полуострова, углей Печорского бассейна, местных нерудных ископаемых, а также ресурсов металлического лома в центре и залежей торфа в районе Череповца. Поскольку было необходимо, чтобы в условиях отдаленности топливной и сырьевой баз доля транспортных издержек была минимальной, Череповецкий завод должен был специализироваться не на выпуске чугуна, а главным образом на выпуске стали и проката.

Череповецкий завод по своим размерам и объему выпускаемой продукции должен был превысить большинство действовавших заводов Урала и Юга, а по выпуску металла приравнивался к Кузнецкому металлургическому заводу. Годовая мощность завода определялась, исходя из необходимости обеспечить потребности ленинградской промышленности в чугуне, стали и прокате.

Важным звеном в создании Северной угольно-металлургической базы СССР явилось осуществление закона о четвертом пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР (1946—1950 гг.). Закон предусматривал «расширить новую угольную базу для районов Севера и Ленинграда — Печорский угольный бассейн. Ввести в действие в этом районе новые шахты мощностью 7,7 млн. тонн... Приступить к строительству металлургического завода в районе Ленинграда»⁴³. Для осуществления программы строительства на базе треста «Севзап-промстрой» был создан строительно-монтажный трест «Череповец-металлургстрой». Укомплектование треста специалистами и квалифицированной рабочей силой было проведено в Ленинграде⁴⁴.

Ввод в строй Череповецкого завода предполагал развитие Печорского угольного бассейна, организацию добычи и обогащения желез-

⁴¹ Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1—1944, ед. хр. 29, лл. 1, 3, 4.

⁴² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 48, ед. хр. 1187, лл. 166—168; оп. 49, ед. хр. 424, лл. 84, 132.

⁴³ «Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг.». М. 1946, стр. 13, 58.

⁴⁴ ЦГАНХ СССР, ф. 8754, оп. 9-п, ед. хр. 5, лл. 3—9, 33.

ных руд Кольского полуострова, подготовку месторождений нерудных ископаемых и т. д.

Никогда еще строительство на Воркуте не приобретало столь большого размаха. Среднесуточное освоение капиталовложений в годы четвертой пятилетки составляло 600 тыс. рублей. Ввод в строй новых угольных шахт, рост производительности труда обеспечили увеличение добычи угля в бассейне, о чем свидетельствует приводимая таблица ⁴⁵.

годы	млн. т.	годы	млн. т.
1945 . . .	3,3	1951 . . .	10,1
1946 . . .	3,6	1952 . . .	11,4
1947 . . .	4,8	1953 . . .	12,3
1948 . . .	5,7	1954 . . .	13,7
1949 . . .	7,2	1955 . . .	14,2
1950 . . .	8,7	1956 . . .	15,4

Из приведенных данных видно, что добыча угля в 1956 г. была в 4,7 раза выше, чем в 1945 году. Шахты бассейна были механизированы по последнему слову техники. Бассейн стал основной топливно-энергетической базой Северо-Запада и его металлургии.

В конце 1948 г. началось освоение Оленегорского железорудного месторождения. Работы развернулись в необжитой, голой заполярной Монча-тундре. В числе пионеров новостройки были И. И. Петров, П. М. Тельманов, М. Д. Краснослободцев, К. Х. Хаматов, И. В. Бабин и др. На всех объектах Оленегорского горнорудного комплекса в марте 1949 г. работало всего 270 человек. Но комплектование кадров на стройке только начиналось. Многие рабочие прямо с разведочных работ перешли на строительство рудника, рабочего поселка. На станцию Оленья Кировской железной дороги с разных концов страны прибывали люди. 7 августа 1949 г. был торжественно заложен первый дом поселка Оленегорск. Работы по созданию горнорудного предприятия велись комплексно. Прокладывалась железнодорожная ветка от станции Оленья до станции Фабричная, сооружались линия электропередачи, трансформаторные подстанции, водопровод, автомобильная дорога. Без этого невозможно было вести строительно-монтажные работы на Оленегорской площадке. Трудно было первостроителям. Газета «Заполярная руда» писала 19 февраля 1957 г.: «И палатки в Оленьей, и временная лежневая дорога в Оленегорск, и доставка воды в автоцистернах, и выработка электроэнергии локомотивами — все это было трамплином для освоения природных богатств, скрытых в тундре».

ЦК ВКП(б) уделял этой важнейшей стройке постоянное внимание. Был установлен постоянный контроль за ходом создания важнейших промышленных объектов Оленегорского и Ено-Ковдорского железных рудников и железной дороги на Ену ⁴⁶. Мурманская областная партийная организация усилила работу по организации строительства. Вопросы создания железорудной базы Череповецкого металлургического завода стали предметом постоянного обсуждения на пленумах, конференциях и бюро обкома ВКП(б).

Большие задачи стояли перед строителями. Предстояло возвести городок, подготовить рудное месторождение к эксплуатации, соорудить мощную обогатительную фабрику на основе последних достижений техники, переоборудовать станцию Оленья. Темпы работы быстро нараста-

⁴⁵ «Народное хозяйство Коми АССР», стр. 23.

⁴⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 49, ед. хр. 1495, лл. 10, 13.

ли. В марте 1950 г. недалеко от рудника была заложена обогатительная фабрика. Прокладывались шоссейные дороги, экскаваторы вскрывали горы, подготавливая железорудные месторождения к эксплуатации. Наряду с этим создавалась производственная база: строились бетонный завод, деревообделочный комбинат, автогаражи и т. д.⁴⁷

На многочисленных объектах громадной стройки приходилось решать целый комплекс самых разнообразных задач, в том числе и задачу подготовки квалифицированных кадров. Основной формой подготовки рабочих было их профессиональное обучение без отрыва от производства. Многие рабочие посылались на курсы повышения квалификации в разные районы страны⁴⁸.

В 1952 г. темпы работ по созданию железорудной базы возросли более чем в два раза по сравнению с 1951 годом. В связи с серьезными трудностями освоения Ено-Ковдорского железорудного месторождения (большая отдаленность от железной дороги, более трудные условия разработки рудного месторождения и т. д.) были пересмотрены сроки и очередность пуска объектов железорудной базы Кольского полуострова. Было решено форсировать работы по созданию Оленегорского горнорудного комплекса, поскольку приближался срок пуска Череповецкого металлургического завода. Если на строительство всех трех рудников (Оленегорского, Ено-Ковдорского и Африкандского) в 1952 г. было ассигновано 108 млн. руб., то только по Оленегорскому руднику предстояло освоить 52,8 млн. рублей. Это было примерно в два раза больше, чем в 1951 году⁴⁹.

Летом 1954 г. в главном корпусе обогатительной фабрики был закончен монтаж оборудования. В ноябре 1954 г. начали работать открытый рудник и обогатительная фабрика. 6 ноября был выдан первый концентрат. 3 ноября 1955 г. первая очередь Оленегорского горнорудного предприятия вступила в промышленную эксплуатацию⁵⁰. В Заполярье вырос новый город. Оленегорское горнорудное предприятие являлось тогда единственным поставщиком железного концентрата для Череповецкого металлургического завода, пущенного в строй одновременно с Оленегорским комбинатом. На Ено-Ковдорском железорудном месторождении велись только подготовительные работы. Ковдорский горнорудный комплекс был введен в строй лишь в 1962 году⁵¹.

Строительство Череповецкого металлургического завода началось в 1949 году. Кадры строителей будущего гиганта металлургии составили и те, кто восстанавливал заводы юга и центра страны, но главным образом местные жители. К июлю 1950 г. здесь работало уже 7 тыс. строителей, в том числе свыше 700 коммунистов и 1 000 комсомольцев⁵².

Основное внимание треста «Череповецметаллургстрой» в 1950 г. было уделено созданию собственной строительной базы. Но сразу эта задача решена не была. Трест был вынужден завозить кирпич из Иванова, Костромы, Павлова, бутовую плиту из Войбокало, так как добыча камня на собственных, Верхне-Вольских разработках еще не была организована. Однако уже в этом году строители сдали в эксплуатацию 21 787 кв. м жилой площади. В 1951 г. были введены в действие бетонно-растворный завод, цех железобетонных изделий, ремонтно-механический цех, завод красного кирпича в Вологде⁵³, а также Коштовский и Речнососновский песчано-гравийные карьеры. Десятки проект-

⁴⁷ «Полярная правда», 25. XI. 1955; «Заполярная руда», 19. II. 1957.

⁴⁸ «Полярная правда», 25. XI. 1955; «Мончегорский рабочий», 24. II. 1955.

⁴⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 52, ед. хр. 2105, лл. 108, 127, 132; ед. хр. 2111, л. 96.

⁵⁰ «Экономическая жизнь СССР». М. 1967, стр. 492; К. К. Сараханов, Г. Я. Шульгин. Указ. соч., стр. 95; «Заполярная руда», 1.I.1958.

⁵¹ Л. Е. Киселев. Север раскрывает богатства. М. 1964, стр. 60.

⁵² А. С. Бланк, А. В. Катаников. Указ. соч., стр. 103, 104.

⁵³ ЦГАНХ СССР, ф. 8754, оп. 11-п, ед. хр. 19, л. 2.

ных организаций разрабатывали техническую документацию для возводившегося гиганта черной металлургии. 220 предприятий страны являлись поставщиками технологического и энергетического оборудования, электроизмерительной аппаратуры и кабеля для завода.

В ходе строительства были пересмотрены сроки и очередность пуска объектов в эксплуатацию в связи с острой потребностью в металле. Если вначале первоочередным объектом считалась коксовая батарея, то летом 1954 г. все внимание было сосредоточено на скорейшем завершении доменного цеха. По указанию правительства 2 тыс. квалифицированных специалистов прибыли на помощь строителям с других объектов черной металлургии. В июле 1955 г. была сдана в эксплуатацию агломерационная фабрика, а еще спустя два месяца закончилось сооружение доменной печи⁵⁴. В металлургических цехах вместе с опытными металлургами, прибывшими на завод с Магнитки, Нижнего Тагила, Тулы, впервые начали работать и бывшие строители.

Череповецкий завод проектировался и строился как универсальный металлургический комбинат с выпуском широкого сортамента продукции, главным образом качественного металла. Однако реализовать все, что было намечено в проекте, оказалось нелегко. В связи с напряженным балансом чугуна в стране в эти годы основное внимание было уделено лишь доменному производству. Такая узкая специализация и относительно малая мощность завода крайне неблагоприятно сказывались на экономике производства в целом. Кроме того, на первом этапе возник ряд дополнительных трудностей на Оленегорском комбинате. Ввод в эксплуатацию Ено-Ковдорского горнорудного предприятия задерживался, а работа на одной оленегорской руде привела к большому расходу кокса и известняка. В то же время Пикалевский известняковый карьер не был подготовлен к эксплуатации, и флюсы завозились с Украины. Часть углей для коксования завозилась пока из Кузбасса. В послевоенные годы Печорский угольный бассейн рос быстрыми темпами, несмотря на то, что его развитие искусственно тормозилось некоторыми специалистами и руководителями, которые считали, что из-за дороговизны воркутинских углей развивать бассейн не следует. При оценке экономической эффективности углей Заполярья они исходили не из конечных результатов производства продукции, а из уровня себестоимости добычи в сравнении с углями Донбасса и Кузбасса. Все это привело к тому, что стоимость череповецкого чугуна в первые годы работы завода оказалась вдвое выше среднесоюзной⁵⁵.

Но все указанные затруднения носили временный характер. Успешное завершение намеченного проекта строительства завода позволило превратить Череповецкий завод в высокорентабельное предприятие. За 10 лет эксплуатации завод возвратил государству всю дотацию. Показатели работы завода непрерывно улучшались, что позволило за короткий срок вывести предприятие в число передовых в стране⁵⁶.

В ноябре 1963 г. в Печорский угольный бассейн прибыла большая группа советских ученых во главе с профессором А. В. Докукиным. В контакте с учеными Москвы, Ленинграда, Воркуты и представителями предприятий была проведена большая исследовательская работа, вновь подтвердившая перспективность бассейна. Исследования ряда организаций (СОПС при АН СССР, Центрального научно-исследовательского экономического института при Госплане РСФСР, института «Центрогипрошахт») показали, что печорские коксующиеся угли можно рацию-

⁵⁴ А. С. Б л а н к, А. В. К а т а н и к о в. Указ. соч., стр. 106, 108, 109.

⁵⁵ «Заседания Верховного Совета СССР четвертого созыва. Шестая сессия (5—12 февраля 1957 г.)». Стенографический отчет. М. 1957, стр. 340, 341.

⁵⁶ «Правда», 22.XII.1965; «Передовой опыт работы череповецких металлургов». М. 1965, стр. 7, 72, 73.

нально использовать не только на Череповецком, но и на Новотульском и Новолипецком металлургических заводах вместо донецких углей, поскольку печорский уголь более высокого качества.

В январе 1964 г. в Москве состоялось специальное расширенное заседание Государственного комитета по топливной промышленности при Госплане СССР. Академик И. В. Мельников, председательствовавший на заседании, заявил: «Сегодня нет двух мнений в вопросе развивать или не развивать Печорский бассейн. Мнения и решения должны быть едиными — развивать, причем развивать наиболее быстрыми темпами»⁵⁷. На основании этих выводов Комитет записал в своем решении, что Печорский угольный бассейн должен рассматриваться как главная топливная база Европейского Севера страны и вторая сырьевая база по снабжению коксующимися углями черной металлургии Европейской части Советского Союза⁵⁸. Реализация этого решения положительно сказалась на росте угледобычи в бассейне. В 1965 г. Череповецкий завод использовал для коксования шихту на 86% из углей Воркуты и только на 14% из углей Кузбасса⁵⁹.

Освоением Оленегорского железорудного месторождения, развитием Печорского угольного бассейна и сооружением Череповецкого металлургического завода грандиозная задача создания Северной угольно-металлургической базы СССР была выполнена. Ныне сверхмощный Череповецкий металлургический завод представляет собой комбинат с полным металлургическим циклом. Здесь выпускается первоклассная сталь, которая дешевле украинской и уральской. Завод поставляет продукцию не только Ленинграду, северо-западным и центральным районам Союза, но и почти 40 странам Европы, Азии, Африки и Америки.

Рождение нового промышленного комплекса имеет огромное значение для народного хозяйства Союза. Улучшилось географическое размещение тяжелой промышленности, созданы условия для дальнейшего развития производительных сил на всей территории Северо-Запада СССР.

⁵⁷ Н. Г. Ушпик. Воркута. Сыктывкар. 1964, стр. 57.

⁵⁸ И. Дулин, П. Есипов, Н. Антонов, А. Канев, В. Соколов, З. Бугро. Печорский угольный бассейн в семилетке. Сыктывкар. 1964, стр. 13.

⁵⁹ «Передовой опыт череповецких металлургов», стр. 47.

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОСЛАВИЯ

Н. П. Красников

Православная церковь играла большую роль на протяжении всей истории России. Она никогда не оставалась нейтральной к социальным проблемам, но отношение духовенства к ним было не всегда одинаковым¹. После Великой Октябрьской социалистической революции русская православная церковь была вынуждена пересмотреть свою не менявшуюся столетиями социальную позицию и встать на путь модернизации религиозной идеологии. Социальная концепция православия ныне не содержит каких-либо признаков былого союза церкви с самодержавием, обожествления царизма и господства эксплуататоров². В оценке социальных проблем, в реакции на них русская православная церковь с течением времени стала весьма радикальной.

В последние годы в советской литературе появились работы, в которых фиксируются и анализируются результаты эволюции социальной концепции православия. Это прежде всего книги, брошюры и статьи, посвященные современному православию в целом, его идеологии и отдельным ее компонентам³. Вопросам изменения социальной концепции

¹ Взгляды на общество и происходящие в нем революционные процессы были, например, различными в начале XX в. у воинствующих клерикалов и сторонников религиозного либерализма (см. Н. С. Гордиенко, П. К. Курочкин. Либерально-обновленческое движение в русском православии начала XX века. «Вопросы научного атеизма». Вып. 7. М. 1969, стр. 313—340).

² Показательно, что в рекомендуемых ныне слушателям духовных семинарий и академий Московской патриархии пособиях по нравственному богословию подчеркивается, что они основаны на труде И. Л. Янышева «Православно-христианское учение о нравственности» (изд. 2-е. СПб. 1906), из которого «изъят» два параграфа, как устаревшие и не имеющие прямого отношения к нравственности, а именно § 15. Общественный антиномизм: социалистический и сектантский; § 16. Политический и дипломатический антиномизм» (Архив Музея истории религии и атеизма, К-IV, оп. 1, д. 42, лл. 1—2). В этих параграфах излагалось социальное кредо дореволюционной церкви. И. Л. Янышев доказывал в них, что социализм—крайне безнравственное и возмутительное явление, а в действиях вдохновителей революции неоспорим элемент греховности, зла (И. Л. Янышев. Указ. соч., стр. 91, 104).

³ Не считая соответствующих разделов учебных пособий и справочников («История и теория атеизма». М. 1962; «Популярные лекции по атеизму». М. 1962; М. С. Бутинова, Н. П. Красников. Музей истории религии и атеизма. М.-Л. 1965, и др.), с 1959 г. издано около 90 работ. Значительная часть из них носит научно-популярный характер. Вышедшая до 1966 г. советская литература по православию обстоятельно проанализирована в статье Е. Ф. Грекулова и П. К. Курочкина «Исследование православия в советской литературе». «Вопросы научного атеизма». Вып. 4. М. 1967. В плане избранной нами темы следует отметить работы: Ю. П. Крынев. Противоположность христианской идеологии и научного коммунизма. М. 1962; Н. С. Гордиенко, Н. В. Носович, Л. И. Харахоркин. Современное православие и его идеология. М. 1963; М. П. Новиков. Православие и современность. М. 1965; В. Е. Чертихин. Идеология современного православия. Минск. 1968; Н. П. Красников. В погоне за веком. М. 1968; Н. С. Гордиенко. Современное православие. М. 1968; П. К. Курочкин. Эволюция современного русского православия. «Наука и религия», 1969, №№ 2—7.

русской православной церкви значительное внимание уделяется и в научно-атеистической литературе по моральной проблематике⁴.

В упомянутых нами и в других опубликованных за последнее время научных работах всесторонне показана роль русской православной церкви как служанки самодержавия, ее непримиримость в дореволюционном прошлом к социализму. В них раскрываются контрреволюционные действия духовенства в первые годы Советской власти, определяются причины, побудившие церковь перейти на позицию лояльного, а затем и патриотического отношения к Советскому государству. Авторы доказали не только факт модернизации современного русского православия, но и вскрыли основные направления этого явления в церковной жизни. Ими дано определение таким понятиям, как приспособление религии и модернизм религиозной идеологии, приспособленчество духовенства.

Но, несмотря на то, что критическому анализу социальной концепции православия посвящены даже и специальные работы⁵, ее эволюция еще не исследована как процесс. Православная этика и ее социальный аспект пока еще не стали предметом глубокой критики⁶. Следствием этого является наличие существенных недостатков в освещении послеоктябрьской истории и современного состояния русской православной церкви, особенностей ее идеологии и практики в условиях со-

⁴ Фрагментарная констатация приспособления социально-нравственных взглядов русского православия к социалистическому обществу появляется в ней в конце 30-х годов (Ф. О л е щ у к. Коммунистическое воспитание масс и преодоление религиозных пережитков. «Большевик», 1939, № 9; Н. И. Г у б а н о в. Факты против религии. Ростов. 1939, и др.). С 1957 г. критика религиозной морали в целом постепенно уступила место критике отдельных этических понятий и категорий. Общие суждения о противоположности коммунистических и религиозных социально-нравственных принципов сменились глубоким научным анализом. Стали издаваться специальные работы, посвященные отношению религии к труду, к женщине. Появились публикации, критически анализирующие этические категории православия. К настоящему времени опубликовано свыше 100 книг, брошюр и статей по различным вопросам религиозной морали. Высокую оценку специалистов и практиков научного атеизма получил сборник «Нравственность и религия». М. 1964. Началом серьезного научного разговора об антигуманизме православной идеологии явилась книга П. К. К у р о ч к и н а «Православие и гуманизм» (М. 1962). Ее достоинство состоит в том, что автор доказывает ошибочность мнения о безразличии русской православной церкви к общественным условиям, игнорировании ею социальных вопросов. Раскрывая причину и конкретные проявления изменения отношения церкви к труду и женщине, П. К. Курочкин обратил внимание на серьезную ошибку, которую допускали некоторые критики религии и церкви, полагающие, будто духовенство только сейчас объявило труд «земным призванием». Он рассмотрел также некоторые стороны участия церкви в борьбе за мир. Социально-нравственный смысл евангельских поучений и на этой основе неизменная реакционность, в том числе и современной модернизированной православной идеологии, обстоятельно раскрываются в работах С. Ф. А н и с и м о в а «Нравственный прогресс и религия» (М. 1965) и бывшего видного богослова А. А. О с и п о в а, который на примерах из собственной богослужебной практики показал, как осуществляется и в чем проявляется модернизм православия в богословии, проповедничестве, богослужении и церковном управлении, раскрыл реакционность и антинаучность православного вероучения. Обзор его работ см.: А. А. О с и п о в. Критика идеологии православия (доклад на соискание ученой степени кандидата философских наук по совокупности опубликованных работ). Л. 1966, стр. 16—20. Г. А. А н д р е е в в работе «Христианство и проблемы свободы совести» (М. 1965) критически рассмотрел одно из центральных положений христианской догматики — учение о предопределении и свободе воли, показал антинаучность и реакционность современной модернизированной религиозной идеологии.

⁵ В известной мере это: А. А. О с и п о в. Катехизис без прикрас. М. 1963; В. Н. Ш е р д а к о в. Евангельская нравственность и гуманизм. Л. 1967; В. Д о л я. Современное православие и мораль (Критика этической доктрины русской православной церкви). Львов. 1968; П. К. К у р о ч к и н. Социальная позиция русского православия. М. 1969. Из общих работ заслуживает внимания книга В. Д. Т и м о ф е е в а. Социальные принципы коммунизма и религии. М. 1969.

⁶ Христианская этика, в том числе и этика православия, отчасти раскрывается в учебниках и некоторых очерках по марксистской этике (А. Ф. Ш и ш к и н. Основы марксистской этики. М. 1961; «Очерк истории этики». М. 1969). Общее представление о ней дает статья «Этика христианская». Краткий научно-атеистический словарь. М. 1969, стр. 772—775.

циалистического общества. Новые трактовки догматов и этических принципов православия остаются либо незамеченными, либо игнорируются. Поэтому некоторые вопросы истории русской православной церкви после 1917 г., отношений между Советским государством и церковью освещаются нередко односторонне⁷. Периодизация эволюции русского православия и его социальной концепции еще только определяется. По нашему мнению, наиболее приемлемая схема ее предложена Н. С. Гордиенко. Однако он допускает, что в пересмотре богословами социальной доктрины дореволюционной церкви был перерыв, а начало его отрывает от процесса политической переориентации⁸. Автор полагает, что с 1943 г. до второй половины 50-х годов русская православная церковь вступила в новый период — период традиционализма, и только к 60-м годам среди духовенства «все определеннее стали обнаруживаться сдвиги от традиционализма к модернизму»⁹. П. К. Курочкин считает, что социальный индифферентизм (правда, не абсолютный) был свойствен русскому православию в 1930—1940-х годах¹⁰. Н. В. Носович утверждает, что «новая тенденция к трансформации социальной концепции православия возникает в середине 40-х годов»¹¹. В. Д. Тимофеев подчеркивает, что «наиболее заметным моментом в развитии новой оценки социалистического строя со стороны русской православной церкви была ее деятельность во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.»¹². Различие суждений очевидно.

Настоящая статья представляет собой попытку рассмотреть эволюцию социальной концепции православия после 1917 года¹³. В ней ставится задача показать, что русская православная церковь и в 1930—1950-х годах не была индифферентна к общественной жизни; ее политическая переориентация шла одновременно с пересмотром социальной позиции и социальных взглядов духовенства; несмотря на приверженность к традиционализму, годы Великой Отечественной войны явились для русского православия периодом активного переосмысления прежних социальных принципов; о социальной концепции современного православия нельзя судить без учета интерпретации евангельских поучений, обновления их истолкований современными богословами.

Социальная концепция дореволюционного православия представляла собой стройную систему богословски обоснованных, классово-эксплуататорских по своей сущности взглядов церкви на общество, его устройство и происходящие в нем процессы. Она религиозно оправдывала господство эксплуататоров и существование царизма. Социальная позиция церкви выражалась в активной поддержке внутренней и внешней политики самодержавно-помещичьего государства. Основу социально-нравственных принципов духовенства составляли утверждения о

⁷ Н. Ф. Платонов. Православная церковь в 1917—1935 гг. «Ежегодник Музея истории религии и атеизма», Т. V. 1966; Р. Ю. Плаксин. Крах церковной контрреволюции. 1917—1923 гг. М. 1968; А. Чертков. Крах. М. 1968.

⁸ Н. С. Гордиенко. Социальная обусловленность эволюции современного православия. «XXII Герценовские чтения» (межвузовская конференция). Педагогический институт имени А. И. Герцена, Л. 1964, стр. 52—53.

⁹ См. Н. С. Гордиенко. Современное православие, стр. 67—101.

¹⁰ П. К. Курочкин. Социальная позиция русского православия, стр. 12.

¹¹ Н. В. Носович. Социальная доктрина русского православия и теория научного коммунизма. Автореф. канд. дисс. Л. 1968, стр. 11.

¹² В. Д. Тимофеев. Указ. соч., стр. 178.

¹³ Раскрытие этого процесса в предвоенные годы затрудняется одноплановостью информации в печати и литературе, что явилось следствием преобладавшего в научной критике религии 30-х годов субъективистского подхода к оценке духовенства лишь как империалистической агентуры. Убедительным подтверждением этому может служить односторонность статьи В. Д. Юдина «Политическая деятельность религиозных объединений на территории Центрально-Черноземной области в годы коллективизации» (1928—1930 гг.), см. «Сборник материалов 2-й научной сессии вузов Центрально-Черноземной зоны». Воронеж. 1967, стр. 203—213.

богоустановленности и неизменности существовавших в царской России порядков, справедливости разделения общества на бедных и богатых, «святости» и неприкосновенности частной собственности. «По христианскому учению,— заявлял, например, профессор-протоиерей Е. Аквилонov,— право собственности священно...»¹⁴.

Острые социальной концепции дореволюционной церкви было направлено против революционного переустройства общества, социализма и социал-демократической рабочей партии. Отношение дореволюционной церкви к назревавшим социальным преобразованиям базировалось на непризнании какого-либо сходства христианства с социализмом¹⁵. Знаменем духовенства было сохранение социального статус-кво. В 1908 г. IV Всероссийский миссионерский съезд, проходивший в Киеве, разработал конкретные меры борьбы церкви с социализмом. По своему диапазону они были весьма широки — от обличения социализма в литературе и проповедях до поддержки государства в его борьбе с революционными выступлениями трудящихся¹⁶. Неустанно борясь с социализмом, церковники призывали: «Женщины-христианки! Всеми силами отвлеките ваших мужей, детей и родных от увлечения социализмом, от гнойной язвы, как заразы, которая может погубить и тело и душу вашу»¹⁷.

Церковь реагировала на все стороны жизни в полном соответствии со своей социальной концепцией. Ее история полна фактов антинародных, антиреволюционных действий священнослужителей¹⁸. Во время восстания под руководством Степана Разина патриарх Иоасаф воодушевлял царские войска: «Да укрепит вас господь бог на всякого врага видимого и невидимого... вора и крестоотступника изменника Стеньку Разина с товарищами да покорит господь бог великому государю»¹⁹. 14 декабря 1825 г. митрополит Серафим с крестом в руках уговаривал на Сенатской площади Петербурга восставших офицеров и солдат повиноваться «царю-батюшке»²⁰. После 9 января 1905 г. Святейший синод специальным воззванием призвал чад православной церкви к повиновению царю, клеветал на социал-демократов и наставлял: «Берегитесь ваших ложных советников, под видом радения о ваших нуждах и пользах добивающихся беспорядка, лишаящих вас крова и пропитания. Они суть пособники и наемники злого врага, ищущего разорения земли русской»²¹. Оправдывая не только внутреннюю, но и внешнюю, захватническую империалистическую политику царского самодержавия, церковь рассматривала русско-японскую и первую мировую войны как важное средство повышения религиозного духа и отвращения трудящихся от революционных устремлений.

Социальная концепция дореволюционного православия была призвана усыплять народный гнев, примирять эксплуатируемых с их бес-

¹⁴ Е. Аквилонov. Христианство и социал-демократия в отношении к современным событиям. СПб. 1906, стр. 17.

¹⁵ Богослов Боголюбов, например, заявлял: «Как Северный и Южный полюсы не могут сойтись в одной точке, так окончательно непримиримы христианство и социал-демократия». М. Григорьевский доказывал, что христианство и социализм враждебны друг другу, как огонь и вода» (Н. Смирнов. Из современных проблем. Христианство и социализм. М. 1908, стр. 197; М. Григорьевский. Может ли христианин быть социал-демократом? «Руководство для сельских пастырей», 1907, № 7. Киев, стр. 178).

¹⁶ «Прибавления к церковным ведомостям», 1908, № 41, стр. 2006.

¹⁷ Св. В. Беседа. Живое слово. «Сборник тем и планов поучений на все воскресные и праздничные дни 1915 г.». Киев. 1915, стр. 28.

¹⁸ «Церковь в истории России (XI в.— 1917 г.)». М. 1967.

¹⁹ «Крестьянская война под руководством Степана Разина». Т. 2, ч. 1. М. 1957, стр. 80.

²⁰ В. Е. Титов. Православие. М. 1967, стр. 102.

²¹ А. Лунин. Церковь и Октябрьская революция. М. 1925, стр. 3; подробнее см. В. В. Титлинов. Православие на службе самодержавия в Русском государстве. Л. 1924, стр. 174; М. М. Шейнман. Христианский социализм. М. 1969, стр. 130—139.

правным положением в обществе, направлять устремления трудящихся к установлению социальной справедливости на небе, а не на земле. Именно потому, что церковь верой и правдой служила царю и отечеству помещиков и капиталистов, она была для них дорогой святыней²².

В период Великой Октябрьской социалистической революции русская православная церковь как институт вступила со старой политической позицией и неизменной социальной концепцией²³ и повела себя в полном соответствии с ними. Подавляющее большинство православного духовенства встретило Великий Октябрь крайне враждебно. «Через десять дней после Петроградского восстания рабочих, матросов и солдат, опрокинувших Временное правительство,— констатировал В. Д. Бонч-Бруевич,— в Петрограде всюду появились темные личности, которых патрули революционной стражи, охранявшей порядок красной столицы, десятками ловили по улицам и доставляли их к нам в Смольный по ночам. Эти господа занимались почтенной деятельностью расклейки и разбрасывания прокламаций, исходивших, как показало следствие, от самого «святейшего патриарха Тихона», призывавшего народ не подчиняться новому правительству... Это выступление против рабоче-крестьянской власти было одним из самых первых проявлений контрреволюции, и оно исходило из центра православной церкви»²⁴.

Православное духовенство не хотело расставаться с тем положением, какое оно занимало в дореволюционном обществе. Об этом весьма определенно высказался в день избрания Тихона патриархом (5 (18) ноября 1917 г.) епископ Астраханский и Царевский: «По обстоятельствам переживаемого времени он (патриарх.— Н. К.) прежде всего должен собрать воедино все живые верующие силы народа и вдохновить их на подвиг служения тем вековым заветам, на которых строилась и жила Россия»²⁵. О приверженности церковного руководства к старому порядку, сметенному пролетарской революцией, свидетельствует воззвание Святейшего синода от 11 (24) ноября 1917 г., которое заканчивалось призывом: «Оставьте безумную и нечестивую мечту лжеучителей, призывающих осуществить всемирное братство путем всемирного междоусобия! Вернитесь на путь христов»²⁶. В этом призыве в полной мере проявилась ориентация церкви на дореволюционное прошлое. В 1917—1918 гг. этот церковный курс широко отражался и пропагандировался в ее официальном органе — «Церковных ведомостях» и в «Прибавлениях» к ним. Так, профессор-протоиерей П. Я. Светлов в статье «Социализм, как злейший враг христианства и цивилизации», опубликованной в июне 1918 г., более чем через полгода после победы Великого Октября, по-прежнему поучал: «Социализм есть самая хитрая и опасная сеть дьявола, расставленная всему маловерному и колеблющемуся в вере христовой»²⁷.

В ответ на мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства по отделению церкви от государства, а школы от церкви контрреволюционно настроенная часть духовенства во главе с патриархом Тихоном выступила с анафемой в адрес Советского государства. Собор российской православной церкви и патриарх Тихон с конца 1917 г. по октябрь 1918 г. издали около 20 контрреволюционных воззваний²⁸.

²² См. В. И. Ленин, ПСС, Т. 6, стр. 265.

²³ Этого нельзя сказать о церкви как религиозном обществе: отношение к революции и поведение его членов были различны.

²⁴ В. Бонч-Бруевич, «Живая церковь» и пролетариат. М. 1927, стр. 7.

²⁵ «Святейший Собор православной российской церкви». Кн. III. Деяния XXXI—XI. Пгг. 1918, стр. 115.

²⁶ Там же, стр. 187.

²⁷ «Прибавления к церковным ведомостям», 1918, № 19—20, стр. 615.

²⁸ См. А. И. Введенский. За что лишили сана бывшего патриарха Тихона. М. 1923, стр. 36—44, 53.

Дореволюционная социальная концепция православия в наивысшей степени проявилась в отношении Собора православной церкви к ленинскому декрету «о свободе совести, церковных и религиозных обществах». Принятое Собором 19 февраля (4 марта) 1918 г. определение призывало верующих и клир не подчиняться этому декрету, «строго хранить церковные законы, памятуя, что те, которые нарушают церковные постановления, навлекают на себя гнев божий и церковное осуждение. Декреты, направленные к ниспровержению церковных законов (речь идет и о декретах о расторжении брака, о гражданском браке.— Н. К.), не могут быть приняты церковью»²⁹.

6 (19) апреля 1918 г. Собор принял постановление «О мероприятиях к прекращению нестроений в церковной жизни». Им определялись меры церковного наказания для клириков, мирян и прихода в целом за содействие «проведению в жизнь враждебных церкви положений декрета о свободе совести и подобных сему актов». Повинным в этом священнослужителям запрещалось совершать богослужение, а если и при этом они не раскаивались, то «извергались из сана». Виновные в таких же «преступлениях» низшие члены клира лишались духовного звания. Если приход не оказывал «фактического либо нравственного противодействия», то, как определяло постановление, «отобрание... церковных земель и разграбление всякого церковного имущества... влечет за собой закрытие приходских храмов... и отозвание из последних членов клира... до возвращения... полностью похищенного достоинства церковного или монастырского»³⁰. Собору принадлежит пальма первенства в применении к русской православной церкви термина «гонимая церковь», которым и ныне как знаменем борьбы с коммунизмом пользуются за рубежом, особенно русские эмигранты.

В первые годы Советской власти изменилось отношение церкви к верующим женщинам. Своим определением от 7 (20) сентября 1918 г. «О привлечении женщин к деятельному участию на разных поприщах церковного служения» Собор предоставил женщинам право участвовать в приходских собраниях и советах, занимать должность старост и разрешил «в исключительных случаях допускать женщин к исполнению должности псаломщика со всеми правами и обязанностями штатных псаломщиков, но без включения в клир»³¹. С этого времени (а не за последние только годы, как полагают некоторые авторы)³² церковь стала уделять женщине особое внимание. Но тогда это было предпринято главным образом с целью активизации верующих на борьбу с Советским государством.

Контрреволюционная деятельность духовенства в первые годы Советской власти уже в значительной степени отражена в научно-атеистической литературе³³. Следует отметить, что непоколебимую приверженность к дореволюционной социальной концепции православия проявила и проявляет до сих пор та часть духовенства, которая в годы гражданской войны связала свою судьбу с открытой контрреволюцией. После эмиграции за границу с остатками разгромленных Красной Армией белогвардейцев и интервентов бывший митрополит Киевский Антоний (Храповицкий) и его единомышленники созвали в ноябре 1921 г. в Сремски Карловци (Югославия) Собор епископов «беженцев» и мирян, громко

²⁹ «Святейший Собор православной российской церкви». Собрание определений и постановлений. Вып. 3. Приложение к деяниям второе. М. 1918, стр. 21.

³⁰ Там же, стр. 59, 60.

³¹ Там же. Вып. 4, стр. 47.

³² См. Е. А. Прищина. Женщина и религия. М. 1960.

³³ См. Н. Ф. Платонов. Указ. соч., стр. 206—271; Р. Ю. Плаксин. Указ. соч., стр. 192; А. Чертков. Указ. соч., стр. 171; Н. С. Гордиенко. Современное православие, стр. 5—20; М. С. Бутинова, Н. П. Красников. Указ. соч., стр. 165—170, и др.

названный «Русский всезаграничный собор». О направленности «деяний» этого Собора видный советский государственный и политический деятель П. А. Красиков писал: «100 епископов, монахов, протоиереев, деникинских, врангелевских, романовских и прочих кровавых генералов, думских погромщиков вроде Маркова... С гг. Нобоковым, князем Львовым... и другими кадетскими и октябристскими лидерами, под председательством митрополита Антония... обсуждали план завоевания России, восстановления помещичьей власти, династии Романовых и удушения рабочих и крестьян»³⁴. Принятое на нем послание церковного Собора требовало посадить на российский престол «законного православного царя из дома Романовых». Собор создал так называемый Архиерейский собор и Синод российской православной церкви за границей. По месту созыва Собора церковников-эмигрантов, придерживающихся его политической ориентации, стали именовать карловчанами. Знаменем заграничной русской православной церкви с самого начала ее возникновения было и остается богословие контрреволюции, социальные взгляды дореволюционного, «казенного» православия, являвшегося опорой самодержавно-помещичьего, эксплуататорского строя. Во главе карловчан, по свидетельству ранее общавшегося с ними богослова Александра Казем-Бека, «стали особенно связанные с предреволюционной правительственной политикой иерархи»³⁵.

В отличие от карловчан руководство Московской патриархии было вынуждено постепенно отказываться от открытого проявления своей привязанности к дореволюционной политической позиции и социальным принципам. 25 сентября 1919 г. патриарх Тихон издал послание «о прекращении духовенством борьбы с большевиками», запрещавшее подчиненным ему священнослужителям участвовать в политических актах, направленных против Советской власти³⁶. В его грамоте от 25 октября того же года Советское правительство было объявлено законной, от бога установленной властью. В ней же осуждались монархические устремления реакционной части эмигрантов³⁷. Но это был лишь тактический маневр, а не понимание и признание перемен, происшедших в стране после Великой Октябрьской революции. Данью времени явился и указ Тихона от 5 мая 1922 г. об упразднении карловацкого Архиерейского Синода³⁸.

Последней крупной антиправительственной и антинародной акцией патриарха Тихона был организованный им и проходивший под его руководством саботаж помощи голодающим в 1921—1922 годах. 16 февраля 1922 г. Президиум ВЦИК принял постановление об изъятии церковных ценностей для закупки хлеба на нужды пострадавших от сильнейшей засухи в Поволжье в 1921 году. В постановлении подчеркивалось, что речь идет лишь о ценностях, не затрагивающих интересы православного культа. В ответ на решение Советского правительства Тихон обратился к духовенству и верующим с призывом протестовать и всячески сопротивляться выполнению данного постановления. Недопустимость передачи даже небольшой части церковных ценностей для нужд трудящихся (в том числе и верующих) патриарх аргументировал ссылками на священное писание. Уместно заметить, что когда в церковных ценностях возникала надобность у царского правительства, то духовенство с готовностью расставалось с ними и обосновывало это тем же священным писанием. В 1916 г., например, архимандрит Никодим в рапорте члену Государственного совета писал: «Святейший синод на голос помазани-

³⁴ Архив Музея истории религии и атеизма, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 7, л. 6.

³⁵ «Журнал Московской патриархии» (далее — ЖМП), 1969, № 4, стр. 10; см. также «Известия», 5.IX.1969.

³⁶ ЖМП, 1969, № 4, стр. 10.

³⁷ ЖМП, 1968, № 5, стр. 14.

³⁸ ЖМП, 1967, № 10, стр. 37.

ка божия Николая призвал все обители принять широкое участие в пожертвованиях на войну и ее нужды... Юрьевский монастырь уже много и изобильно оказал пожертвований на нужды войны... смиренно осмеливаюсь сказать вам, владыко святой, что Юрьевский монастырь для общего блага государства мог бы без всякого ущерба для своего благосостояния оказать еще большую долю пожертвований, великую жертву для нужд военного времени. Вашему преосвященству известно, что Юрьевский монастырь имеет богатые сокровища: золото, серебро, бриллианты, которые оцениваются уже не тысячами, а миллионами рублей»³⁹.

За организацию противодействия передаче церковных ценностей для нужд голодающих патриарх Тихон был привлечен к судебной ответственности. В заявлении Верховному суду РСФСР от 16 июня 1923 г. он признал, что, «будучи воспитан в монархическом обществе и находясь до самого ареста под влиянием антисоветских лиц», «действительно был настроен к Советской власти враждебно». Далее Тихон заявил, что «я отныне Советской власти не враг. Я окончательно и решительно отмежевываюсь как от зарубежной, так и внутренней монархическо-белогвардейской контрреволюции»⁴⁰. Подтверждением этого заверения явились его послания от 26 июня и 1 июля 1923 г. и синодальное постановление от 8 ноября 1923 г., осудившее политическую, антисоветскую деятельность церковников⁴¹. Более искренним, чем прежде, шагом в переосмыслении руководителями церкви своего отношения к Советскому государству было завещание патриарха Тихона от 7 января 1925 года. Наряду с главным наизданием — «блюсти дело божие», не отступать от канонов — клир и паства призывались в нем «со спокойной совестью, без боязни погрешить против святой веры подчиняться Советской власти не за страх, а за совесть». В завещании подчеркивалось, что церковное руководство действует в данном случае вполне самостоятельно. «Мы, — говорилось в нем, — объявляем за ложь и соблазны все измышления о несвободе нашей, поелику нет на земле власти, которая могла бы связать нашу святительскую совесть и наше патриаршее слово»⁴². Русская православная церковь отмежевывалась и от карловацких епископов. «Мы решительно заявляем, что не имеем с ними никакой связи... — указывалось в завещании, — они нам чужды, мы осуждаем их вредную деятельность»⁴³.

Изменение отношения патриарха Тихона и его единомышленников к Советскому государству, по нашему мнению, объяснялось следующими причинами: во-первых, укреплением Советской власти; во-вторых, потерей тихоновцами политического доверия трудящихся и решительным пресечением со стороны Советского государства каких-либо антисоветских, контрреволюционных акций; в-третьих, ростом движения среди духовенства и мирян за обновление социальной позиции церкви. Результатом этого движения явилось возникновение легализованной государственной властью православной обновленческой церкви в СССР⁴⁴ и грегорианского Временного высшего совета церквей⁴⁵. Программа церковных преобразований обновленцев, построенная на основе признания Советской власти и одобрения социалистической революции, привлекла к себе значительное число православных верующих. И это происходило, несмотря на то, что последние не одобряли стремления обновленцев к мо-

³⁹ П. А. Красиков. Голод и христианство. Деятели Октября о религии и церкви. М. 1968, стр. 110—111.

⁴⁰ «Известия», 1.VII.1923.

⁴¹ ЖМП, 1968, № 5, стр. 14.

⁴² ЖМП, 1965, № 4, стр. 22.

⁴³ ЖМП, 1968, № 5, стр. 4.

⁴⁴ Образована в конце 1922 года.

⁴⁵ Образован в декабре 1925 года.

дернизации догматики, культа и богослужебной практики. Вопреки своей приверженности церковной традиции верующие покидали ортодоксальную в вопросах вероучения и культа тихоновскую церковь, ибо ее политическая линия и ориентация отражали минувший день, не соответствовали их интересам⁴⁶.

В конце 1925 г. русскую православную церковь возглавил в качестве местоблюстителя патриаршего престола митрополит нижегородский Сергей. При нем процесс установления новых отношений церкви с Советским государством активизировался. В 1926—1927 гг. решается ряд важнейших вопросов организации жизни русской православной церкви в новых социальных условиях: формируется временный Святейший синод⁴⁷, конкретизируется новая политическая и социальная позиция русского православия, вносится в Советское правительство ходатайство о легализации Московской патриархии.

От утверждения русской церкви на прочном основании гражданской законности зависело решение вопроса о ее существовании. Как справедливо отмечает богослов И. Гусев, без легализации перспектива для нее была незавидная: «Ее либо растерзают обновленцы, либо, уйдя в подполье, она превратится в сектантские общества»⁴⁸. Легализация русской православной церкви воспринималась частью духовенства, особенно карловчанами, как подчинение «божьего — кесареви», как уклонение в сферу политической деятельности и даже как измена православию. В действительности же это была лишь дальнейшая конкретизация новой политической и социальной позиции Московской патриархии. Уже в проекте декларации русского епископата об отношении к Советской власти от 10 июня 1926 г., поданном в Народный комиссариат внутренних дел вместе с ходатайством о легализации Московской патриархии, говорилось: «Заграничные священнослужители иногда позволяют себе враждебные выступления против Союза, тогда как ответственность за эти выступления падает на всю русскую церковь... Констатировать наш полный разрыв с таковыми политиками и таким образом защитить себя в будущем от ответственности за политиканство — таково наше желание... После такого отмежевания от эмигрантов мы будем создавать свою церковную жизнь в границах СССР...»⁴⁹.

Временный патриарший Синод при главе русской православной церкви был легализован Советским правительством 20 января 1927 года. Ответом на это явилось послание митрополита Сергея и Синода ко всем верным чадам русской православной церкви, в котором говорилось о разрыве с социальной концепцией дореволюционного православия и со всеми, кто еще был склонен придерживаться ее. Если завещание патриарха Тихона явилось определением «чисто канонической позиции церкви по отношению к Советской власти», главным образом признанием ее законности, то это послание уже определяло политическую и социальную позицию церкви и верующих — позицию лояльного отношения к Советскому государству и социалистическому обществу. «Всякий удар, направленный на Союз, — подчеркивалось в нем, — будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие или просто убийство из-за угла, сознается нами как удар, направленный в нас. Оставаясь православными, мы помним свой долг быть гражданами Союза «не только из страха, но и по совести», как учил нас апостол...». И далее: «Нам нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской власти, могут быть не только равнодушные к православию люди, но и самые ревностные приверженцы его... Мы

⁴⁶ Подробнее см. Н. С. Гордиенко. Современное православие, стр. 20—67.

⁴⁷ Образован в декабре 1925 года.

⁴⁸ ЖМП, 1967, № 3, стр. 64.

⁴⁹ «Церковный вестник». Париж. 1926, № 14, стр. 16; ЖМП, 1968, № 5, стр. 14—15.

хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской Родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи»⁵⁰. Нам представляется, что это послание послужило основой для последующей богословской разработки социальной концепции современного православия.

Легализация Московской патриархии, провозглашенный Сергием курс политической лояльности русской православной церкви соответствовали коренным интересам верующих. Кроме того, все это подрывало позиции обновленчества и делало его, по существу, ненужным. Главный аргумент обновленцев, что они признают Советскую власть, а «тихоновцы» — нет, утратил свою действенность; провозглашенное «спасение церкви», восстановление ее жизненной силы, заботиться о которых они призывали, стали осуществляться помимо них. Обновленческое движение пошло на убыль и совершенно сошло на нет в первые послевоенные годы.

Чтобы восстановить политическое доверие у верующих (особенно у тех, кто ушел в обновленческий раскол), укрепить пошатнувшееся в результате контрреволюционных действий части духовенства положение православия, иерархи русской православной церкви стремились в конце 20-х и в 30-х годах вести ее жизнь по чисто религиозному руслу; не вмешиваться в политику, проповедовать социальный индифферентизм, что, по их мнению, было наилучшим проявлением лояльности церкви к Советскому государству, наиболее правильной ее позицией в рамках советского законодательства о культах⁵¹. Однако церковь не могла оставаться лишь сторонним наблюдателем политических и социальных перемен, происходивших в стране и в мире в целом. Она была вынуждена (этого требовали интересы верующих) откликаться на них, но уже с новых позиций.

В результате всего этого постепенно вырабатывалась новая социальная концепция православия. Определенное место в этом процессе занимают действия Московской патриархии в 30-х годах по пресечению антисоветских выступлений карловчан, попыток Ватикана организовать «крестовый поход» против СССР, против распространения мнения о русской православной церкви, как гонимой, и т. п. В предвоенные годы зарождается так называемая «трудовая концепция» православия, согласно которой христианство преподносится верующим как учение для трудящихся. В 1931 г. митрополит Сергей следующим образом сформулировал существо этой концепции: «Христос пришел не господствовать, а обнищавшему Адаму послужить и спасти грешников»⁵². Тогда же церковь привела в соответствии с новым, социалистическим отношением к труду и свой взгляд на него. Духовенство начало истолковывать христианское вероучение с учетом политических и экономических изменений, происшедших в нашей стране и законодательно закрепленных принятой в 1936 г. Конституцией СССР. В деятельности служителей культа важное место заняли попытки примирить религию с наукой, объявить христианство родственным коммунизму⁵³. В соответствии с требованиями времени священники стали толковать христианское учение о женщине, ее эмансипации, взаимоотношениях между женщиной и мужчиной, о браке и семье. Духовенство по-своему начало откликаться на важнейшие со-

⁵⁰ «Патриарх Сергей и его духовное наследство». Изд-во Московской патриархии. М. 1947, стр. 38—39, 275.

⁵¹ Принцип «церковь — вне политики» неоднократно провозглашался Сергием. Но это заявление и мизерность конкретного материала о церковной жизни в данные годы могут привести к ошибочному суждению о разрыве между становлением политической позиции и социальной концепции православия.

⁵² ЖМП, 1931, № 5, стр. 1.

⁵³ Ф. Олещук. Указ. соч.

бытия в жизни страны. В дни выборов некоторые из них проводили церковные собрания и торжественные богослужения⁵⁴.

В 30-е годы происходит частичная социализация православия⁵⁵. Еще с 1927 г. во всех православных храмах стало проводиться моление «о богохранимой стране нашей, властях и воинстве ея»⁵⁶. В православный календарь были внесены гражданские памятные даты: 9 января, день памяти В. И. Ленина, низвержение самодержавия, день Интернационала, день пролетарской революции⁵⁷. Вследствие массового отхода трудящихся от религии Синод русской православной церкви разрешил в 1930 г. заочно отпевать умерших⁵⁸ и допускать в богослужении русский язык⁵⁹.

Процесс эволюции социальной концепции православия особенно усилился в годы Великой Отечественной войны. Церковь должна была богословски обосновать патриотическую позицию духовенства, опровергать исходившую от гитлеровцев и ставших их подручными — карловчан клевету на положение церкви в СССР, раскрывать созвучно со взглядами советского общества причины побед Красной Армии на фронтах Великой Отечественной войны, важность уничтожения фашизма и пр. Нам представляется, что именно в военные годы сформировалась основа социальных взглядов современного православия.

В 1941—1942 гг. священнослужители открыто отмежевываются от тех, кто призывал освободить «гонимую церковь» с помощью фашистской Германии. Они выдвигают тезис о том, что положение русской православной церкви в СССР есть «возвращение к апостольским временам», а в постигших ее бедствиях (падение ее авторитета среди верующих и пр.) повинна антисоветская деятельность духовенства⁶⁰.

В это же время церковь пересматривает свой взгляд на войну. Она стала акцентировать внимание на том, что война — это страдание, напоминающее о Христе и призывающее к нему, что господь хочет, чтобы, перестрадав здесь, на земле, человек очистился бы для жизни вечной⁶¹. Однако от традиционного утверждения, что война есть наказание божие за грехи человеческие, церковники не отказались, но только стали меньше концентрировать на этом внимание. Так, протоиерей А. Смирнов, например, в декабре 1941 г. говорил прихожанам кафедрального собора в Ульяновске: «Пусть мы прогневили твое благоутробие, и враги наши явились по твоему определению как бы жезлом гнева и бичом негодования твоего на нас за наши грехи...» Вместе с тем богословы указывали, что война — зло, с которым надо бороться в союзе с неверующими, не обличая их в прегрешении перед богом, не требуя от них покаяния за безбожие⁶², ибо и они заинтересованы в пресечении зла. Подобные суждения никогда прежде не высказывались. Они явились следствием практической потребности в единстве.

Не отступая от основ вероучения, продолжая утверждать, будто «историческими судьбами народов управляет промысел божий»⁶³, служители церкви, однако (в соответствии с интересами советских людей и разделяемым верующими марксистско-ленинским учением о войнах справедливых и несправедливых), провозгласили христианским долгом

⁵⁴ Н. И. Губанов. Указ. соч., стр. 18.

⁵⁵ П. К. Курочкин. Социальная позиция русского православия, стр. 12.

⁵⁶ «Русская православная церковь». Издание Московской патриархии. 1958, стр. 12.

⁵⁷ См. ЖМП за 1931—1935 годы.

⁵⁸ ЖМП, 1931, № 4, стр. 1.

⁵⁹ ЖМП, 1931, № 5, стр. 3.

⁶⁰ «Правда о религии в России». Издание Московской патриархии. 1942, стр. 9, 26, 288.

⁶¹ ЖМП, 1944, № 12, стр. 33.

⁶² «Правда о религии в России», стр. 125, 285.

⁶³ ЖМП, 1944, № 9, стр. 21.

участие в справедливой, освободительной войне. В понятие справедливой войны они, однако, внесли свое определение: борьбу советского народа с гитлеровцами объявили борьбой за правду... божью, правду вечную — идентичную якобы общечеловеческой. Война в защиту социальной правды, социалистического отечества освящена небом, и ее участники идут «в след мучеников к нетленному и вечному венцу». Захватническая война — дело страшное и губительное: на тех, кто ее предпринимает, лежит позор и проклятие неба⁶⁴. Новизна такого суждения, составной части социальной концепции современного православия, очевидна, если учесть, что прежде церковь оправдывала именем бога ведение царизмом захватнических войн.

В 1943—1945 гг. священнослужители осуществили дальнейший шаг в переосмыслении социальной концепции православия. Они привели в соответствие с интересами советского народа церковное понимание «всепрощения». Давая отпор тем, кто был заинтересован в прощении Гитлера и его подручных (и прежде всего Ватикану)⁶⁵, они провели четкую грань между христианским учением о прощении и ее «непротивленческим» толкованием. Богослов М. Зернов, выражая официальное мнение Московской патриархии, в 1944 г. подчеркивал, что теория «непротивления злу» есть антихристианская теория, не имеющая ничего общего с христианским учением о прощении, что со злом надо бороться всегда и нельзя давать врагу возможность уйти от карающей руки правосудия. Откликаясь на Нюрнбергский процесс, он писал, что осуждение военных преступников явится проявлением торжества божественной справедливости⁶⁶. Архиепископ Лука и другие церковные иерархи обосновывали правомерность смертной казни военных преступников евангельским законом Моисея⁶⁷.

В военные годы православные богословы формулируют свой взгляд на империализм и социализм. Они стали рассматривать германский империализм и империализм вообще как основу социальной несправедливости, источник военных потрясений. В устах богословов эта верная точка зрения, естественно, получила евангелическую окраску, была переведена в сферу социально-нравственных понятий. Война — зло. Гитлер вырвал это зло из подполья, куда оно как бы ушло со времен земной жизни господя⁶⁸, и обратил его против добра. Справедливость, братство, равенство и любовь есть атрибуты добра. Олицетворение добра — справедливый строй жизни — социализм. Источник зла — дьявол. Добро исходит от господя и поддерживается им. Поэтому-то бог помогает Красной Армии, а не немецко-фашистским захватчикам, хотя на их танках и есть крест. Советский народ борется за лучшую жизнь, новые отношения между людьми, за социальную правду, за то, чтобы новые мировые войны не повторялись. А это все приближает человечество к великому христианскому идеалу⁶⁹. Православные богословы в годы войны утверждали, что сущность фашизма, его идейные основы — антихристианские⁷⁰. «Гитлеризм, — писал М. Зернов, — несовместим с христианством; более того, он прямо противоположен ему. Законам справедливости противопоставлены в нем расовые законы, добру — зло во всем его многообразии»⁷¹.

⁶⁴ «Правда о религии в России», стр. 174, 192, 417.

⁶⁵ В конце войны, апеллируя к христианскому учению о братолюбии, папа Пий XII усердно призывал простить фашистских военных преступников. Ответь ему русской православной церкви см. ЖМП, 1945, № 4, стр. 7—10; № 5, стр. 43—46.

⁶⁶ ЖМП, 1945, № 12, стр. 26.

⁶⁷ ЖМП, 1944, № 2, стр. 26.

⁶⁸ ЖМП, 1945, № 12, стр. 24.

⁶⁹ ЖМП, 1944, № 9, стр. 22; 1945, № 6, стр. 42.

⁷⁰ «Патриарх Сергей и его духовное наследство», стр. 293, 294.

⁷¹ ЖМП, 1945, № 12, стр. 24.

Богословы осудили стремление фашизма и германского империализма к мировому господству, объявив при этом эксплуатацию человека человеком, национальное угнетение в капиталистическом обществе отступлением от христианского учения. «В современном нам капиталистическом обществе, с его резким разделением на классы бедных и богатых, работодателей и рабочих, эксплуататоров и трудящихся, мы видим,— писал в 1944 г. богослов С. Савинский,— не что иное, как возобновление древнеязыческих отношений в новой, более утонченной форме. Своей высшей точки это возрождение языческого взгляда достигло в германском фашизме, цинично заявившем о разделении человечества на свободных арийцев чистой крови и рабов — всех народов и наций». Архиепископ Лука пошел дальше С. Савинского. Он объявил антихристовыми классовые и национальные преграды как не дающие места христианской любви и братству⁷². Такие высказывания были тогда еще единичными. Но и они свидетельствовали о росте тенденции среди русского духовенства к коренному пересмотру прежней социальной концепции православия.

В годы Великой Отечественной войны духовенством были как бы заново осмыслены такие события, как Великая Октябрьская социалистическая революция и происшедшие после нее в нашей стране политические, социально-экономические и культурные перемены, ленинский «Декрет о свободе совести...». Именно в это время складывается суждение о том, что Октябрьская революция и отделение церкви от государства, а школы от церкви оказали на православие благотворное влияние: к лучшему изменились условия существования и всколыхнулась внутренняя жизнь церкви, ибо она стала свободной от нетвердых в вере, колеблющихся и сомневающих и была избавлена от многих, несвойственных ей, как религиозному обществу, обязанностей⁷³. Служители церкви стали акцентировать внимание на том, что Октябрьская революция создала лучшие условия жизни для советского народа, установила справедливые отношения между людьми и народами. «Ниспровергнув власть царя, помещиков и капиталистов, народы СССР... — писал архиепископ Лука в 1944 г., — создали новый мир на небывалых в истории основаниях социальной правды и всеобщего равенства»⁷⁴.

В конце Великой Отечественной войны богословы уделили значительное внимание приведению в соответствие со взглядами нашего общества христианских воззрений на труд и трудящихся. В 1944—1945 гг. ими были выработаны основы современной «трудовой концепции». Потребность в ее разработке была вызвана тем, что церковь стала искать свое место в период перехода страны с военных на мирные рельсы. Первоиерарх церкви Сергей еще в 1943 г. наставлял паству освобожденных от немецких захватчиков областей (Ростовской и др.): «Кто не на военном фронте,— те на трудовой фронт и, перекрестясь, с богом, на восстановление нашей страны в ее прежнем состоянии, как она была до фашистского нашествия»⁷⁵. В 1944 г. журналом Московской патриархии была опубликована статья С. Савинского «Труд — дело достоинства и чести». В конце 1945 г. в нем появились статьи архиепископа Фотия «О церковно-патриотической работе духовенства и верующих в послевоенное, мирное время» и одного из постоянных авторов этого журнала, Н. Васильевой, — «Будничный подвиг»⁷⁶. В них доказывалось, что якобы христианству, а не социализму принадлежит приори-

⁷² ЖМП, 1944, № 5, стр. 23; № 9, стр. 21.

⁷³ См. «Правда о религии в России»; ЖМП, 1944, № 3, стр. 36; № 12, стр. 40; 1945, № 1, стр. 24—25.

⁷⁴ ЖМП, 1944, № 9, стр. 21.

⁷⁵ «Русская православная церковь и Великая Отечественная война». Сборник церковных документов. Издание Московской патриархии, стр. 45.

⁷⁶ ЖМП, 1944, № 5, 1945, № 10.

тет провозглашения нового отношения к труду и трудящимся. Избрав эпиграфом библейские изречения «Нетрудившийся да не ест» и «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь», С. Савинский писал: «Почти две тысячи лет тому назад впервые прозвучало это наставление апостола (Павла.— Н. К.), сделавшееся в наши дни таким обычным и привычным, что мы даже далеко не всегда относимся к нему с тем вниманием и серьезностью, которых оно заслуживает»⁷⁷. По мысли этих богословов, именно христианство якобы объявило труд священной обязанностью человека, независимо от его положения в церкви и обществе. То, что труд есть божье наказание, как повествует библия, ими замалчивается. На щит берется созвучное времени изречение: трудиться надо не за страх, а за совесть, не за плату только, а так, чтобы пользоваться почетом и уважением. Поскольку Христос был сам тружеником, так как занимался, подобно своему земному воспитателю праведному Иосифу, ремеслом плотника⁷⁸, то он, естественно, адресовал свое учение прежде всего к трудящимся. «Не к тем ли,— писал архиепископ Фотий,— кто несет тяжелый труд, обращены слова нашего Господа: «Приидите ко мне все труждающиеся и обремененные, и аз упокою вы»⁷⁹. Авторы статей призывали клир и паству, подражая примеру Христа и апостолов, делать все своими руками, самоотверженно трудиться на пользу Родине для быстрее восстановления разрушенного войной народного хозяйства. Но при этом они не забывали подчеркивать и главного для церкви, что только труд во славу бога, а более всего молитвенный труд наиболее ценен для спасения и жизни вечной.

Данью времени явилось разъяснение верующим, что личное спасение необходимо связывать с делами на благо общества. Светлая цель, наставляла Н. Васильева, достигается трудом не только для себя, а и для общества; лишь в результате этого жизнь становится все многограннее, растет культура, а это-де способствует созерцанию бога, приближает к окончательной цели, предназначенной людям от сотворения мира,— к царству божью⁸⁰. В этом суждении уже улавливается четко высказываемая богословами в наши дни мысль, что социализм — лишь этап на пути к установлению «царства божия» на земле.

В 1941—1945 гг. богословы продолжают пересматривать отношение церкви к женщине и придают новое звучание своему взгляду на патриотизм, равенство и братство. Они уточняют толкование евангельского наставления апостола Павла: «Жена да убоится мужа своего», — разъясняя, что поступать подобным образом женщины должны не из рабского страха или боязни наказания, а из нежелания оскорбить любимого человека⁸¹. Такая трактовка понадобилась богословам, чтобы привести библейские изречения в соответствие с их признанием равноправия женщины с мужчиной, чтобы меньше было возможности говорить об унижении женщины христианством.

В связи с тем, что в годы войны популярность коммунистических идей среди трудящихся возросла, а авторитет СССР на международной арене неизмеримо повысился, русская православная церковь стала пытаться утвердить приоритет идей нашего общества за христианством. Эта тенденция весьма ярко проявилась при формировании трудовой концепции православия⁸². Она легко улавливается и в высказываниях церковных иерархов и богословов. «Товарищеское единение многих миллионов людей и отдельных народов, входящих в состав СССР,

⁷⁷ ЖМП, 1944, № 5, стр. 19.

⁷⁸ Там же, стр. 21.

⁷⁹ ЖМП, 1945, № 10, стр. 34.

⁸⁰ ЖМП, 1945, № 12, стр. 27.

⁸¹ ЖМП, 1945, № 4, стр. 35.

⁸² О трудовой концепции православия подробнее см.: Н. П. Красников. В погоне за веком, стр. 26—54.

впервые достигнутое в истории человечества,— писал, например, архиепископ Лука,— имеет огромное нравственное значение, ибо искреннее и глубокое товарищество в труде и жизни приближает людей к великому христианскому идеалу братства и любви»⁸³. В статье «Христианство и дружба народов» архимандрит Нафанаил подчеркивал, что во Христе все одноценны, ибо господь пострадал и умер за всех. Если дохристианскому миру была чужда идея взаимной дружбы и любви, то христианство обращалось с проповедью ко всем народам без различий. «Столь яркий интернационализм христианства, его любовные призывы в свои недра всех народов как равнозначащих,— резюмировал Нафанаил,— положил прочное основание дружбе народов, их сотрудничеству на пути развития культуры и цивилизации...»⁸⁴.

Помимо модернизации социальной концепции православия, церковь для повышения своего авторитета начинает фальсифицировать историю и непомерно возвеличивать свою роль в историческом процессе. Богословы стали усиленно подчеркивать, что церковь якобы всегда была с народом и вдохновляла его на ратные и иные подвиги, что она сыграла чуть ли не решающую роль в объединении Руси, а «национальное самосознание русского народа росло и крепло на почве церковной», что народное просвещение — заслуга духовенства и т. п.⁸⁵.

Великая Отечественная война явилась важным этапом в формировании нового отношения церкви к социалистическому обществу⁸⁶. Было бы, однако, неправильным полагать, будто политическая переориентация, пересмотр социальной концепции православия, патриотическая деятельность духовенства в годы войны⁸⁷ сделала церковь менее реакционной⁸⁸. Несмотря на все это, основы христианского учения остались прежними. Еще в 1915 г. В. И. Ленин писал: «Война не может не вызывать в массах самых бурных чувств, нарушающих обычное состояние сонной психики... Каковы главные потоки этих бурных чувств? 1) Ужас и отчаяние. Отсюда — усиление религии. Церкви стали наполняться, — ликуют реакционеры. «Где страдания, там религия», — говорит архиреакционер Баррес. И он прав»⁸⁹. Справедливость этих ленинских слов подтвердилась в годы Великой Отечественной войны. Осуждая войну, как зло, священнослужители одновременно считали ее полезной. В речи на молебне «о победе русского воинства» 26 июня 1941 г. митрополит Сергей так сказал об этом: «Пусть гроза надвигается. Мы знаем, что она приносит не одни бедствия, но и пользу: она освежает воздух и изгоняет всякие миазмы. Да послужит и наступившая военная гроза к оздо-

⁸³ ЖМП, 1944, № 9, стр. 22.

⁸⁴ ЖМП, 1944, № 11, стр. 29—31.

⁸⁵ ЖМП, 1944, № 9, стр. 26; № 12, стр. 35; 1945, № 4, стр. 11; № 8, стр. 57.

⁸⁶ Следствием этого явилось благожелательное отношение к церковным нуждам Советского правительства, которое пришло на смену былой настороженности, вызванной контрреволюционным поведением духовенства. Это проявилось в санкции на восстановление патриаршества в русской православной церкви (см. «Известия», 5.IX.1943). 8 сентября 1943 г. в Москве состоялся Собор ее епископов, на котором патриархом Московским и всея Руси был избран митрополит Сергей («Известия», 9.IX.1943).

⁸⁷ Это проявлялось в призывах, чтобы верующие участвовали в борьбе с немецкими захватчиками; в обращениях к другим церквям, правительствам и народам зарубежных стран усилить вклад в разгром фашизма, в достижение мира, в организации сбора средств на военные нужды, помощи пострадавшим от войны и т. п. (см. «Русская православная церковь и Великая Отечественная война»).

⁸⁸ Когда заходит речь о негативной стороне участия церкви в Отечественной войне, некоторые авторы акцентируют внимание на случаях измены Родине отдельных служителей культа (Г. А. Суглобов. Союз креста и меча. М.: 1969, стр. 76—95). Действительно, такие факты имели место. Но ведь и церковь их видела. Более того, руководство Московского патриархата осудило их (см. «Русская православная церковь и Великая Отечественная война», стр. 7, 13—23, 33, 35—36). Напомнить о них, конечно, следует. Но сводить только к этому реакционность русского православия, на наш взгляд, неправомерно.

⁸⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 290—291.

ровлению атмосферы духовной, да унесет она с собой всякие тлетворные миазмы. У нас уже имеются некоторые признаки такого оздоровления»⁹⁰. Под этим подразумевается усилившийся приток людей в храмы. Так говорилось публично. Между собой священники рассуждали откровеннее, связывая с божественным предопределением и надежды на пополнение рядов своей паствы. «Да, война! Зло! Страшное зло. Слов нет, но вот посмотрите, отец Александр, на премудрость промысла божьего,— писал А. А. Осипов о том, что ему говорил в 1944 г. один из архиереев в Перми.— Зло. А люди в скорби в храмы потекли. Церкви открываются. Вера умножается. Церковь божия возрождается. А ведь почти мертвой была. Разве это не милость божия к нам грешным через видимое временное зло... Так у бога и во всем...»⁹¹. В первые годы войны митрополит Сергей неоднократно выступал с воззваниями, большая часть которых носила светский характер. Но, по существу, они призывали уповать на бога, ибо «главное не в танках, сооруженных на средства верующих, а в том, что они есть символ церковного благословения, знак того, что церковь не оставляет воинов на поле брани». «Мною выпущено 23 различных послания по разным случаям, и тема их, конечно, одна,— признавался сам Сергей,— надежда на бога, что он, как и в прежнее время, не оставит нас и теперь и дарует нам конечную победу»⁹².

В период войны наряду с обновлением социальной концепции православия церковь усиленно насаждала в сознании верующих аскетизм, подвижничество, мистику, приверженность к канонам и традициям. Таким путем она стремилась закрепить вызванное войной и ее собственными усилиями повышение религиозности населения. Это привело к тому, что во второй половине 40-х годов в нравственном богословии на первый план стали выдвигаться вместо социальных вопросы христианской морали. В этом проявилось желание церковного руководства удержаться на позициях традиционализма, не заходить слишком далеко в модернизации православной идеологии, дабы не поколебать ее основы, и сосредоточить внимание клира на главном — на попечительстве о спасении своей паствы для жизни вечной. Уже в конце 1944 г. богословы стали подчеркивать, что первой целью христианства является внутреннее обновление людей, их нравственное совершенствование, спасение и благо души. «Христос,— утверждал протоиерей А. Смирнов,— в своей евангельской проповеди не затрагивал и не решал вопросов политики, права, экономики и т. п., предоставляя их решение свободе человека. Христос обращал свое особое внимание на душу человеческую, на внутреннего человека...» Не отрицая социальности христианства, А. Смирнов доказывал, что оно призвано лишь косвенно, через внутреннее преобразование людей, изменять к лучшему человеческие отношения⁹³. И действительно, несмотря на приверженность к традиционализму, церковь ни в какое время после военного периода не была социально индифферентной, всегда откликалась на события общественной жизни.

В 1948 г. русская православная церковь включилась в движение сторонников мира, что явилось проявлением гражданского долга ее служителей. «Когда после второй мировой войны уставшие от ее ужасов народы устремились к всеобщему миру,— констатируют сами богословы,— русская церковь ...немедленно возвысила свой голос в защиту этого мира и в осуждение его врагов, дабы отклонить от людей угрозу нового и бессмысленного уничтожения». Вступая в борьбу за мир, русское православие, однако, связывало этот акт с главным для себя —

⁹⁰ «Правда о религии в России», стр. 85.

⁹¹ А. А. Осипов. Катехизис без прикрас, стр. 101.

⁹² ЖМП, 1943, № 1, стр. 7.

⁹³ ЖМП, 1944, № 12.

с упованием на то, что весь мир озарится «светом христианских истин мира и братолюбия»⁹⁴.

Участие русской православной церкви в борьбе за мир, а с 1961 г. и в экуменическом движении⁹⁵ вынудило священнослужителей по-своему реагировать на общественные процессы, возродило и активизировало (особенно в настоящее время) процесс модернизации социальной концепции православия. Подведение под нее прочного богословского основания стало особенно необходимым с выходом церкви на международную арену: ей нужно было по-религиозному обосновывать, почему она участвует в движении народов за мир, социальный прогресс и демократию. С конца 50-х годов богословы стали уделять большое внимание «социализации» православия⁹⁶, то есть связи вероучения с общественными явлениями, отысканию в догматах и канонах церкви социального смысла, созвучного эпохе, и ответа на социальные проблемы современности. Стремясь идти в ногу со временем и тем самым продлить существование религии и церкви, они стали утверждать, что постоянные изменения являются одной из характерных черт человеческой жизни; что революционный процесс, меняющий судьбу человеческого общества, начало которому положила Великая Октябрьская социалистическая революция, охватил уже многие государства; что важным элементом современного революционного процесса является техническая революция, изменяющая взгляды человека на природу. Эти суждения свидетельствуют о трезвой оценке богословами современной действительности, хотя они постоянно и подчеркивают, что христиане рассматривают историю как время, данное для «созидания царства божия»⁹⁷.

В 60-е годы богословы стали утверждать, что настоящим христианином может быть только тот, кто правильно (то есть по-евангельски) относится к проблемам века и участвует в их осуществлении. Они заявляют, что христианство по своей природе социально, что церковь не отделена от общества, живет в нем и его жизнью, а поэтому нет причины лишать ее права заниматься социальными проблемами⁹⁸. Аргументация их такова: созданием мира господь еще не закончил всего творения. Творческий акт — процесс продолжающийся, к которому приобщен и человек. Бог творит в мире все новое и лучшее, творит по своему предназначению, но уже через человека. Этим новым и является социальный и научно-технический прогресс, революция. А раз так, то христианин обязан видеть в этом волю всевышнего и, естественно, делать все для ее воплощения в жизнь⁹⁹. Чтобы прийти к такому толкованию христианского учения о провиденциализме, нужно было, по существу, осуществить «революцию богословия». Русское православие так и поступило, чтобы не повторить ошибок прошлого и не оказаться в хвосте событий, ибо социальные перемены (как свидетельствует опыт православия и других конфессий стран социалистического лагеря) могут совершаться помимо желания и без участия церкви. Переосмысление старого отношения к революции потребовалось богословам для того, чтобы получить право на существование в социалистическом обществе.

Насколько далеко зашли богословы в изменении своего отношения к революции, можно судить по их заявлению на III Всехристианском мирном конгрессе (1968 г.) о том, что в настоящее время для христиани-

⁹⁴ «Русская православная церковь в борьбе за мир», стр. 9, 16.

⁹⁵ ЖМП, 1961, № 8, стр. 17—28. Экуменическое движение, внутрицерковная деятельность, направленная на объединение всех конфессий в единое религиозное общество, дабы успешнее противостоять росту неверия, возникло в начале века.

⁹⁶ «Уделить серьезное внимание социальному вопросу в нравственном богословии, — подчеркивал протоиерей Т. Попов, — составляет одну из главных задач современных моралистов» (ЖМП, 1958, № 2, стр. 76).

⁹⁷ ЖМП, 1962, № 10, стр. 49.

⁹⁸ См. ЖМП, 1966, № 6, стр. 67; № 9, стр. 73; 1967, № 7, стр. 33.

⁹⁹ ЖМП, 1966, № 6, стр. 66.

на имеет значение вопрос не об участии или неучастии в справедливой социальной революции, а в выяснении того, что он может и обязан сделать для нее, каким может и должен быть подлинно христианский вклад в дело революционного преобразования общества¹⁰⁰. За что же должен бороться христианин конкретно? С точки зрения церкви, нравственной ныне является борьба за ликвидацию любого вида угнетения, против рабства в любых его проявлениях, за уничтожение колониальной системы и капиталистических отношений, за установление мирного сосуществования между народами. Люди, возвышающие голос за все это, объявляются отмеченными знаком божественной премудрости¹⁰¹. Независимость, сотрудничество и мир представляют собой, по утверждению богословов, якобы не что иное, как отражение в жизни человеческого общества христианских идеалов свободы, согласия и мира, а политический и экономический аспекты новой государственной жизни являются такой практикой, которая для христиан будто бы согласуется с этическими положениями евангелия.

Церковь учит сейчас, что христианин должен откликаться на прогресс в науке и технике умножением своих талантов, должен бороться с косностью, добиваться использования научно-технических достижений на пользу человека и предотвращать возможность обращать их во вред человечеству (например, путем развязывания термоядерной войны). Поступать так надлежит потому, что научно-технический прогресс есть закономерный результат заповеданной богом человеку обязанности трудиться, а также видимое проявление «творческой деятельности божественной премудрости»¹⁰². «Всеобщий прогресс человеческого знания,— наставляет митрополит Никодим,— говорит, что потомство Адама осуществляет божественное веление об обладании землей и всем видимым миром, где человек есть венец творения»¹⁰³.

Эволюция социальной концепции православия продолжается. Цель модернизации религиозной идеологии состоит в том, чтобы замаскировать реакционную сущность религии, которая и сегодня остается прежней. Русское православное духовенство поняло бесперспективность борьбы с новым, социалистическим государством и после долгих поисков заняло правильную политическую позицию. Чтобы продлить существование религии и церкви, оно вынуждено пытаться доказывать недоказуемое и утверждать, что церковь и социализм совместимы¹⁰⁴. Нельзя отрицать того, что священнослужители стремятся по-своему внести вклад в дело общественного прогресса; их участие в движении сторонников мира, несомненно, играет известную положительную роль. Однако объективно они тормозят прогресс, ибо связывают его с антинаучным, идеалистическим религиозным мировоззрением. Ныне духовенство сосредоточило основные усилия в социально-нравственной области. Свои призывы к нравственному совершенствованию, к участию в социальном и научно-техническом прогрессе, в революционных свершениях церковь подчиняет идее спасения людей для вечной жизни в потустороннем мире и тем самым отвлекает их от реальных земных интересов.

Социальный прогресс углубляет кризис религиозной идеологии, усиливает непримиримость социализма и религии.

¹⁰⁰ Г. Троицкий. Христианский форум мира. ЖМП, 1968, № 8, стр. 42.

¹⁰¹ ЖМП, 1965, № 9, стр. 37.

¹⁰² ЖМП, 1966, № 9, стр. 68; 1967, № 9, стр. 34; 1969, № 1, стр. 58.

¹⁰³ ЖМП, 1964, № 12, стр. 48.

¹⁰⁴ ЖМП, 1969, № 11, стр. 60.

ПРОСВЕЩЕННЫЙ АБСОЛЮТИЗМ В РОССИИ

И. А. Федосов

Вторая половина XVIII в. получила в историографии определение как время просвещенного абсолютизма — режима, характерного для ряда европейских стран — Австрии, Пруссии, Испании, Дании, Швеции, России и некоторых других¹. При этом под просвещенным абсолютизмом понимается не такое направление в политике, при котором поощряется просвещение (подобную политику вели многие правительства в разные эпохи, поэтому данный термин теряет свой исторический смысл), а особые периоды в истории абсолютистских государств, имеющие свои специфические черты. Именно такое понимание имел в виду В. И. Ленин, когда писал, что для самодержавия XVIII в. характерно наличие бюрократии, служилых сословий и отдельных периодов просвещенного абсолютизма².

Однако до сего времени в исторической литературе дискутируется вопрос о сущности просвещенного абсолютизма. В чем же специфика этих исторических периодов, каковы социальное содержание его политики и его историческое значение? Одни историки считают, что, собственно, никакого просвещенного абсолютизма не было и В. И. Ленин не случайно брал это определение в кавычки; что было типичное крепостническое государство, которое ввиду обострения классовых противоречий вынуждено было заниматься демагогией, спекулировать на красивых фразах из работ французских мыслителей³. Это, конечно, самое простое решение, которое, к сожалению, ничего не дает для выявления специфики, особенностей большого исторического периода. Даже если признать всю внутреннюю политику большинства европейских стран второй половины XVIII в. демагогией (а к демагогии, как известно, прибегало любое классовое правительство в любые времена и эпохи), то и при

¹ П. Миллюков. Очерки по истории русской культуры. Ч. III, вып. I. СПб. 1901; М. Рейснер. Разложение абсолютизма. «Политический строй современных государств». Сборник. Т. I. М. 1905; Ф. Тарановский. Политическая доктрина в Наказе императрицы Екатерины II. Киев. 1904; Н. Кареев. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII вв. СПб. 1908; «История Западной Европы в новое время». Т. III. СПб. 1895; А. Лаппо-Данилевский. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб. 1897; А. Д. Градовский. Собрание сочинений. Т. I. СПб. 1899; «Итоги XVIII века в России». М. 1910; Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли. Т. III. М. 1919; М. Ольминский (Александров). Государство, бюрократия и абсолютизм в России. М.-Л. 1925; В. В. Воровский. О природе абсолютизма. См.: В. В. Воровский. Сочинения. Т. I. М. 1932; «Абсолютизм в России». Сборник статей. М. 1964; П. К. Иванов. О «просвещенном абсолютизме» в России 60-х годов XVIII века. «Вопросы истории», 1950, № 5; М. Т. Белявский. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева. М. 1965. Интересные наблюдения сделаны в ходе дискуссии об абсолютизме в журнале «История СССР» (1968—1970 гг.): см., например, А. Я. Аврех. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России («История СССР», 1968, № 2); А. М. Давидович, С. А. Покровский. О классовой сущности и этапах развития русского абсолютизма («История СССР», 1969, № 1), и др.

² См. В. И. Ленин. ПСС, Т. 17, стр. 346.

³ П. К. Иванов. Указ. соч.; М. Т. Белявский. Указ. соч.

этом остаются недоуменные вопросы: в чем социальный смысл этой демагогии? Какова ее реальная основа? Почему она приняла именно такие черты, а не другие? И в чем все-таки специфика данных периодов? Бесспорно, прав А. Я. Аврех, который пишет, что целый исторический период «объяснить демагогией ...нельзя просто потому, что всякая демагогия есть вещь строго обусловленная. Иначе говоря, «чистой» демагогии в истории вообще не бывает, она существует лишь как спутник реальной политики»⁴.

Другая точка зрения на эту проблему сводится к следующему: просвещенный абсолютизм—это такой период в истории самодержавного государства, когда в его политике отчетливо проявляются тенденции к буржуазному развитию, когда для него характерно «принятие и открытое провозглашение правящими кругами принципов французского просвещения». Наиболее обстоятельно эту точку зрения обосновал акад. Н. М. Дружинин в своей статье «Просвещенный абсолютизм в России». Формулируя суть проблемы, он пишет: «Задача исследователя — уловить буржуазные тенденции в политике «просвещенного абсолютизма» и степень их проявления в противоречивой связи с феодальной основой официального политического курса». По мнению Н. М. Дружинина, политика просвещенного абсолютизма была «закономерным этапом государственного развития, предвестием назревающей революции и, несмотря на половинчатость проведенных реформ, приближала момент перехода общественной жизни к новой, более прогрессивной формации»⁵.

Нам представляется, что эта точка зрения гораздо ближе к истине. Она позволяет полнее раскрыть особенности данного исторического периода в истории абсолютизма, историческое значение его политики. Однако решения самой проблемы она все же не дает. Прежде всего буржуазные тенденции, или, вернее, такая политика, которая создает предпосылки для буржуазного развития, как известно, характерны вообще для абсолютизма, а не только для просвещенного. И чем ближе к капитализму, тем этих тенденций в политике правительства больше. Александр II, например, проводил буржуазные реформы, но ведь никто на этом основании не считает абсолютизм Александра II просвещенным. Во-вторых, буржуазная революция произошла раньше всего в тех странах, где никакого просвещенного абсолютизма не было,—в Англии и во Франции, а в странах так называемого просвещенного абсолютизма произошли революции и утвердился буржуазный способ производства лишь спустя 100—150 лет. Поэтому считать просвещенный абсолютизм предвестием революции, фактором, приближающим момент смены формации, вряд ли есть основания (с таким же успехом его можно считать и фактором, отдаляющим революцию).

Следовательно, не в выяснении буржуазных тенденций в политике правительства или, вернее, не только в выяснении этих тенденций нужно искать путь к решению данной проблемы. Просвещенный абсолютизм — это период в эволюции политической надстройки феодального общества, а надстройка имеет свою логику, свои закономерности развития, и ее зависимость от базиса не так прямолинейна и непосредственна, как нам иногда представляется, а ее влияние на базисные явления также гораздо сложнее. Как известно, один и тот же базис и даже при одинаковом уровне экономического развития в разных странах может дать самые различные формы политической надстройки. При феодализме, например, мы можем наблюдать и различные формы монархии и различные формы республики.

⁴ А. Я. Аврех. Указ. соч., стр. 93.

⁵ См. Н. М. Дружинин. Просвещенный абсолютизм в России. «Абсолютизм в России», стр. 431.

Абсолютизм — это диктатура класса феодалов в тот исторический период, когда заканчивался процесс ликвидации феодальной раздробленности, а сам класс феодалов терял свои средневековые черты. Историческое значение абсолютизма заключается в том, что, завершив политическую централизацию страны, он на определенном этапе способствовал развитию тех процессов, которые происходили в экономике, в социальных отношениях, а тем самым содействовал консолидации наций, при отсутствии развитых буржуазных отношений. Абсолютизм — не застывшая форма власти, а развивающаяся политическая надстройка, которая пережила периоды становления, развития и падения. Но его социальное содержание неизменно — это диктатура класса феодалов, хотя расстановка социальных сил и их соотношение на каждом из этих этапов должны быть, очевидно, различными. Пределы эволюции абсолютизма не безграничны, и нельзя согласиться с мнением А. Я. Авреха, который, основываясь на высказывании В. И. Ленина об эволюции монархии, утверждает, что абсолютизм может быть и феодальным, и полубуржуазным, и буржуазным⁶. Но ведь В. И. Ленин писал об эволюции монархии. Абсолютизм же, если его рассматривать не только как форму власти, наделенную определенными юридическими признаками (такая форма может быть в любые времена и эпохи), а как форму политической надстройки, которой соответствует определенное социальное содержание, — понятие, которое можно применять к определенному, точно очерченному времени. Это — форма политической надстройки эпохи позднего феодализма, и пределы его эволюции ограничены рамками феодальной формации. В этой связи нам представляется, что термины «абсолютизм» и «самодержавие» идентичны лишь в данных хронологических границах. (Ведь мы не применяем термин «абсолютизм» ни к ранним этапам истории русского государства, ни к периоду после революции 1905 года. С большой степенью условности его можно применять и к периоду после 1861 года. Термин же «самодержавие» применяется ко всем периодам истории России.) Одним из этапов развития абсолютизма и является просвещенный абсолютизм.

Для того, чтобы выяснить содержание и особенности данного периода в эволюции феодальной надстройки, рассмотрим следующие наиболее важные, на наш взгляд, вопросы: исторические условия и расстановка классовых сил в России во второй половине XVIII в.; политика правительства по совершенствованию государственного устройства России; экономическая и социальная политика Екатерины II; хронологические грани просвещенного абсолютизма.

Вторая половина XVIII в. характеризуется в нашей исторической литературе как время разложения феодальных общественных отношений и вызревания в недрах феодальной системы новых, буржуазных отношений, которые достигают уже определенной зрелости — становятся укладом. Это выражалось в растущем разделении труда как между городом и деревней, так и между различными экономическими районами страны, в росте внутренней и внешней торговли, в новых условиях развития всероссийского рынка, в проникновении рыночных отношений в самую отсталую отрасль экономики — в сельское хозяйство, в развитии промышленности как крупной (мануфактуры), основанной и на крепостном и (что особенно важно) на вольнонаемном труде, так и мелкой крестьянской промышленности (ремесла)⁷. Отмечая успешное развитие новых явлений в жизни страны, необходимо подчеркнуть, что это развитие

⁶ А. Я. Аврех. Указ. соч., стр. 89.

⁷ П. Г. Любомыров. Очерки по истории русской промышленности. М. 1947; В. А. Яковцевский. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М. 1953; Н. А. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М. 1957.

производительных сил происходило на основе феодального способа производства, в рамках феодальной системы, которая оставалась еще безраздельно господствующей; что буржуазные отношения проявлялись еще как тенденция развития, не угрожавшая в данный момент ни преобладанию феодального хозяйства, ни господству класса феодалов.

Происходившие изменения в экономике страны сказывались и на положении классов и сословных групп, на их взаимоотношениях и на их отношении к государственной власти. Господствующим классом в России оставалось дворянство, монопольно владевшее основным средством производства — землею, являвшееся собственником половины всего крестьянского населения и строившее свое хозяйство на основе внеэкономического принуждения. Однако его положение к этому времени значительно изменилось. Полуторавековая борьба царской власти с боярством, как носителем феодального сепаратизма и соперником самодержавия в претензиях на политическое руководство, дала свои необратимые результаты. Политическая роль старого родовитого дворянства становилась все ничтожнее: последний удар по нему нанес Петр I, заменив при назначении на государственную службу принцип породы принципом выслуги. И хотя полностью оттеснить принцип породы не удалось (да это для самодержавия и не было нужно), принцип выслуги занял равное с ним место. Отдельные попытки возродить политическое значение родовитых феодалов не удались даже в условиях послепетровского междоусобицы. В 1730 г. против верховников сплоченной массой выступило служилое дворянство. После этих событий оно довольствовалось теми социальными и экономическими привилегиями, которые отвоевало. Его политическое влияние осуществлялось через бюрократию, а также офицерство, рекрутировавшееся в основном из дворянства; однако последние выступали уже не как соперники абсолютизма, а состояли у него на службе, были в полной зависимости от него. Наряду с потерей политического влияния дворянство начинает терять потенциальные возможности и в хозяйственной деятельности, так как натуральное феодальное хозяйство переставало удовлетворять растущие потребности страны. Его дальнейшее развитие возможно было только при условии приспособления к растущему всероссийскому рынку, а это уже подрывало основы всего феодального хозяйства.

Торгово-промышленное население значительно выросло, его роль в хозяйственной жизни страны стала настолько велика, что купечество превратилось в серьезную экономическую силу. В Уложенной комиссии 1767 г. купеческие депутаты выступили с требованием монополизировать в своих руках всю торговлю и промышленность, стремясь вытеснить из нее и дворян и крестьян, наступая даже на основную привилегию дворянства — обладание землей и крестьянами⁸. Однако соперничество купечества с дворянством проявлялось только в экономической области. Торгово-промышленное население не осознало еще себя как особый класс общества, противостоящий феодальному строю и феодальному классу, не выработало своей самостоятельной политической и социальной идеологии. Его развитие еще всецело происходило в рамках феодального способа производства на основе феодальной эксплуатации, и оно не мыслило себе других возможностей для развития. Получение дворянского звания, обладание крепостными крестьянами — вот те требования, с которыми представители городов прибыли в Уложенную комиссию. Население городов подразделялось на многочисленные сословные группировки феодального происхождения — купцы (три гиль-

⁸ См. М. Богословий. Дворянские наказы в екатерининскую комиссию 1767 г. «Русское богатство», 1903, №№ 6, 7; А. В. Флоровский. Из истории екатерининской законодательной комиссии 1767 г. Одесса. 1910; его же. Состав законодательной комиссии 1767—1774 гг. Одесса. 1915.

дии), цеховые ремесленники, мещане, посадские и другие. Это мешало социальной консолидации данной части общества, превращению ее в самостоятельный класс. Таким образом, если дворянство (хотя оно еще не исчерпало всех своих возможностей) уже переставало быть прогрессивным классом, возглавлявшим на определенном отрезке времени исторический прогресс, то торгово-промышленное население городов еще не стало таковым — не сложилось в класс, не накопило достаточного количества капиталов, не выработало своей идеологии.

Основным по численности классом страны было феодально-зависимое крестьянство. Положение этого класса определялось его все усиливавшейся крепостной зависимостью от помещиков и ухудшалось в связи с тем, что развитие всероссийского рынка и процесс первоначального накопления, который проходил в это время, также ложились на его плечи. Борьба между крестьянами и феодалами обострялась, и отдельные восстания вылились, наконец, в крупную крестьянскую войну в 70-х годах XVIII в., которая явилась серьезным испытанием для феодального государства. Однако крестьянское движение носило стихийный и раздробленный характер. Участники его не выработали своей идеологии и не несли новых производственных отношений. Без руководства со стороны буржуазии крестьянское движение было слабо и не представляло собой угрозы основам феодального строя. Таким образом, классовые противоречия между крестьянами и феодалами, между дворянством и купечеством хотя и приобретали довольно острый характер, однако не были не только предвестием революции, но и не представляли серьезной угрозы абсолютизму. Более того, они приводили к консолидации господствующих слоев населения вокруг самодержавия, ставили их в еще большую зависимость от последнего.

Именно в силу этих обстоятельств абсолютизм во второй половине XVIII в. получает наибольшую самостоятельность по отношению к борющимся классам и, опираясь на армию, бюрократию и бюрократически организованное дворянство, может еще отражать в своей политике интересы складывающейся нации (при отсутствии достаточно развитых буржуазных отношений), поскольку они в данное время совпадают с интересами господствующего класса.

В таких условиях и начала проводиться политика просвещенного абсолютизма, сложился «союз» российской царицы с философами французского просвещения, как торжественно именовали этот период некоторые буржуазные историки. Екатерина II была, бесспорно, одной из крупных фигур на российском престоле — и умная, и образованная, и способная, и удачливая. Она хорошо знала французскую и немецкую политическую литературу. Однако вряд ли есть основание переоценивать степень влияния идей просвещения на ее деятельность и в связи с этим согласиться с Н. М. Дружининым, который утверждает, что «Екатерина была достаточно умна и идейно подготовлена, чтобы почувствовать и оценить грядущую опасность», «грозившую устоям самодержавно-крепостнического строя», что, «вступая на престол, она уже имела сложившуюся программу, которая восходила своими истоками к умеренному течению просветительной литературы»⁹. Вряд ли Екатерина могла «почувствовать и оценить грядущую опасность», так как этой опасности еще не существовало, а если императрица и имела какую-то программу (к сожалению, мы о ней ничего не знаем), то не она легла в основу ее правительственной деятельности. Истоками «просвещенной» политической программы Екатерины II являлось не «умеренное течение просветительной литературы», а реальная расстановка классовых сил, и любые политические идеи, которые она использовала, могли быть лишь идеологической формой политики.

⁹ Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 435—436.

Екатерина II вступила на престол в сложных политических условиях в результате очередного дворцового переворота, которые уже в течение почти 40 лет определяли преемственность российского престола, лишая верховную власть «авторитета, устойчивости и принципиальности» (А. Д. Градовский), ибо своему утверждению она была обязана случайным причинам: борьбе придворных группировок, верхушки бюрократии и армии. Неустойчивость власти, отсутствие четкой системы государственных органов, действующих на основании «непреложных» государственных установлений,— характерная черта российской государственности послепетровского времени: реформа Петра I лишь заложила основы абсолютистской государственной системы да к тому же была частично извращена последующими законодателями. Второй фактор, с которым сразу же пришлось столкнуться новой императрице,— это рост крестьянского движения. Он свидетельствовал не только об обострении противоречий между помещиками и крестьянами, но и о неспособности местных властей быстро справиться со вспышками недовольства крестьян.

Поэтому главной идеей всего царствования Екатерины стало укрепление авторитета верховной власти и совершенствование государственного аппарата, направленное на то, чтобы сделать его более гибким, послушным и централизованным. Это была традиционная политика любого абсолютного монарха. Решая эту задачу, Екатерина II превосходно использовала и новейшую политическую литературу, приспособляя передовые, умные и модные идеи к тем социальным отношениям, которые были основой самого абсолютизма. Уже первые программные документы — Манифест 1762 г. и Наказ 1767 г. — четко отразили эту основную идею, причем если манифест определял главные задачи царствования, то Наказ намечал пути решения этих задач.

Свое вступление на престол Екатерина II обосновывает не только традиционным «божьем» изволением, но и (в полном соответствии с новейшими теориями) народным избранием, выразившимся в приветственных криках столичной толпы при объявлении ее императрицей. Однако главным аргументом все же оставался «промысел божий», очевидно, как более понятный и убедительный. Уже в своих первых документах Екатерина недвусмысленно подчеркивает, что власть монарха должна быть самодержавной, неограниченной, что только такая власть может наиболее полно обеспечить «благо народа», а для доказательства этого важнейшего для нее тезиса она выдвигает другой аргумент, заимствованный у новейших писателей (который, кстати, у этих писателей имел совершенно другое значение), — географический фактор. «Государь, — пишет она в Наказе, — есть самодержавный; ибо никакая другая, как только соединенная в его особе власть, не может действовать сходно с пространством столь великого государства...»¹⁰. Выдвигает Екатерина и другие аргументы — разбросанность населения по огромной территории, «расположение народа» (под которым понимается его низкий культурный уровень), разумность и целесообразность. Уже тот факт, что «самодержице всероссийской» приходилось доказывать необходимость неограниченной верховной власти и для этого прибегать к новейшим политическим идеям, говорит о тех сдвигах, которые происходили в общественном сознании (хотя переоценивать их не следует, ибо нужно учитывать, что эти документы были рассчитаны не только на русского читателя, но и на ее зарубежных поклонников), о том, что самодержавию уже нужны были новые идеологические подпорки, которые, не меняя существа дела, придавали бы всему зданию более благообразный вид.

¹⁰ «Памятники русского законодательства 1649—1832 гг.». Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении нового уложения. СПб. 1907, ст. 9. В дальнейшем ссылка на этот источник делается в тексте: Наказ, ст. 9.

В манифесте 1762 г. Екатерина II резко критиковала отсутствие четкой системы государственных органов, неразграниченность их функций, произвол в их деятельности из-за недостатка или даже отсутствия «начальных оснований правительства» в фундаментальных законах, с помощью которых только и возможно обеспечить деятельности правительственных органов «твердую форму». Уже в этом документе она обещала законодательным путем ввести правительственную деятельность в определенные рамки, но не ограничивая ее, конечно, а «узаконить такие государственные установления, по которым бы правительство любезного нашего отечества в своей силе и принадлежащих границах течение свое имело так, чтобы и в потомки каждое государственное место имело свои пределы и законы к соблюдению доброго во всем порядка, и тем уповаем предохранить целостность империи и нашей самодержавной власти»¹¹. Таким образом, утверждение строгой законности, которой должны подчиняться все без исключения, утверждение формы и порядка в деятельности правительственных органов — вот те средства, с помощью которых она надеялась достичь всеобщего благоденствия, а главное, укрепить самодержавную власть.

Для Екатерины II, как и вообще для государственных деятелей и мыслителей того времени, было характерно преувеличенное представление о роли законодательства. Она искренне верила и неоднократно повторяла, что «законы — основание державы составляют», что «все граждане должны быть подвергнуты одним и тем же законам» (Наказ, ст. 22—35, 41—44). И хотя она понимала в соответствии с учением Монтескье, что «законоположение должно применять к народному умствованию» (Наказ, ст. 57) и что «весьма худая та политика, которая переделывает то законами, что надлежит переменять обычаями» (Наказ, ст. 60), созывая Комиссию по сочинению нового Уложения, она надеялась создать такое законодательство, которое не только фиксирует права и обязанности граждан, не только поставит деятельность правительственных органов на «твердое основание законов», но и водворит в стране «всеобщее благоденствие». Однако Екатерине не удалось не только «водворить» благоденствие, но даже создать новое Уложение. И дело заключалось не в одной «непросвещенности» общества и неподготовленности его к восприятию новых идей (хотя и это имело место), но и в том, что и само правительство было не выше общества — оно не только не хотело, но и не могло затронуть существующие социальные отношения, ограничить самодержавие, которое увенчивало эти отношения.

Каким же путем Екатерина II предполагала «водворить» законность в государстве? Если Монтескье считал возможным этого добиться с помощью исторически сложившихся и независимых от монарха сословий, которые должны быть «посредствующими властями», ограничивающими верховную власть, то есть вкладывал в них конституционное содержание, то Екатерина надеялась этого добиться с помощью зависимой от центральной власти, но правильно организованной бюрократии, — «малые протоки, сиречь правительства, через которые изливается власть государства» (Наказ, ст. 20). В качестве конкретных мер предполагалось отделение правосудия от администрации и так называемое «право представления». Таким образом, идеал государственного устройства для Екатерины II — централизованная, неограниченная бюрократическая монархия, органы власти которой действуют на основе «непреложных» законов, то есть та самая государственная система, которую так энергично строил Петр I. Влияние французских просветителей проявлялось при конструировании этого идеала в том, что Екатерина II

¹¹ Цит. по: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Т. 25. М. 1881, стр. 133.

использовала их идеи для обоснования и совершенствования системы государственных установлений.

Как же претворялся в жизнь данный идеал? Из конкретных мероприятий Екатерины II наиболее принципиальное и практическое значение имели два: разгром Сената в 1764 г. и губернская реформа 1775 года.

«Правительствующий» Сенат, возрожденный Елизаветой Петровной, снова стал единственным высшим государственным органом, влияние которого определялось не только очень сильным составом (в него входила самая родовитая и сановная часть бюрократии), но широтой и неопределенностью его полномочий (у него были и законодательные, и административные, и судебные функции). Однако он, как отмечал еще А. Д. Градовский, не только не справлялся со своими полномочиями, но и дезорганизовал деятельность центральных органов власти. Вмешиваясь в дела коллегий, Сенат подрывал их самостоятельность (они превращались в простые канцелярии) и сделал невозможным разграничение их функций. Но самым неприятным для Екатерины II было то, что, пользуясь своим влиянием, он мог посягать на прерогативы царской власти и стать центром дворянской и бюрократической оппозиции.

Указом 1764 г. Сенат был разделен на 6 департаментов, причем два из них находились в Москве. Докладчиком по сенатским делам стал генерал-прокурор, к нему же на решение поступали все спорные дела. Таким образом, генерал-прокурор заслонил собою весь Сенат. Общие собрания Сената потеряли свое значение; Сенат превращался в рядовой бюрократический орган преимущественно с судебными функциями. Екатерина II стремилась «ослабить и сузить правительственную роль Сената», «стеснить до чрезвычайности его законодательную инициативу, организовать административную власть особо от него и свести его на значение места с судебным характером»¹². Возможно, планы ее были шире: реформирование всей системы центрального управления, основываясь на принципе разделения властей, и замена коллегиальной системы единолично министерской. Однако реальные результаты реформы оказались весьма невелики и носили скорее негативный характер: подорвав значение Сената, ослабив коллегиальную систему управления, которая к тому же сама изживала себя, Екатерина II не создала новой системы управления. Но задача коренной реформы центральной власти была поставлена.

Значительно последовательнее и успешнее Екатерина II решила проблему местного управления. Причина этого заключалась не только в том, что крестьянская война показала слабость местной власти и напугала правительство (хотя это, бесспорно, немаловажный фактор). Мысль законодательницы и раньше работала в этом направлении. Еще в инструкции губернаторам в 1764 г. Екатерина II высказала некоторые принципиальные идеи, которые затем легли в основу реформы 1775 года. Дело также и в том, что самодержавие вообще охотнее и смелее реформирует местное управление, поскольку это не особенно затрагивает самое монархическую власть, ее основы, имеет, если можно так сказать, меньшее принципиальное значение. Это особенно характерно для поздних этапов истории абсолютизма (но проявлялось уже и при Екатерине II): чем ближе к капитализму и, следовательно, развитее общественное самосознание, тем больше опасности любой реформой центральной власти, проводимой в «духе времени», подорвать устойчивость самодержавного строя. Губернская реформа 1775 г. — одно из наиболее удачных, продуманных и детально разработанных мероприятий Екатерины, причем ее личная роль в подготовке данной реформы бесспорна.

¹² А. Д. Градовский. Собр. соч. Т. I, стр. 121.

Она не только изучила русскую историческую традицию в местном управлении, но и практику западноевропейских стран, новейшую юридическую литературу, как французскую, так и английскую.

Основные положения этой реформы сводились к следующему:

1. Увеличение количества губерний и уездов (в основу было положено количество населения). Расширение функций губернатора, который назначался царем, подчинялся ему непосредственно, являлся его доверенным лицом и уже поэтому наделялся неограниченными полномочиями в пределах губернии. Губернское правление не было коллегиальным органом, ограничивающим его власть.

2. Создание самостоятельных судебных органов по сословному принципу — для дворян, купечества и государственных крестьян. Таким образом, было декларировано отделение суда от администрации. При создании судебных органов применялись и элементы выборности.

3. Местные уездные органы власти передавались целиком дворянам — капитан-исправникам и заседателям. Они выбирались местным дворянством и утверждались губернатором.

4. Было положено начало сословному самоуправлению и сделана попытка сотрудничества выборных от свободных сословий в совестном суде (примирительная и третейская инстанция по незначительным делам) и Приказе общественного призрения, ведавшем строительством и содержанием школ, больниц, богаделен, сиротских и рабочих домов.

5. Губернаторам совместно с губернским правлением, судебной казенной палатой предоставлялось право представления в Сенат о неудобствах вновь изданного закона¹³.

Среди этих мероприятий наиболее важное значение имели, несомненно, во-первых, разукрупнение губерний, расширение функций губернаторов как наместников самого царя и, во-вторых, декларирование отделения суда от администрации, создание самостоятельных судебных органов. Если первое из них окончательно подорвало роль Сената и всякую возможность возникновения консервативной оппозиции, углубило дезорганизацию коллегий и опять-таки подводило к реформе центральной власти, а в целом способствовало централизации и укреплению верховной власти, то второе важно с принципиальной стороны: оно как бы определило тенденцию развития государственности в направлении разделения властей. Здесь, несомненно, сказалось влияние на русское законодательство французской просветительской мысли, однако оно касалось главным образом структуры и формы государственных учреждений и не затрагивало его социального содержания. Реальное же значение отделения суда от администрации невелико, ибо достигнуть подлинной независимости суда в условиях самодержавия невозможно, это не удалось сделать даже сто лет спустя.

Что касается элементов выборности, «права представления» и «сотрудничества» сословий, то, во-первых, результаты этих деклараций были практически ничтожны; во-вторых, нового даже с точки зрения принципа они вносили мало: эти элементы существовали и в период сословной монархии (еще в большей степени) и даже в петровскую эпоху. Бюрократический аппарат был еще настолько несовершенен, что обойтись без некоторой общественной самодеятельности самодержавие просто не могло (выборные земские комиссары, самоуправление городов, законодательные комиссии, коллегия «ста дворян» и др.). Изменение форм государственных органов не влекло за собой изменения содержания их деятельности. Социальная основа их оставалась неизменной.

¹³ Ю. В. Готье. История областного управления от Петра I до Екатерины II. М. 1913; А. Лаппо-Данилевский. Указ. соч.; Н. М. Дружинин. Указ. соч.

Говорить о буржуазных тенденциях в этой реформе можно лишь постольку, поскольку централизация и совершенствование аппарата управления способствовали развитию производительных сил, отвечали на данном этапе интересам нации в целом. Это, бесспорно, прогресс, но прогресс в рамках феодальной формации.

Какова же социальная политика просвещенного абсолютизма, то есть российского самодержавия второй половины XVIII века? Несомненно, в центре внимания этой политики был класс феодалов — основная социальная опора самодержавия на всех этапах его развития, причем абсолютизм учитывал те изменения, которые произошли ко второй половине XVIII в. в положении дворянства и в расстановке классовых сил вообще. Остановимся на двух важнейших документах, в которых в обобщенном виде рассматривается вопрос о дворянстве. Это уже цитированный выше Наказ Екатерины II и Жалованная грамота дворянству.

Прежде всего бросается в глаза краткость и крайняя бедность содержания главы XV (О дворянстве) Наказа — основного программного документа, российского просвещенного абсолютизма¹⁴. 16 статей этой главы определяют сущность дворянства — «дворянство есть нарицание в чести различающее от прочих тех, кои оным украшены» (Наказ, ст. 360), указывают, что «добродетель с заслугою возводит людей на степень дворянства» (Наказ, ст. 363), причем в числе «добродетелей», за которые «сие достоинство от государя получить можно», отмечаются «любовь к отечеству, ревность к службе, послушание и верность к государю» (Наказ, ст. 364). Больше всего возможностей для получения дворянского звания дают военная служба и отправление правосудия (Наказ, ст. 365—368). Затем перечисляются проступки, за которые дворянин лишался дворянского достоинства: «Измена, разбой, воровство всякого рода, нарушение клятвы и данного слова, лжесвидетельство» (Наказ, ст. 371). Завершается этот раздел весьма туманной статьей о правах дворянства: «Преимущества же дворянские должны все основаны быть на вышеописанных начальных правилах, составляющих существо дворянского звания» (Наказ, ст. 375). Как видим, ничего нового в этой главе нет. Создается впечатление, что списать что-нибудь у своих «излюбленных» писателей Екатерина II не захотела, а придумать что-либо свое не смогла. Поэтому глава наполнена самыми общими и банальными фразами, которые не вносят ничего нового в существо проблемы. Даже выяснить сущность социальной программы Екатерины II по этим туманным формулировкам невозможно. Вместе с тем такая неопределенность дала простор дворянским депутатам выступить со своей развернутой программой в Уложенной комиссии, где и произошли столкновения представителей различных социальных группировок: дворянства и купечества, родовитого и служилого дворянства. Эти столкновения показали, что в России еще не было такой силы, которая выходила бы из рамок феодальных общественных отношений и феодальной идеологии (разрозненные выступления отдельных депутатов, тонувшие в хоре голосов крепостников, можно было и не принимать в расчет), и что единственной компактной социальной и политической силой может быть только дворянство.

Важным этапом в окончательном оформлении (но не изменении) социальной программы Екатерины II была крестьянская война начала 70-х годов. Крестьянские войны XVII—XVIII вв. — несомненно, очень важный фактор общественной жизни, влиявший на все ее стороны. Возникнув в условиях, когда шел процесс территориального объединения, зарождения национальных связей и политической централизации

¹⁴ С. Корф. Дворянство и его сословное управление. 1762—1855. СПб. 1906; М. Т. Белявский. Указ. соч.

(в условиях политической раздробленности таких возможностей не было), то есть на поздней стадии феодализма, они прекращаются в тот период, когда начинает складываться буржуазный строй, когда абсолютизм как централизованное государство достигает своего наивысшего могущества, а крестьянство начинает перерастать в класс буржуазного общества и условий для его консолидации остается все меньше.

Хотя последняя крестьянская война в России не несла новой идеологии и новых общественных отношений, особенность ее состояла в том, что она не использовалась феодальными группировками в своей внутриклассовой борьбе, как это имело место в отношении ранних крестьянских войн. Объективно она была направлена против всего строя феодальной эксплуатации и его политической надстройки. Дворянство (включая все его группировки), враждебное этому движению, являлось единственной надежной опорой власти. Горожане, напротив, охотно принимали участие в восстании, хотя и не вносили в него ничего принципиально нового. Такая расстановка сил была учтена Екатериной при проведении губернской реформы 1775 года.

Отметим две стороны данной реформы, важные, на наш взгляд, для характеристики социальной политики самодержавия: 1) создание в масштабе уезда и губернии дворянских обществ и органов дворянского самоуправления; 2) передача местной земской власти в ведение выборных представителей дворянства: капитан-исправников и заседателей. Дворянские и буржуазные историки придавали этим установлениям (особенно первому) исключительно преувеличенное значение, считая, что они конструировали дворянство как особый класс общества. Однако это не так. Правительство лишь фиксировало и закрепляло те отношения, которые уже сложились. Вместе с тем, создавая политическую организацию дворянства в масштабах губернии, оно, бесспорно, способствовало социальной консолидации дворянского класса.

На первый взгляд кажется непонятным, почему абсолютистское государство, пришедшее на смену сословно-представительной монархии и враждебное сословному сепаратизму и корпоративности, само создало местную политическую организацию дворянского класса. Не прониклась ли «северная Семирамида» идеями Монтескье настолько, что готова была поступиться и самими принципами абсолютизма? При ответе на эти вопросы необходимо учитывать следующие обстоятельства. Во-первых, российский абсолютизм, как уже отмечалось выше, никогда не мог обходиться без известной помощи организованных сословных группировок. Их помощь особенно была необходима в сложные и кризисные моменты. Во-вторых, если раньше абсолютизм укреплялся путем расширения своей социальной базы, вовлечения в господствующий класс новых сил, то теперь такие возможности в значительной степени были исчерпаны или оказывались недостаточны. Между тем зарождались и росли силы, которые в будущем могли грозить и феодализму и абсолютизму. В этих условиях абсолютизм и принимает меры по укреплению своей социальной опоры путем консолидации и политической организации господствующего класса. Бесспорно, Екатерина II при этом использовала идеи главного своего учителя — Монтескье. Но если Монтескье стремился к ликвидации абсолютизма и установлению сословно-представительной конституционной монархии, то в интерпретации Екатерины II его идеи служили другим целям — укреплению абсолютизма. Сословные органы дворянства были созданы лишь в рамках уезда и губернии для решения местных нужд; их законодательная инициатива и влияние на центральное правительство были ничтожны. К тому же они контролировались администрацией, а их выборные представители вливались в общегосударственную бюрократическую иерархию, то есть становились винтиками государственной машины, местными полицей-

скими органами. Ни о каком ограничении самодержавной власти, таким образом, и речи быть не могло. Необходимо учитывать к тому же, что никакого другого сословия, способного к политической самостоятельности (даже если бы оно получило внутреннее самоуправление), в России в то время еще не было. Это и создавало самодержавию простор для реформаторской деятельности, направленной, по существу, не на расширение «общегражданских правовых норм», как это утверждали буржуазные авторы, а на укрепление своей собственной власти.

Наиболее полно продворянская политика Екатерины II проявилась в Жалованной грамоте дворянству 1785 года. Жалованная грамота не вносит чего-либо существенно нового в дворянские права и привилегии: дворянство достигло вершины своего могущества, и дальнейшее расширение его прав было невозможно без ущерба для самодержавной власти. Но уже само торжественное провозглашение этих прав «на вечные времена и непоколебимо» имело принципиальное значение. Законодательница обращается «к нашему верноподданному российскому дворянству, имея в памяти вышесказанные его заслуги, ревность, усердие и непоколебимую верность самодержцам» и «движимые будучи собственной матерною любовью и отличною признательностию к российскому дворянству»¹⁵.

Отметим лишь те положения Грамоты, которые видоизменяют или развивают соответствующие положения Наказа. Подчеркивая полезность «благородного дворянства» империи и престолу, законодательница декларирует, что «благородное дворянское достоинство неотъемлемо, наследственно и потомственно» (ст. 2). Утверждается право дворянина судиться «своими равными», освобождение от телесных наказаний (ст. 15). Торжественно подтверждается манифест 1762 г. «о вольности дворянства» (ст. ст. 17—18). Новым по сравнению с Наказом являются статьи, посвященные экономическим привилегиям дворянства, которые отсутствовали в ранних документах. «Благородным подтверждается право покупать деревни» (ст. 26), «подтверждается право оптом продавать, что у них в деревнях родится, или рукоделием производится» (ст. 27), «иметь фабрики и заводы по деревням» (ст. 28), заводить в своих имениях «местечки, и в них торги и ярмонки» (ст. 29), покупать дома в городах «и в оных иметь рукоделия» (ст. 30), право на недра земли (ст. 38). В документе разворачивается целая экономическая программа, которой не было в Наказе (в нем, как известно, вопрос о торговле дворянства ставился очень осторожно и скорее отрицательно). В статьях 330, 331, 332, 333 Наказа пространно цитируется «некоторый лучший о законах писатель» — Монтескье, который в целом отрицательно относится к тому, чтобы дворянство занималось торговлей: «Сие было бы способом к разорению дворянства безо всякой пользы для торговли» (ст. 330). Изменение позиции Екатерины II по этому кардинальному вопросу русской жизни второй половины XVIII в. объясняется не только позицией дворянских депутатов в Уложенной комиссии и борьбой, развернувшейся между дворянскими и купеческими депутатами, но и теми сдвигами, которые происходили в экономике России. Если бы дворянство не приспособилось к развивающимся товарно-денежным отношениям, оно потеряло бы и экономическое могущество и политическое влияние. И самодержавное правительство, даже в просвещенной оболочке, торопится прийти на помощь своим «возлюбленным» подданным. Раздел Б этой грамоты — «о собрании дворян, установлении общества дворянского в губернии и о выгодах дворянского общества» — развивает и конкретизирует установления о дворянском самоуправлении губернской реформы 1775 года.

¹⁵ ПСЗ. Т. XXII, № 16187.

Жалованная грамота дворянству подверглась суровой критике со стороны красноречивого идеолога дворянства М. М. Щербатова главным образом за то, что она не дала дворянству никаких новых привилегий или если и дала, то слишком мало, а право «представления», например, он назвал «правом визжать, когда их бьют»¹⁶. Бесспорно, Екатерина II удовлетворила далеко не все претензии благородного сословия: оставила в силе установленное Петром I и ненавистное родовитому дворянству право выслуги, поставила под бдительный контроль администрации деятельность органов дворянского самоуправления, то есть тщательно оградила независимость и прерогативы верховной власти. В этом и сказалась известная самостоятельность абсолютизма даже по отношению к господствующему классу. Но бесспорно и другое: Екатерина II предприняла энергичные меры для укрепления экономического могущества дворянства, по его политической и социальной консолидации, как своей основной и наиболее надежной опоры.

Продворянская политика Екатерины II особенно ярко проявилась в ее отношении к крепостному праву и крестьянству. Эта сторона политики Екатерины II обстоятельно изучена в нашей литературе, поэтому напомним лишь некоторые основные факты. Вступив на престол в очень сложных политических условиях, Екатерина II в 60-х годах позволила себе некоторые «просветительские» высказывания — о необходимости избегать крайностей крепостного права, о возможности крепостным крестьянам иметь движимую и недвижимую собственность, о том, чтобы «законы гражданские, с одной стороны, злоупотребление рабства отвращали, а с другой стороны, — предостерегали бы опасности, могущия отсюда произойти» (ст. 254). Однако эти высказывания, хотя и дали повод Щербатову упрекнуть императрицу в «неосторожных суждениях» и «безразмыслительном» чтении новейших писателей, реального отражения в ее политике не нашли. Уже в своем Наказе, документе декларативном, рассчитанном не только на русского читателя, но и на своих западноевропейских поклонников, она, хотя и поставила вопрос о том, что «законы могут учредить нечто полезное для собственного рабов имущества» (ст. 261), однако в предшествующей статье предупредила: «Не должно вдруг и чрез узаконение общее делать великаго числа освобожденных» (ст. 260). Практическая же деятельность Екатерины II была полным отрицанием этих весьма осторожных высказываний. Закрепощение крестьян на Украине и на Дону, жестокое подавление крестьянских волнений, запрещение крестьянам жаловаться на помещиков, разрешение помещикам ссылать своих крестьян в Сибирь и многие другие аналогичные законы — такова реальная политика «просвещенной» императрицы¹⁷. Эта политика, как видим, носила откровенно продворянский, крепостнический характер. Конечно, не все дворянские притязания были удовлетворены. Дворянство, как известно, настойчиво домогалось передачи ему всех государственных и экономических крестьян. Пойти на такую крайнюю меру правительство не могло, и в этом опять-таки проявилась его известная самостоятельность. Хотя, как правильно утверждает А. Я. Аврех, «в XVIII в. крепостничество было основой экономического развития и укрепления государства»¹⁸, однако интересы государства и феодального класса в целом требовали, во-первых, сохранения многослойности крестьянского населения для предотвращения его консолидации, а во-вторых, поощрения и иных форм эксплуатации народных масс, так как крепостное хозяйство — патриархальное и натуральное в своей основе — уже не могло удовлетворить потребности страны. Для правительства бы-

¹⁶ М. М. Щербатов. Соч. Т. I. М. 1896, стр. 300.

¹⁷ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование Екатерины II. Т. I. СПб. 1881; т. II, СПб. 1901.

¹⁸ А. Я. Аврех. Указ. соч., стр. 96.

ло уже очевидно значение третьего сословия и не только «из безразмыслительного чтения новейших писателей», но и из жизненной практики того времени. Вот почему, предупреждая «излишнюю захватчивость» дворян, Екатерина II в своем Наказе писала: необходимо «избегать случаев, чтоб не приводить людей в неволю, разве крайняя необходимость к учинению того привлечет, и то не для собственной корысти, но для пользы государственной; однако и та едва не весьма ли редко бывает» (ст. 253). Практика показала, что это бывало довольно часто, но все же далеко не в тех размерах, о каких мечтало дворянство. Во всяком случае, в своей политике по отношению к крепостному крестьянству Екатерина II стояла на консервативных крепостнических позициях, и этот вывод не могут поколебать ни кажущиеся противоречия в ее высказываниях и политике, ни мероприятия по отношению к так называемому «третьему сословию»¹⁹.

Однако было бы неправильно оценивать политику Екатерины II по отношению к дворянству и крестьянству только как реакцию и регресс. В ней были и свои прогрессивные стороны. Известное значение имели и ее призывы к помещикам избегать жестокости и «излишеств» по отношению к крестьянам и постановка ею вопроса в Вольном экономическом обществе о собственности крестьян и даже введение дворянского самоуправления, поскольку объективно все это способствовало росту политического самосознания части общества. Однако ничего буржуазного в такой политике не было. Говорить о буржуазных тенденциях в данном случае можно лишь постольку, поскольку эти мероприятия не препятствовали (а некоторые и содействовали) объективному процессу социально-экономического развития страны.

Политика самодержавия второй половины XVIII в. по отношению к городу, городским сословиям и его экономическая политика также испытали на себе влияние новейших политических и экономических теорий, что объясняется не только силой и убедительностью этих идей, но и главным образом социально-экономическим развитием России²⁰. Уже в Наказе проблемам города и городского населения отведено четыре главы: «О размножении народа и государства» (гл. XII), «О рукоделии и торговле» (гл. XIII), «О среднем роде людей» (гл. XVI), «О городах» (гл. XVII). Итогом этой политики можно считать Жалованную грамоту городам 1785 года. Каких-либо принципиальных расхождений между этими документами нет. В них отмечается значение торговли и промышленности для государства, а также значение людей, занимающихся торговой или промышленной деятельностью — «сей род людей, ...от которого государство много добра ожидает», и что «оный, пользуясь вольностью, не причисляется ни ко дворянству, ни к хлебопашцам» (Наказ, ст. ст. 378, 379). В Наказе депутатам рекомендуется для городских жителей «учредить основанное на добронравии и трудолюбии и к оным ведущее положение» (ст. 376), причем ничего не говорится о том, каково же оно должно быть. Только в Жалованной грамоте городам это положение было наконец выработано.

Жалованная грамота городам определила внутреннюю организацию городского общества, сохранив и утвердив особыми правами его многосословность, декларировала наследственность сословного звания при условии выполнения сословных повинностей, свободу торговли

¹⁹ Особой страницей в крестьянской политике Екатерины II является подготовленный ею проект Сельского положения, который должен был оформить организацию и политическое положение государственных крестьян. Нам представляется правильным тот анализ, который дал этому документу акад. Н. М. Дружинин.

²⁰ И. И. Дитятин. Устройство и управление городов России. Тт. I—II. СПб. 1875—1877; П. Г. Рындзюнский. Городское гражданство дореформенной России. М. 1958.

и промышленной деятельности, безусловное распоряжение своей собственностью и передачу его по наследству, освобождение от телесных наказаний купцов 1-й и 2-й гильдий и именитых граждан, организацию городского самоуправления, выбранного по цензовому принципу. Причем функции самоуправления были ограничены только местными нуждами: оно было всецело поставлено под контроль администрации, а его право представления о своих нуждах было ограничено только губернатором (дворянские общества, как известно, имели право обращаться и в Сенат и к царю). Если взять социальную сторону этой политики, то и здесь ничего принципиально нового Екатерина II не внесла. Акад. Н. М. Дружинин прав, когда он пишет: «Городовое положение 1785 г. восходило своими истоками к петровскому законодательству»²¹.

Таким образом, влияние Монтескье с его идеей о посредствующих властях (под которыми он понимал сословное представительство, ограничивающее власть монарха) было ничтожно и касалось скорее формы, а не существа проблемы. Фактически мы видим традиционную политику абсолютизма, который поддерживал города, опирался на них, однако рассматривал городское население как феодальные сословия, как тяглую силу, без которой невозможно строительство государства. Законодательство Екатерины II о городах носило фискальный характер, а та организация, которую она дала городскому населению, не выходила из рамок феодального общества, хотя и обеспечивала еще развитие города в пределах феодальных общественных отношений.

Гораздо больше принципиально нового было в экономической политике Екатерины II. Это прежде всего, как правильно отмечают акад. Н. М. Дружинин и другие исследователи, провозглашение принципов свободы промышленной и торговой деятельности, ликвидация монополий, декларирование принципов физиократизма в экономической политике. Через всю законодательную деятельность Екатерины II проходит один постоянный мотив — примат земледелия перед всеми другими «родами» деятельности: «Земледелие есть первый и главный труд, к которому поощрять людей должно, второй есть рукоделие из собственного произращения» (Наказ, ст. 313). Настоятельно в ее политике звучит также мотив о свободе торговой и промышленной деятельности — «торговля оттуда удаляется, где ей делают притеснения, и водворяется тамо, где ее спокойствия не нарушают» (Наказ, ст. 317). Не менее решительно выступала Екатерина II против откупов и монополий. «Во многих землях, где все на откупу правление государственных сборов разоряет торговлю своим неправосудием, притеснениями и чрезмерными налогами» (Наказ, ст. 319). Причем Екатерина не только провозглашала эти принципы, но и проводила их в жизнь. Законы 1762, 1763, 1767, 1769, 1775 гг. и другие ликвидировали монополии, откупа и провозглашали принцип свободы торговой и промышленной деятельности, «чтобы ниоткуда не воспрепятствовано было свободно заводить станы всякого рода и на них производить всякого рода рукоделия без других на то дозволений или приказаний»²².

Н. М. Дружинин справедливо утверждает, что «законы 60—70-х гг. сыграли крупную роль в хозяйственной жизни»; он подчеркивает, что создание Вольного экономического общества, экспедиции Академии наук для изучения природных богатств и многие другие мероприятия способствовали экономическому развитию страны. Однако вряд ли есть основания для переоценки «буржуазности» этой политики и утверждения, что

²¹ Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 451.

²² ПСЗ. Т. XX, № 14275.

эти законы «открыли простор» для перерастания крестьянской промышленности «в капиталистическое производство»²³.

Бесспорно, физиократизм (экономическое учение, делавшее шаг вперед по сравнению с меркантилизмом, так как оно перенесло центр внимания из сферы обращения в сферу производства и выступило за свободу экономической деятельности) оказал влияние на экономическую политику Екатерины II. Однако в реальной политике физиократизм мог применяться далеко не всегда и не во всех странах, а его проведение могло и не вести к росту «буржуазных» тенденций. Учение физиократов, как указывал К. Маркс, было противоречивым, в нем буржуазные экономические идеи еще не сумели найти свою собственную форму и потому выступали в «феодальной оболочке», были ограничены феодальным кругозором. Оно является «как бы буржуазным воспроизведением феодальной системы господства земельной собственности; и те отрасли промышленности, в которых капитал впервые самостоятельно развивается, кажутся ей, наоборот, «непроизводительными» отраслями, простыми придатками земледелия»²⁴. Физиократы хотели провести свои принципы мирным путем, без ущерба для господствующих классов, на основе существующей системы общественных отношений и абсолютизма. Именно эта «феодальная оболочка» в данном учении и привлекала «просвещенных деспотов» и даже представителей консервативных кругов феодального класса (например, М. М. Щербатова), так как в условиях незрелости буржуазных отношений она помогала приспособляться феодальному классу к новым экономическим условиям, не затрагивая существа социальных отношений. Физиократизм не стал универсальной экономической политикой для всех стран просвещенного абсолютизма. Фридрих II, например, оставался последовательным проводником меркантилизма, а в политике Екатерины II сочетались физиократические черты (и прежде всего декларации) с меркантилизмом. Истоками ее политики было не столько отвлеченное учение, сколько реальные интересы государства и соотношение классовых сил в нем.

Экономическая политика Екатерины II, несомненно, способствовала развитию производительных сил страны (экономическая политика Петра I еще больше этому способствовала), и в этом ее прогрессивная сторона. Тем самым Екатерина II в какой-то степени поддерживала буржуазные тенденции, которые уже отчетливо проявились в экономике страны. Причем она исходила исключительно из интересов государства, основной социальной опорой которого было дворянство. Она поддерживала эти тенденции, так как они не выходили еще из рамок данной социальной системы, обслуживали ее, и не только не противоречили интересам господствующего класса, но и могли служить ему. Политика Екатерины была противоречива, но эта противоречивость являлась отражением противоречивости положения феодального класса в условиях развития товарно-денежного хозяйства. Социальная направленность данной политики была более консервативной, чем, положим, политики Петра I, так как самодержавие уже делает определенный крен в сторону преимущественной поддержки феодального класса, каким он сложился ко второй половине XVIII века. Важно подчеркнуть другое: проводя свою экономическую политику, просвещенный абсолютизм выступает еще как самостоятельная и инициативная сила, не всегда считаясь с интересами отдельных группировок (и весьма могущественных) феодалов или купечества, он исходит из интересов государства и господствующего класса в целом.

Самой сильной и последовательной стороной «просвещенной» политики Екатерины II, в которой наиболее полно проявилось влия-

²³ Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 444, 888.

²⁴ К. Маркс. Теория прибавочной стоимости. Т. I. М. 1936, стр. 33—34.

ние просветительской философии, обычно считают поддержку науки и просвещения, литературы и искусства. Вторая половина XVIII в. является важным периодом в развитии русской культуры, причем, несомненно, российскому абсолютизму принадлежала в этом процессе значительная и иногда инициативная роль. Н. М. Дружинин перечисляет следующие мероприятия в области культуры, проведенные по инициативе правительства: учреждение при Академии наук особой Российской академии для изучения языка и литературы, расширение Академии художеств, образование придворного Эрмитажа, приглашение русских и иностранных архитекторов для постройки дворцовых зданий. Этот перечень можно было бы и продолжить: открытие ученых обществ, создание большого количества новых журналов, прогрессивная книгоиздательская политика, поощрение музыкальной и театральной культуры и пр.

В литературе отмечалось, что роль самой Екатерины II во всех этих начинаниях весьма значительна. Обладая незаурядными и разносторонними способностями и к тому же ревниво относясь ко всякой частной инициативе, Екатерина II хотела во всех областях культуры сказать свое слово, возглавить процесс, определить направление его развития. И здесь Екатерина стремилась к тому же единовластию как в общественной и государственной жизни. Ей принадлежит крылатая фраза: «Театр — школа народная, я в ней учитель, и за дело свое в ней дам ответ богу». Но, несмотря на то, что Екатерина II и русский абсолютизм сыграли заметную роль в развитии культуры, переоценивать прогрессивность этой политики и наличие буржуазных тенденций в ней вряд ли правомерно. Поддержка развития науки, просвещения, культуры со стороны правительства возможна в любые времена и периоды. Она может быть буржуазной, если направлена на разрушение феодальных социальных отношений. Между тем все начинания Екатерины II в области культуры, при всем их прогрессивном значении, были направлены не к подрыву существующих социальных отношений, а к их укреплению — они не выходили за рамки феодальных отношений ни субъективно, по мысли законодательницы, ни объективно, по их значению. Социальная программа просветительской деятельности Екатерины II была чрезвычайно умеренной. Прав исследователь идейных движений того времени А. Н. Веселовский, который отмечал, что в литературных произведениях Екатерины II имеются «насмешки вообще над людьми, над их слабостями, уродствами и нескладицей жизни», что «Екатерина как сатирик стояла на недостаточной высоте; она усвоила себе умеренный тон сатиры, осмеивающей общечеловеческие слабости, не желавшей затронуть непосредственные вопросы русской жизни»²⁵. Нельзя не согласиться и с другим выводом этого автора: «Значение (Екатерины II в развитии литературы. — И. Ф.) ...в начале, быть может, устанавливавшееся, потом было совершенно утрачено, и то знаменательное и важное, что было сделано в ее время, создалось независимо от нее, переросло ее, стало казаться ей враждебным»²⁶.

Екатерина II внимательно следила за идейными течениями своего времени, проявляла терпимость и либерализм в отношении западноевропейского общественно-политического движения (для этого были свои причины) и была очень ревнива к русской общественной мысли, жестоко наказывая все то, что выходило за очерченные императрицей рамки. Так было с Фонвизиним, Новиковым, Радищевым, Княжниним и другими. В этом отношении она была полностью солидарна с дру-

²⁵ А. Н. Веселовский. Просветительный век и Александровская пора. М. 1916, стр. 54, 55.

²⁶ Там же, стр. 47.

гим «просвещенным деспотом» того времени, Фридрихом II, который говорил: «Я покровительствую только таким свободным мыслителям, у которых приличные манеры и рассудительные взгляды». «Философ не станет кричать, что все идет дурно... Его голос не будет служить призывом к неповиновению, к образованию союза недовольных, предлогом для восстания. Он с уважением будет относиться к обычаям, установленным и освященным нацией, к правительству, к лицам, его составляющим и защищающим»²⁷. Для прогресса и свободы в таких условиях оставалось немного простора.

Важное место в просветительской политике Екатерины II занимала «забота» о воспитании и просвещении народа. Для просвещенного абсолютизма вообще характерно, что правительство берет на себя руководство просвещением и мелочную опеку над ним. Деятельность Екатерины II и ее соратников (Теплова, Бецкого, Дашквой и др.) в области просвещения, бесспорно, была прогрессивной, однако она носила не буржуазный, а чисто просветительский характер и ничего нового в существующие общественные отношения не вносила. Итогом этой деятельности был «Устав народным училищам в Российской империи» 1786 года²⁸. По этому Уставу в каждом уездном городе должно было быть основано двухклассное малое народное училище, а в каждом губернском городе — четырехклассное главное народное училище. Обучение в этих училищах было бесплатным и добровольным. Для них создавались программы, учебники и методические пособия. Устанавливалась преемственность между разными типами школ. В наставлении учителям говорилось, что они не должны «пренебрегать детей бедных родителей, но всегда иметь в памяти, что они приготавливают члена обществу» (ст. 34), попечителю предписывалось распространять училища «не токмо по городам уездным, но и другим селениям» (ст. 64). Попечителем и главным руководителем деятельностью училищ назначался генерал-губернатор, а в столице — Главное правительство училищ.

В этом проекте обычно видят буржуазные тенденции в том, что он не устанавливает при обучении никаких сословных ограничений. Однако необходимо учитывать, что сословность и сословный строй — закономерный этап в развитии общества, и он не может получить однозначной оценки для всех исторических периодов и всех стран. Отсутствие сословных ограничений в «Уставе народным училищам» вовсе не означало стремления правительства их ликвидировать, а только невозможность их установить в области просвещения без ущерба для государства и страны. Правительство исходило не из желания просветить средние и нижние слои населения (как мы знаем, результаты этой просветительской политики были невелики и возможности для образования широким массам увеличились незначительно), а из реального положения вещей — нежелания дворянства учить своих детей в общеобразовательной школе и огромной потребности в образованных людях. Основы этой политики заложил еще Петр I, и ничего принципиально нового в нее внесено не было.

Вторая половина XVIII в. — важный период в становлении русской национальной культуры, и российский просвещенный абсолютизм играл, несомненно, положительную роль в ее развитии. Бесспорно также, что в национальной культуре появлялись уже буржуазные элементы и тенденции, однако они являлись следствием не буржуазного характера политики самодержавия (она таковой не была), а тех глубинных процессов, которые происходили в русском обществе. Исходным моментом этого развития можно считать реформы первой четверти XVIII в., так как они и позднее сохраняли свое прогрессивное значение, опреде-

²⁷ Цит. по: Н. Кареев. Указ. соч., стр. 342, 343, 344.

²⁸ ПЗС. Т. XXII, № 16421.

ляя направление деятельности самодержавия. «Великой революционной идеей,— писал А. И. Герцен,— все еще была реформа Петра»²⁹. Таким образом, политика просвещенного абсолютизма Екатерины II в области культуры и просвещения носила прогрессивный характер, но ее социальное содержание не выходило за рамки феодального общества. Наличие новых тенденций в этой политике при данной расстановке общественных сил не только не подтачивало основы феодальной системы, но и способствовало ее укреплению в данный период.

Начальной гранью периодов просвещенного абсолютизма в России большинство историков считает 60-е годы XVIII века. Нам представляется это правильным, хотя необходимо отметить, что предпосылки его складываются уже в предшествующее время. Концом политики просвещенного абсолютизма обычно считают начало Великой французской революции, которая, как утверждает Н. М. Дружинин, «отбросила Екатерину II в лагерь открытой безоговорочной реакции»³⁰. В подтверждение этой мысли Н. М. Дружинин приводит многочисленные отрицательные высказывания Екатерины II о Французской революции, изменение ее отношения к французским просветителям, осуждение ею Радищева, Новикова и других. Действительно, последние годы правления Екатерины II и тем более правление Павла вряд ли можно отнести к просвещенному абсолютизму. Однако, по нашему мнению, согласиться с данной точкой зрения Н. М. Дружинина нельзя, так как она основывается на некоторой переоценке прогрессивных тенденций в политике Екатерины II и их якобы буржуазного характера. Действительно, Екатерина II возмущалась действиями «гидры о тысяче двухстах головах», «разрушением» дворянства, казнью короля, мечтала о победе контрреволюции и пр. В 1794 г. она писала Гримму: «Но, что бы они (мечтатели и философы.—И. Ф.) ни говорили и ни делали, мир никогда не перестанет нуждаться в повелителе... лучше предпочесть безрассудство одного, чем безумие многих, заражающее бешенством двадцать миллионов людей во имя слова — свобода»³¹. Но к этому выводу Екатерина II пришла не под влиянием революции — она всегда придерживалась такой точки зрения. Еще в 1767 г. в своем самом «прогрессивном» документе, Наказе, она утверждала: «Всякое другое (несамодержавное.—И. Ф.) правление не только было бы России вредно, но и в конец разорительно» (Наказ, ст. 11), «лучше повиноваться законам под одним господином, нежели угождать многим» (Наказ, ст. 12).

Дело, таким образом, не в том, что Екатерина II под влиянием событий во Франции перешла на контрреволюционные и «безоговорочно» реакционные позиции. В условиях начавшейся революции, когда она была еще на подъеме, русское самодержавие потеряло инициативу во внутренней политике, сократились его возможности для социальной демагогии, возникла угроза нарушения той расстановки социальных сил, на основе которой и могла сложиться политика просвещенного абсолютизма. Именно поэтому ничего творческого в политике Екатерины II в 90-х годах уже не было. Что касается короткого правления Павла, то его вообще невозможно подвести под какую-либо политическую систему: страх перед революцией, ненависть к своей покойной матери и стремление переделать все, что она сделала, больная психика привели к попытке возрождения деспотизма в его наиболее грубых формах, к дезорганизации государственного аппарата и грозили дискредитацией самой идеи абсолютизма.

²⁹ А. И. Герцен. Собрание сочинений. Т. VII. М. 1956, стр. 192.

³⁰ Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 454. Сторонники точки зрения, что просвещенный абсолютизм — демагогия, ограничивают этот период началом крестьянского восстания 1773 года.

³¹ Цит. по: Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 455.

Насильственное устранение Павла и вступление на престол Александра I привели к попытке возродить политику просвещенного абсолютизма, хотя, конечно, абсолютизм начала XIX в. имел некоторые специфические черты. Нам представляется правильным мнение, высказанное в конце 40-х годов, что 1801—1815 гг. можно рассматривать как второй период просвещенного абсолютизма. Возражая против такой точки зрения, Н. М. Дружинин утверждает, что «и в Западной Европе, и в России после Французской революции жизнь ушла далеко вперед и от умеренных взглядов Вольтера и Монтескье, и от веры в непобедимое влияние разумных законов, и от уверенности в спасительной силе традиционного самодержавия. В своих замыслах... а отчасти и в своих законодательных актах Александр I вынужден был пойти дальше воззрений Екатерины II». В доказательство автор приводит конституции, данные Польше и Финляндии, план государственных преобразований Сперанского, план Новосильцева и некоторые факты законодательной деятельности правительства. «В 1801 — 1820 гг., — пишет Н. М. Дружинин, — российское самодержавие пыталось создать новую форму монархии, юридически ограничивающую абсолютизм, но фактически сохраняющую единоличную власть государя»³².

Все эти положения нам кажутся спорными. Во-первых, ни взгляды Вольтера и Монтескье, ни «вера в непобедимое влияние разумных законов» не составляли существа политики просвещенного абсолютизма. К тому же идеи Вольтера и Монтескье в России в начале XIX в. еще далеко не изжили себя, они оказывали огромное влияние на самых передовых людей того времени, а до их осуществления было еще очень далеко. Во-вторых, те или иные планы преобразований не могут служить основанием для оценки государственной системы и даже политики. И, в-третьих, конституции Финляндии и Польши не затрагивали ни сущности социальных отношений в России, ни самой государственной системы.

Вступив на престол, Александр I торжественно обещал править страной «по законам и по сердцу» своей «августейшей бабки», отменил наиболее одиозные законы Павла и попытался возродить те методы, которыми блестяще пользовалась Екатерина II. Конечно, дело не в торжественных декларациях и обещаниях, — по ним судить о характере правления нельзя, однако и они свидетельствуют о том, что политика Павла скомпрометировала себя. Напротив, политика Екатерины II еще была достаточно популярна, и вполне естественным было попытаться ее воскресить, условия для ее проведения еще имелись. Отступление от принципов просвещенного абсолютизма в 90-х годах XVIII в. было обусловлено внешнеполитическими (революция во Франции) или даже субъективными мотивами (ненависть Павла к матери). Каких-либо серьезных внутренних причин (изменение в соотношении классовых сил, резкое обострение классовой борьбы) не существовало. Политика просвещенного абсолютизма, соответствующая определенной расстановке классовых сил, еще не исчерпала себя, и у русского абсолютизма были возможности для развития в рамках данной системы общественных отношений. Наконец, необходимо учитывать и еще один фактор. Развитие революции во Франции привело к усилению консервативных настроений в дворянских кругах, к консолидации дворянства вокруг самодержавия. Спад революции, определенно наметившийся к началу XIX в., привел к известному разочарованию в ней даже передовых слоев общества, к уменьшению влияния ее идей. Возникла возможность попытаться противопоставить им подновленные принципы просвещения.

³² Там же, стр. 457.

Важнейшим мероприятием «просвещенной» политики Александра I была реформа центральных органов власти. Введение министерств и Государственного совета имело, несомненно, очень важное и принципиальное значение, так как этими реформами было завершено строительство того административного здания, которое начала возводить Екатерина II.

Значение этой реформы определяется следующим:

была создана достаточно стройная система центральных и им подчиненных местных органов власти с четко разграниченными функциями, которая позволила управлять страной в новых исторических условиях и привела к дальнейшей централизации и бюрократизации управления;

введение министерского (единоличного) управления повысило личную ответственность чиновников всех рангов и способствовало более быстрому прохождению дел и решению вопросов;

введение Государственного совета с законосовещательными функциями придало политике правительства в управлении государством известное единство в той мере, в какой только это было возможно в условиях самодержавия.

Объективный смысл этой реформы заключался в том, что, как отмечалось в историко-юридической литературе, система личных поручений, уходящая своими корнями в феодальную вотчину, была заменена системой учреждений (действующих на основе «непреложных законоположений») с четко очерченными функциями и определенным порядком делопроизводства, отчетности и контроля. В идеале эта реформа должна была установить ту политическую систему, к которой стремилась Екатерина II, то есть утвердить неограниченную, централизованную, бюрократическую, подзаконную монархию. Конечно, введение Государственного совета можно рассматривать как попытку поставить саму монархическую власть в рамки закона, однако попытка эта была настолько незначительна и робка, что серьезно говорить о каком-либо ограничении самодержавия не приходится. Утвердить законность в самодержавном государстве — дело абсолютно невозможное.

Эта реформа имела, конечно, и свои отрицательные последствия — крайняя централизация и бюрократизация управления со всеми вытекающими последствиями, которые ярко проявились в скором времени. Но для своего времени она имела прогрессивное значение, хотя и не вносила ничего нового в социальные отношения: в России были введены европейские формы власти, которые продержались и обеспечивали возможности для развития страны в течение более 100 лет. Это была вершина возможностей абсолютизма в области государственного строительства, выше которой самодержавие уже подняться не могло, так как это было бы разрывом и с феодализмом и с самим абсолютизмом. Самодержавие не могло принять принципы конституционного проекта Сперанского не только в начале века, но и в конце его, так как этот проект подрывал сам абсолютизм и открывал простор буржуазному правопорядку.

Школьная реформа 1804 г. также, на наш взгляд, развивала принципы просвещенного абсолютизма. Создание четкой системы начального, среднего и высшего образования, установление преемственности между различными типами школ, открытие новых университетов и специальных средних и высших учебных заведений были призваны обеспечить страну — государственный аппарат, хозяйство, культуру и науку — необходимыми образованными кадрами.

Социальная политика Александра I, и прежде всего политика в крестьянском вопросе, также, на наш взгляд, являлась продолжением и развитием в новых условиях политики Екатерины. И для Александра I характерен социальный консерватизм и полная опора на дворянство.

Его мероприятия в крестьянском вопросе (закон о вольных хлебопашцах и другие) хотя и не имели большого реального значения и скорее напоминали соответствующие «просветительские» декларации Екатерины II, чем начало большой реформы, тем не менее важны с принципиальной стороны — они определяли тенденции правительственной политики в будущем.

Все это и дает основание, как нам представляется, считать «дней Александровых прекрасное начало» (1801—1815 гг.) вторым периодом просвещенного абсолютизма в России и последним его этапом, когда абсолютизм находил еще в себе силы для внутренней эволюции.

Итак, просвещенный абсолютизм — это особый период или особые периоды в истории русского абсолютизма и его политики (таких периодов два: 60—80-е годы XVIII в. и начало XIX в.), которым соответствует определенная расстановка классовых сил и определенный уровень классовой борьбы. Покончив с феодальным сепаратизмом, абсолютизм в это время не сталкивается с организованным сопротивлением новых сил, поскольку классы буржуазного общества еще не сложились. Политика просвещенного абсолютизма могла проводиться в тех странах и на таком этапе развития, где и когда развитие буржуазных отношений еще не выходило за рамки феодальной системы, а классовая борьба не грозила существующему общественному строю. Опираясь на созданную им бюрократию, финансовую систему и армию, абсолютизм в это время приобретает наибольшую самостоятельность.

Просвещенный абсолютизм является выразителем интересов феодального класса в целом, он может проводить прогрессивные реформы — в области управления, суда, культуры, просвещения, — поскольку они не затрагивают сложившихся социальных отношений. Просвещенный абсолютизм — это абсолютизм, реформирующий органы власти, сохранивший возможности для внутреннего развития. Он широко использует идеи просветительской мысли, приспособляя их к интересам развивающегося феодального государства. Поэтому сам термин «просвещенный абсолютизм» является условным, так как ни просвещение, ни просветительство не были ни главным, ни определяющим в его политике. Его главная, «прогрессивная» функция — дальнейшая политическая централизация страны, и, поскольку эта централизация власти еще прогрессивна (так как способствует развитию производительных сил и национальной консолидации народа), постольку этот абсолютизм сохраняет свои прогрессивные черты. Просвещенный абсолютизм — это последний период, когда абсолютизм имеет силы для внутреннего развития, когда он еще может отражать интересы складывающейся нации в целом и выступать инициатором некоторых необходимых преобразований. И лишь постольку, поскольку эти преобразования способствовали развитию производительных сил (что было необходимой предпосылкой буржуазного развития), можно говорить и о том, что он поддерживал «тенденции» буржуазного развития. Но просвещенный абсолютизм — режим феодальный, причем в нем уже начинают отчетливо проявляться консервативные и реакционные черты. Безусловная и всесторонняя поддержка дворянства, которую осуществила Екатерина II в условиях, когда этот класс уже утрачивал свои потенциальные возможности, означала, что с завершением централизации оканчивается и прогрессивная роль абсолютизма.

СПЕЦИФИКА НЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НАРОДОВ, НЕ ЗАВЕРШИВШИХ ПРОЦЕССА СКЛАДЫВАНИЯ КЛАССОВ.

И. Л. Андреев

Сбрасывая колониальное иго, народы освобождающихся стран оказываются на историческом перепутье, перед проблемой выбора пути развития, пути ликвидации социально-экономической отсталости. Существование на мировой арене социализма, помощь социалистических стран и международного коммунистического движения угнетенным народам в их борьбе за национальное и социальное освобождение открывают перед ними перспективу некапиталистического развития. «Под воздействием революционных условий нашего времени,— говорится в документах международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г.,— возникли своеобразные формы прогрессивного общественного развития освободившихся стран, возросла роль революционно-демократических сил. Некоторые молодые государства вступили на некапиталистический путь — путь, который обеспечивает возможность ликвидации отсталости, унаследованной от колониального прошлого, и создания условий для перехода к социалистическому развитию. Социалистическая ориентация в этих странах пробивает себе дорогу, преодолевая большие трудности и испытания»¹.

Вскрывая классовую подоплеку особенностей и трудностей развития освободившихся стран, участники Совещания в числе других факторов, определяющих своеобразие их социально-экономической структуры, указывали на место и роль крестьянства в происходящих ныне и будущих социальных переменах. «Сегодня центральный вопрос революционного процесса в Азии и Африке,— говорил в выступлении на Совещании глава делегации КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев,— это вопрос о позиции крестьянства, составляющего там большинство населения. Крестьянство этого района мира — могучая революционная сила. Но это, как правило,— стихийная сила, со всеми вытекающими отсюда колебаниями, со всеми противоречиями в идеологии и политике»². В этих условиях, отметил далее Л. И. Брежнев, проблема союза мирового рабочего класса с крестьянством бывших колоний имеет в значительной мере международный характер, а потому от коммунистического движения требуется огромное внимание к крестьянскому союзнику пролетариата, дополнительная разработка некоторых аспектов стратегии и тактики применительно к специфическим условиям бывших колониальных стран»³.

Один из путей к этому — анализ предпосылок и особенностей некапиталистического развития, вытекающих из сохранности у подавляю-

¹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы». М. 1969, стр. 312—313. ,

² Там же, стр. 62—63.

³ Там же, стр. 63.

щего большинства крестьянского населения бывших колоний и зависимых стран общинных институтов и традиций. К тому же особенности социально-экономической структуры многих бывших колоний, среди которых важнейшими «остаются разобщенность экономики, незавершенность процесса образования наций и классов»⁴, а также разрушающий ее и одновременно сдерживаемый ею спонтанный рост предпосылок и элементов капитализма, обуславливают столь значительную специфику социальной действительности этих стран, такой клубок противоречивых перспектив и тенденций развития, что растущая во всем мире популярность социалистических идей нередко становится почвой для различных теорий «локального», «континентального» социализма. Поэтому актуальна задача научного объяснения этих особенностей как форм проявления общих закономерностей социального прогресса в конкретных исторических условиях. В данной статье автор касается не столько общих закономерностей некапиталистического пути развития, сколько его специфики у народов, не закончивших процесс складывания классов и сохранивших общинно-патронимическую организацию⁵ в качестве основного звена своей социально-экономической структуры.

Конечно, сама по себе такая социально-экономическая структура не содержит ни ростков, ни предпосылок социализма. Судьбы общинного коллективизма и вытекающих из него социальных институтов оказываются связанными прежде всего с внутрисполитическими условиями развития, с внутренними социальными предпосылками такого рода развития и соотношением политических сил в регионе и на мировой арене⁶. И если стихийная тенденция к консервации коллективистских институтов, характерная для инертного сознания общинного крестьянства, так или иначе проявляется на всех этапах истории общины, то сама по себе она не является прогрессивной. Ее нередко используют и ею прикрываются самые махровые реакционеры. Общинный коллективизм может быть использован в интересах самих трудящихся, в целях известного облегчения понимания и принятия ими социалистических принципов и норм лишь при наличии политической власти, последовательно проводящей курс на некапиталистическое развитие.

Тезис о незавершенности процесса складывания классов у многих народов современности, столетиями ютившихся на «задворках» колониальных империй и национальных окраинах капиталистических стран, вытекает из признания общинно-патронимической организации центральным элементом их социально-экономической структуры. Взаимобусловленность сохранения общины и незавершенности складывания классовой структуры может быть аргументирована как с позиций общих закономерностей исторического процесса, так и анализом истории конкретных народов и стран. Общину связывает с классовым обществом

⁴ «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза». М. 1969, стр. 46.

⁵ В 1931 году М. О. Косвен предложил выделить особую, выросшую из семейной общины и отпочковавшуюся от нее форму, в которой принцип родственных отношений вынесен за пределы ячейки непосредственного производственного коллектива. Он назвал ее патронимией. Последняя, по наблюдениям М. О. Косвена и других авторов, зачастую переживает не только семейную, но и сельскую общину, оставаясь, правда, формой главным образом психологического и отчасти идеологического, а не производственного единства общинников (М. О. Косвен. Семейная община и патронимия. М. 1963). В данной работе речь будет идти об общине, поскольку патронимия может быть принята за один из важнейших атрибутов социальных структур общинного типа либо за само собой разумеющуюся форму взаимосвязи общин и общинников какого-либо региона.

⁶ Методологический аспект соотношения условий и опыта некапиталистического развития народов национальных окраин СССР, Монгольской Народной Республики и некапиталистических тенденций в социальном развитии освобождающихся стран анализируется в специальных работах (см. Р. А. Ульяновский. Ленинская концепция некапиталистического развития и современность. «Вопросы истории», 1970, № 4).

то, что именно в ее недрах, вернее, на общинно-патронимическом уровне, совершается разложение первобытнообщинного строя и генезис классов. Вместе с тем ее отличает от классового общества то обстоятельство, что, во-первых, классогенез (например, в виде кастогенеза) начинался в сфере взаимодействия общин и лишь затем стал проникать «внутрь» их самих (притом не всегда одинаково успешно); во-вторых, классы фиксируют качественно иной — вещный, общественный характер социальных отношений, в то время как община, будучи «локализованным микрокосмом»⁷, функционирует главным образом как форма личной, естественной связи людей. К. Маркс писал: «Земледельческая община, будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой ко вторичной формации, т. е. переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности»⁸.

В духе этого указания К. Маркса приобретает связанный с данной темой смысл одна из центральных идей недавней дискуссии о закономерностях и ступенях процесса классовообразования — гипотеза о наличии на стыке процессов разложения первобытнообщинного строя и собственно складывания классов своеобразной переходной ступени, характеризующейся наличием элементов эксплуатации в рамках социальных институтов общинного типа⁹. Эта ступень может задержаться у народов, оказавшихся на «периферии» истории, вплоть до современности.

Автор специально аргументировал это положение по отношению к социально-экономической структуре ряда бывших колоний Франции в Западной и Центральной Африке, главным образом на примере Республики Мали¹⁰. Действительно, как иначе можно охарактеризовать, скажем, малийское общество конца 50-х — начала 60-х годов нашего века, периода получения национальной независимости? Чрезвычайная отсталость страны. Полное отсутствие промышленности. Годовой доход на душу населения — 56 долл., а в сельской местности и того меньше (40 долл. в относительно влажных и 24 долл. в засушливых районах). Товарность хозяйства минимальная, в ряде районов на рынок и обмен шло около 10% продукции. Преобладающее большинство населения — крестьяне. Основной социальной ячейкой оставалась семейная община, постепенно перераставшая в сельскую. Сочетание обоих названных типов общинных отношений проявилось в том, что большинство из 10 тыс. малийских деревень представляло собой соседское объединение семейных общин. Расслоение в среде общинников началось, однако наемный труд еще крайне неразвит. Накануне провозглашения независимости даже во время уборки урожая из более чем четырехмиллионного сельского населения лишь 600 человек работали батраками в 43 хозяйствах африканцев. Из 200 тыс. ремесленников только 30 человек использовали труд 70 наемных работников. Рабочий класс находился в эмбриональном состоянии — 28,6 тыс. рабочих (0,77% населения), из которых

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, стр. 420.

⁸ Там же, стр. 419.

⁹ См. Ю. И. Семенов. К вопросу о первой форме классового общества «Ученые записки» Красноярского педагогического института. Т. 9, вып. 1. Красноярск. 1957; В. Р. Кабо. Становление классового общества у народов Океании. «Народы Азии и Африки», № 2, 1966; В. М. Массон. Становление раннеклассового общества на Древнем Востоке. «Вопросы истории», № 5, 1967; М. В. Крюков. Социальная дифференциация в древнем Китае. «Разложение родового строя и формирование классового общества». Сборник статей. М. 1968.

¹⁰ Более полную, опирающуюся на анализ французских, малийских и иных источников характеристику социально-экономической структуры Мали этого периода см. И. Л. Андреев. Община и социальные процессы в освобождающейся Африке. «Вопросы философии», № 8, 1965; его же. Общее и особенное в социальном развитии Мали. «Народы Азии и Африки», № 2, 1967, и др. В настоящей работе некоторые из полученных данных приводятся без ссылок на источники.

70% приходилось на долю неквалифицированных чернорабочих. В категорию нанимателей, включавшую и лиц, державших домашнюю прислугу, входило лишь 0,06% самодеятельного населения, подавляющую часть которого составляли французы; многие из них вскоре покинули страну. Классовым антиподом и основным эксплуататором малийского народа выступал французский монополистический капитал. Иностранцы, составлявшие 0,19% населения, присваивали 13% национального дохода. Однако крайне незначительный продукт не стимулировал особой интенсификации форм угнетения и активного вывоза капитала. Французский капитал эксплуатировал национальные богатства страны как бы «извне», не внедряясь глубоко в толщу традиционных экономических отношений¹¹.

Приведенные данные позволяют сделать вывод о незавершенности процесса классового расслоения в социальных структурах общинного типа. Аналогичная ступень развития во многом характеризует также другие страны Западной и Центральной Африки, ряд районов Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока, населенные индейцами горные области Латинской Америки¹², жизнь аборигенов Австралии и т. п.

В этой связи важно отметить сохранность общинно-патронимической организации как основы общественной структуры полуколониальных народов бывшей царской империи. В земледельческих районах Средней Азии сосуществовали как общины архаического типа, основанные на передельном землепользовании («пайкал») — на богарных главным образом землях, так и водоземельные, в которых связующим экономическим фактором была общая система орошения. В горных кишлаках Памира сохранялись не только общинное пользование ирригационной сетью, обычаи коллективной взаимопомощи, общественные водяные мельницы (характерные и для водоземельной общины), но и общинная земельная собственность, общественные участки для сбора топлива (встречающиеся, как правило, в районах богарного земледелия)¹³.

Напротив, водоземельную общину позднего типа (оазисы с товарным производством орошаемых культур) цементирует уже не совместная обработка всей или хотя бы части земли, а общинная ирригационная сеть. Нарушение уравнительного распределения воды вело к эксплуатации рядовых общинников со стороны верхушки. С другой стороны, необходимость более или менее регулярных общественных работ значительного масштаба способствовала длительному сохранению в формах патронимии некоторых общинных институтов, например, традиций совместного труда и т. п.

В кочевых районах Средней Азии и Казахстана традиции «родового» единства и коллективизма зачастую служили ширмой таких примитивных форм эксплуатации, как совместный выпас скота и совместная с бедняками запашка бая, «родовая» взаимопомощь прикрывала обычаи «саун», «ат майы» и «жур беру» (передача баем беднякам своего скота на содержание при условии возврата его с приплодом; платой за это было право последних пользоваться шерстью баранов, молоком коров

¹¹ В данном случае применима характеристика, которую К. Маркс дал ростовщичеству, поскольку и здесь капиталистическая эксплуатация существовала без своего субстрата — капиталистического способа производства. См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. II, стр. 147.

¹² По свидетельству С. де Сантиса, в 1950 г. в Чили существовало более 3 000 земледельческих общин, а в Перу и в Боливии — 1 300 и 4 000, не считая многочисленных других общин, рассеянных в районах, где некогда процветали великие доколумбовые цивилизации (см. S. de Santis. Les communautés de village chez les Incas, les Aztèques et les Mayas. «Le Pensée» 1965, № 122, p. 93).

¹³ См. Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахно-боло. М.-Л. 1936, гл. III; А. Н. Кондауров. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. «Труды» Института этнографии АН СССР. Т. III. Вып. I. М.-Л. 1940, стр. 19—22, 26, 53, 65.

и овец, тягловой силой рабочего скота)¹⁴. Однако, даже учитывая степень перерождения этих институтов пастбищно-аульной общины, следует отметить, что они все-таки способствовали длительной консервации принципа коллективного пользования пастбищами и элементов коллективной организации выпаса скота. Община наиболее раннего типа сохранилась у малых народов Крайнего Севера и северо-востока нашей страны. Переплетение принципиально различных общественных укладов как выражение специфики перехода к социализму северных народов описал у чукчей видный советский исследователь 30-х годов И. С. Архинчеев¹⁵.

Эпоха становления социализма во всемирном масштабе открывает перед народами, сохранившими общину, возможность миновать развитые формы классово-антагонистических отношений. Речь идет о возможности «спрямления» ими своего исторического пути, «пропуска» классово-антагонистической ступени развития, в недрах которой вызревают объективные предпосылки для последующего «возврата» к общественной собственности на средства производства и социальному равенству на качественно новой, научно-индустриальной основе (коммунизм). Характеризующее мировой исторический процесс «двойное отрицание» может отсутствовать в некоторых из его локальных ветвей. В эволюции конкретных социальных объектов как бы выпадает «среднее звено». Будучи обусловленным спецификой социальной среды, это обстоятельство, в свою очередь, вызывает своеобразное преломление общих закономерностей исторического процесса в условиях той или иной страны.

Во-первых, налицо процесс, в котором внешний фактор — победа пролетариата в развитых странах (районах) и его помощь оставшим народам — является основным, решающим условием осуществления скрытых в общине внутренних возможностей перехода к социализму. Первое необходимое для этого условие, по мнению Энгельса, — это «толчок извне — изменение экономической системы Западной Европы, уничтожение капиталистической системы в тех странах, где она впервые возникла»¹⁶. Ту же мысль Энгельс высказывал в свое время и относительно Болгарии¹⁷.

Во-вторых, внутри страны некапиталистическому пути способствуют некоторые духовные предпосылки: социальные привычки, обычаи, традиции доклассового характера, в той или иной мере сохранившиеся в общине, в то время как значительная часть материальных предпосылок такого развития привлекается извне — за счет общения с передовыми в экономическом отношении странами.

Происходит также известное опережение традиционного общинного базиса со стороны складывающейся в ходе национально-освободительного движения надстройки. Последняя, по справедливому замечанию Г. Мирского и Т. Покатаевой, оказывается как бы «насажденной» революцией на старый базис, а потому не столько определяется им, сколько «стареется» видоизменить, «подтянуть» последний до своего уровня¹⁸. Это относится в значительной мере и к соотношению производительных сил и производственных отношений в этих странах, где, как правило, «производительные силы не достигли того уровня, чтобы существующие

¹⁴ Г. Ф. Дахшлейгер. К характеристике социально-экономических отношений в казахском ауле (1921—1928). «Материалы для обсуждения на сессии по истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР». М. 1961, стр. 35—37.

¹⁵ И. С. Архинчеев. Материалы для характеристики социальных отношений чукчей в связи с социалистической реконструкцией хозяйства. «Труды» Института этнографии АН СССР, Т. XXXV, М.-Л. 1957, стр. 79.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 39, стр. 33.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 36, стр. 462.

¹⁸ Г. Мирский, Т. Покатаева. Классы и классовая борьба в развивающихся странах. «Мировая экономика и международные отношения», 1966, № 3, стр. 60.

производственные отношения стали для них тормозом»¹⁹. Поэтому если при переходе от капитализма к социализму удерживается главным образом достигнутый уровень производительных сил, а коренным образом изменяются основанные на частной собственности производственные и общественные отношения, то общедемократический этап некапиталистического развития народов, не закончивших процесс складывания классов, напротив, предполагает определенное использование реликтов производственных и общественных отношений, генетически присущих первобытнообщинному строю.

«Нет сомнения,— писал Ф. Энгельс в письме Н. Ф. Даниельсону в 1893 г.,— в том, что община и, в известной степени, артель заключали в себе некоторые зародыши, которые при определенных условиях могли бы развиться и спасти Россию от необходимости пройти через муки капиталистического режима... Между тем община у вас все больше сходит на нет, и нам остается только надеяться, что переход к лучшей системе совершится у нас на Западе достаточно скоро, чтобы спасти — по крайней мере в некоторых наиболее отдаленных местностях вашей страны — те институты, которые при этих новых обстоятельствах могут оказаться призванными осуществить великое будущее»²⁰.

В этом смысле опыт некапиталистического развития национальных окраин СССР представляет ценность как практическая реализация теоретического предвидения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина о возможности «спрямления» исторического пути конкретных народов и стран в ходе ликвидации ими социально-экономической отсталости при всесторонней поддержке и помощи рабочего класса, совершившего социалистическую революцию. Разумеется, в зависимости от характера и масштабов этой помощи существенно различались некоторые основные черты и главным образом темпы социально-экономических преобразований. Вместе с тем целый ряд особенностей такого развития вытекает не столько из характера его внешних условий и гарантий, сколько обусловлен наличием общины в качестве основной ячейки данных обществ, то есть касается уже не стратегии, а «техники» социально-экономических преобразований.

А поскольку последняя тесно связана с определенными тенденциями развития общины, проявляющимися в странах современного «третьего мира», постольку опыт малых народов и национальных окраин СССР актуален сегодня. Однако в данном качестве советский опыт выступает отнюдь не как эталон для слепого копирования (даже у различных народов СССР имели место значительные особенности преобразований), а как пример конкретного марксистского учета специфики социально-экономической структуры народов, совершающих некапиталистический путь развития, как свидетельство принципиальной возможности использования при этом некоторых элементов общины.

Разумеется, при обращении к советскому опыту в этой области нельзя игнорировать специфические политические условия его осуществления в рамках единой с рабочим классом промышленных районов России государственной системы. Но вместе с тем было бы также неправомерно отказаться от фиксации определенного сходства тех объективных тенденций развития общины («общинных институтов») в условиях национального освобождения и общей демократизации общественной жизни, которые характеризовали ранние этапы некапиталистического развития народов национальных окраин СССР и присущи в какой-то мере социальным процессам в целом ряде стран современного «третьего мира».

¹⁹ С. Л. Зивс, Г. Б. Старушенко. Ленинская теория некапиталистического пути и ее развитие. «Некапиталистический путь развития стран Африки». М. 1967, стр. 27.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 39, стр. 33—34.

Внутренняя противоречивость общины как формы переходной, в рамках которой происходит и в то же время сдерживается процесс социальной дифференциации и складывания классов, а также неадекватная оценка роли исторической среды в развитии общины порождают крайности в трактовке перспектив общины на путях развития к социализму. Одной из них являются объективно-реакционные иллюзии народного толка, в свете которых община выступает едва ли не готовой ячейкой социализма. Рецидивы подобных взглядов встречались, в частности, в советской литературе 20—30-х годов; например, когда некоторые исследователи Чукотки, не заметив в недрах общинно-родственных производственных и социальных отношений «зерна» эксплуатации и угнетения, пришли к неверным выводам, что байдарные артели коряков «однотипны с социализмом»²¹, а стойбищные объединения чавчуменов «мало чем отличаются от простейших производственных объединений советского времени, то есть товариществ»²². В наши дни аналогичные идеи составляют стержень основных концепций так называемого «африканского социализма» и теории «негритюда», сторонники которых, констатируя наличие общины как господствующей формы социальной организации и незавершенность процесса классовообразования в африканской деревне, видят главную задачу современной Африки в «сохранении черной души» — «негритюда», который, как они утверждают, «как комплекс культурных достижений является традиционно социалистическим по своему характеру»²³. Строительство социализма в Африке заключается, следуя данной точке зрения, не в ликвидации эксплуатации, а в ее недопущении. Для этого предлагается эклектический в теоретическом и утопический в практическом плане рецепт: позитивные достижения капитализма (включая частное предпринимательство) необходимо, «подобно черенкам, привить к дикому стволу негритюда и удобрить их социалистическим духом, чтобы заставить приносить плоды»²⁴.

Столь же ошибочным является преувеличение внутриобщинной дифференциации и эксплуатации, игнорирование или преуменьшение роли общинных форм труда и быта, недооценка роли внешнего фактора в их социалистическом преобразовании. Так, в советской исторической науке 20-х годов, когда марксистская методология еще только осваивалась, это иногда выливалось в полное отрицание всякой возможности преемственности на рельсах некапиталистического развития к социализму между общиной, с одной стороны, местным Советом и кооперативом — с другой, вплоть до провозглашения необходимости предварительного, чуть ли не специального разрушения общины капиталистическими отношениями²⁵ или предложения о государственном содержании малых народов в своеобразных резервациях до их социального «дозревания»²⁶.

Между тем сама по себе община вовсе не является ни панацеей от всех последствий отсталости и колониализма, ни их источником, ни предпосылкой, ни тем более ячейкой коллективистского общества, основанного на современной индустрии, — социализма. Речь должна идти не о сохранении во что бы то ни стало и тем более не о реставрации, искусственном «закреплении» распадающейся в ходе дальнейшего исторического развития общины, а о политическом и идеологическом воздействии, управлении процессом ее разложения с целью «подхватывания» и «удер-

²¹ Н. Н. Билибин. Работа Корякского краеведческого пункта. «Советский Север», 1932, № 6, стр. 105—106.

²² В. М. Крылов. Оленеводство Пенжинского района. Корякский национальный округ. «Очерки по промысловому хозяйству и оленеводству Крайнего Севера». Сборник. Л. 1936, стр. 93.

²³ «African Socialism». Ed. by H. Friedland a. o. Stanford, 1964, p. 265.

²⁴ Ibid., pp. 265—266.

²⁵ См. П. Кушнер (Кнышев). Пять общественных укладов. М. 1927, стр. 55.

²⁶ В. Г. Богораз. О первобытных племенах (Наброски к проекту организации управления туземными племенами). «Жизнь национальностей», 1922, № 1 (30).

жания» в сменяющих общину социальных институтах и формах общественных отношений, присущих ей тенденций коллективизма, взаимопомощи, демократического решения многих общих дел, общественной собственности на естественные предпосылки производства и крупные орудия труда. Причем этот процесс не может быть ограничен сферой сознания. Он успешно разворачивается лишь на базе коренного преобразования материальной жизни, форм труда и быта прежних общинников²⁷.

Социализм не увековечивает общину, как ошибочно полагали многие социалисты-утописты и народники. Сохранение реликтов общинных институтов и традиций, переживающих самую общину как таковую, общинная форма первых местных крестьянских Советов и кооперативов, — все это является временным обстоятельством, присущим переходному периоду в развитии общинного крестьянства, психологически «смягчающим» его вступление в новую историческую эпоху. Традиции и иллюзии крестьян-общинников — объективный факт; их нельзя отбросить или отменить декретом, через них нельзя перешагнуть. Крестьянство само должно переболеть ими, самостоятельно убедиться в их несостоятельности и архаичности. Сохранение общины вплоть до начала коренных социальных преобразований обуславливает некоторые социально-психологические особенности некапиталистического развития. Его конечная цель — социализм предполагает не только создание высокоразвитой индустрии, но и выработку у людей соответствующего сознания, потребности к труду, дружеского, товарищеского, братского отношения друг к другу. Поэтому навыки коллективизма и взаимопомощи, сохранившиеся в общине, могут на некапиталистическом пути ликвидации исторической отсталости стать одним из стимулов ускоренного социального развития.

Ф. Энгельс полагал, что после победы пролетариата и перехода средств производства в общее владение «те страны, которым только что довелось вступить на путь капиталистического производства и в которых уцелели еще родовые порядки или остатки таковых, могут использовать эти остатки общинного владения и соответствующие им народные обычаи как могучее средство для того, чтобы значительно сократить процесс своего развития к социалистическому обществу и избежать большей части тех страданий и той борьбы, через которые приходится прокладывать дорогу нам в Западной Европе»²⁸.

Вместе с тем признание возможности использования на начальных этапах некапиталистического развития ряда социально-психологических институтов и традиций, сохранившихся в общине, не только не исключает, а, напротив, непременно предполагает выявление и конкретный анализ тех сторон общинных отношений, которые объективно препятствуют радикальным социальным преобразованиям, направленным на переход к социализму. К последним следует отнести сохранившиеся от первобытного строя обычаи уравнительного распределения продукции, создающие почву для социального паразитизма верхушки и мешающие

²⁷ Последнюю мысль целесообразно подчеркнуть, ибо нередко кооперативные мероприятия (порою весьма дорогостоящие) в развивающихся странах имеют тенденцию ограничиваться совокупностью воздействий на общественное сознание, слабо затрагивая традиционное общественное бытие. Так, в Того довольно интенсивно проводится обучение молодежи передовым агротехническим методам, однако, получив соответствующие знания, она практически лишена всякой возможности их применения, поскольку отсутствует даже такой инвентарь, как плуги, нет удобрений, средств для разворачивания собственного хозяйства и вакансий на государственной сельскохозяйственной службе. В результате деревня теряет наиболее энергичных и грамотных молодых людей (получив образование, они уходят в города в надежде сделать карьеру служащих и хоть как-то использовать полученные знания), а государство — средства из фонда аграрных преобразований. Подробнее о социальном исследовании тоголезского крестьянства см. J. C. Froelich. *Le paysan noire et defi moderne*. «Civilisation» (Bruxelles). 1969, № 4, p. 455 etc.

²⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 22, стр. 445—446.

внедрению социалистических принципов оплаты труда; некоторые мистические табу, закрепляющие архаические формы производства и препятствующие экономически целесообразному перераспределению земель между общинами; сильные пережитки вождизма эпохи классового разделения, во многом формальный характер совета старейшин и зачастую единоличное решение в его «стенах» общинных дел, а также привнесенные в общину под влиянием колониализма и капитализма ростки мелкобуржуазной стихии, духа наживы и частного предпринимательства. Эти факторы блокируются созданием условий для дальнейшего развития того исторически прогрессивного, что сохранилось до современности в общинных традициях, и вытеснением норм, институтов, тенденций ставших задержкой на этом пути²⁹.

Как это происходит? Каков социальный и психологический механизм подобных процессов? Поиски ответов на эти вопросы неизбежно приводят к проблеме дуализма общины, методологический анализ которой дан К. Марксом. Дуализм общины проявляется в виде противоречия между опирающимися на «обычай предков» первобытными традициями равенства и коллективизма и складывающимися в недрах тех же традиций, маскирующимися, «прячущимися» в их ритуалы и формы отношениями эксплуатации и угнетения, социального паразитизма верхушки. Становление коммунистической общественно-экономической формации вызывает в известном отношении возрождение на новой основе социальной справедливости первобытных общин, на что указывал еще Морган³⁰. Поэтому там, где к моменту начала радикальных социальных преобразований, направленных к созданию предпосылок строительства социализма, сохранились общины, естественно, встает вопрос о методах «подхватывания» традиций равенства и коллективизма, об использовании их в процессе перехода к социализму.

Обычно начальный этап такого процесса в рамках некапиталистического развития к социализму народов, не закончивших классового разделения, характеризуется тем, что в социальную структуру общинно-патронимического типа вводится внешний по отношению к ее саморазвитию социальный элемент, вернее, система социальных элементов, в определенных отношениях изоморфных общинным традициям.

В результате этого, во-первых, резко ускоряется назревание конфликта между генетически первичным первобытно-демократическим содержанием традиций и складывающимися «внутри» них нормами, отражающими интересы отрывающейся от общины верхушки; во-вторых, сам конфликт обнажается. Следование традиции в той части, в какой ее под-

²⁹ Однако абсолютизирование этих факторов не менее грубая методологическая ошибка, чем их игнорирование. Это важно отметить, ибо такая позиция встречается не только в западной литературе, но и у части африканских исследователей, разочарованных трудностями развития своих стран, а потому рассматривающих общину как форму социальной коммуникации и хозяйственную ячейку, в целом препятствующую интенсификации сельского хозяйства и его кооперированию благодаря своей «врожденной иррациональности» (см. A. Zghal. *Système de parenté et système coopératif dans les campagnes tunisiennes*. «Civilisation» (Bruxelles), 1969, № 4, p. 493).

Между тем анализ работ данного направления показывает, что их авторы (особенно буржуазные) нередко наряду с действительными трудностями кооперирования общинного крестьянства (архаическая материальная база, традиции старшинства, эксплуатация женщин и молодежи и т. п.) называют в числе преград такого рода также отсутствие у африканского крестьянина духа накопления, наживы, жадности личного обогащения. Буржуазным ученым кажется алогичным отсутствие у крестьянина стремления к совершенствованию производства, хотя конкретный фактический материал, нередко приводимый в этих же работах, показывает, что во многих странах Африки (например, в Того) крестьянин и по сей день находится в социальных условиях, заведомо делающих бессмысленными его усилия по повышению производительности труда: удвоение урожая кофе почти автоматически влечет снижение вдвое же цен на него, за арахис, идущий на экспорт, крестьянин получает всего 3,7% его продажной цены и т. п. (см. J. C. Froelich. *Op. cit.*, pp. 456—463).

³⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. *Соч.* Т. 21, стр. 178.

атывает и развивает новый социальный элемент, вполне приемлемой точки зрения психологии рядового общинника. Но и закрепляющие социальный паразитизм верхушки нормы, по существу, «вплетены» в те же или аналогичные традиции, еще не оторвались от них окончательно и по крайней мере не столь явно, чтобы любой общинник мог четко видеть их противоположность. В принципе конфликт разрешается «расчленением» слоев традиционного общественного сознания, включая вскрытие их социальной природы, и размежеванием тенденций их дальнейшего развития³¹.

Так, традиции трудового коллективизма (например, совместный выпас скота) постепенно становятся почвой складывающейся эксплуатации родовых общинников со стороны общинной верхушки (одинаковый вклад в уход за стадом, в котором у одного десятки, а у другого тысячи голов). Первые имеют своей основой традиционные производственные связи, «которые сама природа ткала веками», вторая — инерцию социально-психологических установок «равной» принадлежности к одному «роду». С появлением страхового общественного табуна, выделенного за счет государственной ссуды³², в поведении рядового общинника возникает затруднение, коллизия, раздвоение мотива, происходящее на субъективно «единой» традиционной основе: верхушка требует держаться принципа «единства рода» и отказа от обслуживания страхового табуна; напротив, участие в уходе за ним отвлекает от «общего», «родового» стада. Возникает конфликтная ситуация. Рядовой общинник должен сделать выбор, тем более что к этому времени он нередко сам убеждается в корысти и неискренности представителей родовой верхушки.

Другой аналогичный сюжет связан с областью распределения продуктов труда. Господствующее в общине уравнительное распределение (в виде обычаев прямого дележа типа эвенкийских «нимата» и «берси», а также косвенное перераспределение вроде обязательного гостеприимства и т. п.), генетически вытекающее из некогда равного участия в труде, становится по мере расслоения общины одним из каналов социального паразитизма верхушки, постепенно выходящей из сферы производства. Внедряемое уже на самых ранних ступенях некапиталистического развития распределение по труду (трудодень, трудочас и т. п.) как бы воскрешает древние традиции обязательного участия каждого в общественном производстве и тем самым как-то нейтрализует возможность социального паразитизма. Недаром богатый торговец-чукча Алитет уходит в горы, к более отсталым, «оленным» чукчам, у которых традиции уравнительного распределения и обязательного гостеприимства были значительно сильнее, чем у их приморских соплеменников³³.

Эта закономерность характеризует также процесс складывания национально-демократической государственности таких народов, особенно ее нижних звеньев. Формирование демократических местных органов власти оживляет в народной памяти традиции равноправия и былой роли племенных собраний, обнажая разрыв между ширмой «родовых» обычаев и узковерхушечной социальной природой прежних органов управления. Обычай коллективного осуществления общей воли, с одной стороны, и беспрекословного подчинения старейшинам — с другой, все чаще ставят в тупик простого общинника. Постепенно вопреки инерции

³¹ К близким выводам приходит польский юрист Ш. Ходак, исследовавший источники современной африканской государственности (см. Sz. Chodak. Struktura systemów politycznych «czarnej» Afryki. «Państwo i prawo». Warszawa, 1962, № 3, str. 412).

³² Н. П. Никульшин. Первобытные объединения и социалистическое строительство у эвенков (тунгусов). Л. 1939, стр. 80—81, 97; Л. П. Потапов. Очерк социалистического строительства у алтайцев в период коллективизации. Горно-Алтайск. 1961, стр. 8.

³³ См. также И. С. Архинчеев. Указ. соч.

слепого почитания старейшин в нем возрождается чувство социального равенства (причем оно выходит за рамки общины, распространяясь все человечество) и собственного достоинства, а формирование и деятельность органов местного самоуправления трактуются как вытекающие из этого равенства. Чтобы ускорить данный процесс, обычно практикуются частые выборы местных Советов³⁴, съездовско-ассамблейская схема их созыва и работы, постепенное введение по мере развития общинников классового самосознания определенных ограничений при избрании и избиратель для представителей верхушки и лиц, препятствующих проведению радикальных социальных преобразований.

Перспектива развития к социализму предполагает объективную возможность «пробудить в массах стремление к самостоятельному политическому мышлению и к самостоятельной политической деятельности там, где нет почти пролетариата»³⁵. Вместе с тем «отсталые или отстающие в своем развитии экономические отношения,—предупреждал В. И. Ленин,—постоянно ведут к появлению таких сторонников рабочего движения, которые усваивают себе лишь некоторые стороны марксизма, лишь отдельные части нового мирозерцания или отдельные лозунги, требования...»³⁶. Причем в первую очередь из марксизма «выхватывается» как раз то, что наиболее соответствует местным условиям³⁷, наиболее «похоже» на сохранившиеся общинные аналоги социальных институтов социализма. С одной стороны, это способствует популяризации марксизма и пробуждению социальной активности веками забитых народных масс, с другой — ведет к отождествлению социализма с идеологией общинного крестьянства, умалению роли пролетариата и классовой борьбы в построении социализма.

Незавершенность процесса складывания антагонистических классов и господство общинно-патронимического принципа организации основной массы населения, естественно, обуславливают специфику формирования национально-демократической государственности. Оставляя в стороне вопрос о влиянии названных факторов на общий фон политической жизни этих народов (расстановку политических слоев и сил, движущие силы различных этапов революции, социальную принадлежность и ориентацию ее руководителей, специфику политической и организационной работы с массами, источники складывающейся государственности и т. п.), в рамках данной статьи целесообразно ограничиться проблемой использования при организации низших звеньев государственной власти древних обычаев и социальных привычек, близких и понятных подавляющему большинству населения.

В. И. Ленин, признавая в принципе многообразие форм осуществления власти самостоятельными органами масс «**типа Коммуны и Советов** (не обязательно «Советов»)»³⁸, специально подчеркивал на II Конгрессе Коминтерна, что перспективой народов, сбрасывающих цепи колониальной зависимости, народов, находящихся на докапиталистических стадиях развития, являются именно Советы. Причем, говоря о Советах, В. И. Ленин исходил из гибкости этой созданной творчеством революционных масс России политической формы, прозорливо предвидел возможность учета в ее рамках специфической социально-экономической

³⁴ Например, в Хорезмской и Бухарской народных советских республиках делегаты курултаев избирались ежегодно и притом на сравнительно короткий срок — на время работы курултая. Аксакал селения избирался общим собранием избирателей на шесть месяцев или на год, но мог быть переизбран и досрочно (см. В. Е. Чиркин. Переходные государственные формы. Свердловск, 1963, стр. 236—240).

³⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 244.

³⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 20, стр. 65.

³⁷ Р. А. Ульяновский. Актуальные проблемы некапиталистического развития. «Некапиталистический путь развития стран Африки». М. 1967, стр. 7—12.

³⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 54, стр. 502.

структуры народов колоний и полуколоний. «Одна из важнейших наших задач теперь,— говорил В. И. Ленин,— подумать над тем, как положить первый камень организации советского движения в некапиталистических странах. Советы там возможны; они будут не рабочими, они будут крестьянскими Советами или Советами трудящихся»³⁹.

Советы, вырастая в систему органов власти, непосредственно связанную с массами и опирающуюся на их действия, приносят в государственный аппарат неиссякаемую струю живого народного творчества, обеспечивая проведение преобразований «самого глубокого характера без бюрократии»⁴⁰.

По отношению к низшим звеньям складывающейся национально-демократической государственности эта идея В. И. Ленина созвучна высказанной К. Марксом в 1881 г. в черновиках письма В. Засулич гипотезе о возможности становления местных органов демократического самоуправления непосредственно на основе традиционных институтов земледельческой общины в условиях некапиталистического развития⁴¹.

Местные органы власти выступают как фундамент национально-демократической государственности народов, сохранивших общину «в национальном масштабе», ибо при неразвитости представительной демократии они самым привычным, самым непосредственным образом привлекают массы к управлению государством⁴². В условиях общей демократизации общественной жизни, становления и развития государственного сектора национальной экономики местные органы власти становятся школой общественной активности и политического опыта для широчайших масс. При этом узколокальный горизонт деревенской ограниченности раздвигается всемерно внедряемой связью бытия, сознания и деятельности общины с заботами и интересами всей страны, обсуждением на народных собраниях важнейших правительственных и партийных документов, участием масс (через систему создаваемых представительных органов) в выработке и осуществлении государственной политики. Без этого сознание общинников замыкается в кругу дел своей общины, и по отношению к ним в известной степени остается справедливым замечание К. Маркса о том, что «структура основных экономических элементов этого общества не затрагивается бурями, происходящими в облачной сфере политики»⁴³.

Опыт истории неопровержимо свидетельствует, что крестьяне стихийно тянутся к привычным, «зримым» формам демократического самоуправления и консолидации, охотно возводя характер внутриобщинных отношений в исходный принцип государственного устройства. Это характерно и для современности. По мнению французского экономиста Ш. Беттельхейма, индийская деревенская община и сейчас «пытается жить самостоятельно, сохраняя свое традиционное устройство и свои традиционные институты», охватывающие по крайней мере 70—80% населения второго демографического гиганта современного мира. Традиционные органы управления и правосудия создаются главным образом деревенскими и кастовыми панчаятами (собраниями), действующими помимо

³⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 234.

⁴⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 304.

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, стр. 406. Следует отметить, что черновики письма К. Маркса В. Засулич были впервые опубликованы на русском языке лишь в 1924 г., почти через пять лет после выступления В. И. Ленина на II Конгрессе Коминтерна.

⁴² Попытки искусственного внесения буржуазных парламентских институтов в общинно-племенную в своей основе структуру общественных связей населения освобождающихся стран объективно ведут к распылению политических сил и мешают их общенациональной консолидации. Например, на выборах 1965 г. в Киншасе на 7 мест в палату представителей было выдвинуто 305 кандидатов от 65 партий, созданных в основном на племенной основе. См. А. А. Искендеров. Национально-освободительное движение. М. 1970, стр. 229—230.

⁴³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 371.

каких-либо предписаний закона. Одной из важнейших особенностей этих во многом самодетельных органов является то обстоятельство, что «круг решений принудительного характера сведен к минимуму, а принимаемых по добровольному согласию — предельно широк... Наказание опирается на коллективное согласие всех членов общины с вынесением приговора, а не на действие специальных органов принуждения»⁴⁴.

Стремление удержать основные принципы общинной системы местного самоуправления характеризует борьбу латиноамериканских индейцев за свои права. В этом они находят поддержку коммунистов своих стран, признающих необходимость предоставления индейцам права избирать собственные органы власти.

Тяга народов, сохраняющих общину или сравнительно недалеко ушедших от нее, к традиционным формам организации социальной жизни чувствуется как в более глубоких слоях истории, так и в современном мире. В новых исторических условиях эта тенденция, до сих пор дремавшая в недрах общины и оживлявшаяся лишь на особенно крутых поворотах истории⁴⁵, характеризует одну из специфических закономерностей некапиталистического развития народов, не закончивших процесс складывания антагонистических классов. Местные органы власти складываются у этих народов специфическим путем. Здесь сохранился, выражаясь словами В. И. Ленина, «примитивный демократизм» первобытных или докапиталистических времен⁴⁶.

Ленинский принцип автономии и самоопределения национальных меньшинств, сформулированный в предложении «создать автономные округа, хотя бы самой небольшой величины, с цельным, единым, национальным составом, причем к этим округам могли бы «тяготеть» и вступать с ними в сношения и свободные союзы всякого рода, члены данной национальности, рассеянные по разным концам страны или даже земного шара»⁴⁷, может быть успешно применен и по отношению к небольшим этническим группам, вплоть до связанных сознанием родства.

Создание «родовых» Советов в тех специфических условиях, когда территориальная общность, отмеченная Ф. Энгельсом в качестве одного из признаков, отличающих государственную организацию от родоплеменного устройства⁴⁸, еще не выкристаллизовалась из родственных и оформленных в виде родства связей, является одним из самых ярких подтверждений мысли В. И. Ленина о том, что «идея советской организации проста и может быть применяема не только к пролетарским, но и к крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям»⁴⁹, если только удастся найти и использовать «посредствующие пути, приемы, средства, пособия... для перехода докапиталистических отношений к социализму»⁵⁰.

В развитии низших звеньев национально-демократической государственности, имеющей социалистическую ориентацию, можно выделить

⁴⁴ Ш. Беттельхейм. Независимая Индия. М. 1964, стр. 143, 144. Характерно, что принятый в 1966 г. проект устава крестьянских народных советов Бирмы сохраняет в качестве исходного принципа этих организаций традиционное единогласие при принятии решений, характерное для крестьянской общины: «Советы всех ступеней стремятся к тому, чтобы все решения принимались единодушно, и только тогда, когда это окажется невозможно, решения принимаются большинством голосов» (см. Ю. Н. Гаврилов. Борьба за независимость и прогрессивные преобразования в Бирме. М. 1970, стр. 104). Другим важным в данной связи принципом деятельности крестьянских народных советов является явное предпочтение методам убеждения (там же, стр. 106 и др.).

⁴⁵ О социально-психологической основе этого явления пишет К. Маркс (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 8, стр. 119—120).

⁴⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 33, стр. 44.

⁴⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 24, стр. 148—149.

⁴⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 170.

⁴⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 244—245.

⁵⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 43, стр. 228.

два этапа: 1) свертывание прежних фискальных, надзорных по отношению к рядовым общинникам функций, замена «слепого» исполнения распоряжений, идущих «сверху», демократическим местным самоуправлением, поддерживаемым вышестоящими государственными органами, также демократически формируемыми, переориентация местных органов на руководство хозяйственно-организаторской и культурно-массовой деятельностью; 2) развитие местного самоуправления в политические органы власти и подавление трудящимся большинством паразитировавшего ранее привилегированного меньшинства, расширение прав и компетенций местных органов власти. Параллельно изменяется структура этих органов.

На первом этапе пожизненное и даже наследственное назначение вождей (старейшин) из числа ставленников колониальной администрации или местных эксплуататоров уступает место избранию на основе всеобщего избирательного права (с участием женщин и молодежи) коллегиальных органов, самостоятельно занимающихся решением основных вопросов местной жизни, а также съездовско-ассамблейской системе выборов этих органов там, где институты непосредственной демократии нецелесообразны в связи с их территориальной ограниченностью и невозможностью для них решать задачи управления на районном или областном уровне. При этом внутренняя, «родовая» социальная нерасчлененность обуславливает обычно предоставление избирательного права и выборы в руководство Советами представителей общинной верхушки⁵¹. Вместе с тем население привыкло к коллегиальному решению собственных дел. Поэтому столь большое значение имела разъяснительная работа в массах, а также выделение на собраниях «рода» и в других органах местного самоуправления групп бедноты.

Некоторые сходные тенденции прослеживаются в развитии национально-демократической государственности ряда молодых независимых стран. О них косвенно свидетельствует тот факт, что сразу же после контрреволюционного переворота в Гане реакция поспешила распустить демократические деревенские советы и вернуть деревню под власть вождей — недавних прислужников колониальной администрации.

Важнейшей формой использования общины при ликвидации исторической отсталости на рельсах некапиталистического развития к социализму является перестройка на основе некоторых ее элементов традиционного базиса. К. Маркс в черновиках письма к В. Засулич выразился на этот счет вполне определенно: «Общая собственность на землю образует естественную основу коллективного производства и присвоения. Помимо того, привычка русского крестьянина к *артельным* отношениям облегчила бы ему переход от парцеллярного хозяйства к хозяйству коллективному...»⁵². Ф. Энгельс также видел в кооперировании возможность наиболее безболезненного приобщения крестьян к социализму, поскольку этот путь не предполагает их предварительного обезземеливания и пауперизации. Напротив, «чем больше число крестьян, которых мы избавим от действительного превращения в пролетариев и которых мы сможем привлечь на свою сторону еще как крестьян, тем скорее и легче совершится общественный переворот», — писал он в работе «Кре-

⁵¹ В литературе приводятся красноречивые примеры того, как преобладание родственного принципа консолидации в сознании населения над территориальным, в большой степени характеризующим его бытие, обуславливало необходимость создания в одном селении двух параллельных Советов, чтобы исключить межродовую вражду в самом Совете (В. Н. У в а ч а н. Переход к социализму малых народов Севера. М. 1958, стр. 146). Там же, где создавался сразу единый Совет, проявлялась тенденция к переносу в него традиционного соперничества различных клановых группировок, вплоть до поочередного осуществления руководства им (Г. И. Карпов. Туркмения и туркмены. «Туркменоведение» № 10—11, 1929, стр. 41; Ф. И. Голощекин. Партийное строительство в Казахстане. М.-Алма-Ата. 1930, стр. 9, 34 и др.).

⁵² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, стр. 407.

стьянский вопрос во Франции и Германии»⁵³. Затраты общественных средств на подобные мероприятия есть, по Энгельсу, «превосходное приложение капитала, потому что они сэкономят, может быть, в десять раз большие суммы при расходах на общественное преобразование в его целом»⁵⁴. При этом коллективное механизированное сельскохозяйственное производство создается, по мнению Ф. Энгельса, крестьянством лишь при помощи его классовых союзников — рабочих «путем возрождения марки, но не в ее старой, пережившей себя, а в омоложенной форме; путем такого обновления общинного землевладения, при котором последнее не только обеспечит мелкокрестьянским общинникам все преимущества крупного хозяйства и применения сельскохозяйственных машин, но и предоставит им средства организовать наряду с земледелием также и крупную промышленность с использованием силы пара и воды, и притом организовать ее без капиталистов, а силами самого товарищества»⁵⁵.

Конкретизированная в соответствии с новыми историческими условиями идея использования кооперации как формы «перехода к новым порядкам путем возможно более *простым, легким и доступным для крестьянина*»⁵⁶ легла в основу ленинского кооперативного плана коренного переустройства крестьянского хозяйства.

КПСС уделяла значительное внимание перенесению в кооперативы сохранившихся в крестьянской среде традиций коллективизма⁵⁷. Особенно ярко это проявилось на национальных окраинах нашей страны, где всячески поощрялись исторически сложившиеся формы трудовой взаимопомощи, такие, как коллективный выпас оленей и артельная сезонная охота, совместная рыбалка и промысел морского зверя у малых народов Крайнего Севера и Дальнего Востока, различные формы совместного кочевания скотоводов в степном Казахстане и пустынной Каракалпакии, строительство домов собраний и общественных водяных мельниц в горном Таджикистане, традиции коллективной заботы об ирригационной сети в Узбекистане и оазисах Туркмении и др.

Анализ процесса ликвидации социально-экономической отсталости в национальных районах СССР позволяет также выделить основные стадии развития общинно-патронимической общности в ячейку социалистического общественного хозяйства, протекающего в кооперативных рамках. Начало было положено созданием «интегральной», смешанной кооперации, выполнявшей торговые, закупочные, кредитные и лишь в очень незначительной мере — собственно производственные функции. Следующей ступенью были охотничьи, рыболовецкие, оленеводческие товарищества на Севере, колодезные, пастбищные, коневодческие, овцеводческие, мелиоративные, хлопководческие (ширкаты), по совместной косьбе сена и другие — в Средней Азии, на Горном Алтае и Северном Кавказе. На Чукотке вплоть до 1952 г. происходил переход этих товариществ на Устав сельхозартели.

Все это служит подтверждением плодотворности идеи основоположников марксизма о принципиальной возможности и целесообразности развития общины в кооператив на некапиталистическом пути социального прогресса. Критерием пригодности общины для использования ее в качестве исходного пункта кооперирования переходного к социалистическому типу является прочность ее хозяйственных связей, а также отсутствие либо неразвитость эксплуатации внутри общины. В последнем случае, как правило, сохраняется преемственность с традиционными

⁵³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 22, стр. 520.

⁵⁴ Там же, стр. 520—521.

⁵⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, стр. 344.

⁵⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 45, стр. 370.

⁵⁷ См. С. П. Трапезников. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. I—II. М. 1967.

коллективными формами труда (бытовыми производственными объединениями), а отсутствие частной собственности на землю и общинное землевладение существенно облегчают переход к социалистическим формам землепользования и производства в социально-психологическом плане.

Вообще тяга крестьян-общинников к совместному ведению хозяйства — исторический факт. Для нашего времени характерным является стремление к созданию производственных кооперативов, отмеченное, например, у коренных австралийцев и опирающееся на обычаи коллективного труда и взаимопомощи. Члены кооперативов занимаются скотоводством, земледелием, охотой, рыбной ловлей и добычей жемчуга. Во главе кооперативов стоят советы директоров из коренных жителей⁵⁸. С большим энтузиазмом и без заметных психологических затруднений, а главное — по собственной инициативе создают производственные кооперативы папуасы Новой Гвинеи⁵⁹. В литературе также отмечена успешная деятельность созданного коммунистами штата Керала (Индия) производственно-сбытового кооператива, объединившего 2400 сборщиков пальмового сока⁶⁰.

И на американском континенте крестьяне-общинники связывают мечты о лучшем будущем с преобразованием общины, а не с ее разрушением⁶¹. В наименее затронутых испанской колонизацией и современным развитием капитализма горных и лесных районах Южной и Центральной Америки тенденция к сохранению и даже известному возрождению традиционных форм социальной организации крестьянства настолько сильна, что борьба в защиту прав индейских общин от притязаний латифундистских правительств и за признание возможности использования сохранившихся в них навыков совместного труда при организации производственных кооперативов провозглашена в программных документах коммунистических партий Эквадора, Чили, Перу⁶².

Во многих странах Тропической Африки сельские объединения производства и взаимной помощи создаются на уровне деревень, и членами их становятся почти все деревенские жители (Гвинея, Мали, Дагомея и др.). Кооперативная политика правительств ряда стран (Гвинея, Танзания и др.) ставит целью широкое использование общинной собственности на землю, обычаев совместного труда и коллективного использования средств производства, реликтов коллективного поля и уравнительного распределения, коллективистской общественной психологии громадной массы населения.

Обращение лидеров развивающихся стран Африки к данным общественным формам обусловлено спецификой социально-экономической структуры африканской деревни. Вместе с тем практика социально-экономических преобразований в деревне вносит известные коррективы в их первоначальные доктрины. Так, президент Танзании Дж. Ньерере, констатируя в своей работе «Социализм и развитие деревни» «начало

⁵⁸ В. Р. Кабо. Современное положение аборигенов Австралии. «Советская этнография», 1962, № 5, стр. 63, 66—67.

⁵⁹ Н. А. Бутинов. Папуасы Новой Гвинеи. (Хозяйство, общественный строй.) М. 1968, стр. 63, а также 59—62 и др.

⁶⁰ D. Thorne. Agricultural Cooperatives in India. A Field Report. Bombay. 1964, pp. 12—13. Даже в Бирме, где община разрушена в значительно большей мере, нежели в Индии, предпринимаются усилия по поддержанию потребительско-сбытовых объединений трудящихся деревни и возрождению традиций совместного труда на общественных полях кооперативных деревень, создаваемых на заброшенных землях и при коллективной пересадке рисовой рассады поочередно на полях всех крестьян деревни (см. Ю. Н. Гаврилов. Указ. соч., стр. 97 и др.).

⁶¹ Bases para la Reforma agraria. «Bandera Roja». (Quito), 1961, № 1, pp. 73—77; А. Липшук. О некоторых новых аспектах чилийской этнографии. «Культура Чили». Сборник статей. М. 1968, стр. 248.

⁶² Сборник «Аграрный вопрос и национально-освободительное движение». М. 1963, стр. 385, 412—414, 429.

классовой системы в сельской местности» полагает, что исходным пунктом экономического и социального развития танзанийской деревни в направлении к социализму должна стать деревенская община, переустроенная по принципу производственного кооператива с оплатой по труду работы на коллективном поле или ферме и сохранением индивидуального хозяйства без применения чужого труда. Характерно, что Дж. Ньерере в данной работе различает и в известной мере даже противопоставляет большесемейную общину (комъюнити) и сельскую общину-деревню (виллидж). Первая, основанная на кровнородственных связях, является средоточием патриархализма, угнетения женщин и молодежи. В перспективе она несовместима с принципами элементарной демократии и социалистической ориентации. Вторая фиксирует традиционные хозяйственные связи населения, а потому может и должна лечь в основу производственного кооперирования крестьян, нацеленного на складывание в деревне социалистических производственных отношений⁶³. Однако экономическая эффективность и социальная значимость осуществляемых аграрных программ зависят в гораздо большей степени от характера и тенденций развития политической власти, нежели от степени сохранности общины и ее институтов.

Хотя тенденция к широкому использованию традиционных общинных форм при экономических и социальных преобразованиях в развивающихся странах буквально стала знаменем времени⁶⁴, это не должно порождать излишних иллюзий. Только в условиях последовательной борьбы за некапиталистический путь развития община может успешно развиваться в кооператив переходного к социалистическому типа. В противном случае имеет место тенденция к насильственному разрушению общины либо к паразитированию на традиционных формах совместного труда и превращению их в ширму для принудительной поденщины.

Со стороны реакционных помещичье-латифундистских правительств по отношению к самодеятельным кооперативам, стихийно создаваемым населением в духе своих коллективистских традиций, обычно проводится политика дискриминации.

Негативное отношение к традиционному африканскому коллективизму поощряется неокOLONIZаторами. Распределение в Республике Нигер доходов в кооперативах не только по труду, но и по вложенному капиталу (числу акций) или насаждаемая в Дагомее (и ряде других стран) Швейцарским кооперативным союзом система платы за сдачу союзу продукции со «своего» гектара, хотя значительная часть работ по традиции производится сообща, — все эти меры объективно приводят к разрушению коллективных форм труда, насаждению духа индивидуализма, частнособственнической инициативы, представляют собой попытку создать в африканской деревне тесно связанный с европейским капиталом класс фермеров-кулаков. Аналогичное «воспитание» получают под руководством израильских инструкторов курсанты так называемых «пионерских» ферм ряда африканских стран. А проект французского буржуазного экономиста Р. Дюмона, изложенный им в нашедшей книге «Черная Африка плохо начала», по существу, предусматривает постепенное превращение общинного землевладения в частнособственнические «отруба» и насаждение в Африке хуторской системы⁶⁵.

⁶³ См. «Nationalist», 14.IX.1967; А. В. К и в а. Некоторые вопросы теории и практики социально-экономического развития Танзании. «Тропическая Африка: проблемы развития». М. 1970, стр. 81—83.

⁶⁴ Она признается и поддерживается как исследователями латиноамериканских стран (Х. К. Мариатеги, А. Липшутц), так и учеными-африканистами (Р. Капо-Рей, Г. Черч). См. Х. К. Мариатеги. Семь очерков истолкования перуанской действительности. М. 1963, стр. 389; А. L i p s c h u t z. La comunidad indigena en América y Chile. Su pasado histórico y sus perspectivas. Santiago de Chile. 1956, pp. 187—192; S. de S a n t i s, Op. cit., p. 95.

⁶⁵ R. D u m o n t. L'Afrique Noir est mal partie. P. 1962, p. 203.

Разрушая общину и традиционные коллективистские навыки крестьянского населения, эксплуататорские слои и реакционные политические силы, их представляющие, одновременно поддерживают некоторые из ее институтов в качестве удобной формы подчинения крестьянства и сохранения своих социальных привилегий. Эта спекуляция эксплуататорских слоев на тяге крестьянства к коллективным формам ведения хозяйства выражается, в частности, в широко отмеченной тенденции проникновения помещика и кулака в кооператив и особенно к руководству им. Это делается с целью использования предоставляемых кооперативам кредитных и иных льгот, а также для сохранения и развития под их ширмой прежних форм эксплуатации крестьянства. Такие лжекооперативы создавали в первые годы Советской власти помещики и кулаки европейских губерний России⁶⁶, бай и манапы Средней Азии⁶⁷. Подобные объединения пользовались благосклонностью колониальных властей Тропической Африки, Индии, администрации Новой Гвинеи, латифундистских правительств ряда стран Латинской Америки и т. д.

Развитие по некапиталистическому пути, то есть в направлении социализма, минуя стадию капитализма, у народов, не закончивших процесса складывания антагонистических классов и сохранивших общину в качестве традиционной основы социальной организации основной массы крестьянского населения, имеет целый ряд особенностей.

На раннем, общедемократическом этапе этого развития на фоне неразвитости социальной дифференциации и господства общинно-патронимических общественных связей классовая борьба в среде крестьянства выступает в глухих, стихийных, неразвитых формах, подчас затеняется этническими, клановыми и кастовыми трениями. Главной ее формой является не открытый политический конфликт (хотя и он имеет место), а столкновение идеологических и экономических течений, в конечном счете олицетворяющих противоположные тенденции развития современного мира. Причем внутренняя оппозиция радикальным социальным преобразованиям оказывается теснейшим образом связанной с силами империализма на международной арене, особенно в период перехода от реализации общедемократических задач национальной революции к выработке и осуществлению подлинно социалистической ориентации.

Только быстрый рост пролетариата, его сплоченность и способность установить прочный союз с широкими крестьянскими массами, повести их за собой могут обеспечить во внутреннем плане возможность социального прогресса, минуя капитализм. Во внешнем плане гарантом такого пути социального развития является крепнущий союз прогрессивных сил развивающихся стран с социалистическими странами и мировым коммунистическим движением.

Особенности социального развития народов, не закончивших процесса классообразования и избирающих путь некапиталистического развития к социализму, отнюдь не «опровергают» ни законов всемирной истории, ни марксистско-ленинского учения о социалистической революции, как утверждают буржуазные социологи, пытаясь сбить с толку общественность развивающихся стран. Речь идет о специфическом, вполне объяснимом материалистической диалектикой преломлении в социальном развитии отдельных народов и стран общих закономерностей исторического прогресса, вскрытых марксизмом-ленинизмом и подтверждаемых всей практикой марксистских партий и международного коммунистического движения.

⁶⁶ См. Г. В. Шарапов. Разрешение аграрного вопроса в России после победы Октябрьской революции. М. 1961, стр. 228.

⁶⁷ См. «Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление». М. 1969, стр. 148.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ МАРКСИЗМА В ЧИЛИ

(ОТ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕМОКРАТИИ К МАРКСИЗМУ)

Ю. Н. Королев

В буржуазной историографии распространено мнение, что марксизм не имеет самостоятельной почвы в странах латиноамериканского континента, что лишь внешние факторы — европейская эмиграция и победа Великой Октябрьской социалистической революции в России — способствовали развитию идей марксизма в Латинской Америке¹. Буржуазные историки как будто забывают об истории латиноамериканского просветительства, о различных формах утопического социализма, распространившихся в Латинской Америке с начала XIX в., о латиноамериканской революционной демократии, вдохновлявшейся идеями социалистов-утопистов, о первых социалистических и марксистских кружках и партиях, возникших в конце XIX и начале XX в. — о всей этой предыстории коммунистического движения на континенте.

Проблема распространения марксизма в Чили недостаточно освещена в советской и зарубежной историографии. Ряд вопросов, связанных с этой темой, затрагивался в статьях известных чилийских историков и деятелей Компартии Чили — Орландо Мильяса, Фернандо Ортиса и Эрнана Рамиреса Некочеа². Отдельные стороны вопроса освещены в работах советских историков В. И. Ермолаева и Н. М. Лаврова³. Однако целый комплекс вопросов: установление этапов формирования марксистской идеологии в Чили, формы и особенности соединения марксизма с рабочим движением, особенности идейной борьбы, которую вели чилийские марксисты с чуждыми рабочему классу течениями, влияние Коминтерна на чилийских революционеров — все эти проблемы еще не нашли отражения в исторической литературе.

Хотя «Чили» в переводе с языка исконных жителей этих земель означает «там, где кончается земля», общественная мысль в этой стране всегда шла в ногу со временем. В XIX веке подлинные патриоты были озабочены теми же проблемами, что и Сен-Симон и Фурье во Франции, Оуэн в Англии, Вейтлинг в Германии. Правда, в Чили начало XIX в. — это не эпоха утопического социализма, а эпоха просвети-

¹ См., например, R. Alexander. Communism in Latin America. New Brunswick, New Jersey. 1962; S. D. Amunátegui. Democracia en Chile. Teatro político. Santiago de Chile. 1946.

² О. Мильяс. Новые условия идеологической борьбы коммунистов и католиков. «Проблемы мира и социализма», 1966, № 5; Э. Некочеа. Подъем рабочего движения в Чили. «Новая и новейшая история», 1960, № 5; его же. История рабочего движения в Чили. М. 1961; его же. История империализма в Чили. М. 1964; O. Millas. Medio siglo de Partido Obrero en Chile. «Principios». Santiago de Chile, 1962, № 90; H. R. Necocha. Origen y Formacion del Partido Comunista en Chile. Santiago de Chile. 1965; F. Ortiz. Recabarren y la Revolucion de Octubre. «Principios». 1965, № 110.

³ См. «Очерки истории Чили». М. 1967.

тельства. Но, как писал Ф. Энгельс во «Введении» к «Анти-Дюрингу», социализм «выступает сначала как более последовательное, дальнейшее развитие принципов, выдвинутых великими французскими просветителями XVIII века — ведь первые представители этого социализма, Морелли и Мабли, также принадлежали к числу просветителей»⁴. Отказ от прежних доктрин, смелая критика государственных институтов, взглядов на историю, новое отношение к религиозным догмам — все это само по себе носило революционный характер. Чилийские просветители Камило Энрикес и Антонио Ориуэла по своим взглядам уже выходят за рамки чистого просветительства: их идеи проникнуты революционным духом якобинства, а их понимание равенства содержит отчетливые элементы утопического социализма.

Эти мыслители были прямыми предшественниками чилийской революционной демократии, эпоха которой начинается с середины XIX века. Ее идеологами и вождями выступали Франсиско Бильбао и Сантьяго Аркос. Еще в 1844 г. Ф. Бильбао, принимавший в то время активное участие в либеральном движении, опубликовал остро полемическую статью «Чилийская общность», посвященную вопросам религии и политики. Из-за преследований властей он должен был покинуть родину. В 1848 г. он вместе со своим другом С. Аркосом принимал активное участие в революционных событиях во Франции. Они сражались на парижских баррикадах в трагические июньские дни, а после поражения восстания французских пролетариев возвратились в Сантьяго, где создали «Общество равенства», которое впервые в Чили предложило революционным путем решить аграрный вопрос, заявив о необходимости «отнять земли у богатых и распределить их среди бедных». Девизом общества было «Суверенитет разума как высшая власть над всякой властью; суверенитет народа как основа всякой политики; любовь и всеобщее братство как основа морали»⁵. В идеологии общества ясно чувствуется влияние просветителей Европы и Чили, влияние социалистов-утопистов Франции, с произведениями которых основатели общества были хорошо знакомы. Однако Бильбао и Аркос в известном смысле пошли дальше: они требовали немедленных решительных перемен и не абстрактной свободы для абстрактного человека, а определенных социальных преобразований в стране. Аркос писал в одном из писем своему другу: «Для того, чтобы сделать нашу страну процветающей, необходимо прежде всего улучшить положение народа, создав человеческие условия для тех, кто сейчас используется, словно сельскохозяйственное орудие, в хозяйствах всемогущих землевладельцев»⁶. Однако четкой программы общество не выработало. Отсутствие ее, с одной стороны, позволило объединить в нем широкие круги прогрессивно настроенной интеллигенции Чили, а с другой стороны, обусловило существование внутри него сильных центробежных тенденций. В обществе были представлены три основные политические силы страны: либерализм, сохранявший в известной степени принципы и цели просветителей начала века, радикализм, идеологами которого были будущие основатели радикальной партии Леон Гальо и Мануэль Антонио Матта, и революционная демократия, руководствовавшаяся идеями социалистов-утопистов. Революционные возможности либерализма, отражавшего национально-буржуазные интересы, проявились в период правления президента Хосе Мануэля Бальмаседы (1886 — 1891 гг.).

Президент энергично защищал интересы национальной промышленности. Как известно, 90% железных дорог в стране и почти вся селитренная промышленность (главное богатство Чили в то время) принад-

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 16.

⁵ H. R. Necochea. Op. cit., p. 22; T. S. Guilisasti. Partidos políticos chilenos. Santiago de Chile. 1964, p. 132.

⁶ W. C. Thiesenhausen. Chile's Experiments in Agrarian Reform. L. 1966, p. 27.

лежали Великобритании. Бальмаседа выступил за их передачу Чили. Будучи человеком широких взглядов, последователем просветителей, он поощрял строительство школ, лицеев, институтов. Бальмаседа предоставил избирательное право всем чилийцам, достигшим 21 года и умеющим писать и читать. Он уничтожил «гнилые местечки», благодаря которым аристократия имела возможность проводить депутатов в парламент, независимо от числа избирателей. Бальмаседа сурово расправлялся со всяким оппозиционным движением: подавлял забастовки рабочих, заключал в тюрьмы лидеров левых организаций.

Что касается аграрного вопроса, то здесь либералы продемонстрировали крайнюю беспомощность. Попытка Бальмаседы создать слой средних хозяев при помощи продажи мелкими участками земель индейцев не могла привести к сколько-нибудь значительному перераспределению земель и фактически была на руку крупным землевладельцам. Поэтому он не пользовался поддержкой широких слоев населения. В 1891 г. аристократии, поддержанной Англией, удалось свергнуть президента. Намечавшиеся мероприятия по национализации железных дорог и селитренных месторождений были отменены⁷. Поражение национальной буржуазии в 1891 г. обусловило переход значительной ее части к политике союза с землевладельческой олигархией.

Радикализм, зародившийся в лоне «Общества равенства», появился на политической арене Чили под знаменем воинствующего антиклерикализма, вдохновляемый идеями Вольтера и энциклопедистов. Требования широких демократических свобод, охранительных законов для национальной промышленности, развития образования и просвещения низших слоев населения быстро сделали радикальную партию, возникшую в 1859 г., одной из самых влиятельных в стране. Отражая в целом идеологию мелкой и средней буржуазии, эта партия стала «партией среднего класса». Ремесленники, мелкие лавочники, мелкие хозяйчики деревни — весь этот вечно бунтующий и неустойчивый многочисленный слой населения получил своего идейного и политического выразителя в радикальной партии. Влияние радикализма выходило далеко за рамки собственно политической организации радикалов. На правом фланге он смыкался с либерализмом, а на левом — с революционной демократией.

Особенностью чилийской революционной демократии являлось то, что, ставя своей целью прежде всего преобразование сельскохозяйственной структуры и наделение землей многочисленного сельского населения, задавленного полукрепостнической эксплуатацией, она рассчитывала на революционные возможности не крестьянства, а демократических слоев города. Практическую революционную работу чилийские революционные демократы вели не в деревне, а в городе. Это диктовалось прежде всего особыми историческими условиями формирования чилийской деревни. Борьба между индейцами и белыми колонистами, уничтожение индейской общины, поголовная неграмотность и забитость масс сельскохозяйственного населения, всевластие латифундистов — все это делало практически невозможной работу революционеров. С другой стороны, постоянное социальное кипение в городе привело к тому, что чилийская революционная демократия, выдвигая своим лозунгом наделение землей сельской бедноты, фактически организовывала революционные силы города. Поэтому в программах демократической партии, созданной в 1887 г. молодыми последователями Бильбао и Аркоса А. Поупином, М. Кончей, Х. Гуарельо, А. Гутьересом, аграрной проблеме уделяется незначительное место. Зато эта партия интересуется положением рабочего класса. В нее вошли первые рабочие организации

⁷ Fr. A. Encina. *Resumen de la Historie de Chile*. T. III. Santiago de Chile. 1954, p. 2131; H. Halperin. *Nationalism and Communism in Chile*. Cambridge. 1965, p. 29.

и социалистические кружки, занимавшиеся изучением и пропагандой социалистических идей, уже не утопических, а научных. В Чили появляется марксистская литература.

Однако многочисленные попытки создать социалистическую партию Чили в конце XIX в. терпят неудачу. Единственной относительной удачей в этом смысле было создание в октябре 1897 г. Социалистического союза с организациями в Сантьяго, Икике, Вальпараисо, Талькауано, Лоте и Пунта-Аренас. В Союзе господствовала идеология анархо-синдикализма, наиболее ярким выразителем которой был в то время Александр Эскобар Карвальо⁸. Безуспешные поиски организационных форм партии социалистов продолжались и в начале XX века. Одновременно ширилось рабочее движение. Но в рабочем движении господствовала идеология анархо-синдикализма. Задачей номер один стало привнесение идеи социализма в рабочее движение, соединение социализма с рабочим движением. Этот процесс в истории Чили неразрывно связан с именем замечательного чилийского революционера Луиса Эмилио Рекабаррена.

Капиталистическое развитие страны значительно изменяло социальную структуру Чили. Особенно убедительно об этом свидетельствует экономика так называемого Большого Севера, обширного района от Ла Серены до Арики, приносившего со времен Тихоокеанской войны 1878—1884 гг., когда территория Чили расширилась за счет боливийской Антофагасты и перуанской Тарапака, самые большие доходы государственной казне. На шахтах и рудниках Большого Севера концентрировалась половина рабочего класса страны, на каждом предприятии в среднем работало 300—400 рабочих, в то время как в остальной части Чили на каждом предприятии числилось в среднем 12—15 рабочих. Поэтому не удивительно, что именно Большой Север стал колыбелью рабочего движения Чили. Здесь возникли первые боевые рабочие организации — Общества сопротивления, стоявшие на ярко выраженной позиции классовой борьбы. После двухмесячной забастовки, проведенной под руководством Общества сопротивления в Икике в январе 1902 г., многие социалистические группы начинают понимать, что без работы среди рабочих масс, без пропаганды социализма в пролетарских массах, без привлечения рабочих в социалистические организации невозможно создание партии. Рекабаррен, например, писал в феврале того же года: «Забастовка в Икике является для меня... первым кличем, первым зовом рабочих, бросивших вызов капиталистам»⁹. Социалисты развернули активную работу в пролетарских районах Чили. За период с 1900 по 1917 г. в городах Большого Севера выходило более десятка газет, несших в рабочий класс идею социализма, идею единения. Рабочее движение приобретало в этом районе все больший размах. Во время забастовки в мае 1903 г. в Вальпараисо рабочие разогнали полицию и целый день удерживали город в своих руках. Правительство бросило войска против восставших. Однако пропаганда социалистов коснулась и военных моряков. Комендант Вальпараисо доносил президенту: «В ряде случаев военные моряки отказывались стрелять по забастовщикам и даже принимали вместе с ними участие в разбое»¹⁰. В ответ на кровавое подавление восстания в Вальпараисо газета «El Trabaño», руководимая Рекабарреном, писала: «Революция будет неустрашимо идти своим путем, спокойная в условиях свободы, насильственная и страшная, если ее попытаются задержать в пути. Сейте ненависть и пожнете бурю»¹¹. В конце 1905 г. по стране про-

⁸ T. S. Guilisasti. Op. cit., p. 255.

⁹ J. C. Jobet. Luis Emilio Recabarren. Santiago de Chile. 1955, p. 12.

¹⁰ J. V. Díaz. Años de lucha. Santiago de Chile. 1962, p. 46; V. Kaempfer. Asisucedio. Santiago de Chile. 1961, p. 61; Cl. Veliz. Historia de la Marina Mercante de Chile. Santiago de Chile. 1961, pp. 287—290.

¹¹ L. E. Recabarren. Los Albores de la Revolucion Social en Chile. Obras Escasidas. Santiago de Chile. 1965.

катилась волна выступлений в поддержку русской революции. Рабочая пресса писала: «Выступление русского народа заслуживает единодушного одобрения всего цивилизованного мира». «Не проходило дня,— писал чилийский буржуазный историк Д. Амунатеги,— чтобы не произошел какой-нибудь печальный конфликт, носивший социальный характер»¹². Буржуазная пресса начала травлю социалистов и прежде всего их лидера Л. Рекабаррена. Например, «El Mercurio» писала в те дни о нем: «Он был в последнее время руководителем народных выступлений на севере страны. Он виноват в том, что провоцировал и возглавлял волнения и бунты»¹³. Власти начали очередной судебный процесс против него. Однако в марте 1906 г. пролетариат Большого Севера добился прекращения суда над своим руководителем: он избрал его депутатом парламента.

В демократической партии к тому времени обострились противоречия между левым крылом, возглавляемым Рекабарреном и Бонифасием Веасом, и правым, руководимым М. Кончей. Левых не удовлетворяла старая программа партии, основывавшаяся «на медленной социальной эволюции». Вскоре после парламентских выборов 1906 г. левые вышли из демократической партии и основали «Партию демократической доктрины», которую Рекабаррен охарактеризовал как социал-демократическую партию Чили. 12 октября 1908 г. на заседании Международного социалистического бюро в Брюсселе социал-демократическая партия Чили была принята во II Интернационал. В. И. Ленин, присутствовавший на этом заседании, писал: «Шестой пункт порядка дня касался принятия социал-демократической партии в Чили. Партия эта образовалась после раскола демократической партии в Чили. Чилийских с.-д. приняли тоже без прений»¹⁴. Как известно, необходимым условием принятия во II Интернационал было признание классовой борьбы. Социал-демократическая партия просуществовала самостоятельно всего два года: в 1908 г. она вновь вошла в состав демократической партии. Однако внутри этой партии она всегда представляла собой особую фракцию, которая даже на выборах выступала со своей особой программой, в которой акцент делался на необходимость организации рабочего класса, подчеркивалось признание принципа классовой борьбы, которого никогда не признавала демократическая партия.

Причина слабости социал-демократической партии кроется, по-видимому, в недостаточной организованности и развитости чилийского пролетариата в то время. Кроме того, необходимо учесть и такую субъективную причину: в конце 1906 г. Рекабаррен, один из авторитетнейших рабочих руководителей, был исключен из парламента и, преследуемый властями, покинул страну. Он приехал в Аргентину, где вступил в тамошнюю социалистическую партию. Рекабаррен принял участие в проходившем в марте 1907 г. в Буэнос-Айресе объединительном съезде двух крупнейших профсоюзных центров Аргентины — анархистской Рабочей федерации и руководимого социалистами Всеобщего союза труда — и выступил оппонентом анархистов. Из Аргентины Рекабаррен уехал в Европу, в Штутгарт, на VII конгресс II Интернационала, который проходил с 18 по 24 августа того же года. Конгресс, сопоставивший «по целому ряду крупнейших вопросов оппортунистическое и революционное крыло международной социал-демократии» и давший «решение этих вопросов в духе революционного марксизма»¹⁵, оставил глубокий след в сознании чилийского революционера.

Вернувшись на родину, Рекабаррен обнаружил заметные изменения в сознании чилийских пролетариев. Огромную роль в этом сыграли собы-

¹² O. Millas. Op. cit., p. 8; D. Amunategui. El Progreso Intelectual y Politico de Chile. Santiago de Chile. 1936, p. 146.

¹³ L. E. Recabarren. Mi Juramento. Santiago de Chile. 1910, p. 37.

¹⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 17, стр. 244.

¹⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 16, стр. 74.

тия, происходившие в декабре 1907 г. в портовом и железнодорожном центре Большого Севера городе Икике. 10 декабря трижды прогудел гудок на руднике Сан-Лоренсо, где работал в то время помощником механика будущий председатель Компартии Чили Элиас Лаферте. Горняки, уровень жизни которых упал за последние три года почти на 50%, требовали улучшения условий жизни и труда. Вскоре забастовка охватила весь район. Тысячи рабочих собрались в Икике. Был избран Директивный совет, руководивший забастовкой и ведущий переговоры с администрацией. Власти спешно перебросили в город войска из соседних местностей, ввели в порт несколько военных кораблей. 21 декабря город был объявлен на осадном положении. Командующий войсками в Икике генерал Ренард потребовал, чтобы рабочие очистили помещение школы Санта-Мариа, где находился Директивный совет, и прилегающую к школе площадь, на которой собралось около семи тысяч рабочих. Последовал категорический отказ, и генерал приказал открыть огонь. Сотни людей стали жертвами этой расправы. События 21 декабря произвели в известном смысле переворот в сознании чилийского пролетариата, сохранявшего до этого большие иллюзии в отношении форм буржуазной демократии, существовавших в Чили. Недаром чилийские писатели сравнивают иногда 21 декабря с «кровавым воскресеньем» 9 января 1905 г. в России. Лаферте так описывает состояние рабочих после расправы: «Это было безмолвное шествие. Виднелись искаженные от гнева лица, сжатые кулаки, сдвинутые в глухой ярости брови»¹⁶. Рекабаррен выступил со страстной и гневной книгой «Забастовка в Икике», в которой разоблачил преступление властей. «Мы поднимаем,— писал он,— как знамя, как доктрину прекрасную мысль великого социалистического философа Карла Маркса: освобождение пролетариата есть дело рук самого пролетариата»¹⁷. Именно этой мыслью руководствовался Рекабаррен, принимая в 1912 г. участие в создании в пролетарском Икике социалистической рабочей партии Чили.

Работу по созданию рабочей партии руководимая Рекабарреном группа, в которую вошли Элиас Лаферте, Франсиско Гарсиа, Н. Агирре Бретон и другие члены левого крыла демократической партии и руководители рабочих севера страны, начала с создания подлинно пролетарской газеты. Такой газетой стала «El Despertar de los Trabajadores» — чилийская «Искра», как ее часто называют. Рекабаррен выступил с целым рядом теоретических работ, в которых обосновал необходимость создания партии рабочего класса и изложил ее идеологическую и политическую платформу. Он писал, что необходимо «уничтожить частную собственность... заменить существующую систему социалистической коллективной организацией»¹⁸. Рекабаррен разъяснял рабочим механику ограбления трудящихся при капитализме, призывал к единству и борьбе. В целой серии газетных статей о социализме он обращается ко всем марксистским кружкам с призывом объединить усилия для создания пролетарской партии в Чили. Под влиянием такой пропаганды появляются новые социалистические организации и кружки. В мае 1912 г. создается социалистическая организация в Пунта-Аренас. В июле 1912 г. была создана СРП — социалистическая рабочая партия Чили. В сентябре возникла секция партии в Сантьяго. В одной из статей, опубликованных в «El Despertar», говорится: «Наше дело развивается успешно, быть может, немного медленно, но развивается»¹⁹. 22 августа 1912 г. газета опубликовала программу партии, что имело большое значение для достижения национального единства чилийских социалистов. В программе провозглашалась цель партии — уничтожение капиталистического

¹⁶ Э. Лаферте. Жизнь коммуниста. М. 1961, стр. 53—54.

¹⁷ L. E. Recabarren. La Huelga de Iquique. Santiago de Chile. 1911, p. 42.

¹⁸ Ibid., pp. 43—44.

¹⁹ «El Despertar», 29.X.1912.

строю и установление социалистического. «Мы будем вести политическую борьбу, чтобы отнять у буржуазии политическую власть», — говорилось в ней. Программу дополняли статьи и брошюры председателя партии Луиса Рекабаррена и других руководителей. Так, Рекабаррен в брошюре «Социализм» писал о необходимости «не смешивать социалистическую теорию с рабочим движением, в котором принимают участие социалисты». Партия для Рекабаррена — это организация, объединяющая самых дисциплинированных, политически зрелых рабочих. А профессиональные союзы — это школа, воспитывающая кадры для партии. Отвечая на вопрос, каким образом победит социализм, Рекабаррен писал: «Придет день, когда какая-нибудь нация даст нам высший пример этого»²⁰.

Новая партия не была лишена ряда недостатков: она слишком много надежд возлагала на парламентские формы борьбы и испытывала сильное влияние анархо-синдикализма. Партия формировалась в условиях острой классовой борьбы в стране, постоянно участвуя на опыте массовых выступлений пролетариата. В 1912 г. был опубликован Манифест «Рабочая проблема», подписанный рядом выдающихся деятелей партии. В нем впервые четко формулируется отказ партии считать забастовку универсальным средством борьбы. «Очень трудно, — говорится в этом документе, — рассчитывать, что одной только забастовкой мы сможем изменить законы»²¹.

Экзамен на зрелость партия держала в годы первой мировой войны, когда все крупные социал-демократические партии Западной Европы предали интересы рабочего класса. Еще до начала войны Рекабаррен выступил на диспуте, который устроил директор газеты «Nacional» Сантандер, реакционер и милитарист. Он заявил: «Социалистов называют антипатриотами, потому что они против войны. Война переводит груды денег на оружие, транспорт, солдат. Война стоит многих миллионов, которые платит при всей своей бедности народ... На войне бессмысленно гибнут люди... Если вы это называете патриотизмом, то я повторяю: я не патриот!» Диспут вылился в триумф социалистов²². Вскоре после начала войны Рекабаррен выступил с большой статьей, в которой клеймил войну как великое преступление против человечества. «За войной, — писал он, — должна последовать революция... Пролетариат должен взять на себя руководство судьбами народов... Только социализм принесет миру мир»²³. Это был открытый разрыв с социал-демократическими лидерами II Интернационала. 1 мая 1915 г. в Сантьяго состоялся первый общенациональный съезд партии. Он обсудил лишь основную проблему дня: война, пути выхода из нее. Партия решила ее революционно: она порывала со II Интернационалом²⁴. К тому времени социалистическая рабочая партия значительно выросла и окрепла. Секции партии существовали во всех частях страны: в Икике, Антофагасте, Вальпараисо, Токопилье, Талькауано, Тальтале, Ла-Серена, Сантьяго, Пунта-Аренас. Улучшились интернациональные связи СРП. В редакцию «El Despertar» поступали газеты из Франции — «L'Humanité», из Испании — «El Socialista», из Аргентины — «La Vanguardia».

Однако это означало скорее распространение марксизма в Чили вширь, нежели вглубь, что приводило к известной вульгаризации марксизма. Хотя «El Despertar» писала 16 января 1915 г., что партия опирается на «современный научный социализм, рожденный школой великого философа и социолога Карла Маркса», до подлинно марксистской партии предстоял еще долгий путь. Огромную роль в превращении СРП в

²⁰ L. E. Recabarren. El Socialismo. Iquique. 1912, pp. 1, 83.

²¹ «El Despertar», 28.VI.1912.

²² «El Despertar», 12.V.1914.

²³ «El Despertar», 30.VIII.1914.

²⁴ «Fundacion del Partido Comunista de Chile». «Principios», 1962, № 88.

марксистскую партию сыграла Великая Октябрьская социалистическая революция в России.

Чилийский рабочий класс с энтузиазмом приветствовал победу пролетариата России. Каждая забастовка в этих условиях приобретала особый смысл, каждая победа пролетариата в классовой битве звучала набатом и угрозой. «Рабочий класс Чили,— писал один из руководителей коммунистов Аргентины, Хуан Греко, бывший в то время корреспондентом газеты «La Internacional» в Чили,— чувствует горячую симпатию к Советской России. Никакое другое историческое событие не оказало на него, быть может, столь сильного воздействия... Никакая здравица в честь какого-нибудь революционного события не раздастся, чтобы тотчас не последовало: «Да здравствует Советская Россия!»²⁵.

В первые же месяцы после Великой Октябрьской социалистической революции Рекабаррен требует от партии и пролетариата Чили определить свое отношение к ней: «Мы должны заявить со всей определенностью, на чьей мы стороне: или мы на стороне большевиков, которые покончили делом, а не на словах с милитаризмом и капитализмом... или же мы предпочитаем, обманывая себя, остаться с буржуазией и продолжать верить в ее несбыточные обещания». Себя он открыто провозгласил сторонником большевиков: «Я без всякого колебания отдаю свой голос за присоединение к русским большевикам...»²⁶. «Русская революция,— отмечает известный чилийский юрист и историк Моисес Поблете Тронкосо,— победа коммунизма в этой стране и создание Советского Союза — это события, которые имели отзвук не только в европейском движении, но и в Америке и особенно в Чили»²⁷. Действительно, после 1917 г. в стране возникает множество новых форм классовой борьбы пролетариата: так называемые «голодные митинги», проходившие под руководством созданной в 1918 г. Ассамблеи национального обеспечения — организации демократических сил, имевшей некоторые черты будущего Народного фронта,— митинги солидарности с Советской Россией, комитеты помощи голодающим и т. п. Но главной формой борьбы оставалась, конечно, забастовка. Чилийский историк Хулио Хобет отмечает, что «триумф русской революции вызвал подъем революционных социалистических идей и рост рабочего движения». «Забастовки вспыхивали почти ежедневно,— подтверждает чилийский буржуазный историк Викиунья.— Речь шла уже не о том, чтобы принять определенные меры: социальная революция клокотала в домах бедняков, на фабриках, в мастерских, на народных собраниях». Ему вторит другой буржуазный историк: «В конце 1918 г. стало заметно необычайное возбуждение среди рабочих всей страны; забастовки следовали за забастовками»²⁸.

Под влиянием Октябрьской социалистической революции в демократической партии образовалось сильное левое крыло, лидером которого стал один из профсоюзных руководителей шахтеров г. Консепсьона, Хуан Праденас Муньос. В декабре 1917 г. он писал: «Несомненно, что победа Ленина над Керенским — это победа народа над буржуазией, это победа пролетариата и поражение собственников и хозяев производства... Тем самым Ленин указал новый путь человечеству. И скоро, очень скоро, быть может, этот пример будет повторен, и люди земли перестанут ненавидеть друг друга, эксплуатировать друг друга и убивать»²⁹. В процессе забастовочного движения 1918—1920 гг. это крыло демократической партии стало очень влиятельным.

²⁵ «La Internacional», Buenos Aires, 15.I.1922.

²⁶ F. Ortiz. Recabarren y la Revolucion de Octubre. «Principios», 1965, № 110.

²⁷ M. P. Troncoso. Movimiento obrero latinoamericano. Mexico. 1963, p. 134.

²⁸ J. C. Jobet. Op. cit., p. 47; M. R. Vicuña. Historia política y parlamentaria. T. II. Santiago de Chile. 1964, p. 135; S. D. Amunátegui. El Progreso Intelectual y Político de Chile. Santiago de Chile. 1936, p. 149.

²⁹ H. R. Necochea. Op. cit., p. 79.

Однако влияние Октября на чилийское общество не исчерпывается революционизированием пролетарских и средних слоев. Левые течения появились (точнее, оживились) и во всех буржуазных партиях. Левое крыло радикальной партии даже действовало вместе с социалистами и демократами в Ассамблее национального обеспечения. В ассамблею входили социалистическая рабочая партия, демократическая партия, часть радикальной, Рабочая федерация Чили (РФЧ) и Федерация студентов. Ассамблея вела борьбу за демократизацию страны, поддерживала требования студентов университетов, организовывала массовые митинги трудящихся (уже упоминавшиеся «голодные митинги») за снижение цен на продукты питания и предметы первой необходимости. В марте 1919 г. она собралась на конгресс, который потребовал срочного проведения аграрной реформы и раздела земельных владений латифундистов. Конгресс призвал сельскохозяйственных рабочих организовываться «в широкую национальную федерацию». В поддержку этих требований в Сантьяго состоялся стотысячный митинг трудящихся³⁰. По существу, этот конгресс выдвинул ряд положений, которые могли бы лечь в основу программы ассамблеи на предстоявших в 1920 г. выборах президента страны. В ходе борьбы 1918—1920 гг. партии и организации, входившие в ассамблею, добились единства взглядов на вопросы демократического преобразования страны, так что Исполнительная хунта РФЧ предложила даже создать единую рабочую партию на базе РФЧ, СРП и демократической партии³¹. В обстановке подъема рабочего движения и всеобщего стремления к переменам ассамблея имела возможность выставить своего кандидата в президенты страны, который мог рассчитывать на победу. Однако чилийской буржуазии, обладавшей большим политическим опытом и силой, удалось добиться избрания своего кандидата.

Социалистическая рабочая партия Чили оказалась после Великой Октябрьской социалистической революции перед лицом целого ряда новых проблем, которые надо было решать немедленно и которые до нее не решала ни одна партия в Чили. Первой и важнейшей проблемой было достижение единства рабочего класса.

К началу первой мировой войны рабочее движение Чили раскололось. Крупнейшим его отрядом была так называемая Великая рабочая федерация Чили (ВРФЧ), руководимая видным деятелем консервативной партии Марином Пинуэром. Этот человек принадлежал к тому незначительному числу клерикалов, которые еще в начале XX в. стремились объединить рабочий класс и его организации «под сенью святого креста». Используя естественное стремление рабочих к взаимопомощи, клерикалы типа Пинуэра объединили возникшие еще в середине XIX в. кассы и общества взаимопомощи в общенациональную федерацию, провозгласившую целью помогать своим членам в случае голода, болезни, безработицы. Большинство в федерации представляли «хосефинос», рабочие-католики, чьи центры церковь объявляла под покровительством святого Иосифа (по-испански Сан Хосе). Федерация не признавала классовой борьбы, выступала за согласованность действий с правительством. Но на деле ее члены действовали в трудовых конфликтах совместно с другим профсоюзным центром, руководимым СРП,— Обществом защиты труда, которое заявило в своей программе, что оно «признает борьбу классов... провозглашает свою солидарность со всеми рабочими мира, борющимися за свое полное освобождение», что его цель — «объединение пролетариата всех профессий без различия пола, национальности и идейных воззрений, политических и религиозных взглядов»³². Руководители общества вначале выступали с резкой критикой политики

³⁰ Ibid., p. 97; Э. Р. Некочев. Подъем рабочего движения в Чили. «Новая и новейшая история», 1960, № 5, стр. 46.

³¹ «Principios», 1962, № 88.

³² «El Despertar», 1.X.1912.

федерации. Например, в 1914 г. «El Despertar» писала: «Так называемая Великая рабочая федерация — это организация, созданная буржуазией, чтобы отвлечь рабочих от правильного пути»³³.

Тактика СРП и Общества защиты труда в вопросе о единстве рабочего движения была в то время недостаточно разработана, на практике она часто оказывалась сектантской. Объявив федерацию буржуазной организацией, социалисты вначале отказывались от всяких форм сотрудничества с нею. Излишне прямолинейная антиклерикальная деятельность СРП также затрудняла практическую работу в пролетарских массах. Тем не менее чилийские социалисты настойчиво стремились к достижению единства рабочего класса страны. Доказательством этого является тот факт, что в первые годы войны «левое крыло профсоюзного движения селитренных районов и района Сантьяго, находившееся под влиянием Рекабаррена и СРП, объединилось с консервативной до той поры Великой рабочей федерацией Чили»³⁴. Спор с католицизмом переместился к тому времени в область философии. В 1917 г. Рекабаррен выступил с работой «Материя вечная и разумная», в которой отстаивал материалистический взгляд на природу и общество и критиковал идею божественного происхождения мира. История доказала правоту чилийских социалистов, высказавшихся за вступление революционных профсоюзов Севера в Великую рабочую федерацию: в 1917 г. Рабочая федерация Чили одобрила принцип классовой борьбы, а в 1919 г. на III съезде РФЧ, проходившем в Консепсьоне, в решительном столкновении с консерваторами победили сторонники СРП. РФЧ заявила, что она «будет стремиться к обобществлению средств производства»³⁵. На этом съезде было решено, что отныне РФЧ будет строиться по территориально-производственному принципу. Секретарем одной из самых боевых провинциальных организаций РФЧ избрали Элиаса Лаферте.

В РФЧ были представлены социалисты, католики, демократы, а также анархо-синдикалисты, имевшие собственную международную организацию — Индустриальные рабочие мира (ИРМ). В. И. Ленин писал, что «анархизм нередко являлся своего рода наказанием за оппортунистические прехи рабочего движения»³⁶. Рабочее движение Чили, как мы уже видели, не было свободно от влияния оппортунизма. Первые анархо-синдикалистские профсоюзы, объединившие грузчиков и моряков Вальпараисо, возникли в Чили в начале 1918 года. К концу 1920 г. чилийская секция ИРМ насчитывала около 28 тыс. членов³⁷. Члены ИРМ преследовались точно так же, как и члены РФЧ. Предприниматели тех районов, где существовали организации ИРМ, включали в договор следующий пункт: «Нижеподписавшийся заявляет, что он отрекается от организации под названием ИРМ и поэтому признает, что предприниматель будет вправе уволить его, если это обязательство не будет выполнено»³⁸. ИРМ самоотверженно защищала интересы членов организации, но отказ от политических средств борьбы приводил к самоизоляции анархистов, препятствовал достижению единства рядов чилийского пролетариата. Тем не менее в повседневной борьбе низовые организации ИРМ часто выступали вместе с РФЧ, как, например, во время кровавых событий в Пуэрто-Наталес в 1919 году. «Так достигалось, — писал впоследствии Э. Лаферте, — большее соответствие между идеологией трудящихся вообще, которая начинала становиться революционной

³³ «El Despertar», 12.II.1914.

³⁴ R. Alexander. Organized Labor in Latin America. N. Y. 1965, p. 87. Новый профсоюзный центр стал называться Рабочая федерация Чили (РФЧ).

³⁵ L. E. Recabarren. Obras escogidas. Santiago de Chile. 1965, p. 13; J. C. Jobet. Op. cit., p. 48.

³⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 15.

³⁷ «Бюллетень Красного Интернационала Профсоюзов», 1921, № 29—30.

³⁸ «Бюллетень Исполбюро Красного Интернационала Профсоюзов», М. 1921, № 5.

идеологией... и целями их профсоюзного объединения. РФЧ.... стала инструментом борьбы всего чилийского пролетариата»³⁹.

Социалисты, руководившие РФЧ, вели большую работу по организации сельскохозяйственного пролетариата. Задача была чрезвычайно сложной, если учесть текучесть рабочей силы на сельскохозяйственных предприятиях, очень низкий культурный уровень сельских рабочих. Но после конгресса Ассамблеи национального обеспечения (март 1919 г.), наметившего программу преобразования аграрной структуры Чили и призвавшего сельскохозяйственный пролетариат к единству, среди крестьянства началось движение за создание профсоюзов. В 1921 г. РФЧ удалось помочь сельскохозяйственным рабочим провести в Сантьяго съезд, на котором были представлены 2600 членов профсоюзов. Съезд заявил о необходимости добиваться восьмичасового рабочего дня, минимума заработной платы, признания права сельских пролетариев создавать свои профсоюзы. РФЧ встала на защиту крестьян и сельских рабочих. В 1921 г. адвокат РФЧ Карлос Контрерас Лабарка, впоследствии генеральный секретарь Компартии Чили, заставил власти отправить в тюрьму латифундиста Лательера Эспинолу, жестоко обращавшегося со своими рабочими. Не удивительно, что к 1922 г. в РФЧ уже насчитывалось более 5 тыс. сельскохозяйственных рабочих⁴⁰.

В окончательном переходе СРП на марксистские позиции большая роль принадлежит конгрессам Коминтерна. Лаферте писал: «Марксизм пришел в СРП со временем, благодаря изучению книг, поступавших из Европы, благодаря установлению международных связей, поездкам товарищей за границу, сотрудничеству с Коммунистическим Интернационалом»⁴¹. Состоявшийся в марте 1919 г. I конгресс Коминтерна, где главным вопросом был вопрос о «диктатуре угнетенного класса»⁴², указал СРП тот критерий, который определяет подлинного революционера и отличает его от оппортуниста. Не удивительно поэтому, что именно с 1919 г. в СРП начинает выделяться правое крыло, возглавляемое Мануэлем Идальго. II конгресс Коминтерна, проходивший с 19 июля по 7 августа 1920 г., одобрил «21 условие» приема в III Интернационал, исключаящие возможность проникновения в Коминтерн оппортунистов. 25 декабря 1920 г. на съезде в Вальпараисо СРП одобрила эти условия и приняла резолюцию об «очищении партии от реформистских элементов», направленную против группы Идальго.

Как раз в это время партия столкнулась с целым рядом вопросов, явившихся для нее серьезным испытанием. Первой проблемой была необходимость выработать свою тактику на президентских выборах 1920 года. Обстоятельства складывались таким образом, что на этих выборах должны были столкнуться три силы: земельная олигархия, которую представлял Боргоньо; национальная буржуазия во главе с Артуро Алессандри, провозгласившим политику реформ; демократические силы, объединенные в Ассамблею национального обеспечения и выдвинувшие широкую программу преобразований в промышленности и сельском хозяйстве. На 1921 год был намечен общий съезд демократов и социалистов. Однако на съезде демократической партии победу одержало правое крыло, возглавляемое М. Кончей: съезд объявил о единстве действий с «либеральным альянсом» Алессандри⁴³, а не с СРП. Это решение вызвало кризис демократической партии: из нее вышла группа левых. В декабре 1921 г. РФЧ на своем съезде в Ранкагуа приняла реше-

³⁹ Э. Лаферте. Указ. соч., стр. 127.

⁴⁰ «La Internacional», Buenos Aires, 7.I.1922.

⁴¹ Э. Лаферте. Указ. соч., стр. 84.

⁴² В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 491.

⁴³ Еще раньше о поддержке Алессандри заявила радикальная партия; таким образом, попытка СРП выставить общего народного кандидата в 1920 г. была неудачной. СРП выставила на этих выборах своего кандидата Рекабаррена.

ние отказаться от сотрудничества с демократической партией в связи с тем, что она «является реформистской партией и будет сотрудничать в правительстве с партией угнетателей», и присоединиться к Красному Интернационалу Профсоюзов. В резолюции съезда говорилось: «Считая... что Красный Интернационал Профсоюзов является центром революционных профсоюзных организаций, порвавших со старыми оппортунистическими вождями и поднявшихся на открытую борьбу против капитализма», РФЧ решает «присоединиться к Красному Интернационалу Профсоюзов с центром в Москве, признавая и осуществляя на практике его революционную ориентацию». За это решение проголосовали 109 из 119 присутствовавших на съезде делегатов. Генеральный секретарь РФЧ Карлос Мартинес сообщил об этом решении в Исполком Профинтерна⁴⁴. 12 сентября 1922 г. Исполком постановил принять РФЧ в Профинтерн и пригласил делегата от РФЧ прибыть на II конгресс Профинтерна в Москву⁴⁵.

Почти одновременно в Ранкагуа проходил IV съезд СРП, на котором присутствовали представители от 2,5 тыс. членов партии⁴⁶. Этот съезд СРП стал первым съездом Коммунистической партии Чили. «Путь Социалистической рабочей партии,— говорится в документе Компартии Чили,— не был таким же, как пути других социалистических партий. Под руководством Рекабаррена, будучи на 90% рабочей по своему составу, СРП не переживала такого наплыва оппортунизма, как партии II Интернационала»⁴⁷. Руководитель незначительной правой группировки партии Мануэль Идальго требовал на съезде, чтобы партия не вступала в Коминтерн и не меняла названия, но «позиция Рекабаррена одержала верх»⁴⁸. Первый съезд Коммунистической партии Чили принял Декларацию принципов, в которой говорилось, что для борьбы с реакцией и капитализмом и для достижения «своего идеала — построения коммунистического общества — рабочий класс должен организовать свои силы, чтобы установить свою диктатуру на переходный период... Для достижения этой цели необходимо создание революционного авангарда с ясными целями... единственной организацией такого рода может быть лишь Коммунистическая партия». Поэтому съезд решает «создать чилийскую секцию Коммунистического Интернационала»⁴⁹.

Коммунистическая партия имела двух депутатов парламента: Луиса Рекабаррена и Луиса Круса — первых парламентариев-коммунистов в Латинской Америке. Секции партии существовали в 37 городах страны⁵⁰. Центральным органом Компартии Чили была утверждена созданная Рекабарреном в Антофагасте газета «El Socialista», получившая новое название «El Comunista».

Первым мероприятием Компартии Чили в 1922 г. было проведение массовой кампании в честь пятилетия победы Октябрьской социалистической революции в России. В газетах компартии и РФЧ большие статьи и целые полосы посвящались Октябрю. Газета «El Comunista» писала, например, 9 ноября 1922 г.: «Советская Россия — наш политический и социальный учитель, она передает нам лучшее из своего революционного опыта». В статье «Русская революция и ее влияние на угнетенных» газета писала 16 ноября: «Русская революция — это волшебное зеркало, позволяющее заглянуть в свое будущее всем угнетенным землям... Все пролетарии планеты следили и следят, затаив дыхание, за социальными мероприятиями России».

⁴⁴ «La Internacional», Buenos Aires, 5, 7.I.1922; «El Comunista», Antofagasta, 8.I.1924; «Красный Интернационал Профсоюзов», 1922, № 5—6, стр. 464.

⁴⁵ «Красный Интернационал Профсоюзов», 1922, № 10, стр. 874.

⁴⁶ «La Internacional», Buenos Aires, 31.X.1922.

⁴⁷ «Fundacion del P.C. de Chile». «Principios», 1962, № 88.

⁴⁸ Fr. B. Pike. Chile and the United States. 1963, p. 203.

⁴⁹ «Principios», 1962, № 88.

⁵⁰ H. R. Necocha. Op. cit., p. 182.

В конце 1922 г. Исполнительная Хунта РФЧ и Исполком Коммунистической партии Чили направили Рекабаррена в Москву на II Конгресс Красного Профинтерна и IV конгресс III Интернационала в качестве своего представителя. Рекабаррен был избран в Президиум II конгресса Профинтерна. Он присутствовал на заседании IV конгресса Коминтерна 13 ноября, когда перед делегатами выступил В. И. Ленин с речью «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции», в которой отметил необходимость для иностранных компартий «воспринять часть русского опыта»⁵¹. По возвращении из России Рекабаррен написал книгу «Рабоче-крестьянская Россия», в которой горячо приветствовал социально-экономические мероприятия Советской России. Поездка в Россию помогла Рекабаррену правильно понять идею диктатуры пролетариата в переходный период. Он писал в своей книге: «Диктатура пролетариата не направлена против пролетариата. Она — детище самого пролетариата, сила пролетариата, созданная исключительно для укрепления пролетарского государства»⁵². Опыт, почерпнутый из поездки в Россию, Рекабаррен использовал в деле строительства партии и выработки ее программы. В программе Компартии Чили, принятой на II съезде, проходившем в Чильяне в декабре 1923 г., были устранены многие ошибки программы СРП. Партия открыто заявила, что она «борется за осуществление своих требований и легальными и нелегальными средствами». В программе отмечалось, что партия намерена бороться за улучшение положения «мелких собственников». Появился пункт о крестьянстве: «Коммунистическая партия Чили будет стремиться к организации крестьян в секции КП и советы РФЧ». Партия заявляла о своем полном разрыве с оппортунизмом: из ее состава был исключен Мануэль Идальго⁵³. II съезд Компартии Чили знаменует превращение рабочей партии в подлинный авангард масс, вооруженный самой передовой идеологией — марксизмом. Этот процесс шел под могучим влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, идеи которой стали идеями передового отряда пролетариата Чили.

Коммунистическому движению в Чили еще предстояло столкнуться со многими трудностями. Коммунистов преследовали, бросали в тюрьмы, объявляли вне закона, убивали. Но «выжило сопротивление», — писал Пабло Неруда. И выжило оно потому, что в Чили — «там, где кончается земля», — революционеры, вооруженные марксистской идеологией, создали небольшую, но жизнеспособную партию коммунистов, превратившуюся сейчас в подлинную партию чилийских трудящихся.

Процесс распространения марксизма в конце XIX — первой четверти XX в. в Чили делится на два этапа. Первый этап — это этап завоевания марксистской идеологией авангарда чилийского пролетариата. Он, в свою очередь, подразделяется на два периода: период поисков организационных форм социалистической партии и распространения социализма вширь (конец XIX в. до 1912 г.) и период победы идеологии пролетарского интернационализма в СРП, более глубокого изучения марксизма, разработки программы партии (1912 г. по 1917 г.). Второй этап характеризуется победой подлинно марксистского мировоззрения в партии рабочего класса Чили, созданием Коммунистической партии Чили.

⁵¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 45, стр. 293.

⁵² L. E. Recabarren. Rusia Obrera y Campesina. «Obras escogidas», p. 152.

⁵³ «El Comunista», Antofagasta, 16.I.1924; Э. Лаферте. Указ. соч., стр. 140.

КРУШЕНИЕ «ПОЛУДЕРЖАВНОГО ВЛАСТЕЛИНА»

(ДОКУМЕНТЫ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА КНЯЗЯ А. Д. МЕНШИКОВА)

Впервые публикуемые здесь документы секретного следственного дела князя А. Д. Меншикова наглядно показывают механизм действия дворцовых переворотов XVIII столетия, которые, по словам В. И. Ленина, «были до смешного легки, пока речь шла о том, чтобы от одной кучки дворян или феодалов отнять власть и отдать другой»¹.

...8 сентября 1727 года. Серый, ненастный день, обычный для ранней осени в Петербурге. Утром этого дня 55-летний президент Военной коллегии, генералиссимус, светлейший князь Александр Данилович Меншиков, могущественнейший человек в России, нареченный тестем императора Петра II, получил царский указ о домашнем аресте. При объявлении указа Меншикову стало так дурно, что лекарь во избежание апоплексического удара вынужден был «отворить» ему кровь. В тот день была сломлена блистательная карьера Меншикова.

Придворная служба «безродного баловня судьбы» началась за сорок лет до этих событий. Именно тогда Франц Лефорт, фаворит молодого царя Петра I, заметил и взял в слуги бойкого паренька Алексашку Меншикова, полубродягу, торговца пирогами на московских улицах, беглого сына дворцового конюха. С 1686 г. он служил денщиком у Петра I, оценившего в нем исключительную преданность и усердие. В ходе повседневного общения с царем и его окружением Меншиков приобрел практические навыки военной и государственной деятельности. Используя доверие Петра I, он начал оказывать существенное влияние на придворные и государственные дела. А Петр I смело выводил своего любимца «в люди», назначая его на ответственные административные и военные посты, жалую чинами, титулами, деньгами, поместьями с десятками тысяч крепостных. В 1703 г. Меншиков стал губернатором Ингерманландии (позднее Петербургская губерния), руководил строительством Санкт-Петербурга и Кронштадта. В 1702 г. он получил графский титул, в 1704 г. его произвели в генерал-майоры. В 1706 г. по рекомендации царя австрийский император Иосиф I возвел Меншикова в сан князя «Священной Римской империи», а сам Петр I год спустя пожаловал его титулом светлейшего князя.

Обласканный царской милостью, Меншиков ревностно оправдывал делами пожалованные ему почести. В Полтавском сражении 27 июня (8 июля) 1709 г., командуя левым крылом русской армии, он разгромил корпус генерала Рюсса, обеспечив тем самым общую победу в битве. За действия под Полтавой Меншиков был произведен Петром I в чин фельдмаршала. В 1709—1713 гг. Меншиков командовал русской армией в заграничных походах, освобождая земли Померании и Голштинии от шведских войск, а с 1714 г. занимался только делами внутреннего управления. Он ведал сбором общегосударственных доходов, управлял отвоеванными у Швеции землями (Прибалтика, Ижорская земля); при частых отъездах Петра I возглавлял правительство, с 1718 г. был президентом Военной коллегии. На этих постах выявились в полной мере не только большие административные способности Меншикова, но и отрицательные стороны его натуры, прежде всего непомерное тщеславие и корыстолюбие. Не довольствуясь огромными окладами и доходами с владений (где у него было до 100 тыс. крепостных), он стал на путь сомнительного предпринимательства, наживался на казенных подрядах, беззастенчиво брал взятки, присваивал казенные суммы и частные владения. С 1714 г. он постоянно находился под следствием за мно-

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 443.

гочисленные злоупотребления и хищения, подвергался огромным денежным начетам. Лишь заступничество Петра I и его супруги Екатерины (сближению которой с Петром I способствовал Меншиков) спасало его от суда.

После смерти Петра I Меншиков, опираясь на гвардию, 28 января 1725 г. возвел на престол Екатерину I и стал фактически правителем России. В пору своего могущества Меншиков допустил ряд крупных ошибок, которыми воспользовались его противники из среды старой аристократии. Правда, он сумел занять первенствующее место в Верховном тайном совете, созданном в 1726 г. для ограничения его власти. Однако лагерь приверженцев Меншикова в этом совете фактически распался уже весной 1727 г., незадолго до смерти Екатерины I, когда решался вопрос о наследнике престола. Вопреки намерениям своих сторонников, желавших возвести на престол царевну Елизавету Петровну (дочь Петра I), Меншиков добился от умиравшей императрицы согласия на объявление наследником престола царевича Петра Алексеевича (внука Петра I) при условии его женитьбы на дочери князя Марии Меншиковой.

Династические замыслы Меншикова возбудили тревогу у его врагов — князя Д. М. Голицына и герцога Карла Голштинского, которые теперь еще интенсивнее старались подорвать его положение в Верховном тайном совете. Первым в их лагерь скрытно перешел опаснейший интриган вице-канцлер А. И. Остерман. Не мог теперь Меншиков надеяться и на других членов совета: ни на осторожного канцлера графа Г. И. Головкина, ни на генерал-адмирала графа Ф. М. Апраксина. Не были прочной опорой Меншикова его застольные друзья — генералы А. Я. Волков, А. И. Шаховской, Ю. И. Фаминцын, тайный советник А. В. Макаров, — не имевшие большого веса в придворной политике. Однако Меншиков не сознавал всей грозившей ему опасности. По-прежнему обладая огромной властью, он принимал внешнее поклонение своих недругов за их безусловную покорность и был ослеплен воздаваемыми ему Петром II почестями: 13 мая 1727 г. Меншиков получил чин генералиссимуса, 25 мая состоялось обручение его дочери Марии с 12-летним императором. Меншиков был уверен в прочности своего положения. Между тем его противники составили заговор, имевший целью подорвать влияние всесильного временщика на юного царя, а затем арестовать его и, предъявив обвинения в государственных преступлениях, расправиться с ним, его семьей и приверженцами. Заговор сплотил виднейших представителей родовой аристократии — князей Голицыных и Долгоруких с людьми из новой знати, бывшими приверженцами Меншикова, вовремя угадавшими перемену политической ситуации при дворе.

Особенно коварную роль в заговоре играл Остерман, которого сам же Меншиков ранее назначил воспитателем к Петру II. Остерман умело настраивал не искушенного в политической игре мальчика-императора против светлейшего князя, указывая на его лихоимства, на умаление им авторитета и прерогатив самодержавной власти. Огромное влияние на Петра II оказывали также князья А. Г. и И. А. Долгорукие. Они поощряли юного царя к охоте, пьянству, картежной игре, порочным увеселениям, всячески пытались помешать ему общаться с Меншиковым и его семьей. Мало-помалу Меншиков стал замечать, что Петр II изменил к нему свое отношение. Император, действуя по указке своих многоопытных советников, явно уклонялся от деловых аудиенций, поспешно прерывал вынужденные беседы. Избегали встреч с Меншиковым и члены Верховного тайного совета. Лишь 4 сентября 1727 г. Меншиков решил выяснить свое положение, с трудом добившись приема у Петра II в царской резиденции в Петергофе. Встреча эта, длившаяся не более четверти часа, не оставляла сомнений в том, что над головой Меншикова сгустились грозные тучи. 5 сентября он около часа с глазу на глаз беседовал с Остерманом, одним из главарей заговора. Разумеется, тот не сказал ничего определенного, однако Меншиков понял, что катастрофа близка и попытки предотвратить втайне подготовленный удар уже ни к чему не приведут².

У Меншикова была, пожалуй, единственная возможность опередить заговорщиков. Используя сохранившуюся свободу действий, он мог уехать в Петербург и, выступая как президент Военной коллегии, поднять по тревоге гвардию и армейские полки, стать во главе войск и вынудить заговорщиков капитулировать. Правда, в случае не-

² Г. В. Есипов. Ссылка князя Меншикова. 1727. «Отечественные записки», 1860, № 8; 1861, №№ 1, 3.

удачи эта попытка могла бы стоить ему головы. Не потому ли Меншиков не отважился пойти на риск? Все еще на что-то надеясь, он ожидал успешного исхода событий.

Утром 8 сентября генерал С. А. Салтыков явился к Меншикову и зачитал ему приказ Петра II о домашнем аресте. В тот же день Петр II объявил Верховному тайному совету заранее подготовленный Остерманом указ о запрещении исполнять ранее отданные Меншиковым приказы и распоряжения. На заседании совета 9 сентября царь утвердил докладную записку Остермана, предусматривавшую ряд новых мер против Меншикова и его сторонников³. Петр II подписал указ о ссылке Меншикова с семьей, с лишением первого всех чинов и орденов («кавалерий»)⁴. 10 сентября Верховный тайный совет отдал распоряжение об опечатании документов канцелярии Меншикова, изъятии находившихся у него казенных сумм и драгоценных камней и запрещении упоминать в церковных службах имя бывшей невесты Петра II, Марии Меншиковой⁵.

Рано утром 11 сентября из Петербурга вышел огромный обоз из сотни подвод, увозивший Меншикова, его семью и родственников его жены в ссылку. Однако осенняя непогода, разбитые дороги и длительные стоянки в пути из-за частых приступов горловой чахотки у Меншикова задерживали продвижение обоза. Лишь 3 ноября 1727 г. конвойная команда доставила Меншикова и его семью в Раненбург (ныне г. Чаплыгин, Липецкой области), где ссыльные были помещены в крепость под охраной команды из 180 солдат при 75 пушках⁶. Арестовав Меншикова, Верховный тайный совет не предъявил ему формального обвинения с указанием конкретных преступлений. Арест и последующая ссылка в Раненбург явились предварительной мерой пресечения, обеспечившей свободу расследования и установления виновности свергнутого временщика⁷. В ходе расследования «верховникам» нужно было собрать такие документальные улики, которые позволили бы представить свершившийся акт политической борьбы как законное юридическое обоснование действий против Меншикова. Улики должны были оказаться настолько очевидными, чтобы поставить также вопрос о конфискации имущества опального князя, в чем были заинтересованы и особы царствующего дома, и «верховники», и сановники более мелкого пошиба.

Неожиданный финал блистательной фортуны Меншикова породил и в России и за рубежом массу различных слухов о причинах постигшей его опалы. Эти слухи приобретали порой беспочвенный или неумеренный характер, особенно в зарубежной прессе⁸, но правительство Петра II не спешило с опубликованием официальной версии. К середине декабря 1727 г. был вчерне закончен первый этап следствия, в ходе которого удалось собрать частью достоверный, а частью сфальсифицированный материал для обвинения Меншикова в государственных и уголовных преступлениях. Верховный тайный совет подготовил два проекта манифеста, в которых обобщил обвинения, выдвинутые против князя. Окончательный вариант проекта манифеста «О винах князя Меншикова» обсуждался на заседании Верховного тайного совета 19 декабря⁹.

Публикуемый ниже проект (документ № 1) обвиняет Меншикова в том, что он угрозами принудил царя согласиться на бракосочетание с Марией Меншиковой, «чинил многие противности» царице Евдокии Федоровне Лопухиной, самовольно рассылал по учреждениям указы и повеления, которые не только «императорской власти противны, но и государству вредительны», вымогал казенные суммы, брал взятки, присваивал частные имения. Заготовленный проект не был утвержден Петром II. Это, очевидно, объяснялось тем, что важнейшие политические обвинения, выдвинутые там против Меншикова, легко опровергались документами, исходившими ранее от верховной власти. Например, Петр II манифестом от 5 мая 1727 г. сам объявлял о решении вступить в брак с «принцессой» Меншиковой «по нашему свободному намере-

³ «Сборник Русского исторического общества» (далее — Сб. РИО). Т. 69, 1889, стр. 270—272.

⁴ Г. В. Е с и п о в. Указ. соч. «Отечественные записки», 1860, № 8, стр. 394.

⁵ Сб. РИО. Т. 69, стр. 273—274.

⁶ «Отечественные записки», 1860, № 8, стр. 399—403.

⁷ В. Н. Н е ч а е в. Публикация о винах кн. А. Д. Меншикова. «Русский исторический журнал», 1921, № 7, стр. 96—97.

⁸ Там же, стр. 100—102.

⁹ Там же, стр. 103; сб. РИО. Т. 69, стр. 865.

нию»¹⁰; распоряжения о переводе царицы Евдокии Федоровны из Шлиссельбурга в Новодевичий монастырь были отданы не по единоличному указанию Меншикова, а утверждены решением Верховного тайного совета¹¹. Учитывая эти обстоятельства, Остерман, видимо, посоветовал Петру II воздержаться от публикации манифеста, который мог представить верховную власть в невыгодном свете.

Расследование дела Меншикова шло по трем главным направлениям. Первое было связано с установлением его политических преступлений — проступков и замыслов против царствующей династии. В этом отношении состав преступлений был очевиден, и следователи не проводили углубленных изысканий, тем более что это было по ряду причин нежелательно как для Петра II, так и для «верховников», способствовавших в свое время возвышению Меншикова. Второе направление сосредоточилось на сборе материалов об уголовных преступлениях Меншикова, об ущербе, причиненном им государственной казне, частным владениям и капиталам путем хищений, вымогательств, подлогов и взяток. Осенью определилось третье направление расследования, построенное на фальшивых обвинениях Меншикова в государственной измене, в передаче шведским властям секретнейшей политической и военной информации о России. Материалы обвинения были сфабрикованы русским посланником в Стокгольме графом Н. Ф. Головиным при активной поддержке Остермана. Узнав о ссылке Меншикова, Головин в донесении к Петру II от 29 сентября 1727 г. писал, что по полученным им агентурным сведениям представители антирусской группы в шведском правительстве сожалеют о падении Меншикова¹². Донесение Головина позволяло (при получении более подробных «фактов» об «измене» Меншикова) направить затянувшееся следствие по кратчайшему пути и давало в руки заинтересованных лиц важный материал для немедленной расправы с «государственным изменником». На заседании Верховного тайного совета 13 октября было решено направить Головину предписание о сборе новых фактов относительно «измены» Меншикова¹³.

В донесении от 20 октября Головин сообщал, что «надежный и верный приятель» объявил ему о письме Меншикова к шведскому сенатору Дибену от 1725 г., в котором говорилось о том, чтобы Швеция безбоязненно подписывала Ганноверский союзный трактат¹⁴, несмотря на противодействие русского правительства. Далее Головин констатировал, что Меншиков многократно информировал шведского посла в Петербурге барона Цедеркрейца «о происхождении дел» при русском дворе (о чем, в частности, говорится якобы в реляциях и частных письмах Цедеркрейца) и что Меншиков получил от шведского посла за шпионские сообщения 5 тыс. червонцев в английской валюте¹⁵. Без какой-либо дополнительной проверки домыслы Головина и его осведомителей легли в основу нового следствия по обвинению Меншикова в «государственной измене».

12 ноября Верховный тайный совет вынес решение об отправлении в Раненбург президента Доимочной канцелярии И. Н. Плещеева для производства нового дознания по делу Меншикова, вручив ему допросные пункты, касающиеся «измены» князя и его обвинений в расхищении государственной казны¹⁶. Плещееву было предписано допросить Меншикова «с принуждением и угрозами, что ежели он подлинно о том о всем, как у него происходило, не объявит, то с ним иначе поступлено будет»¹⁷. Верховный тайный совет утвердил два экземпляра допросных пунктов для следствия по делу Меншикова в Раненбурге. Первый экземпляр содержал пять вопросов, касающихся «изменнических» сношений Меншикова с государственными деятелями Швеции, а также вымогательства Меншиковым 80 тыс. руб. и других сумм у герцога Голштинского и его супруги царевны Анны Петровны. Второй экземпляр допросных пунктов

¹⁰ Сб. РИО. Т. 63, 1888, стр. 62.

¹¹ Там же. Т. 69, стр. 123—124; В. Н. Нечаев. Указ. соч., стр. 108—112.

¹² Г. В. Есипов. Указ. соч. «Отечественные записки», 1861, № 1, стр. 65.

¹³ Сб. РИО. Т. 69, стр. 512.

¹⁴ Союзный трактат, заключенный между Англией, Францией и Пруссией 3 сентября 1725 г. в Ганновере, был направлен против России, усиление которой на Балтике вызывало недовольство этих стран. Швеция примкнула к трактату 14 марта 1727 года.

¹⁵ Г. В. Есипов. Указ. соч. «Отечественные записки», 1861, № 1, стр. 65—66; сб. РИО. Т. 69, стр. 530—531.

¹⁶ Сб. РИО. Т. 69, стр. 738—740.

¹⁷ Там же, стр. 770, 772.

содержал восемь вопросов, связанных со служебными преступлениями Меншикова корыстного свойства: присвоением казенных денег, невозвращением полученных сумм, неплатежом в казну различных сборов.

Отправив 13 декабря Плещеева в Раненбург, Верховный тайный совет на заседании 19 декабря снова вернулся к рассмотрению дела Меншикова. На этом заседании Петр II, исходя, видимо, из рекомендаций Остермана и Долгоруких, приказал конфисковать вотчины и поместья Меншикова, оставив ему на пропитание «Ораниенбург и к тому в прибавку, чтоб всех было до тысячи дворов»¹⁸. Таким образом, еще до начала нового следствия значительная часть владений Меншикова перешла в дворцовое ведомство. Арестованные 13 декабря и содержащиеся в Петропавловской крепости секретари Меншикова Ф. Вист, С. А. Вульф и А. Яковлев были 30 декабря допрошены следственной комиссией Верховного тайного совета. В своих показаниях они решительно отрицали наличие враждебной интересам России корреспонденции в бумагах Меншикова и не дали следствию никаких данных к изобличению их бывшего шефа в «измене»¹⁹. Не было, очевидно, обнаружено никаких документов, компрометирующих Меншикова, и в его канцелярии, в которой с 23 сентября работала специальная комиссия в составе обер-секретарей В. Степанова, А. Маслова и И. Юрьева²⁰.

Таким образом, документальных улик по главному против Меншикова обвинению в «измене» не удалось выявить ни при просмотре канцелярии опального князя, ни при допросе его бывших секретарей. В этих условиях Верховному тайному совету важно было установить, как отнесется к предъявленным обвинениям сам Меншиков, не проговорится ли он в чем-либо Плещееву при допросах, испугавшись возможных пыток? Плещеев приехал в Раненбург 5 января 1728 года. В тот же день он опечатал корреспонденцию Меншикова и отобрал у него и членов его семьи кавалерские знаки русских и иностранных орденов. При этом Меншиков предусмотрел основной пункт обвинения, неосторожно заявив следователям, что «он де знает, чего больше ищите, что от чужестранных карашподентов писем, которых де у него нет, и он с ними карашподенции тайно не имел»²¹. Следователь счел необходимым внести в протокол это неосмотрительно сделанное Меншиковым заявление.

6 января 1728 г. Плещеев приступил к допросу Меншикова по главному обвинению — в «государственной измене». Меншиков решительно отрицал три первых пункта обвинения. По четвертому пункту, касающемуся вымогательства Меншиковым 80 тыс. руб. у Карла (герцога Голштинского) и его супруги, он сообщил, что эти деньги были добровольно обещаны ему герцогской четой через голштинского министра графа Бассевича за хлопоты по утверждению завещания («тестамент») Екатерины I²². Фактически же он, Меншиков, 80 тыс. руб. так якобы и не получил. Специально исследовавший этот вопрос историк В. Н. Нечаев признает (правда, с некоторыми оговорками) справедливость данного показания Меншикова²³. 8 января Плещеев еще раз попытался добиться признаний Меншикова относительно его «изменнических сношений» со шведским правительством и посланником Швеции в Петербурге Цедеркрейцем. Однако и на этот раз обвиняемый доказал, что при всем его корыстолюбии он не мог пойти на сделанные ему в свое время выгодные предложения со стороны шведских дипломатов потому, что речь шла о государственных интересах России²⁴. Вообще следует отметить, что ни следствие в Раненбурге, ни проводившиеся одновременно с ним розыски компрометирующих материалов в бумагах канцелярии Меншикова в Петербурге не дали документальных фактов, изобличающих Меншикова в «изменнических» сношениях со Швецией²⁵. Улики по главному обвинению против Меншикова в «измене» сводились в основном к донесениям Н. Ф. Головина, сфабрикованным в своекорыстных, карьеристских целях, в порядке прислужничества перед победившей дворцовой группировкой.

¹⁸ Там же, стр. 898—899.

¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 534, д. 103, лл. 27—33 об.

²⁰ Сб. РИО. Т. 69, стр. 348.

²¹ См. документ № 2 данной публикации.

²² См. документ № 3 данной публикации.

²³ В. Н. Нечаев. Следственные допросы кн. А. Д. Меншикова. «Русский исторический журнал», 1922, № 8, стр. 134—140.

²⁴ См. документ № 4 данной публикации.

²⁵ В. Н. Нечаев. Следственные допросы кн. А. Д. Меншикова, стр. 127, 130.

8 января следственная комиссия приступила к допросу Меншикова и по второй группе допросных пунктов, касавшихся преступлений корыстного свойства. Общая сумма начета на Меншикова составляла около 110 тыс. руб., 1 000 ефимков и 100 червонцев золотом. В своих показаниях по этим пунктам обвинения²⁶ Меншиков признался лишь в том, что не возвратил в казну 100 червонцев золотом. Большинство же обвинений он аргументированно отвел, ссылаясь на документы верховной власти и на таких свидетелей, как Остерман, граф Левенвольд и кабинет-секретарь А. В. Макаров. Обстоятельные объяснения Меншикова существенно поколебали силу предъявленных ему обвинений в корыстных преступлениях. По существу, он не смог оправдаться в сумме, не превышавшей 20 тыс. руб., огромной в принципе, но ничтожно малой для Меншикова. Провал обвинения по этим статьям объяснялся, по-видимому, тем, что следствие, наспех подбирая материалы, не успело собрать серьезные документальные улики.

10 января Плещеев отправил в Верховный тайный совет донесение, в котором сообщал, что Меншиков в ходе следствия решительно отвергал важнейшие пункты обвинения («государственная измена»), признавая себя виновным лишь по некоторым второстепенным допросным пунктам, касающимся проступков корыстного свойства. Это донесение рассматривалось на заседании совета 16 января. Петр II, присутствовавший на заседании, согласился с мнением «верховников» о ссылке Меншикова в один из отдаленных восточных городов: «в Вятку или в иной, которой отдаленной, и содержать при нем караул не так великой»²⁷. Этим повелением судьба Меншикова, казалось, была уже решена, но Верховный тайный совет (куда 3 февраля были назначены князья А. Г. и В. Л. Долгорукие) не спешил выполнять распоряжение императора. «Верховники» были заняты более важным для них лично делом: они усиленно хлопотали о царских милостях в связи с предстоящей коронацией Петра II. Коронация состоялась 25 февраля, вслед за ней начались бесконечные празднества, занявшие почти весь март 1728 года. И если о самом Меншикове на время забыли, то не забыли продолжать начатую ранее работу по переписи и конфискации его имущества. В течение 1727 г. и последующих лет у Меншикова было конфисковано 6 городов (Ямбург, Копорье, Раненбург, Почеп, Ямполь, Батурин), 1 023 села и деревни с 21 070 дворами и 30 133 душами мужского пола²⁸. Большая часть конфискованных владений и изъятых денежных сумм была передана государственной казне и дворцовому ведомству. Немало поживились при дележе меншиковского имущества члены царской семьи и «верховники».

К решению судьбы Меншикова Верховный тайный совет возвратился в конце марта 1728 года. Поводом к этому послужило подметное письмо, найденное 24 марта у Спасской башни Московского Кремля. Письмо это, судя по официальной версии, было наполнено «всякими плутовскими и лживыми внушениями, доброхотствуя и заступая за бывшего князя Меншикова» и «с ведома его, Меншикова, или еще и по его научению писано»²⁹. В результате проведенного розыска не было обнаружено ни автора письма, ни его сообщников. Однако властям удалось узнать о попытках свояченицы Меншикова А. М. Колычевой облегчить участь Д. М. Меншиковой и ее детей путем подкупа лиц, вхожих к царице Евдокии Лопухиной³⁰.

Но еще до начала расследования по делу А. М. Колычевой Верховный тайный совет вынес окончательное решение по делу Меншикова и его семьи. На заседании совета 27 марта 1728 г. сначала было решено сослать Меншикова в Пустозерский острог с женой, сыном Александром и дочерью Александрой, а старшую дочь Марию — в Горицкий девичий монастырь на Белоозеро³¹. В окончательном протоколе совета, подписанном 4 апреля³², местом ссылки для всей семьи Меншикова был назначен город Березов в Сибири. В перемене решения относительно Марии Меншиковой была выражена, очевидно, последняя милость Петра II к своей бывшей невесте,

²⁶ См. документ № 5 данной публикации.

²⁷ Сб. РИО. Т. 79, 1891, стр. 25, 29.

²⁸ ЦГАДА, ф. 6, д. 160, № 1, ч. 3, лл. 174 и об.

²⁹ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 534, д. 103, л. 109.

³⁰ Г. В. Есипов. Указ. соч. «Отечественные записки», 1861, № 1, стр. 74—81.

³¹ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 534, д. 103, лл. 118, 120, 124.

³² См. документ № 7 данной публикации.

которой он предоставил возможность следовать в ссылку вместе с семьей и избавил ее от монашеской скуфьи. Политические враги Меншикова, опираясь на Петра II, свершили актом от 4 апреля окончательную расправу над некогда всемогущим временщиком, бывшим «полудержавным властелином» России (по выражению А. С. Пушкина).

16 апреля 1728 г. из Раненбурга вышел обоз, отвозивший Меншикова и его семью в сибирскую ссылку. 10 мая у села Верхний Услон под Казанью Меншиков схоронил умершую в пути жену. 15 июля ссыльных доставили в Тобольск. И, наконец, 17 июля Меншиковы прибыли к месту ссылки. Ссыльных поместили в одной из казарм местного острога. Картина В. И. Сурикова «Меншиков в Березове» верно передает ту обстановку и то состояние духа, в которых находились Меншиков и его дети в дни ссылки.

Расправа над Меншиковым была легкой, но бесславной победой родовитой аристократии. Руководствуясь корыстными, узкокастовыми интересами, правящая дворцовая партия отстранила от государственного управления одного из даровитых сотрудников Петра I. Это событие в известной мере было следствием реакционного курса старой аристократии, которая, упрочивая свое господствующее положение, неуклонно отдалялась от государственных интересов и нужд народа, отказывалась от прогрессивных начинаний Петра I, создавала почву для «бироновщины» и для того строя, который В. И. Ленин определял как «самовластие чиновников и полиции и бесправие народа»³³.

Меншиков прожил в сибирской ссылке менее полутора лет. Скончался он 12 ноября 1729 г. и был погребен у алтаря выстроенной его же руками деревянной церкви. Полтора месяца спустя умерла Мария Меншикова³⁴. Донесения об их смерти дошли до Петербурга уже тогда, когда самого Петра II не было в живых: он скончался от оспы 19 января 1730 г., в день, назначенный для его свадьбы с княжной Екатериной Долгорукой. Справедливости ради следует отметить, что незадолго до смерти Петр II, испытывая, очевидно, угрызения совести и сознавая несправедливость своего решения по меншиковскому делу, отдал распоряжение о возвращении детей Меншикова из ссылки. Они вернулись из Сибири в Петербург в 1730 г., и им была возвращена некоторая часть конфискованного имущества их отца.

Публикуемые здесь документы следственного дела Меншикова извлечены из фонда канцелярии министерства юстиции, находящегося в Центральном государственном архиве СССР в Ленинграде³⁵. Документы эти с 1728 г. хранились в Сенатском архиве. В 1832 г. они были представлены министром юстиции Д. В. Дашковым Николаю I³⁶. Ознакомившись с секретным делом Меншикова, Николай I возвратил его в министерство юстиции. В архив оно не попало, а затерялось среди бумаг текущего делопроизводства канцелярии министерства юстиции за 1832—1833 годы. Вот почему секретное дело о Меншикове находилось в неизвестности для историков почти целое столетие. Ничего не знал о нем, в частности, исследователь вопроса о ссылке Меншикова Г. В. Есипов, изучавший и опубликовавший некоторые документы из другого (несекретного) следственного дела о Меншикове (из Государственного архива МИД)³⁷. Не знали о существовании секретного дела и авторы биографических очерков о Меншикове Б. Д. Порозовская и А. А. Голомбиевский³⁸, опиравшиеся в своих работах на исследование Г. В. Есипова.

В 1918 г. секретное следственное дело Меншикова попало, наконец, в руки специалиста. Его случайно нашел историк-архивист В. Н. Нечаев, разбирая бумаги бывшего министерства юстиции. Основываясь на документах этого дела, В. Н. Нечаев написал две упомянутые выше статьи, которые осветили неясные до того страницы следствия по делу Меншикова и обоснованно сняли с него тень подозрений в «государственной измене». Однако статьи В. Н. Нечаева остались вне поля зре-

³³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 4, стр. 252.

³⁴ Г. В. Есипов. Указ. соч. «Отечественные записки», 1861, № 3, стр. 37.

³⁵ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 534, д. 103.

³⁶ Там же, л. 4.

³⁷ Г. В. Есипов. Указ. соч. «Отечественные записки», 1860, № 8; 1861, №№ 1, 3.

³⁸ Б. Д. Порозовская. А. Д. Меншиков. Его жизнь и государственная деятельность. СПб. 1895; А. А. Голомбиевский. Служащие Петра Великого. Граф П. И. Ягужинский. Князь А. Д. Меншиков. СПб. 1903.

ния широких кругов читателей и, более того, оказались забытыми даже некоторыми специалистами. Следует отметить, например, что статей В. Н. Нечаева и подлинных материалов секретного меншиковского дела не знал, в частности, писатель Александр Соколов, автор обстоятельно документированного исторического романа «Меншиков» (М. 1965).

Ниже публикуются семь документов из следственного дела А. Д. Меншикова с нашими примечаниями.

Р. В. Овчинников

№ 1

ПРОЕКТ МАНИФЕСТА ИМПЕРАТОРА ПЕТРА II С ОБЪЯВЛЕНИЕМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КН. А. Д. МЕНШИКОВА ПРОТИВ САМОДЕРЖАВНОЙ ВЛАСТИ И ГОСУДАРСТВА 19 декабря 1727 г.*

Форма публикации о винах князя Меншикова.

Божиею милостию мы, Петр Второй, император и самодержец Всероссийский и протчая, и протчая, и протчая, чрез сие объявляем. Понеже князь Меншиков при вступлении нашем на российский наш наследный престол не точию прежние неумеренные и худые свои поступки (которые ему тогда оставлены были единым токмо милосердием и щедротами предков наших, их императорских величеств) оставил, но и такую на себя амбицию взял и самовластно и продерзостно поступал, что весьма самодержавной нашей императорской власти противно и государственным интересам вредительно, а именно:

1. По преставлении бабки нашей, блаженные и вечнодостойныя памяти ея императорского величества, принудил нас жить в доме своем, лукавно представляя и внушая** нам некоторыя в правительстве нашем опасности, и потом дерзнул нас принудить на публичный зговор к сочетанию нашему на дочери своей, княжне Марье, уграживая, ежели б мы на то не соизволили, весьма нам противным и вредительным злым своим намерением.

2. Бабке нашей, великой государыне царице Евдокее Феодоровне, чинил многия противности, которых в народ публично объявить не надлежит***.

3. Розсылал от себя в коллегии и канцелярии наши, также к губернаторам и к другим правителям повелительныя указы без ведома и соизволения нашего и без общего согласия Верховного тайного совета², которыя не точию нашей императорской власти противны, но и государству вредительны.

4. Он же, князь Меншиков, ис казны нашей из разных мест и разными образы забрал к себе денег немалыя суммы и вымышленно в некоторые канцелярии, отсудственные от Санкт-Петербурха, указами от себя писал, повелевая, чтоб ни о ка-

* Датировано по тексту журнала Верховного тайного совета от 19 декабря 1727 г., где сообщается, что в этот день была «чтена публикация о винах князя Меншикова; и поправлена и приказано объявить барону Андрею Ивановичу Остерману» (Сб. РИО, Т. 69, 1889, стр. 865).

** В черновом варианте манифеста далее следовал вычеркнутый позднее текст: «Будто предков наших, их императорских величеств, их императорския дома к нашему пребыванию не точию не довольны, но и весьма нездоровы. Министром же нашим Верховного тайного совета объявлял будто на то, чтоб жить в доме ево, собственное наше соизволение есть. И потом в доме своем» (ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 534, д. 103, л. 36 об.).

*** В черновом варианте манифеста далее содержится следующий текст: «Когда бабка наша, великая государына царица Евдокея Феодоровна, желала с нами видетца и о том к нему, князю Меншикову, прислано было от ея величества письмо, тогда он не точию до того не допустил, но и то письмо без воли и ведома нашего назад возвратил и потом тайным образом к ее величеству посылал от себя князь Алексея Шаховского до Степана Лопухина с таким представлением, чтоб ее величество присла [ла] к нему письмо в такой материи, будто изволит иметь намерение жить в Москве в Новодевичье монастыре¹. И по тому ево принуждению такое письмо к нему, Меншикову, прислано, по которому он под образом ея величества соизволения в тот монастырь послал ее величество без ведома и соизволения нашего» (там же, л. 37).

ких приходах и расходах в надлежащая по указом места не репортовали, кроме ево одного, закрывая тем свои продерзости и злые поступки.

5. Сверх того, повреждая наши и государственные интересы, брал великия взятки, между которыми дерзнул взять его королевского величества герцога голстинского у министра Стамкина 60 000 рублей из тех денег, которые выданы ис казны нашей ея высочеству, тетке нашей, цесаревне Анне Петровне, и его королевскому высочеству³. Да из имеющегося нашего казенного долгу на иноземца Марлии⁴ из осмидесяти тысяч рублей, которые отданы его королевскому высочеству по прошению ево в награждение⁵, выговорил он, князь Меншиков, себе половину, а имянно 40 000 рублей, и в то число уже взял 2 000 рублей⁶.

6. В Лифляндии и Эстляндии знатные маестности у некоторых особ отнял чрез составные и фальшивые контракты, принуждая их к тем своими угрозами за малые деньги, а в контрактах писал будто им от него плачены настоящие цены⁷.

7. В протчих же ево, князя Меншикова, поступках и злых намерениях, и какие им казне нашей чинены ущербы, а подданным нашим обиды, о том отчасти повелели мы исследовать, отчасти же, которые не подлежат до публикации, содержатца секретно*.

8. И хотя он, князь Меншиков, за такая свои против нашей императорской самодержавной власти продерзости и вредительные государству поступки по государственным правам довелся смертной казни, но понеже мы, яко христианский монарх, от смертной казни ево освободить повелели, а лиша всех ево честей и чинов, со всею ево фамилиею послан в ссылку в Аранибурх и содержитца из крепости неисходны.

ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 534,
д. 103, лл. 39—41. Подлинник.

№ 2

ЗАПИСЬ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ВЕРХОВНОГО ТАЙНОГО СОВЕТА ОБ ОБЫСКЕ В ДОМЕ КН. А. Д. МЕНШИКОВА В РАНЕНБУРГЕ

5 января 1728 г.

1728-го генваря 5-го дня действительной статской советник господин Плещеев и при нем лейб-гвардии капитаны Петр Мельгунов, Степан Пырской, ундер-лейтенант Семен Ресин ходили к князю Меншикову для взятъя ковалерей и запечатавания писем. И при том оной Меншиков говорил: он де знает, чего больше ищите, что от чужестранных карашподентов писем, которых де у него нет, и он с ними карашподенции тайно не имел⁹. Иван Плещеев. Капитан Степан Пырской. Капитан Петр Мельгунов. Ундер-лейтенант Семен Ресин.

При вышеописанных разговорах сержант Яков Батюшков был. При вышеписанных разговорах был и слышал копеист Иван Таушев.

ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 534,
д. 103, л. 11. Подлинник.

№ 3

ЗАПИСЬ ПОКАЗАНИЙ КН. А. Д. МЕНШИКОВА НА ДОПРОСЕ В СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ВЕРХОВНОГО ТАЙНОГО СОВЕТА В РАНЕНБУРГЕ

6 января 1728 г.

По указу его императорского величества и по пунктам, данным из Верховного тайного совета действительному стацкому советнику господину Плещееву¹⁰, в прибытие ево в Ранибурх генваря 6 дня сего 728 году при нем, господине Плещееве, и гвардии при капитане Мельгунове князь Меншиков допрашиван. И при том ему, кня-

* В черновом варианте манифеста далее содержится следующий текст: «А партикулярным людем обиды о том указом нашим повелено исследовать Сенату⁸, и обидимым по правам надлежащее удовольствие учинить» (там же, л. 38).

зю Меншикову, объявлено: дабы он сказал самую истинную правду без допущения с ним дальних поступок, а ежели он будет в чем заператца, а явитца и сыскано будет мимо ево, тогда уже с ним иначе поступлено будет. А в допросе он, князь Меншиков, сказал:

На 1-й пункт:

В 1727 году, во время сейму в Швеции, прежде приступления короны швецкой к ГанOVERскому союзу, от себя письма на немецком языке за подписью своей руки к сенатору швецкому Дибену, в котором бы в начале означено о получении от того Дибена письма, а потом писано уверение ево, князя Меншикова, в службах х короне швецкой, и чтоб она, несмотря на сильныя представления и угрозы с росиской стороны от министров, к ГанOVERскому трактату приступила¹¹, понеже он гарантирует, что с стороны росиской ничего опасатца не надлежит, ибо власть в войске содержится у него в руках и наипаче, что тогда здоровье ее величества государыни императрицы зело в слабом состоянии, и чаял он, что век ее долго продолжитца не может, чтоб в то время оное ево приятельское внушение Швеции не было забвенно, ежели ему какая помощь надобна будет, такова письма он, князь Меншиков, к нему, Дибену, не писал и писать никому не веливал и ни с кем ни через кого не посылывал, и никаким образом не намерен, и в мысли у него не было, по силе такого письма, по согласию с Швециею в действо производить. И о том канцептов* или черных писем никаких у него нет и не бывало. Также к нему Дибену и другим швецким министрам таких подобных писем не писал и ни чрез кого не посылывал. И от помянутого Дибена и от иных из Швеции к нему, князю Меншикову, таких писем не было и у него нет. И никакой помощи ни в которое время и ни для какова случая он не требовал. А писал к нему два или три письма, а подлинно сказать — не упомнит, из Швеции бывшей посол Цыдергейм¹² токмо о здоровье и о сватовстве дочери ево за графа Пипера. На которые письма он, князь Меншиков, к нему Цыдергейму писал також о здоровье, а не о подозрительных делах. А кроме тех писем ни х кому не писал, разве хто под ево руку подписался, как и преж сего от Пояркова и от Друкорта под ево руку подписано¹³.

Александр Меншиков.

На 2-й [пункт] князь Меншиков сказал:

Обретающемуся в Санкт-Петербурхе швецкому посланнику барону Цедеркрейцу ни при каких случаях о происхождении дел при дворе его императорского величества тайных и противных императорскому величеству и ко всему Росискому государству, и что он, князь Меншиков, нимало не противен о приступлении короны швецкой к ГанOVERскому трактату, не объявлял и поступок в том швецкого перваго сенатора графа Горна не похвалял. И помянутой посланник Цедеркрейц ко двору своему о том писал ли, — того он не ведает. А перед посылкою ево, князя Меншикова, в Ранебурх недели за две или за три приходил к нему помянутой посланник Цедеркрейц и объявлял о пограничных ссорах между подданными с росиской стороны с швецкими. И он, князь Меншиков, писал о том в Выборх к Шувалову и к Порошину¹⁴, чтоб между ими ссор никаких не было, которые ево подлинные письма имеютца у них, Порошина и Шувалова, а черные отпуски — в походной ево канцелярии.

Александр Меншиков.

На 3-й пункт князь Меншиков сказал:

У швецкого посланника барона Цедеркрейца и у других ни у кого с швецкой стороны в подарок ни за какие посланные от него, князя Меншикова, письма к сенатору Дибену и ни х кому пяти тысяч червонных и ничего ни чрез кого не брал и принимать никому не веливал.

Александр Меншиков.

На 4-й пункт князь Меншиков сказал:

Когда отъезжали из Петербурха в Голштинию королевское высочество герцог голштинской и ея высочество цесаревна и герцогиня Анна Петровна¹⁵, и по указу

* Канцепт — акт, документ.

его императорского величества определено им было дать триста тысяч рублей, и за то и ни за что тогда и никогда он себе будто за труды осмидесят тысяч не вымогал. И ис тех денег и с казны штидесят тысяч рублей и ничего насильно и никаким образом не биывал и брать никому не веливал. И в достальных дватцати тысячах рублях от их высочеств никакого обязательства ему не дано, и он не имывал. И росписки никакой, ни письма за своею и ни за чьею рукою его королевскому высочеству и никому во оных штидесяти тысячах рублях не давал и давать никому не веливал, разве за нижеобъявленные деревни в деньгах росписки какой не дано ль, — и того не упомнит для того, что справитца не с чем: канцелярии и писем нет, а письма немецкия и русские в Санкт-Питербурхе в походной и в домовый канцелярии.

А при отправлении его королевского высочества в Голштиндию приходил в дом к нему, князю Меншикову, от его королевского высочества граф Башевич и объявил ему, что его королевское высочество пожаловал ему амт* в Голштиндии или сто тысяч рублей, а братъ бы ему те деньги ис казны его императорского величества из данных королевскому высочеству ис трехсот тысяч, ото ста тысяч по двадцати тысяч рублей, а росписыватца они будут во всех. И он, князь Меншиков, за то благодарствовал, а денег и амту не требовал. А против того говорил: разве бы вместо того амту его королевское высочество изволил пожаловать деревни те, которые он наперед того торговал у него, Башевича и у генеральши Ренши и у Принценстерна¹⁶. И потом оной Башевич на оные свои деревни также и на половину генеральши Ренши и от Принценстерна, которые ему, Принценстерну, даны по смерти, прислал к нему, князю Меншикову, купчие с секретарем Вистом. А на сколько по цене тех деревень, — о том явствует подлинно в тех купчих, токмо для выкупу во оных деньги писаны вдвое. И объявляет по истинной своей совести, что в тех купчих хотя и написано будто за оные деревни деньги взяты у него, князя Меншикова, токмо он таких денег не давал и купчие взял безденежно. Токмо оному Башевичю за лошадей и за котлы и за прочие домовые припасы, которые в помянутых деревнях ево были, заплатил он, князь Меншиков, тысячи две или три, а подлинно сколько заплачено, — того он не упомнит. И помнитца ему, князю Меншикову, что он о помянутых деревнях, которыми его королевское высочество ево пожаловал, своим министрам объявлял¹⁷.

Александр Меншиков.

На 5-й [пункт] князь Меншиков сказал:

При отъезде их высочеств из Петербурха, когда дан от его императорского величества вместо презента имеющейся казенной долг на аглицком купце Марли, и он, князь Меншиков, ис того у их высочества насильным образом половины не выговаривал¹⁸. А как еще при животе ея императорского величества помянутой долг дан был их высочествам, и тогда приходил к нему, князю Меншикову, граф Башевич и просил ево, чтоб он во взятъе одного долгу на нем, Марли, им помогал, и ежели того долгу сколько получают, ис того за то обещал ему, князю Меншикову, дать половину. И при отъезде их высочеств ис Петербурха министр его королевского высочества Штамкин оных денег прислал к нему две тысячи рублей с атьютантом Ливеном, и оные деньги он у него принял, а росписку Ливин дал ли, — того он не знает. Только он, князь Меншиков, ему, Башевичю, говорил, что того долгу на нем, Марли, взять невозможно. И он, Башевич, говорил, что де ни возьметца — и то годитца на вино.

Александр Меншиков.

К вышеописанным допросам князь Меншиков на вопрос в дополнение сказал:

Письма, которые из Швеции бывшей посол Цедергейм писал к нему о здоровье и о сватовстве дочери ево за графа Пипера, и те письма ныне где обретаютца, — того он не ведает, а читали ему, князю Меншикову, те письма секретари Вист или Вульф, а кто из них подлинно читали, — того он не упомнит. Также которые письма от него, князя Меншикова, к нему, Цедергейму, писаны, и те письма писали оные ж секретари Вист или Вульф, а кто из них подлинно писал и черные ныне где, — того он не упомнит, а белые письма посланы были в Швецию чрез обыкновенную почту. От королевского высочества на деревни крепости безденежно и денег из долгу Марлиева

* Амт — владение, имение.

две тысячи рублей без воли его императорского величества принял для того, что королевское высочество тем ево, князя Меншикова, пожаловал; также и другие государи разными вещами и деревнями ево жаловали. А чтоб того: кто чем кого пожалует, не брать, — такова указу он не слышал.

Александр Меншиков.

ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 534,
д. 103, лл. 15—22. Подлинник.

№ 4

ЗАПИСЬ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ВЕРХОВНОГО ТАЙНОГО СОВЕТА В РАНЕНБУРГЕ О РАЗГОВОРАХ А. Д. МЕНШИКОВА ОТНОСИТЕЛЬНО ХАРАКТЕРА ЕГО ЧАСТНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ С ШВЕДСКИМ ПОСЛАНИКОМ ЦЕДЕРКРЕЙЦЕМ В 1726 ГОДУ

8 января 1728 г.

1728 генваря 8 дня, когда князь Меншиков в полате, где он живет, допрашиван по второму пункту, о объявлении чрез ево, князя Меншикова, швецкому посланнику Цедеркрейцу о происхождении дел при дворе его императорского величества, и при том оной князь Меншиков в разговорах говорил: с шведкой де стороны и много разговоров бывало, и говорено, чтоб им отдать Ригу и Ревель, и из Выборга Шувалова и Порошина вывести и определить иноземца, и за то обещали ему, князю Меншикову, отдать во владенье Ревель и зделать ево князем в-Ингрии. И он, князь Меншиков, по верности своей к его императорскому величеству и к всему Росискому государству, того не учинил.

Тот разговор был при стацком действительном советнике господине Плещееве, лейб-гвардии при капитане Петре Мельгунове, да при канцеляристе Иване Бушуеве. Петр Мельгунов. Иван Плещеев. Канцелярист Иван Бушуев.

Потом стацкой действительной советник Плещеев, вышед в другую палату, объявил лейб-гвардии капитану Пырскому и подпорутчику Ресину, чтоб они приступили ко входной двери, и где они сидят с ним, князем Меншиковым, и чрез сукно слушали, что в разговорах князь Меншиков говорит. И для того, вступя по-прежнему в палату к князю Меншикову о вышеписанных разговорах наки начал ему, князю Меншикову, напоминать, чтоб он в те разговоры вступил и оныя б афицеры то могли слышать. И он, князь Меншиков, в те разговоры вступил и наки говорил, как выше объявлено. И по окончании тех разговоров и по выходе от князя Меншикова ис полаты у упомянутых афицеров Пырского и Ресина спрашивано, что оные разговоры слышали ль? На что они объявили, что всего разговору подлинно они не слышали, а из разговору князя Меншикова слышали, что он говорил: «Ингрия де и так ево, к тому ж и Ревель». Капитан Степан Пырской. Подпорутчик Семен Ресин.

ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 534,
д. 103, л. 23 и об. Подлинник.

№ 5

ЗАПИСЬ ПОКАЗАНИЙ КН. А. Д. МЕНШИКОВА НА ДОПРОСЕ В СЛЕДСТВЕННОЙ КО- МИССИИ ВЕРХОВНОГО ТАЙНОГО СОВЕТА В РАНЕНБУРГЕ

8 января 1728 г.

Пункты, по которым повелено допросить князя Меншикова¹⁹. И генваря 8-го дня сего 1728 году князь Меншиков при действительном статском советнике господине Плещееве и гвардии при капитане Мельгунове допрашиван, а в допросе сказал:

1-й пункт. Показано на тебе доимки ис Камор-коллегии, а имянно: в неплатеже таможенных пошлин за взятыя в дом твой питья, с лавок — оброчных денег, и по присланным ис Танбовской провинции репортам за Троицкую Лебедянскую ярмонку — пошлин же и в отпуску из Соляной канторы — траурных товаров; всего 32855 рублей 35 копеек, о чем подробная роспись тебе объявляетца²⁰. Оная доимка и за взятыя товары и питья деньги — от тебя плачены ли, и буде плачены, — есть ли в том отписи или чьи росписки, и буде есть, — оные объяви.

На 1-й пункт [ответ кн. А. Д. Меншикова]:

Оные таможенные пошлины и за взятая питья в дом ево и с лавок оброчные деньги, и за Троицкую Лебедянскую ярмонку пошлины ж, и за отпуск из Соляной канторы траурных товаров, — 32855 рублей 35 копеек плачены ль, и в платеже отписи или чьи росписки есть ли, — о том он не ведает, а есть о том всякое известие в домово́й ево канцелярии в Питербурхе. А по указу ея императорского величества 725 году декабря 22 дня никаких штрафов и начетов по 721 год взыскивать на нем и на жене ево и на детях не велено, о чем дан ему указ из Сената за руками сенатскими²¹.

Александр Меншиков.

2-й [пункт]. В прошлом 1724 году по указу блаженные и вечно достойные памяти его императорского величества взял ты из Военной коллегии 10 000 рублей, которые надлежало возратить в полтора года. А ныне из Военной коллегии подано доношение, что тех денег от вас не плачено. И те деньги от вас плачены ль, и буде плачены, — в которое время и есть ли в том росписки, и буде есть, — оные объяви.

Князь Меншиков сказал на 2-й [пункт]:

Помянутых взятых из Военной коллегии в 724 году 10 000 рублей в Военную коллегию он не платил, для того что х коронации ея императорского величества взял у него камень лал²², и за тот камень его императорское величество словесным своим приказом ему повелел, чтоб до указа тех денег — 10 000 рублей — в казну не платить, за что обещал и наки наградить.

Александр Меншиков.

3-й [пункт]. По письмам твоим в Москве из Дворцовой канцелярии отдано в дом твой 53679 рублей, о которых в Верховный тайный совет доношением объявил, что то число получил по указу блаженные и вечнодостойные памяти ея императорского величества на платеж графу Сапеге²³, которого указу по справкам не явилось. И такой указ имеешь ли и буде имеешь, — объяви.

Князь Меншиков сказал на 3-й [пункт]:

По письмам ево в Москве из Дворцовой канцелярии 53679 рублей в дом ево отданы, о которых он в Верховный тайный совет доношением объявил, что то число получил по указу блаженные и вечнодостойные памяти ея императорского величества на платеж графу Сапеге. И такого письменного указу он не имеет. А взял оные деньги по словесному ея императорского величества приказу. И надлежало ему, князю Меншикову, взять из казны за данные деньги, которые он дал за дочь в приданные графу Сапеге — 80000 рублей. И в то число оные деньги 53679 рублей и приняты, и о тех деньгах, что государыня императрица указала ему возратить, приезжая, объявляли ему вице-канцлер барон господин Остерман и граф Левольд, и кабинет-секретарь Макаров, — о том ведал. А еще не возвращено 30000 рублей, о чем ево и Сапегин подан щет в Верховный тайный совет.

Александр Меншиков.

4-й [пункт]. Полковник Трезин²⁴ объявил в ведомостях своих, что в 727 году издержано к дому твоему всяких материалов и припасов по цене и заработных денег надлежит взять — 13164 рубли²⁵. Оные расходы он, Трезин, чинил по твоему приказу, и толикое число. И буде по твоему приказу те деньги и материалы от вас плачены ли, и кому и какое свидетельство имеешь?

На 4-й [пункт] ответ кн. А. Д. Меншикова:

Полковник Трезин в 727 году к строению дому ево материалы и припасы держал по ево приказу, а на сколько по цене тех материалов и припасов издержано, и что заработных денег дать надлежит, — того он не ведает. И в зачет тех материалов из дому ево, князя Меншикова, дано ему, Трезину, несколько денег, о чем явно в домово́й ево канцелярии в Петербурхе, и чтоб повелено то строение освидетельствовать архитекторами — во что стало, тако же он, Трезин, брал у него и стекла в зачет материалов.

Александр Меншиков.

5-й [пункт]. В 726 году июля 13 дня из Рижской рентереи²⁶ взял ты тысячу ефимков, о чем письмо твое явствует к рижскому рентмейстеру, что оные употреблены на нужнейшей расход, о чем де ты донесешь ея императорскому величеству, а на какие расходы, — известия не имеетца. И оные ефимки в какие нужные расходы имянно ты употребил?

Князь Меншиков сказал на 5-й [пункт]:

В 726 году июля 13 дня из Рижской рентереи тысячу ефимков он взял ли, и к рижскому рентмейстеру о том писал ли, и на какие расходы оные ефимки издержал, — о том сказать не упомнит. А подлинное о том о всем известие имеетца в Санкт-Петербурхе в походной ево канцелярии у секретаря Андрея Яковлева.

Александр Меншиков.

6-й [пункт]. Илья Исаев²⁷ по письму твоему в Риге издержал на твой щот, а имянно на дело отправленному от вас в Вену карле платья сто червонных золотых. Оные червонные ты заплатил ли, и имеешь ли в том росписку?

На 6-й [пункт] ответ кн. А. Д. Меншикова:

Илья Исаев в Риге издержал сто червонных на дело отправленному от него в Вену карле платья на ево щот, а оных червонных он не заплатил.

Александр Меншиков.

7-й [пункт]. Понеже в одном 1727-м году показалось в дом ваш сумма немалая, а имянно без мала 200 000 рублей, також и годовые твои доходы небезызвестны, что немалая ж сумма в приходе в год бывает, а денег в доме вашем ничего не являетца. Того ради скажи подлинно, без утайки, — куда взятую в 727 году сумму употребил или где у кого в сохранение положены, також нет ли где в чюжестранных государствах в банках и в торгах? И буде есть, — где и у кого и какая сумма, и не отдано ль от вас кому на какие покупки или торги, и кому сколько?

Князь Меншиков сказал на 7-й [пункт]:

В 1727 году в дом ево 200000 рублей в приходе не бывало, и ни у кого и никаких денег в сохранение не положено²⁸, и в чюжестранных государствах в банках и в торгах нигде нет. Только в Амстердаме у агента Фондербурха за пеньку в остатке две или полтретьи тысячи гульденов. А что у него князя Меншикова ныне палицо денег, и те обретаются в Санкт-Петербурхе и в Москве и в Ранибурхе в домех ево, а что числом, — того он не упомнит, а явно в канцеляриях ево.

Александр Меншиков.

8-й [пункт]. Ведая ты свое пред его императорским величеством преступление и за то над собою его величества гнев, за что всех чинов лишен и послан в ссылку, а в данных пашпортах, а имянно — которой дан в ноябре месяце иноземцу берейтору Роппу²⁹ писался светлейшим Римскаго и Российского государств князем. Для чего ты такое дерзновение против воли его императорского величества чинил?

Князь Меншиков сказал на 8-й [пункт]:

В пашпорте, которой дан в ноябре месяце иноземцу берейтору Роппу и в-ных письмах писался он светлейшим Римскаго и Российского государств князем для того, что на оное княжество данные ему дипломы от императорского величества и от цесаря римского, при посылке ево в Ранибурх и по приезд действительного статского советника господина Плещеева в Ранибурх у него были не взяты, и чтоб ему светлейшим Римскаго и Российского государств князем не писатца указу ему ни от кого не объявлено³⁰. Да и всякие пашпорты и в деревни указы писали чрез капитана Пырского у него в канцелярии, и как он, Пырской, титул ево напишет и к нему принесет и что закрепить велит, то он, князь Меншиков, и крепил. А у него, Пырского, указ был ли, как ему, князю Меншикову, писатца, — того он не знает.

Александр Меншиков.

№ 6

ДОНОШЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ВЕРХОВНОГО ТАЙНОГО
СОВЕТА И. Н. ПЛЕЩЕЕВА ИМПЕРАТОРУ ПЕТРУ II И ВЕРХОВНОМУ ТАЙНОМУ
СОВЕТУ О РЕЗУЛЬТАТАХ СЛЕДСТВИЯ НАД КН. А. Д. МЕНШИКОВЫМ
В РАНЕНБУРГЕ.

Февраль 1728 г.

Его императорскому величеству самодержцу Всероссийскому от действительного статского советника Плещеева всеподданнейшее доношение.

По вашему императорского величества указу отправлен я был из Верховного тайного совета в Аранибурх. И, будучи там, по данной мне инструкции князя Меншикова по пунктам допрашивал и обретающиеся при нем всякие письма, также ковалерии у него и у сына ево с лентами и звездами отобрал и привез с собою в Москву, которым ковалериям при сем явствует реэстр *. А пожитки ево, князя Меншикова, также деньги и вещи, что чего явилось, переписал и собрал в одно место, запечатал, и поставлен караул, и с описи копия гвардии капитану Мельгунову для известия дана. Да князь Меншиков и княгиня ево, также служители их показали отданное разным персонам имение, а кому имянно, — о том значит в описи, в том числе в посылке к Варваре Арсеньевой денег одиннадцать тысяч рублей.

И о приеме в Верховный тайный совет вышеписанных за рукою князя Меншикова допросов и притом записки некоторых ево разговоров, также писем, ковалерей и описи пожиткам у вашего императорского величества требую указу. Иван Плещеев. К поданию надлежит в Верховном тайном совете. ...февраля... ** дня 1728 году.

ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 534,
д. 103, л. 12. Подлинник.

№ 7

ПРОТОКОЛ ВЕРХОВНОГО ТАЙНОГО СОВЕТА ПО ДЕЛУ КН. А. Д. МЕНШИКОВА
О ССЫЛКЕ ЕГО С СЕМЕЙСТВОМ В БЕРЕЗОВ И О КОНФИСКАЦИИ ЕГО ИМУЩЕСТВА.

4 апреля 1728 г.

1728-го марта в 27 день его императорское величество изволили быть при при-
судствии всех особ Верховного тайного совета и слушать письма подметного, которое
прибито было 24-го дня марта у Спасских ворот, и указал о том подметном письме
выдать свой указ во всенародное известие, которой того же дня сочинен и явствует
ниже сего.

О Меншикове изволил определить: послать, обобрав ево все пожитки, в Сибирь,
в город Березов з женою и с сыном и з дочерьми. И дать ему из людей ево мужеска
и женска пола десять человек ис подлых. И дать ему в приставы порутчика или под-
порутчика от гвардии, которая ныне тамо с Мельгуновым, которому в дорогу для
провождения до Тобольска взять дватцать человек салдат отставных баталиону Преоб-
раженского, которая ныне в Аранибурхе. И ехать ему водою до Казани, до Соли Кам-
ской, а оттуда до Тобольска. А в Тобольск приехав, отдать ево, Меншикова, со всеми
губернатору, а самому взяв салдат, ехать в Москву. А губернатору, приняв ево, от-
править в вышепомянутой город, выбрав доброго офицера и придав салдат, кото-
рому офицеру и с салдаты и жить при нем. И как в дороге, так и тамо будучи, над
ним иметь крепкое надсмотрение, чтоб ни он никуды и ни х кому и ни к нему писем
никто не писал и никакой пересылки ни с кем не имел. А ежели б какия письма от
кого явились, и те ему брать к себе, и присланных к нему и от него посланных дер-
жать за караулом, и о том писать сюда без умедления, и дать ему обо всем том инст-
рукцию. А давать ему и жене и сыну и дочерям корму по рублю, да на людей по руб-
лю ж на день, всего по шти [6] рублей ис тамошних доходов. А на нынешней год, с

* Реэстр «ковалериям и звездам» сохранился в деле (ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 534, д. 103, лл. 13—14 об.).

** Число в тексте не указано.

того времени как он из Аранибурха повезен будет, дать из отписных ево, Меншикова, денег, которые у Мельгунова оставлены. Да сверх того в дорогу офицеру на прогоны и на наем судов и на протчия дорожные расходы дать тысячу рублей ис тех же денег, которым велеть держать расход з запискою. У жены ево, Меншиковой, кавалерию взять и протчия пожитки, остальные сверх описи Ивана Плещеева, которые явятца и которые он в бытность свою у него, Меншикова, оставил, забрав привести Мельгунову в Москву и объявить в Верховном тайном совете. А команду ему свою от гвардии салдат взять с собою, кроме тех, которые ради провожания возмутца, а протчих, которые взяты с Воронежа, и тех отпустить туды по прежнему.

Варвару Арсеньеву³¹ послать в Белозерской уезд в Горской девичь монастырь, и тамо ее постричь при ундер-офицере, которой ее повезет в тот монастырь; и давать ей по полуполтине на день, и велеть ей тамо потому ж быть неисходной. И игуменье смотреть над нею, чтоб никто ни к ней, ни от нее не ходил, и писем она не писала, и о том к ней, игуменье, послать указ. А людей, которые ныне при ней, прислать в Москву, и письма, какия при ней ныне есть, велеть тому ундер-офицеру, отобрав, прислать за печатью в Москву в Верховный тайный совет. А когда она, Варвара, пострижена будет, то и ему оттуда ехать и явитца в Верховном тайном совете и о всем известие подать на письме.

Люди мужеска и женска пола, которые у него, Меншикова, ныне тамо и останутца от тех, которые с ним поедут, велеть Мельгунову выслать их в Москву и привести им с собою роспись и оную подать в Верховном тайном совете. Аранибурх и к нему тысяча дворов, которые было велено оставить во владение за ним, Меншиковым, отписать на его императорское величество и велеть Мельгунову переписать: что чего останетца какого заводу и хлеба и протчаго, и сколько числом дворов крестьянских и однодворцов или других каких чинов, сверх крестьян; и в тех однодворцах есть ли такие, которые собственные свои деревни имели. А когда он, Меншиков, из Аранибурха повезен будет и выедет несколько верст от Аранибурха, тогда капитану Мельгунову осмотреть ево пожитки: не явитца ли чего у него утаенного сверх описи Ивана Плещеева, и те все пожитки у него отобрать и, переписав, привести с протчими ево пожитки в Москву и объявить в Верховном тайном совете³².

О вышепомянутой даче кормовых ис тамошних доходов, где кто будет, об ассигнациях послать указ в Сенат. А пожитки ево пересматривать и опись оным чинить и запечатывать обще с другими офицеры и с людьми ево, Меншикова, и опись тем пожиткам подписать им обще. А деревни приказать смотреть кому из людей ево, Меншикова, по рассмотрению Мельгунова обще с старосты, дабы удобного времени к севу упущено не было и чтоб все было под добрым охранением. Генерал-адмирал граф Апраксин. Канцлер граф Головкин. Князь Василей Долгорукой. Князь Дмитрий Галицын. Князь Алексей Долгорукой. Василей Степанов. Подписано в 4 день апреля 1728-го.

ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 534,
д. 103, лл. 106—108 об. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В письме к Меншикову от 19 июля 1727 г. царица Евдокия Федоровна Лопухина просила о переводе ее из Шлиссельбурга в Новодевичий монастырь, в Москве («Русский вестник», 1860, т. 28, стр. 187). В письме не содержится просьбы о свидании царицы с внуком, императором Петром II. Вполне возможно, что Евдокия Лопухина писала это письмо по образчику, заранее присланному Меншиковым (В. Н. Нечаев. Публикация о винах кн. А. Д. Меншикова. «Русский исторический журнал», 1921, № 7, стр. 109—112).

2. Это обвинение не соответствует действительности. Предоставленное Петром I Меншикову право рассылать от своего имени указы и повеления было подтверждено протоколом Верховного тайного совета от 2 сентября 1727 г. («Чтения в императорском обществе истории и древностей российских», 1858, № 3, стр. 65).

3. По завещанию (завещательному акту) Екатерина I распорядилась выдать 1 млн. руб. герцогу Карлу Голштинскому и его супруге, царевне Анне Петровне, при условии их выезда из России и отказе от притязаний на российский престол. Судя по по-

казаниям голштинского министра графа Бассевича, он для беспрепятственного получения этой суммы обещал выдать Меншикову «за хлопоты» 80 тыс. руб., из числа которых будто бы и вручил наличными 60 тыс. руб. (ЦГАДА, ф. Госархив, разряд XI, д. 69, лл. 1—4; см. также: В. Н. Нечаев. Следственные допросы кн. А. Д. Меншикова. «Русский исторический журнал», 1922, № 8, стр. 134—140).

4. Английский коммерсант Фрэнсис Марли в 1722 г. взял подряд на поставку в Россию золота (в иностранной монете) и ефимков (иоакимсталеров) на сотни тысяч рублей. В марте 1727 г. выяснилось, что Марли оказался несостоятельным и задолжал казне 84 183 руб., в то время как все его недвижимое и движимое имущество в России оценивалось в 44 340 руб. (Сб. РИО. Т. 69, стр. 65—66).

5. Еще при жизни Екатерины I голштинский министр Бассевич добился у императрицы решения о передаче герцогу Карлу Голштинскому права на взыскание казенного долга на английском коммерсante Ф. Марли. Это решение было утверждено протоколом Верховного тайного совета от 14 июля 1727 г., по которому герцог мог взыскать в свою пользу в качестве «презента и на дорожный проезд» с Ф. Марли 84 183 рубля (Сб. РИО. Т. 69, стр. 63).

6. На допросе 8 января 1728 г. Меншиков признался, что Бассевич обещал ему вручить половину казенного долга, взыскиваемого с купца Ф. Марли в пользу герцога Карла, и в счет этого вручил ему 2 тыс. рублей (см. док. № 3 данной публикации).

7. Имеются в виду, очевидно, поместья в Лифляндии, Эстляндии и Голштинии, на которые Меншиков получил купчие и контракты с фиктивными указаниями об уплате им наличных сумм (В. Н. Нечаев. Следственные допросы кн. А. Д. Меншикова, стр. 139—140; см. также док. № 3 данной публикации).

8. Имеется в виду повеление Петра II от 27 октября 1727 г. о принятии в Сенате частных претензий на Меншикова «в отнятии и в насильном владении деревень и в других чинимых от него обидах» (Сб. РИО. Т. 69, стр. 594—595).

9. Сохранился еще один допрос Меншикова от того же числа, непосредственно связанный с содержанием публикуемого здесь документа № 2. Приводим полный текст этого, неизвестного ранее допроса: «1728 генваря 5 дня. Князь Александр Меншиков показал: которые письма имеет он при себе в доме своем в Раненбурге, — все объявил без утайки, кроме тех, которые имеютца в Санкт-Петербурге и в Москве в домах его и в канцеляриях. А ежели он сказал ложно, и за то отдаетца в волю его императорского величества. Александр Меншиков» (ЦГАДА, ф. Госархив, разряд VI, д. 160, № 1, ч. 3, л. 85).

10. Имеются в виду пункты Верховного тайного совета от 13 декабря 1727 г., врученные И. Н. Плещееву для допроса Меншикова (Сб. РИО. Т. 69, стр. 843—845).

11. Возможно, что основанием для обвинения Меншикова в попустительстве Швеции относительно ее участия в Ганноверском союзе послужили некоторые неофициальные заявления Меншикова в частных беседах с шведским послом Цедеркрейцем и датским послом Маньяном (В. Н. Нечаев. Следственные допросы кн. А. Д. Меншикова, стр. 127—134).

12. Цедергельм (Цыдергейм) — барон, шведский посол в России в 1725—1726 годах.

13. Меншиков имеет в виду дело поручиков Друкорта и Пояркова, осужденных в 1718 г. за подделку с корыстными целями подписей и печати Меншикова (ЦГАДА, ф. Госархив, разряд VII, д. 17).

14. Шувалов и Порошин — командиры русских воинских частей, расквартированных в Финляндии вдоль шведской границы.

15. Герцог Карл Голштинский и его супруга, царевна Анна Петровна, выехали из России в июле 1727 года.

16. Ренша, вдова генерала К. Ренна, и Принцен-Стерн — землевладельцы в Лифляндии.

17. Это показание имеет документальное подтверждение. 19 июня 1727 г. Меншиков подал Петру II прошение об утверждении за ним путем выдачи жалованных грамот на купленные им в Лифляндии имения. Петр II удовлетворил эту просьбу Меншикова (В. Н. Нечаев. Следственные допросы кн. А. Д. Меншикова, стр. 139).

18. См. примечания 4—6.

19. Имеются в виду пункты Верховного тайного совета от 12 декабря 1727 г.,

врученные И. Н. Плещееву для допроса Меншикова относительно его преступлений корыстного свойства.

20. Роспись в деле не сохранилась, но она опубликована в качестве приложения к доношению Камер-коллегии от 13 ноября 1727 г. (Сб. РИО. Т. 69, стр. 926—927).

21. Названный указ был действительно выдан Меншикову Екатериной I, но не 22 декабря, а 8 декабря 1725 года. Согласно указу, погашались все долги и начеты на Меншикова по 1721 год (В. Н. Нечаев. Следственные допросы кн. А. Д. Меншикова, стр. 142—143). Под действие этого указа попадали и основные предъявленные Меншикову взыскания по 1-му пункту, поскольку они относились ко времени до 1721 года. Недоимки и долги Меншикова после 1721 г. по этому пункту исчислялись суммой в 3 881 рубль.

22. Камень лал был приобретен по поручению Меншикова в Нидерландах. По отзыву русского посла в Гааге кн. Ф. А. Куракина, этот камень «по своей великости и тяжести и цвету считался токмо един в Европе» («Архив кн. Ф. А. Куракина». Кн. 1. Саратов. 1890, стр. 76). 12 ноября 1727 г. «камень лаловый красный большой» был взят из дома Меншикова дворцовым комендантом И. Мошковым и приобщен к ценностям царской сокровищницы (Сб. РИО. Т. 69, стр. 738).

23. В марте 1726 г. состоялся сговор Марии Меншиковой на бракосочетание с польским магнатом, графом Петром Сапегой. В связи с тем, что Мария Меншикова позднее была сговорена на брак с Петром II, сговор с Сапегой в мае 1727 г. был расторгнут. Ввиду несостоявшегося брака княжны Марии Меншиковой и графа Сапегы Меншиков ходатайствовал перед Екатериной I о возвращении ему из казны приданого за дочерью в 80 тыс. руб., на что имел словесное повеление императрицы о выдаче ему 53 679 руб., которые он получил уже при Петре II, а о возвращении оставшихся за казной денег он ходатайствовал перед Петром II и Верховным тайным советом в августе 1727 г., но удовлетворения не получил (В. Н. Нечаев. Следственные допросы кн. А. Д. Меншикова, стр. 144—146).

24. Трезини (Трезин) Андрей — архитектор и полковник, по проекту и под наблюдением которого строился дворец Меншикова на Васильевском острове в Петербурге.

25. Ведомости были поданы А. Трезиним в Верховный тайный совет 4 декабря 1727 года. По сохранившейся в другом следственном деле справке значится, что этот архитектор объявил о расходах казенных материалов на строительство меншиковского дворца в Петербурге на сумму 12 073 руб., кроме того, надлежало выплатить кормовых денег солдатам 594 руб. (ЦГАДА, ф. Госархив, разряд VI, д. 160, ч. II, лл. 170—173).

26. Рентеря — местное казначейство.

27. Илья Исаев — купец, президент и обер-инспектор Рижского магистрата.

28. Впоследствии Меншиков отказался от этих утверждений и сообщил, что часть его ценностей и денег находится на сохранении у родственников жены — Арсеньевых, а также у Шаховских и у Е. С. Зюзиной.

29. Паспорт бореитору голштинцу Григорию Роппу был выдан Меншиковым в ноябре 1727 г. (Г. В. Есипов. Ссылка князя Меншикова, стр. 406).

30. В данном показании Меншиков прав. Действительно, после его ареста он вплоть до 31 января 1728 г. продолжал титуловаться князем во всех официальных бумагах Верховного тайного совета и других учреждений (Сб. РИО. Т. 79, стр. 58).

31. В. М. Арсеньева — свояченица Меншикова, была сослана в октябре 1727 г. в монастырь в город Александров, откуда пыталась ходатайствовать об облегчении участи жены и детей Меншикова.

32. У Меншиковых были отобраны и переписаны все личные вещи, кроме имевшейся на них ветхой одежды (донесение капитана П. Мельгунова от 17 апреля 1728 г. Сб. РИО. Т. 79, стр. 333).

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

К ПОПЫТКАМ СЕПАРАТНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (март — май 1915 г.)

К. Ф. Шаццлло

Как известно, еще в начале первой мировой войны, в августе 1914 г., Германия развернула активные боевые действия. Тогда генеральный штаб планировал провести кратковременную, молниеносную кампанию, уничтожить армии противников поочередно сильными ударами и закончить боевые действия через 8—10 недель. Однако этот план провалился. Германия вынуждена была перейти на Западе к позиционной войне. В 1915 г. немцы попытались провести наступление против России. Но и эта операция конечного успеха не принесла. Оказавшись перед перспективой длительной войны на два фронта, кайзеровское правительство стало искать возможность начать сепаратные переговоры с царизмом. 17 апреля 1915 г. царица писала Николаю II: «Я получила длинное, милое письмо от Эрни *, ...он пишет: «Если кто-нибудь может понять его (тебя) и знает, что он переживает, — то это я» и крепко тебя целует. Он стремится найти выход из этой дилеммы и полагает, что кто-нибудь должен был бы начать строить мост для переговоров. У него возник план послать частным образом доверенное лицо в Стокгольм, которое встретилось бы там с человеком, посланным от тебя (частным образом), и они могли бы помочь уладить многие временные затруднения»¹.

Мысли о необходимости начать сепаратные переговоры с Россией высказывались в немецких кругах весной 1915 г. неоднократно. С подобными предложениями, которые исходили из Берлина, дважды выступала интернированная в Австрии фрейлина царицы княгиня М. А. Васильчикова². В то время такие же обращения к Николаю II поступали от датского короля Кристиана X³. Несколько позже в Стокгольме состоялась встреча директора «Немецкого банка» Монкевица, действовавшего по уполномочию берлинских правительственных кругов, с одним из русских финансистов. Монкевиц сообщил о тех условиях, которые могли бы стать основой сепаратных переговоров России и Германии⁴.

В исторической литературе считалось, что царские придворные германофильские круги не сделали ни одного ответного шага на пути к сепаратному миру. Так, В. П. Семенников, анализирувавший вопрос о сепаратном мире Германии и России, категорически утверждал: «Романовы весной и летом 1915 г. не согласились пойти на какие бы то ни было переговоры с Германией, несмотря даже на все сочувствие этому императрицы»⁵. Эта высказанная много лет назад точка зрения нуждается, на наш взгляд, в некоторых уточнениях. Документы свидетельствуют, что «немецкая партия»

* Эрни — родной брат царицы, немецкий офицер, «великий герцог Гессенский» Эрнст-Людвиг.

¹ «Переписка Николая и Александры Романовых 1914—1915 гг.». Т. III. М.-Л. 1923, стр. 174.

² См. ее письма царю от 25 февраля/10 марта и от 14/27 мая 1915 г. в сборнике «Константинополь и проливы. По секретным документам б. Министерства иностранных дел». Т. 2. М. 1926, стр. 369, 370—374.

³ «Монархия перед крушением. 1914—1917. Бумаги Николая II и другие документы. Статьи В. П. Семенникова». М.-Л. 1927, стр. 22—29.

⁴ «Константинополь и проливы». Т. 2, стр. 375—380: донесения посланника России в Стокгольме А. В. Неклюдова министру иностранных дел С. Д. Сазонову «О тех предложениях замирения, которые делаются нам с германской стороны».

⁵ В. Семенников. Романовы и германские влияния во время мировой войны. Л. 1929, стр. 25.

при царском дворе не сидела сложа руки и со своей стороны пыталась «навести мосты» для переговоров с Германией. Естественно, все подобные действия окружались глубокой тайной, и сведения о них в литературе крайне скудны⁶. Но кое-что архивы до нас все же донесли. В Центральном Государственном военно-историческом архиве СССР хранится немало интересных документов, возникших в связи с расследованием на разных стадиях царским и Временным правительствами так называемого «дела Сухомлинова». Мы имеем в виду прежде всего отчет о поездке в Германию, поданный В. Д. Думбадзе начальнику Главного управления генерального штаба России генералу М. А. Беляеву, и допросы Думбадзе в следственной комиссии в 1915 и 1917 годах. Материалы эти свидетельствуют о том, что царская камарилья предпринимала попытки наладить связи с соответствующими кругами кайзеровской Германии.

Установить контакты с военным противником России — Германией было отнюдь не просто. Посылаемый на встречу с немцами связной должен был отвечать целому ряду требований. Он не мог являться лицом широко известным, ибо слишком громкое имя не гарантировало необходимой для подобного дела келейности. Но в то же время он должен был иметь право появляться не только в бюрократических приемных, но и в великосветских гостиных России и Германии. И, наконец, это должен был быть достаточно ловкий человек, умеющий держать язык за зубами и не боящийся известного риска. Таким требованиям полностью отвечал Василий Давидович Думбадзе, один из великосветских авантюристов, который весной 1915 г. отправился за пределы России на встречу с немецкими представителями. Его фамилия пользовалась печальной известностью в России. Родной дядя В. Д. Думбадзе, градоначальник города Ялты, «свиты его императорского величества» генерал-майор И. А. Думбадзе был едва ли не самым кровавым из опричников последнего царя. В «Думбадзии», как именовали в либеральных газетах Крым, не действовало даже куцее российское законодательство: жизнь обывателя всецело зависела от прихоти царского самодура. Суд, творимый им, был хоть и неправый, но короткий. Когда в 1907 г. эсеры произвели на И. А. Думбадзе неудачное покушение, «доблестный» генерал приказал конвою окружить дом, из которого в него кто-то бросил бомбу, и спалить его без долгих разговоров. Деятельность И. А. Думбадзе приобрела столь скандальный характер, что в Государственной думе даже верноподданнейшим октябристам пришлось сделать о ней запрос. Старый солдафон не стал юлить и выкручиваться. В представленных Думе «объяснениях» он нагло подтвердил правоту всех оглашенных фактов и заявил, что не считает нужным «миндальничать с либералами и леваками»⁷. Ревностное исполнение служебного долга подкупило царя, и Думбадзе был зачислен в 1912 г. генералом в царскую свиту. А по рукам ходила сочиненная о нем известным журналистом В. А. Гиляровским эпиграмма:

«У Черного моря урядник стоит,
А Черное море шумит и шумит.
И злоба урядника гложет,
Что ропот унять он не может».

Из всех свитских генералов И. А. Думбадзе был едва ли не самым симпатичным Николаю II. Недаром царь учредил законодательным путем для своего любимца специальный пост «градоначальника города Ялты».

Впрочем, связи в высший свет тянулись от В. Д. Думбадзе не только через его дядю. Возвратившись в 1906 г. из Германии, где он получил высшее образование, В. Д. Думбадзе решил заняться коммерческой деятельностью. Предприимчивый делец выдавал себя за «главного управляющего наместника его императорского величества на Кавказе генерал-адъютанта Воронцова-Дашкова»⁸. В какой мере это соответствовало действительности, установить трудно. Но бесспорно, что со старшим сыном все-сильного наместника графом И. И. Воронцовым-Дашковым⁹ В. Д. Думбадзе поддерживал тесные отношения. Именно по заданию графского отпрыска перед войной Думбадзе

⁶ См., например, Д. Сейдаметов, Н. Шляпников. Германо-австрийская разведка в царской России. М. 1939, стр. 30—35.

⁷ «Падение царского режима». Т. 7. М.-Л. 1927, стр. 337.

⁸ ЦГВИА СССР, ф. 962, оп. 1, д. 33, л. 233.

⁹ Отметим следующее: «Граф Воронцов-Дашков в отношении всех великих князей держался в высокой степени самостоятельно», — писал хорошо изучивший придворные порядки С. Ю. Витте (см. С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. М. 1960, стр. 115).

пытался установить контакты с американскими капиталистами для организации эксплуатации Днепровских порогов, находившихся на территории одного из имений Воронцовых. Предполагалось создать с помощью американского банкира Моргана специальный Русско-Американский банк, одним из учредителей которого надеялся стать В. Д. Думбадзе. Кроме него и графа И. И. Воронцова, с русской стороны в «деле» собирався принять участие и посол России в Америке Бахметьев¹⁰.

Думбадзе поддерживал деловые связи и с другими представителями высшего петербургского света, например, с влиятельным царским сановником, начальником канцелярии министерства императорского двора генерал-лейтенантом А. А. Мосоловым, обеспечивавшим ему за соответствующую мзду получение в годы войны миллионных артиллерийских заказов¹¹. Жена А. А. Мосолова — Е. Ф. Трепова приходилась родной сестрой «диктатору» времен первой русской революции Д. Ф. Трепову, а также А. Ф. Трепову, позднее ставшему одним из последних царских премьер-министров. Все это обеспечивало А. А. Мосолову при дворе, по словам хорошо информированного С. Ю. Витте, чрезвычайное влияние¹². Для характеристики В. Д. Думбадзе важно отметить и другое. Предпринимательская деятельность задолго до войны свела его с ближайшим окружением военного министра В. А. Сухомлинова. Еще в 1908 г. он познакомился с доверенным лицом Сухомлинова, связанным с австрийскими промышленными кругами А. О. Альтшиллером, а затем и с двоюродным братом жены Сухомлинова, инженером и дельцом Н. М. Гошкевичем¹³. Вскоре после начала войны В. Д. Думбадзе издал апологетическую биографию В. А. Сухомлинова¹⁴, что сразу сделало его одним из ближайших к министру лиц. Используя свое положение, В. Д. Думбадзе провел немало выгодных для себя комбинаций. Только за один заказ на 2 млн. шрапнелей, отданный канадской фирме, возглавлявшиеся им дельцы получили 2,8 млн. руб. комиссионных¹⁵. По словам Думбадзе, 0,5 млн. руб. пришлось на его долю, а 200 тыс. достались военному министру¹⁶, который приказал выдать этот заказ на максимально льготных условиях. Когда Сухомлинов решил войти в контакт с американскими промышленными кругами, он предложил А. Бурже — представителю банкирского дома Морганов — «под соблюдением строжайшей тайны войти в переговоры (о заказах) с первоклассными заграничными фирмами» и о результате сообщить ему через В. Д. Думбадзе¹⁷. Один из чиновников, выполнявший поручение Бурже, так описывал получение крупного заказа на автомобили, распределявшегося в Лондоне руководителем русской закупочной комиссии полковником Секретовым. «Я с Бурже потихоньку подозвали мальчика из гостиницы и попросили его лично передать карточки наши и других полковнику Секретову в такой-то № комнаты. Мальчик сообщил, что у него в комнате Секретова взял карточки секретарь полковника г-н Валенский («представлявший» при полковнике конкурирующие с американцами фирмы. — К. Ш.) и что нас полковник не может принять. Мы с Бурже и еще некоторые решили подождать в вестибюле и непременно увидеть хоть кого-либо из комиссии... Около десяти часов вечера показался внизу полковник Секретов, с ним рядом Валенский и вся комиссия за ними. Увидав меня, Секретов, которому Валенский что-то сказал так тихо, что я не слышал, что именно, громко сказал, обращаясь ко мне: «Что вам надо? Я вас знать не желаю и запрещаю меня беспокоить». Потом сейчас же добавил: «Не успел я приехать, уставший с дороги, а вы уже лезете. Можете не беспокоиться, я не приму». Я молчал и ни слова не возразил, только успел поздороваться с капитаном Сидоркиным, который смущенно отвернулся»¹⁸. Надежда американцев приобрести заказ на 150 автомобилей, казалось, лопнула. Пришлось подключать к делу далекого В. Д. Думбадзе. Из Лондона в Петроград полетела телеграмма с жалобой на недостойное поведение полковника.

¹⁰ ЦГВИА СССР, ф. 962, оп. 1, д. 146, л. 59.

¹¹ Там же, д. 33, л. 192. За свои «услуги» А. А. Мосолов получил от Думбадзе только за один заказ 200 тыс. руб. (там же, д. 50, л. 57).

¹² С. Ю. Витте. Указ. соч., стр. 349.

¹³ ЦГВИА СССР, ф. 962, оп. 1, д. 33, л. 210.

¹⁴ В. Д. Думбадзе. Генерал-адъютант Владимир Александрович Сухомлинов. Птгр. 1914.

¹⁵ ЦГВИА СССР, ф. 962, оп. 1, д. 33, л. 211.

¹⁶ Там же, д. 50, л. 57.

¹⁷ Там же, л. 221.

¹⁸ Там же, ф. 960, оп. 1, д. 33, л. 178.

В ответ от Думбадзе пришло сразу две телеграммы. В первой он писал: «Министр приказал ему (полковнику Секретову.— К. Ш.) быть у Вас в гостинице «Метрополь», переговорить о покупке указанных Вами в телеграмме машин». Во второй указывалась точная стоимость оказанной услуги: «Сообщенную Вами цену мы объявили министру с 10% надбавкой, что прошу иметь в виду»¹⁹.

Американцы воспрянули духом. Бурже немедленно послал строптивому полковнику грозное письмо, требуя, чтобы он тотчас же явился к нему в гостиницу. На сей раз посланца банкирского дома Морганов встретили по-иному: «Он (Секретов.— К. Ш.) быстро подошел ко мне и, сердито поздоровавшись, сказал, чтобы я ему объяснил, что мне надо от него, а главное, чтобы я ему разъяснил, кто такой Бурже, который позволяет ему, полковнику русской службы, председателю комиссии — писать резкие письма с требованием явиться к нему в гостиницу для каких-либо объяснений. Полковник Секретов вынул его (письмо.— К. Ш.) из кармана и показал мне. Начиналось оно словом «Colonel!» и было написано по-французски. В нем Бурже настаивал на посещении его полковником (для беседы) по поводу всей линии поведения Секретова, якобы не совместимой с его назначением (!), и, наконец, согласно инструкции, которую он должен якобы иметь от военного министра». Встретившись с полковником Секретовым, Бурже отчитал его, как нашкодившего мальчишку²⁰. Этот факт свидетельствует о том, что Думбадзе обладал достаточным авторитетом, чтобы мгновенно обеспечить протектируемую им фирму весьма солидными заказами.

Таким образом, положение в обществе и личные качества князя делали его подходящей кандидатурой для участия в закулисных переговорах с Германией. Большой интерес в связи с этим представляет архивный документ, в котором Думбадзе перед своим отъездом так охарактеризовал свою персону начальнику Главного управления генштаба генералу М. А. Беляеву: «Знание немецкой жизни и языка, личные, близкие по университету отношения к германским правительственным кругам, в частности, и в особенности по министерству иностранных дел,— с одной стороны, известная и за-протоколированная в Германии моя близость к бывшему министру двора и другу покойного императора, а теперь наместнику на Кавказе, вся для России и Германии совершенно исключительная фигура и фамилия графа Воронцова-Дашкова, моя близость и личное мое участие в делах старшего сына графа Воронцова-Дашкова, адъютанта и исключительно близкого лица к бывшему наследнику престола великому князю Михайлу Александровичу (младшему брату Николая II.— К. Ш.), мое родственное отношение, как родного племянника, к свите его величества генерал-майору (И. А. Думбадзе), к которому личное благоволение государя известно в правительственных кругах Германии, отсюда все мои связи и прямая передача в верхи русского правительства, мои связи по делам в России с германскими финансистами, все это — с другой стороны, рассуждая спокойно и объективно, делает из меня для германского правительства фигуру исключительного интереса и внимания в целях... соединения императорской фамилии с преданными и близкими ко двору отдельными лицами и кругами»²¹.

6 марта 1915 г. В. Д. Думбадзе получил заграничный паспорт и покинул Россию. За границу он отправился не один, а вместе со своим старым знакомым, князем Г. В. Мачабели, уже после начала войны возвратившимся из Германии в Россию. Личность эта тоже весьма колоритна. Думбадзе познакомился с ним еще в 1905 г. в Лейпциге, в университете. Через несколько лет Мачабели перевелся в Горную академию в Берлин и, окончив ее, остался в Германии. Титулованный инженер стал завсегдатаем великосветских салонов. Его хорошо знали посол России в Германии Сербеев и личный представитель царя при Вильгельме, свиты его величества генерал-майор И. Л. Татищев²². Война застала Мачабели в Германии. Он получил от немецких властей разрешение вернуться в Россию и в январе 1915 г. встретился в Петрограде со своим старым приятелем В. Д. Думбадзе²³. Вскоре они решили выехать из России: Думбадзе — якобы в Нью-Йорк, Мачабели — в Лондон. Но ни тот,

¹⁹ Там же, д. 90, л. 76.

²⁰ Там же, д. 33, л. 179.

²¹ Там же, ф. 962, оп. 1, д. 33, л. 176.

²² Там же, л. 198.

²³ Там же, л. 212.

ни другой не доехали до конечной цели своего путешествия. В марте 1915 г. они прибыли в Стокгольм, и Мачабели сводит там Думбадзе со своими давними знакомыми—секретарем немецкого посольства в Стокгольме бароном фон Фрейсом и германским посланником в Швеции фон Люциусом²⁴.

По версии Думбадзе, которую он изложил в рапорте на имя начальника генерального штаба, его знакомство с немецкими дипломатами произошло нечаянно. Он писал, что ему пришлось «почти ежедневно бывать в Гранд-отеле у одного американца г. Форбс-Моргана из Нью-Йорка, по совершенной случайности номер какового приходился рядом с номером, занимаемым фон Люциусом. Это были разбитые порознь смежные, соединяемые внутренней дверью помещения одних апартаментов, где, при желании, можно было слышать и чужой разговор,—и именно в данном случае, разговор у Люциуса. Кроме того, судьбе было угодно подстроить так, чтобы по своей внешности, по росту и полноте я был исключительно похожим на исполняющего обязанности германского посланника в Стокгольме фон Люциуса. И вот однажды, выходя из смежного с Люциусом помещения моего американца, очевидно, будучи принятым за Люциуса, лакей подает мне письмо, адресованное Люциусу»²⁵. Жгучий брюнет, благородный дворянин без колебаний вскрыл и прочел письмо, адресованное «удивительно похожему» на него белобрысому немецкому посланнику. Затем письмо было тщательно запечатано и тайно подброшено, «как это практикуется в отелях, под дверь помещения, занимаемого Люциусом»²⁶.

Из подслушанных разговоров и прочтенного письма В. Д. Думбадзе якобы узнал о том, что немцы имеют свою разветвленную агентуру в России, в частности на Кавказе, где они усиленно разжигают сепаратистское движение. Посоветовавшись, друзья, по словам Думбадзе, решили втереться в доверие к германскому правительству, для чего стали выдавать себя за сторонников отделения Грузии и в то же время собирать информацию о событиях в Германии для военного министерства. С этой целью они начали действовать порознь: Мачабели вместо Англии поехал в Германию, где он «был введен в самые высокие круги Берлина» и даже «в министерство иностранных дел в Берлине.., имеет теперь свою отдельную официальную комнату»²⁷, а Думбадзе возвратился в Петроград, где, как увидим ниже, тоже дошел до «самых высоких кругов».

Под словесной шелухой рассказа Думбадзе скрывается главное. А именно, что весной 1915 г. влиятельные сферы Германии и России установили между собой хотя и неофициальный, но прямой контакт. Далее события развивались так. Вернувшись из Швеции в Петроград, Думбадзе явился к Сухомлинову и изъявил готовность отправиться в Германию еще раз, заявив, что в Стокгольме ему приготовлен дипломатический паспорт для поездки в Берлин, выхлопотанный в немецком министерстве иностранных дел князем Мачабели. «Когда Думбадзе был у меня с предложением ехать за границу и рассказывал мне грузинскую историю, я не этим интересовался. Я говорил, что для меня это не так важно... Узнайте, насколько там трудно стало, какое настроение»,—осторожно объяснял позднее цель командировки Думбадзе в Германию бывший военный министр Сухомлинов во время суда над ним летом 1917 года.

В конце апреля 1915 г. военный министр доложил Николаю II о своих планах относительно посылки Думбадзе в Германию. Царь их одобрил, потребовав, чтобы об этом было известно, кроме военного министра и царя, еще только одному человеку—начальнику генерального штаба²⁸. Однако круг лиц, причастных к поездке Думбадзе в Германию, оказался более широким. Их имена сохранились в архивных документах, и именно этим лицам принадлежала немалая инициатива в установлении контактов с Берлином. После возвращения Думбадзе из первой поездки военное министерство «на всякий случай» установило за ним наблюдение через контрразведку. Оказалось, что между двумя поездками за границу (второй раз Думбадзе переехал границу 24 мая 1915 г.)²⁹ его часто навещали сын наместника на Кавказе граф И. И. Воронцов-

²⁴ Там же, л. 198.

²⁵ Там же. Текст записки Думбадзе мы передаем здесь со всеми его стилистическими особенностями.

²⁶ Там же, л. 199.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, л. 175.

²⁹ Там же, л. 232.

Дашков, великосветские князья И. А. Накашидзе, А. В. Амилахвари, а главное — весьма тесную связь с ним поддерживал принадлежавший к ближайшему окружению Николая II «генерал-лейтенант Мосолов, сообщающийся с Думбадзе не лично, а письмами, причем пакеты от генерала Мосолова доставляются всегда курьерами канцелярии двора»³⁰. Утром 24 мая Думбадзе сел в поезд Петроград — Хельсинки. «Вскоре после отъезда Думбадзе из квартиры на вокзал, — доносил агент контрразведки своему начальнику, — около 7 часов утра, ему был доставлен курьером пакет от генерала Мосолова, с каковым пакетом курьер поспешил на вокзал, но застал ли он там Думбадзе, неизвестно»³¹. Как видим, визит В. Д. Думбадзе в Германию не только производился с непосредственного ведома высших сфер, но и осуществлялся под контролем и руководством начальника канцелярии министерства императорского двора. К сожалению, мы не имеем возможности узнать, какие именно документы получил в пакетах В. Д. Думбадзе от генерала Мосолова.

Он пробыл за границей с 24 мая по 11 июня 1915 года. «Первым из посетителей по его возвращении у Думбадзе был полковник Песчанский, с которым Думбадзе потом уезжал куда-то в город», — получила очередное сообщение контрразведка. Затем добавлено: «Думбадзе... по возвращении ездил куда-то представляться в форме военного чиновника с погонями титулярного советника (с одним просветом без звездочек)»³². Остается неизвестным, куда уезжал Думбадзе и что он докладывал о своем заграничном вояже. Однако его письменный отчет начальнику Главного управления генерального штаба России М. А. Беляеву гласит следующее: «По приезде в Стокгольм, князь Мачабели снова свез меня опять к Люциусу, после чего, получив от Люциуса германский дипломатический паспорт, ...мы с князем, уже вдвоем, направлялись в Берлин. При выезде в Германию мы были встречены там с исключительной почтительностью, без всякого осмотра, и перед Берлином в нашем купе нас приветствовал офицер генерального штаба, специально командированный нам навстречу и, между прочим, вручивший нам талоны на получение хлеба. По приезде в Берлин в отеле как иностранцы мы были встречены не так-то дружелюбно, и нам было заявлено администрацией отеля, что мы каждый день должны будем являться в полицию. В отеле мы заявили себя прибывшими из Швеции. Но сразу же все отношения к нам совершенно переменились, когда вечером того же дня к нам в отель заехали Циммерман, заместитель министра иностранных дел, граф Пурталес, бывший германский посол в Петрограде, теперь ведающий в Берлине русские дела, и... фон Везендонг, секретарь министерства иностранных дел. Таким образом, в первый же вечер нашего пребывания в Берлине, в нашем помещении отеля, князь Мачабели и я, мы имели вечером конференцию с германским заместителем министра иностранных дел Циммерманом, графом Пурталесом и секретарем министерства иностранных дел фон Везендонгом. Одного этого факта уже достаточно, чтобы иллюстрировать, насколько серьезно считались в Берлине с нашим приездом»³³. Далее он сообщал, что на второй день пребывания в Берлине их обоих принял начальник германского генерального штаба, а на третий — «специалисты по России».

По поводу этих бесед Думбадзе писал: «Конечно, правительство Германии великолепно чувствует всю сугубую тяжесть своего положения. И из разговоров, которые приходилось вести и в министерстве иностранных дел и в генеральном штабе, было ясно, что Германия всегда готова пойти на мир с Россией, — и у графа Пурталеса даже сорвалось: «Готова выплатить России даже десять миллиардов за причиненное экономическое расстройство»³⁴ и разорение занятых германскими войсками местностей».

³⁰ Там же, л. 233.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же, л. 200. Анализируя эту докладную записку, следует помнить, что перед Беляевым Думбадзе стремился представить себя русским разведчиком, посланным в Германию под видом грузинского националиста. Раздел записки, озаглавленный В. Д. Думбадзе «Кавказский вопрос», и некоторые другие сюжеты, имевшие целью мистификацию генерала Беляева, здесь опущены.

³⁴ Эта цифра соответствует той, которую немцы вновь предлагали, пытаясь начать сепаратные переговоры в июле того же 1915 года. Российский посланник в Стокгольме А. В. Неклюдов телеграфировал министру иностранных дел С. Д. Сазонову 15 (28) июля 1915 г., что, по полученным им сведениям, выступавший от имени «берлинских

В Германии постепенно создается убеждение, что с Россией не совладать... Здесь характерным будет привести впечатление от вечера, который в честь меня и князя Мачабели дал в Берлине племянник графа Мольтке (начальника генерального штаба. — К. Ш.) лейтенант гвардии граф Бэтузи-Хук. На этом вечере, где граф-хозяин выдал нас за турок, в числе приглашенных было много великосветских дам и офицеров. Среди присутствующих шел разговор и о России. И в непринужденном разговоре все отзывались о русских прямо восторженно: хвалили русских офицеров, хвалили русского солдата, и вообще разговор о России шел в самых дружелюбных тонах³⁵. Хозяин-граф любезно показывал нам трофеи русской охоты в имении государя-императора в Польше, но строго в разговоре подчеркнул, что ни одной вещи в царском имении не было тронуту. Во время вечера игравший небольшой струнный оркестр даже исполнил русский гимн «Боже, царя храни»³⁶. Словом, в Германии сильно начинают считаться с Россией. Судя по всему, былой военный угар в Германии проходит. В разговорах, которые приходилось иметь в министерстве иностранных дел и в генеральном штабе, каковые два ведомства Германии в настоящее время, к слову сказать, в большом антагонизме одно с другим, так как и тому и другому уже теперь приходится отвечать и за инициативу войны, и за допущенные дипломатические ошибки, и за исход кампаний — и в этих разговорах с правительственными лицами, стоящими у власти в дипломатическом и военном ведомствах Германии, явно чувствуются ноты сильной усталости страны, народа и правительства. И видно, в Германии всячески ищут повода создать благоприятную обстановку и атмосферу, чтобы заговорить о мире. Так, например, даже перед нами, мною и князем Мачабели, и в министерстве иностранных дел и в генеральном штабе как бы извинялись и за жестокие приемы войны и за удушливые газы, объясняя это только необходимостью возможно скорее заставить союзные государства пойти на капитуляцию. Это же можно усмотреть и в вопросе о положении военнопленных... Всего я пробыл в Берлине восемь дней. Князь Мачабели остался в Берлине. Надо полагать, что в Берлине, — заключал вводную часть своей докладной записки Думбадзе, — вполне серьезно учитывают наши связи и полагают использовать нас в некотором роде как посредников между русским правительством и германским»³⁷.

В предпринимавшихся весной 1915 г. попытках сепаратных переговоров России с Германией через В. Д. Думбадзе вопрос о положении военнопленных занимал одно из важных мест. Это тоже лишний раз говорит о том, что в Берлине его рассматривали как «посредника между русским правительством и германским». В специальном разделе, озаглавленном «Военнопленные», Думбадзе писал: «Одно из заседаний в Берлине в генеральном штабе в моем присутствии, по инициативе начальника германского генерального штаба, видимо, с нарочной целью было посвящено всецело и только вопросу о положении германских военнопленных в России. В этом заседании, кроме князя Мачабели и меня, с немецкой стороны присутствовали: начальник генерального штаба, один генерал, чуть ли не помощник военного министра, фамилию которого мне неудобно было спросить, один полковник генерального штаба, заведующий военнопленными, и майор генерального штаба профессор Бэрен... Мне сделано было предложение — не могу ли я путем известных им моих связей, путем близости к военному министру, равно как и другим министрам, дать возможность облегчения положения в России немецким военнопленным».

В ответ Думбадзе заявил, что в России относятся к военнопленным очень гуманно. «Это мое заявление настолько показалось убедительным всему военному собранию,

правительственных кругов» директор «Немецкого банка» Монкевиц в специальных переговорах с одним из русских финансовых деятелей заверял, что «при заключении предстоящего сепаратного мира Германия могла бы обеспечить России заем от 5 до 10 миллиардов марок» («Константинополь и проливы». Т. 2, стр. 377).

³⁵ Аналогичное изменение отношения прессы к русской армии отмечал в своем донесении в российское министерство иностранных дел посланник в Стокгольме А. В. Неклюдов. Считая подобные статьи «навешанными из германской главной квартиры», посланник справедливо связывал их с подготовкой сепаратных переговоров («Константинополь и проливы». Т. 2, стр. 375. Телеграмма С. Д. Сазонову от 7 (20) июля 1915 года).

³⁶ Это свидетельствует, что двух грузин в Германии принимали отнюдь не как сепаратистов, а как верных слуг царя и горячих сторонников «единой и неделимой» России.

³⁷ ЦГВИА СССР, ф. 962, оп. 1, д. 33, лл. 201—202.

что в тот же день при мне начальник генерального штаба отдал приказ, чтобы отношение к русским военнопленным радикально переменить в лучшую сторону. Мой разговор этот имел место 13 числа нового стиля, а уже на другой день я читал об этом в газетах. И как раз в это же самое время, видимо, чтобы похвастаться прекрасным обращением и отношением к русским военнопленным, просили на месте убедиться в этом находившегося в то время в Берлине прикомандированного к американскому посольству в Петрограде г. Крейсона с тем, видимо, чтобы он мог доложить об этом в Петрограде кому следует...». Думбадзе предлагал далее немцам, чтобы окончательно решить вопрос о военнопленных, обменяться «особоуполномоченными от обоих правительств, исключительно облеченных доверием своих государей»³⁸.

Переговоры в Берлине на этом закончились. В. Д. Думбадзе возвратился в Россию. Будущее казалось ему окрашенным в самые радужные тона. Он был уверен, что услуга его будет оценена по достоинству. Из показаний на суде над Сухомлиновым летом 1917 г. известно, что в день возвращения Думбадзе позвонил одному из своих друзей и спросил: «Меня могут завтра вызвать, что ты мне посоветуешь сделать: просить камергерство или чин действительного статского советника?» Далее свидетель этого разговора показал, что Думбадзе «хотел получить во чтобы то ни стало чин действительного статского советника и полагал, что за удачное выполнение миссии он получит»³⁹. Здесь не указано, к кому же ожидал Думбадзе вызова. Но другой свидетель показал, что Думбадзе заявил ему, будто бы «сделал важное государственное дело и будет иметь честь докладывать по этому делу государю»⁴⁰.

Однако судьба сыграла с В. Д. Думбадзе злую шутку. Почти что в день возвращения его из-за границы был смещен с поста военного министра В. А. Сухомлинов. Его обвинили не только в должностных преступлениях, но и в сношениях с иностранными агентами, главным из которых считали жандармского полковника С. Н. Мясоедова⁴¹. Затем была арестована целая группа лиц, близких к В. А. Сухомлинову. Все эти меры, предпринятые под энергичным нажимом Ставки верховного главнокомандования во главе с великим князем Николаем Николаевичем, преследовали одну цель: дать материал, свидетельствующий о связи Сухомлинова с немецкой агентурой. Вполне естественно, что посылавшийся тайно в Германию В. Д. Думбадзе был очень удобной фигурой для следствия. Последнее сочло за благо умолчать о том, что поездка Думбадзе за границу была согласована с Николаем II и начальником генерального штаба. Так неудачливый дипкурьер Думбадзе оказался среди многих других лиц, севших на скамью подсудимых, чтобы дать возможность «заинтересованным кругам» свалить все военные неудачи царских войск на военного министра В. А. Сухомлинова.

Обвинение против Думбадзе было, впрочем, довольно нелепым и сводилось к тому, что, уезжая в Германию, он «мог захватить» с собой полученные от Сухомлинова сведения о военных реформах. Несмотря на то, что никто не мог доказать, будто В. Д. Думбадзе действительно передал немцам эти материалы, большая часть которых к тому же была опубликована в биографии Сухомлинова и, по мнению генерального штаба, не представляла особой ценности⁴², все же суд приговорил его к смертной казни. Николай II постеснялся полностью реабилитировать своего посланца и «милостиво» заменил казнь 20 годами каторги⁴³. «Мавр сделал свое дело...»

Так закончилась попытка установления непосредственных контактов между правящими кругами царской России и кайзеровской Германии весной 1915 года.

³⁸ Там же, лл. 205—207.

³⁹ Там же, д. 146, л. 62.

⁴⁰ Там же, д. 147, л. 52.

⁴¹ См. К. Ф. Шацилло. «Дело» полковника Мясоедова. «Вопросы истории», 1967, № 4.

⁴² По официальному отзыву начальника генерального штаба России, «весь материал прилагаемого при сем перечня (найденного у Думбадзе при обыске.— К. Ш.) не только по частям, но и в полном объеме является лишь кратким обозначением сведений, но не самоценными данными, собирание коих не может составлять задачу правительств иностранных держав наших возможных противников, без существенного дополнения этих данных техническими подробностями, почти отсутствующими в перечне» (ЦГВИА СССР, ф. 962, оп. 1, д. 33, л. 131).

⁴³ ЦГВИА СССР, ф. 962, оп. 1, д. 47, л. 50.

ИЗ ИСТОРИИ КЛАНА КЕННЕДИ

Н. Н. Яковлев

Январский номер американского общественно-политического журнала «Commentary» за 1970 г. открывает громадная статья под заголовком «Кеннедизм». Буржуазная печать США вступила в 70-е годы, пополнив свой терминологический арсенал этим понятием. Если оно реально, то как будто бы с годами «кеннедизм» не только не утрачивает своего значения, но и превращается в определенную политическую платформу для сил, пытавшихся формировать курс Вашингтона в начале 60-х годов. Взявшись растолковывать смысл этого термина, прагматисты из редакции «Commentary» отмечают, что данному политическому течению предстоит новая жизнь, хотя «пока трудно предрекать его расцвет». Журнал «Вопросы истории» уже обращался к деятельности президента Джона Ф. Кеннеди¹; тогда в соответствующих очерках была предпринята попытка объяснить суть его политики, а также раскрыть генезис того явления, которое именуют «кеннедизмом». В целом сущность линии Дж. Кеннеди заключалась в том, чтобы обновленными методами правления укрепить внешнеполитические позиции США.

В помещаемом ниже очерке рассматривается, как развивались далее идеи Дж. Кеннеди, в первую очередь его братом Р. Кеннеди, занимавшим ответственные должности и претендовавшим на пост президента. «Commentary» ставит вопрос так: «Кеннедизм является утверждением права тех, кто должным образом обласкан свыше — образованием, воспитанием, драгоценной высшей целью и, да, рождением, если это необходимо, — править... Одним из величайших парадоксов нашего времени является тот, что в большую часть 60-х годов этого десятилетия опрометчивых бурь, иногда именуемых «революционными», и, несомненно, идеологически эгалитарных, в американском обществе укреплялся невиданный прежде взгляд, который приличествует разве лишь истинно иерархическому социальному строю, томящемуся по имперскому величию... Возможно, Америка действительно стала жить в климате великой консервативной империи». Все было достигнуто, заключает «Commentary», «элегантным правлением», введенным в обиход Дж. Кеннеди. Но самое «требование элегантного правления является реакционным, независимо от радикальной фразеологии, в которую оно может быть облечено»². В этом нагромождении разностильных по смыслу фраз, порою претенциозных, порою надуманных, а порою тривиальных, отражено мнение их автора, редактора «Harper's Magazine», журнала, не обвинявшегося ранее в «еретических суждениях» с точки зрения официального Вашингтона. Пока что историку достаточно констатировать, что уже существует понятие «кеннедизм» и что вокруг него идет идеологическая борьба, а пули, поразившие братьев Кеннеди, не прикончили исповедовавшееся ими кредо. Однако эти пули, выпущенные из дешевого оружия и оборвавшие жизнь братьев Кеннеди, породили множество версий об обстоятельствах убийства, вызвали значительное разномыслие относительно «вклада павших» в американскую политику и, наконец, подняли спекулятивные предположения о целях, преследовавшихся президентом Дж. Кеннеди и сенатором Р. Кеннеди. Все это значительно осложнило, хотя и не остановило, работу профессиональной исторической мысли в оценке США 60-х годов. Во всяком случае, говоря о возникновении «кеннедизма», никак нельзя обойти молчанием драматические обстоятельства гибели братьев Кеннеди. Вопрос заключается лишь в том: как вписывается смерть Кеннеди в жизнь «кеннедизма»? Постараемся придерживаться проверенных фактов, не избегая в то же время ссылок на имеющиеся противоречивые концепции. При таком подходе обнаружится и соответственная ценность последних.

¹ См. Н. Н. Яковлев. Как Кеннеди стал президентом. «Вопросы истории», 1967, №№ 3—5.

² M. Decker. Kennedism. «Commentary», January 1970, p. 27.

1. Несколько слов об Освальде, Руби и других

22 ноября 1963 г. в Далласе был убит президент Дж. Кеннеди. Не прошло и трех часов, как полиция Далласа объявила, что убийца, некий Освальд, пойман и его допрашивают в городском полицейском управлении. Сыщики делали достоянием гласности данные о задержанном по мере их сбора. Представители прессы, радио и телевидения штурмом взяли здание управления. Им никто особенно и не препятствовал. Вместе с журналистами в здание имел свободный доступ почти любой, кто хотел взглянуть на задержанного. На третьем этаже, где допрашивали Освальда, в коридорах скопилось более 300 корреспондентов. Освальда водили на допросы и с допросов через густую толпу журналистов, которые коршунами набрасывались на арестованного, требуя одновременно ответа на сотни вопросов. Освальд с кривой ухмылкой, не сходящей с его лица, с трудом отстранялся от них.

В местном отделении Американского союза демократических свобод (АСДС) вскоре после задержания Освальда узнали, что он просит адвоката. Председатель местного отделения АСДС Г. Олдс осведомился у следователя капитана Фритца, разъяснены ли арестованному его права, и выразил готовность немедленно оказать содействие Освальду как члену АСДС. Фритц ответил, что задержанный отклонил сделанные ему предложения о юридической помощи. Тогда Олдс счел необходимым явиться в полицейское управление, где его после некоторого препирательства с полицейскими чинами направили к судье второго участка Далласа Д. Джонстону, наблюдавшему за ведением следствия. Судья заверил Олдса, что Освальд отказался от услуг защитника. Он солгал. Напротив, Освальд, потерпев неудачу связаться по телефону с известным адвокатом Абтом, заявил, что просит прислать адвоката от АСДС.

На пресс-конференции в подвале полицейского управления, проведенной в ночь на 23 ноября, прокурор Вейд рассказал, что Освальду предъявлено обвинение в убийстве президента, что действовал он один и следствие собрало о нем достаточно изобличающих материалов. Прокуратура, заверил Вейд, имеет возможность поддержать обвинение в суде. Он явно хвастался оперативностью вверенного ему полицейско-следственного аппарата.

Судья Джонстон глубокой ночью решил формально предъявить Освальду обвинение в убийстве президента. Пометив время 1 час. 35 мин. 23 ноября, Джонстон зачитал постановление об этом. Освальд запротестовал, требуя адвоката. Судья ответил, что он получит любого адвоката. Арестованный уже слышал это.

Необычна процедура предъявления обвинения. Дж. Бишоп, автор книги «День, когда был убит Кеннеди» (около 700 страниц, и все — только о дне 22 ноября 1963 г.), не сомневается в виновности Освальда. Но и он замечает: «Арестованный мог кричать, как только мог, требуя адвоката, или вопить о своей невинности, и никто не услышал бы, кроме полицейских, считавших его виновным. Исход слушания был бы одинаковым в любом случае (при открытых или закрытых дверях. — Н. Я.)»³. Из Далласа шло сообщение за сообщением: вина Освальда очевидна!

Президент Л. Джонсон отдал категорическое указание Э. Гуверу — рассмотрение дела Освальда поручается Федеральному бюро расследования (ФБР). Президент не учитывал, что юридически ФБР не могло подменить органы юстиции штата Техас. Вейд и начальник полиции Далласа Керри отвергли поползновения из Вашингтона изъять дело из компетенции штата и передать в руки федеральных властей. Они допустили сотрудников ФБР на допросы и позволили им с разрешения следователя задавать вопросы арестованному. Между прокуратурой Далласа и ФБР сложились крайне напряженные отношения. Керри дознался, что ФБР давно вело досье на Освальда, но перед приездом президента не поставило в известность полицию города о «потенциальной опасности» подозрительного человека. При желании полицейские власти Далласа могли свалить ответственность за убийство президента на ФБР.

По существующей в Далласе практике после полицейского дознания арестованный передается на время ведения следствия шерифу, который помещает его в окружную тюрьму. Вечером 23 ноября Керри оповестил журналистов, что утром следующего дня Освальда переведут из полицейского управления в окружную тюрьму. Около трех часов ночи неизвестный сообщил по телефону в местный отдел ФБР, что некий таин-

³ J. Bishop. The Day Kennedy Was Shot. N. Y. 1968, pp. 651, 653.

ственный комитет «решил убрать человека, убившего президента». Аналогичное предупреждение было передано по телефону и в канцелярию шерифа. Керри информировали об обоих предупреждениях.

Утром 24 ноября Освальд был убит на глазах десятков миллионов телезрителей и в присутствии более 70 полицейских. На стрелявшего набросились, повалили и вырвали пистолет. Из-под навалившихся полицейских он прохрипел: «Вы знаете меня, я Джек Руби!» Его, владельца двух ночных клубов, сомнительного субъекта, хулигана и драчуна, действительно хорошо знали. По оценке Керри, не менее 50 полицейских из 1 175 чел. личного состава полиции города поддерживали с ним знакомство.

Руби арестовали, втолкнули в лифт и повезли на допрос. Сопровождавший полицейский сочувственно заметил: «Джек, ты наверняка убил его». «Я хотел выстрелить трижды», — ответил Руби. Почему он стрелял? Руби разглагольствовал, отчего он решился на такой шаг: «Кто-то должен был сделать это, вы, ребята, не могли... Самодовольный, высокомерный коммунист... Хитрый и злобный...»⁴. Когда повели следствие по делу Руби, он выдвинул трогательную версию: убил, чтобы избавить горячо любимую им семью Кеннеди, в первую очередь Жаклин, от тяжких переживаний во время процесса над Освальдом. Сколько ни бились, он стоял на своем. Зародились подозрения, вменяем ли подследственный. Вокруг него захлопотали психиатры.

В начале марта 1964 г. Руби предстал перед судом в Далласе по обвинению в умышленном убийстве Освальда. Случайно выяснилось, что судья Д. Браун в 1959 г. рекомендовал Руби в торговую палату Далласа. В таком случае судье нужно было бы отстраниться от ведения дела, но он отказался, объяснив, что тогда «не знал по-настоящему» Руби⁵.

Представители правосудия — судья Браун, неспособный поддержать не только порядок в зале, но и уважение к отправлению правосудия (чего стоит его просьба к защитнику: «Сделай одолжение, говори проще, оставь эту свинскую латынь!»), суровый прокурор Вейд (в 1963 г. он поставил национальный рекорд — по 93,5 % его дел вынесен обвинительный приговор), щеголь адвокат Белли из Сан-Франциско (взялся защищать бесплатно, домогаясь известности) — должны были сказать свое слово по делу Руби. Самой малозначительной фигурой был сам подсудимый. За семь дней процесса ему дали произнести на суде лишь несколько слов: в ответ на вопрос судьи, признает ли себя виновным: «Не признаю, ваша честь». Они утонули в ниагаре слов, низвергавшихся обвинением и защитой.

В судебном заседании исследовался лишь один вопрос — о вменяемости Руби в момент совершения преступления. Защита не вскрыла, как работал мозг подсудимого, но предъявила записи его мозговых волн (200 метров ленты). Защитник доказывал, что его клиент невменяем, болен психомоторной эпилепсией. В суд вызвали крупнейших специалистов по эпилепсии. Они с готовностью защищали теоретические основы своих научных воззрений, забыв о подсудимом. Диспут получился весьма ученый. Звезда защиты доктор М. Гуттмахер сообщил, что отец Руби «неграмотный иммигрант-пьяница», что с 12 лет Руби не жил в семье и рос у чужих людей. Мать — шизофреничка, брат страдал депрессивным психозом, сестра тоже. Кеннеди для Руби — идеал, глава благополучной семьи, и его трагическая смерть разрушила внутреннее «я» подсудимого. Вот Руби и убивает. «Быть может, в этой любви к президенту таились скрытые тенденции гомосексуалиста?» — осведомился Белли. «Полагаю, что есть показания в пользу этого», — заверил Гуттмахер. И дальше в том же духе: непристойности на «научном» жаргоне. Обвинение, помимо психиатров, провело через суд вереницу полицейских, показывавших, что Руби был вменяем. Белли неистовствовал. Еще в начале процесса он заявил Руби: «Дело трудное. Жюри — собачий выводок. Мы все равно будем апеллировать. Ты сиди смирно, а я поведу все».

В заключительной речи прокурор Вейд потребовал смертной казни для подсудимого. Он взывал к присяжным: «Если вы освободите этого человека, вы отбросите цивилизацию на сто лет назад». Выслушав заклинания прокурора, присяжные заседатели удалились на совещание, которое продолжалось более 25 часов. 14 марта жюри вынесло вердикт: Руби виновен в умышленном убийстве. Суд приговорил его к смертной

⁴ E. Linn. The Untold Story of Jack Rubi. «Saturday Evening Post», August 1, 1964, p. 26.

⁵ W. Manchester. The Death of a President. N. Y. 1967, p. 634.

казни. Когда заключенного уводили, Белли провозгласил на весь зал: «Поздравляю присяжных с победой фанатизма... Не беспокойся, Джек. Мы апеллируем. Мы будем апеллировать в самый высокий суд на Земле!» Колесо судебной машины завертелось.

2. Комиссия Уоррена

В первые часы после убийства президента Джона Кеннеди губернатор Коннели на госпитальной койке сумрачно заметил: «Мы допустили возникновение такой обстановки, когда фашизм и экстремизм вошли в моду... Мы все вынуждены страдать от ненависти и нетерпимости, пронизывающих общество сверху донизу... что и проявилось здесь в пятницу. Ведь это только один эпизод»⁶. Коннели пока не имел никаких сведений об обстоятельствах преступления, кроме непосредственных крайне болезненных ощущений, ибо его рана давала о себе знать. В обыденной жизни первые впечатления чаще всего самые верные. Иное дело — в сфере высокой политики.

29 ноября 1963 г. президент Л. Джонсон создал комиссию, возглавленную председателем Верховного суда США Э. Уорреном, для расследования убийства Кеннеди. В нее вошли семь человек, в том числе два сенатора, два конгрессмена, А. Даллес и Д. Макклой. Работа была закончена 24 сентября 1964 года. Доклад комиссии занял 469 страниц основного текста и 408 страниц приложений. В дополнении к нему опубликовано 15 томов свидетельских показаний 552 человек и 11 томов документов.

Комиссия пришла к заключению: «Выстрелы, которыми был убит президент Кеннеди и ранен губернатор Коннели, были произведены Ли Харви Освальдом... На основании данных, имеющих в ее распоряжении, комиссия считает, что Освальд действовал в одиночку». Почему он пошел на убийство? Комиссия не дала на это четкого ответа, ограничившись указанием: у Освальда не было рациональных мотивов «по критериям разумных людей»⁷.

Официальная версия убийства Кеннеди подверглась и подвергается атакам справа и слева⁸. Американские ультра не устают сокрушаться, почему убийство не было объявлено «коммунистическим заговором». Они исходят из своей логики, по которой тогдашний председатель Верховного суда Э. Уоррен — коммунист. В то же время создано множество теорий, объясняющих убийство президента происками правых сил. Теории эти обосновываются фактами, не получившими, по мнению авторов этих теорий, должной оценки или вообще не рассмотренными комиссией Уоррена.

Написано множество книг и статей, в которых поставлен под сомнение центральный тезис комиссии, что Освальд якобы действовал в одиночку. Т. Бьюкенен, живущий в Англии, разработал версию о том, что за убийством Кеннеди стоит американский нефтяной магнат «Х»⁹. Вслед за ним выступил И. Йостен с книгой «Освальд: убийца или козел отпущения?». Эти две первые книги об убийстве Кеннеди, вышедшие в 1964 г., отличались большими преувеличениями и не нашли серьезного читателя. Известные английские общественные деятели Б. Рассел, лорд Бойд Орр, Дж. Б. Пристли, профессор Х. Трейвор-Роуппер, М. Фут, К. Мартин и другие учредили «Комитет: кто убил Кеннеди?» Комитет, сказал Б. Рассел, «считает, что никогда не было более подрывного, непатриотического и опасного курса для безопасности США и всего мира, чем попытка правительства США укрыть убийцу их недавнего президента».

Первой реакцией на первые сомнения явилась книга члена комиссии Уоррена конгрессмена Дж. Форда «Портрет убийцы». Автор расхвалил себя и своих коллег,

⁶ J. Josten. Oswald, Assassin or Fall Guy? N. Y. 1964, p. 119.

⁷ «Report of the President's Commission on the Assassination of President Kennedy». N. Y. 1964, pp. 39, 42.

⁸ Важнейшие материалы, касающиеся различных версий об убийстве президента Кеннеди, печатались в русском переводе в еженедельнике «За рубежом» и в других органах печати. Таковы, например: Т. Бьюкенен. Заговор остается нераскрытым. «За рубежом», 1964, № 45; «Кто же все-таки убил Кеннеди?». «За рубежом», 1966, № 26; Ф. Кук. В стороне от истины. Там же, № 32; «Погребенная тайна Далласа». Там же, № 34; Д. Бизиаши. Заговорил «неудобный свидетель». «За рубежом», 1968, № 26; И. Йостен. Самое темное дело ЦРУ. «Литературная газета», 18.IX.1968; «Если ты убьешь Кеннеди». «Комсомольская правда», 28.IX.1968, и множество других. В 1969 г. в русском переводе издана книга У. Манчестера «Убийство президента Кеннеди».

⁹ T. Buchanan. Who Killed Kennedy. N. Y. 1964.

явно прибегнув к гиперболам. «Монументальные достижения комиссии президента будут возвышаться, как Гибралтар, в документальной литературе грядущих веков», — свидетельствовал он. Только одно обстоятельство вызывает по меньшей мере удивление: прокуратура штата Техас доложила комиссии, что Освальд с 1962 г. состоял на службе ФБР под № 179, получая 200 долларов ежемесячно. В момент ареста он все еще был агентом ФБР. Поразительное сообщение! Однако комиссия пальцем о палец не ударила, чтобы выяснить, так ли обстояло дело в действительности. Сообщение прокуратуры списали по статье «грязных слухов»¹⁰.

В октябре 1965 г. известный американский журналист С. Фокс выпустил книгу «Не получившие ответа вопросы по поводу убийства президента Кеннеди». В июне 1966 г. к сомневающимся прибавился молодой американский ученый Э. Эпштейн, развернувший защищенную им диссертацию в книгу, названную «Расследование». Он утверждает, что работа комиссии Уоррена была «предельно поверхностной». Автор обратил внимание на скверную организацию дела: члены комиссии, занятые своими прямыми обязанностями, могли уделить расследованию только некоторую часть времени. Между тем комиссии поставляли материалы 28 правительственных ведомств, снабдивших ее документами, которые заняли около восьми кубических метров. Рассмотрение и оценка всех материалов легли на плечи юристов, привлеченных к работе.

А они избегали заниматься сложными вопросами, сосредоточив усилия лишь на доказательстве вины Освальда. Но даже в этой ограниченной сфере, замечает Эпштейн, было сделано далеко не все: «Так, например, имелось свидетельство очевидца о возможном втором убийце, которое никогда не дошло до сведения комиссии, хотя материал представило ФБР». В то же время Уоррен отказался ознакомиться с досье ФБР об Освальде. Сославшись на «национальные интересы», он отослал досье назад в ФБР, удовлетворившись заявлением Э. Гувера о том, что Освальд никогда не работал в этой организации. В сущности, такой подход означал, подчеркивает Эпштейн, что «ФБР поверили на слово». Был или не был Освальд агентом ФБР, комиссия так и не проверила. Перечислив еще множество странностей в работе комиссии и изучив обстоятельства убийства, автор заявил: «Существуют веские доказательства того, что Освальд не мог действовать в одиночку... Отстаивая свою версию истины, комиссия Уоррена стремилась разубедить народ и охранить национальные интересы»¹¹.

Известный американский журналист Ф. Кук в обстоятельной статье в журнале «The Nation» в июле 1966 г. вернулся к тому, что вызывало сомнение с самого начала. Он указал, что Освальд не мог за 5,6 секунды произвести приписанные ему три прицельных выстрела, а комиссия Уоррена наделила его качествами сверхстрелка. Кук настаивает, что 22 ноября 1963 г. в Далласе раздалось больше трех выстрелов. «Никакого глубокого расследования, которое могло бы дать ответ на этот вопрос, — заметил Кук, — проведено не было, а это означает, что человек, чья пуля оборвала жизнь президента Кеннеди, находится на свободе»¹².

Декан философского факультета Калифорнийского университета профессор Р. Попкин вначале написал рецензию на работу Эпштейна, а затем выпустил собственную книгу, в которой потребовал расследования, «независимого от правительства США, очевидно, являющегося заинтересованной стороной». Подвергнув критике доклад комиссии Уоррена, профессор нашел, что в Далласе должен быть двойник Освальда. Он предупреждал, что «каменное молчание» в деле убийства президента к добру не приведет¹³.

Громадный толчок дал кампании против доклада комиссии Уоррена нью-йоркский юрист Марк Лейн. Правдолюбец в стиле американских «разгребателей грязи» начала XX в. давно подыскивал дело, которое с такой же силой прозвучало бы в наше время. Заступник бедняков, юрист, защищавший клиентов против полиции, лихоимства властей, жадных домовладельцев, Лейн получил известность в той части Гарлема, которая граничит с кварталами белого населения. В 1960 г. его избрали в легислатуру штата Нью-Йорк от этого района, заселенного городской голытьбой. Он боролся за гражданские права угнетенного негритянского народа, идя на личный риск. На собраниях в

¹⁰ G. Ford. Portrait of the Assassin. N. Y. 1965, pp. 491—492, 13—14, 20.

¹¹ E. Epstein. Inquest. N. Y. 1966, pp. 54—55, 34, 25.

¹² Ф. Кук. Указ. соч., стр. 27.

¹³ R. Popkin. The Second Oswald. L. 1967, pp. 66—67.

Восточном Гарлеме в него бросили жестянку из-под пива, а в заповеднике расизма — штате Миссисипи — Лейна и местного негритянского лидера арестовали за одновременное пребывание в сегрегированной комнате в аэропорту. Летом 1962 г. Лейн объявил, что не будет переизбираться в легислатуру, а посвятит себя написанию книги, дабы сделать «вклад в борьбу за мир».

Наблюдая по телевизору за происходившим в Далласе после гибели Кеннеди, Лейн был потрясен нарушением прав арестованного, а затем убитого Освальда, когда тот находился под стражей. Он немедленно встал на защиту правосудия, попранного местной полицией, и высказал свое мнение в печати. Мать Освальда назначила Лейна защищать интересы убитого сына. Комиссия Уоррена отказалась признать его официальным адвокатом, но разрешила выступить перед ней со своими показаниями. Лейн использовал предоставленное ему право. 15 августа 1966 г. появилась его книга «Торопливое суждение» — фронтальный удар по всей работе и выводам комиссии Уоррена.

В книге поставлен ряд вопросов. Автор отмечает, что 58 из 90 свидетелей убийства слышали выстрелы не из книжного склада, а с поросшей травой насыпи, находящейся по правой стороне улицы. Свидетель, кочегар Бреннан, давший полиции поразительно точное описание Освальда, хотя видел его с расстояния в 40 м от здания и в полумраке комнаты на шестом этаже, вечером в тот же день не смог опознать его в полицейском управлении. Разумеется, побеседовав с сотрудниками ФБР, он «освежил» свою память уже после убийства Освальда и без всяких сомнений сказал, что видел в окне именно его. Шаг за шагом Лейн опровергал официальную версию убийства Кеннеди. Как и Эпштейн, Лейн полагал, что в президента стреляли и спереди. Следовательно, было по крайней мере двое убийц.

Лейн заклеил работу комиссии Уоррена: «Если комиссия покрыла себя позором, то так же опозорено и федеральное правительство». Свою книгу он закончил грозно: «Прецедент доклада комиссии Уоррена будет подрывать закон и бесчестить тех, кто написал его, намного больше, чем тех, кто хвалит доклад»¹⁴.

Книга М. Лейна послужила поводом для нового обсуждения доклада Уоррена. В США раздавались настойчивые голоса о необходимости провести новое расследование трагедии в Далласе. Тогда близкий к правительственным кругам журнал «United States News and World Report» выступил с серией материалов в поддержку официальной версии. Журнал напечатал интервью с советником комиссии Уоррена А. Спектором, который повторил известные доводы в пользу того, что лишь один Освальд участвовал в убийстве президента. Рентгеновские снимки Джона Кеннеди после ранения действительно не были представлены комиссии Уоррена, ибо Р. Кеннеди «отказался показать их кому-либо». Что до комиссии, то «из уважения к памяти покойного президента было решено не требовать их; комиссия заключила: фотографии и рентгеновские снимки не были безусловно необходимыми». Отвечая на вопрос, целесообразно ли открыть новое расследование, А. Спектор заявил: «Я не выскажусь против него, равным образом я против ограничения работы любого ученого, занимающегося рассмотрением и анализом работы комиссии, и его право — не соглашаться с ее выводами»¹⁵. 29 октября 1966 г. семья Кеннеди передала в национальный архив материалы вскрытия и посмертные рентгеновские снимки 35-го президента, оговорив, что доступ к ним возможен только с ее разрешения¹⁶.

Тем временем приговоренный к смерти Дж. Руби взывал к правосудию. Он повторно обращался к комиссии Уоррена с просьбой выслушать его. 7 июня 1964 г. Уоррен в сопровождении одного члена комиссии, Дж. Форда, встретился с Руби в тюрьме Далласа. При беседе присутствовали полицейские чины Далласа. Осужденный просил перевезти его в Вашингтон, где он скажет «правду», ибо «моя жизнь здесь в опасности». Руби повторял, что хочет сказать, почему совершил убийство, но «здесь об этом нельзя говорить». Верховный судья отказался перевезти Руби в Вашингтон, мотивируя тем, что это привлекло бы «всеобщее внимание» и потребовало бы дополнительной охраны в самолете.

¹⁴ M. L a n e. Rush to Judgement. N. Y. 1966, pp. 91—92, 395, 398.

¹⁵ «Truth about Kennedy Assassination». «United States News and World Report», October 10, 1966, pp. 47, 63.

¹⁶ Ibid., November 14, 1966, p. 81.

В октябре 1966 г. апелляционный суд по уголовным делам штата Техас отменил приговор Руби по формальным основаниям, вернув дело на пересмотр. Осужденный не дождался нового слушания: 3 января 1967 г. он умер в тюремной больнице. Официальный диагноз — рак. Руби написал несколько писем, они были изъяты охраной, а после его смерти проданы с аукциона. В одном из них, проданном за 950 долл., Руби клялся в своей невиновности, жаловался и яростно бранился по адресу «нациста худшего сорта Л. Джонсона».

Пространно рассуждая об обстоятельствах убийства Кеннеди (письмо заняло 33 страницы), Руби писал: «Разве не удивительно, что Освальду, почти не работавшему всю жизнь, посчастливилось получить должность в здании книжного склада за две недели до приезда президента в Даллас, хотя об этой поездке не знал сам президент? Как же эта мелкая сошка, Освальд, узнал о приезде президента в Даллас? Только один человек мог знать об этом за несколько недель, ибо он и организовывал поездку президента... Единственный, кто выиграл от убийства президента, — Джонсон... Если Джонсон был так расстроен по поводу Кеннеди, то почему он не сделал что-либо для Роберта Кеннеди? Он, однако, только обижал его»¹⁷.

После смерти Руби М. Лейн активизировал свою деятельность. Он удвоил выступления по радио, телевидению, на митингах, в газетах, и не только в США, но и в других странах (Лейн объездил с лекциями 15 стран). Через месяц после кончины Руби «Playboy» опубликовал «Откровенный разговор с неистовым юристом, автором «Торопливого суждения», документального, лучше всех распродающегося обвинения доклада Уоррена». В сжатом виде Лейн повторил там основные тезисы своей книги, отметив, что нет «убедительных доказательств того, что Освальд был больше, чем зрителем на месте убийства президента».

В национальном архиве, сообщил Лейн, собрано 1 555 досье по делу об убийстве Кеннеди. 508 из них засекречены, некоторые — на 75 лет. Сотрудники журнала особенно интересовались мнением Лейна об отношении семьи Кеннеди к докладу комиссии Уоррена. После того, как Х. Трейвор-Роупер выступил с критикой доклада в «Sunday Times», сказал Лейн, он дал мне знать, что косвенно получил весточку от сенатора Роберта Кеннеди: «Продолжайте хорошее дело...» «Примечательно, — отмечал Лейн, — что когда бы кого-либо из Кеннеди ни спрашивали о докладе Уоррена, ответ гласил: «Я не читал его, но согласен с ним». Они не читали его! Для меня эти заявления значат: Кеннеди держат руки развязанными и выигрывают время в ожидании, когда смогут сказать: «Теперь мы прочли доклад и нашли, что он лжив».

Касаясь утверждений Руби о причастности Л. Джонсона к убийству Кеннеди, Лейн заявил: «Я не думаю, что президент Джонсон как-то замешан в убийстве, однако пока не станут известны все факты, я не могу подкрепить мое неверие доказательствами». Лейн выразил убеждение, что доклад Уоррена полностью дискредитирован, сославшись на результаты опроса населения в октябре 1966 г.: только один из трех американцев все еще верил в правдивость этого доклада. Высказав мнение, что доклад Уоррена «не переживет следующих шести месяцев», Лейн пожаловался редакции «Playboy», что ФБР притесняет его: в национальном архиве он обнаружил 35 досье ФБР с записями его выступлений, а его телефонные разговоры подслушиваются¹⁸.

Накал страстей вокруг доклада комиссии Уоррена привел к тому, что поиски истины в деле убийства президента превратились в прибыльный бизнес. В конце 1967 г. журналисты Р. Льюис и Л. Шиллер выпустили книгу с характерным названием: «Стервятники и критики доклада Уоррена». Они поддержали абсолютно все выводы официального расследования. Р. Льюис и Л. Шиллер обратили внимание на такое совпадение: в США книгу М. Лейна опубликовало издательство «Холт, Рейнхарт энд Уинстон», печатающее также труды его архиврага Э. Гувера. Книга, разошедшаяся в твердом переплете тиражом в 225 тыс. экземпляров, не поддающиеся учету издания в мягком переплете и их переводы, демонстрации фильма по книге (фильм идет два с половиной часа, Лейн играет в нем роль защитника Освальда), наконец, многочисленные платные лекции дали автору изрядный доход. Аналогична история Эпштейна. «Финансовые выгоды, — напомнили Р. Льюис и Л. Шиллер, — совпавшие с из-

¹⁷ «A Letter from Jail by Jack Rubi». «Ramparts», February 1967, pp. 20—21.

¹⁸ «Playboy», February 1967, pp. 56, 48, 63, 68, 66.

вестностью автора хорошо продаваемой книги, более чем компенсировали Эпштейна за нападки на его самые прочные теории»¹⁹.

Критики критиков доклада Уоррена, разумеется, не унимаются. Один из авторов политического детектива «Семь дней в мае», Ф. Нибел, хорошо знающий особенности жанра, обрушился на новичка Эпштейна: «Я скоро пришел к выводу, что Эпштейн повинен в тех же грехах, в каких он обвинял комиссию Уоррена, — извращениях, игнорировании документов, тенденциозном отборе фактов, дабы они соответствовали его теориям. В худшем случае Эпштейн написал опасно лживую книгу. В лучшем случае он повинен в том, в чем обвиняет комиссию Уоррена, — поверхностном расследовании»²⁰.

К тому же соперники по вскрытию истины М. Лейн и Э. Эпштейн не ладили друг с другом. Их книги вышли почти одновременно, и им пришлось делить славу. Позднее Лейн заметил: «Книга Эпштейна имеет один недостаток. Заявления, которые исходят от членов комиссии, нельзя проверить: Эпштейн не использовал записывающую аппаратуру. Я предлагал ему скрытый магнитофон. Он отказался, заявив, что это будет неэтично. Поскольку нет доказательств, возникают серьезные вопросы». Эпштейн отрицает, что Лейн обращался к нему с таким предложением. «Я могу только предположить, что Лейн — лжец»²¹, — говорит он.

3. Книга Манчестера

Профессиональный публицист Уильям Манчестер принадлежал к ближайшему окружению Дж. Кеннеди. Он сотрудничал во всех ведущих американских общественно-политических журналах, был автором семи книг. В сентябре 1962 г. увидел свет его лирический рассказ-книга «Портрет президента: Джон Ф. Кеннеди в профиль»²².

Смерть президента от руки убийцы и убийство убийцы глубоко потрясли Манчестера. «В педели, — скорбно писал он после похорон Дж. Кеннеди, — последовавшие за трагедией, я просыпался ночами, все еще слыша страшный заглушенный рокот барабанов на Пенсильвания-авеню, пришедший из моих снов. Мне казалось, что там, на склоне холма в Арлингтоне, погребены надежды целого поколения. Я дважды побывал на кладбище после похоронной мессы. Каждый раз я вспоминал высказывание Нью Латимора, записанное мною в то светлое утро вступления президента в должность в 1961 году: «В день этот мы милостью божьей вздуем такую свечу... которая никогда не погаснет». Свет померк в наших жизнях, и я остался бродить во мраке мертвого прошлого»²³.

В начале 1964 г. безысходный мрак прорезал слепящий луч надежды: Жаклин Кеннеди от имени семьи предложила Манчестеру написать книгу о смерти мужа, брата и президента. Предложение было принято с благодарностью. Манчестер прервал работу над историей германских монополий, которую вел на Рейне, и поспешил в США. Тогдашний министр юстиции США Р. Кеннеди подписал договор с автором. Последний обязался к 1968 г. написать книгу на заданную тему. Доходы от книги — Библиотеке Кеннеди, от публикации отрывков в журналах — автору, что впоследствии, между прочим, составило соответственно 5 млн. и 665 тыс. долларов.

Итак, найден автор и засажен за работу. В договоре оговаривалось, что «члены семьи Кеннеди не будут сотрудничать с любым другим автором, который возьмется за эту тему». Мудрая осмотрительность! Многие публицисты были готовы отстукать на пишущих машинках соответствующую книгу. «Уже пишут множество книг, — сказал как-то Р. Кеннеди, — идет масса информации, в большинстве своем неверной. Множество людей пытаются подзаработать на этом. Поэтому мы решили: пусть все материалы будут доступны только одному человеку»²⁴. Р. Кеннеди был не совсем прав: не все

¹⁹ R. Lewis, L. Schiller. The Scavengers and Critics of the Warren Report. N. Y. 1967, pp. 48, 53, 120.

²⁰ «Look», July 10, 1966, p. 66.

²¹ R. Lewis, L. Schiller. Op. cit., pp. 49—50.

²² W. Manchester. Portrait of a President: John F. Kennedy in Profile. Boston. 1962.

²³ «William Manchester's Own Story». «Look», April 4, 1967, p. 68.

²⁴ V. Lasky. Robert F. Kennedy. The Myth and the Man. N. Y. 1968, pp. 359—360.

измеряется деньгами, — еще до избрания Манчестера в авторы два публициста, Т. Уайт и У. Лорд, отклонили предложение семьи взяться за написание такой книги²⁵.

Позиция семьи в отношении будущей книги была недвусмысленно изложена Ж. Кеннеди. 1 октября она писала: «Я избрала мистера Манчестера, ибо уважаю его способности, полагаю, что он объективен и точен... Я не надзираю за его работой и не намерена делать этого. Он закончит рукопись, и она будет опубликована без моей или еще чьей-либо цензуры. Я не желаю определять, кому писать историю. Многие будут писать о прошедшем ноябре, однако серьезным историкам следует подождать выхода книги мистера Манчестера. Эту книгу историки будут уважать». Автор был бесконечно благодарен Ж. Кеннеди за дарованную свободу творчества. Она переслала ему копию письма, процитированного выше, а также Э. Уоррену. Манчестеру выделили стол в здании, где работала комиссия, и открыли неограниченный доступ ко всем ее документам и материалам.

Тут объявился конкурент — писатель Дж. Бишоп, набивший руку в жанре описания убийств президентов. Он только что выпустил и быстро распродал книжку «День, когда был застрелен Линкольн». Бишоп обратился к Жаклин с просьбой дать ему материалы о покойном президенте. Вдова ответила: «Я наняла Уильяма Манчестера, чтобы он защитил президента Кеннеди и истину... Если я решу, что книга никогда не будет опубликована, тогда мистер Манчестер будет материально компенсирован за свои труды». Она, заключил позже Бишоп, «пытается получить исключительное право на публикацию рассказа об убийстве»²⁶. Перед Бишопом захлопнулись все двери, и все-таки он тоже стал писать книгу.

Однако никто не мог угнаться за Манчестером, труд которого приобрел самоотверженный характер. Два с половиной года работы по 12, 15, иногда 20 часов в сутки. Манчестер изучает документы, опрашивает сотни людей, рассказы которых ложатся на многие километры магнитофонных лент. Работа в Вашингтоне, поездка в Техас, снова столица. Р. Кеннеди официально объявил прессе, что У. Манчестер — историограф убийства в Далласе. Накопления Манчестера быстро тают, он экономит на всем: на такси, машинистках, обедает в дешевых ресторанах. К тому же будущее кажется ему неопределенным. За исключением группы друзей никто не верит, что книга будет иметь успех, а это означало бы катастрофу для автора. К этому добавились душевные страдания: «Наконец пришел день, когда мое перо остановилось. Я точно помню, когда. Я пытался сказать: Освальд, окруженный более чем 70 полицейскими, был убит в подвале тюрьмы в Далласе. Но перо не двигалось. Это уж слишком. Мой разум возмутился. Как мог взрослый человек поверить, не говоря уже о том, чтобы написать такую глупость? Слова «Освальд, окруженный...» назойливо звучали в ушах». Манчестер ничего не мог поделать с этим и был госпитализирован. Диагноз — истощение нервной системы. «Двенадцать дней я лежал пластом, мучаясь над проблемой, как Джек Руби проскользнул мимо часового у входа».

По мере того, как авторский замысел обретал плоть и кровь, стали нагромождаться трудности. Манчестер не был в неведении о них. Память услужливо подсказывала: американский публицист Ред Смит как-то заметил: «Писать легко. Смотришь себе на каретку машинки, пока на лбу не выступят крошечные капельки крови». Людям пишущим известно, как порою материал начинает властно диктовать и ведет за собой исследователя. Нескончаемый диалог рукописи и автора.

Тем временем, заметил Манчестер, Жаклин Кеннеди, «изолированная громадным богатством, боготворимая сторонниками «новых рубежей», перенесших почитание с президента-мученика на его молодую вдову, а также теми, кто связывал свои надежды на будущее с услугами, оказываемыми ей и могущественному новому главе семейного клана, председательствовала над окружившим ее элегантным миром как прекрасная, грациозная, бесконечно трагичная королева-регентша. Оглядываясь назад, я понимаю, почему она стала считать избранного ею автора членом своего двора. Она даже убедила себя, как заметила в письме одному корреспонденту, что «наняла» меня, обмолвка, по моему мнению, забавная».

Конфликт был неизбежен. Манчестер с глубокой тревогой следил за тем, как

²⁵ J. C o r y. The Manchester Affair. N. Y. 1967, p. 19.

²⁶ J. B i s h o p. Op. cit., p. XV.

легко идут на уступки авторы других книг, близкие к покойному президенту. В объемистых трудах Т. Соренсена «Кеннеди» и А. Шлезингера «Тысяча дней» по настоянию семьи Кеннеди были сделаны серьезные купюры. Семейную цензуру прошли книга П. Сэлинджера «С Кеннеди» и мемуары близкого друга убитого президента Р. Фей «Счастье знать его».

Вот образец «семейной цензуры» книги Фей. Страницы рукописи были испещрены пометками Р. Кеннеди: «Мистера Кеннеди нельзя именовать Джо, Большим Джо, а нужно — послом или мистером Джозефом Кеннеди»; или: «Хотел бы я знать, мог ли Ред Фей написать это, если бы был здоров мой отец? Наглость!» И так далее. Из книги Фей по настоянию семьи Кеннеди была исключена половина текста. Но и этого оказалось недостаточно. Когда по выходе книги автор передал 3 тыс. долларов Библиотеке Кеннеди, Жаклин отвергла дар, объявив его «лицемерным».

Манчестер закончил работу над книгой значительно раньше обусловленного срока, к середине 1966 года. 28 июля 1966 г. сенатор Р. Кеннеди официально сообщил, что семья не возражает против опубликования книги. Редакторы занялись «доводкой» текста рукописи в издательстве; журнал «Look», приобретший право первой публикации, готовил серию статей; материалы переводились на иностранные языки больше чем в десятке стран. К удивлению Манчестера, воспринявшего заявление Р. Кеннеди как окончательное одобрение рукописи, от имени Ж. Кеннеди посыпались предложения исключить весьма существенные места.

Ни жизненный путь Манчестера, процветающего публициста, ни текст книги даже отдаленно не дают оснований утверждать, что он не ощущал границы «объективности» в условиях американской цивилизации. Собирая материалы к книге (включая беседы с Ж. Кеннеди), он отказался ознакомить с ними даже комиссию Уоррена. Автор сам изъял 200 страниц из первоначального варианта рукописи. Теперь, когда от клана Кеннеди волнами пошли требования сделать купюры в готовом тексте, Манчестер стал в тупик. Он подсчитал: Ж. Кеннеди требовала исключить 6 472 слова из текста серии статей, подготовленных для журнала «Look». Поведение «этих крыс из «Лука» совершенно нетерпимо, истерически внушала Жаклин автору. «В целом, — заметил Манчестер, — 75 % изъятий не касались ее лично. То была попытка исключить чрезвычайно важные факты». Манчестер отказался.

Тогда Ж. Кеннеди подала в суд, чтобы воспрепятствовать выходу книги, а автор предстал перед разгневанным Р. Кеннеди. Манчестер попытался отшутиться: «Ну, Боб, нам нужно встать друг против друга с дуэльными пистолетами и шпагами!» В ответ — поток брани и угроз. Трехчасовая беседа окончилась безрезультатно. Манчестер оказался в центре внимания печати, радио и телевидения. Предстоявший суд разбавил страсти. За Манчестером по пятам ходили и ездили в машинах с радиоустановками частные детективы.

Дальше — больше. «Мой редактор и я, — вспоминал Манчестер, — притаились в мрачном молчании в номере гостиницы в Манхэттене, а сенатор, требовавший изменить текст книги, ломился в дверь, выкликая мое имя!.. Встретив друга-врача на улице, я спросил: «Не болен ли я манией преследования?» Он слабо улыбнулся: «Только не манией». Он был прав. Попытки принудить меня были абсолютно реальными, и поскольку я изучал в свое время Германию при фашистах, я усмотрел в этих событиях американский вариант гитлеровского приказа «Мрак и туман».

До суда все же дело не дошло. Семья Кеннеди умерила страсти, а Манчестер кое-что выбросил из книги. За несколько часов до начала слушания дела в суде Жаклин Кеннеди изъяла иск. В середине 1967 г. «Смерть президента» увидела свет.

Следует, однако, помнить: Манчестер поместил материалы, собранные во время работы над книгой, в Библиотеку Кеннеди. Они составили 18 томов с записями интервью и 27 досье с документами. Условие: «Доступ к этим материалам будет открыт опытным ученым после смерти всех прямых потомков Джона Ф. Кеннеди, при жизни которых он был убит»²⁷. Что касается места книги У. Манчестера в свирепой битве теорий, обвинений, контробвинений и слов, то Б. Консин, написавший предисловие к «Стервятникам и критикам доклада Уоррена», подчеркнул: «Автор самой популярной книги, направленной против комиссии (Уоррена. — Н. Я.) «Торопливое сужде-

²⁷ W. Manchester. The Death of a President, p. XI.

ние», продолжает развивать свои личные торопливые суждения, скорее подстегнутый, чем сдержанный, острополюемической книгой У. Манчестера «Смерть президента». Марк Лейн, очевидно, станет богатейшим человеком»²⁸.

Распри Манчестера с семьей Кеннеди ушли в прошлое, хотя шрамы остались. Журнал «Time», оценивая шансы Р. Кеннеди на избрание президентом, восхитился: «Он способен изломать и избить Уильяма Манчестера, а затем убедить писателя стать почетным председателем клуба «Кеннеди — в президенты!»²⁹. Жизнь брала свое, перед живыми вставали новые задачи.

4. О Роберте Кеннеди

Люди, уходящие из жизни молодыми, навсегда остаются в памяти молодыми. Особенно, когда такой человек, а им и был Роберт Кеннеди, не уставал до последних дней своих подчеркивать свою молодость. В радостные для него дни конвента демократической партии летом 1966 г. он воскликнул: «Мы молодая группа и будем править Америкой»³⁰. В своей последней книге «Обрести новый мир», посвященной «моим и вашим детям», Р. Кеннеди в 1968 г. писал о важности индивидуальных усилий молодости: «Многие величайшие движения в мире, мысли и действия проистекали от одного человека. Молодой монах начал протестантскую реформацию, молодой полководец расширил границы Македонской империи до пределов тогдашней Земли, молодая женщина отвоевала Францию, молодой итальянский путешественник открыл Новый Свет, а тридцатидвухлетний Томас Джефферсон провозгласил, что все люди созданы равными. «Дайте мне точку опоры, — сказал Архимед, — и я переверну Землю». Эти люди двигали мир, и мы можем сделать то же самое»³¹.

Высоко метил Роберт, желая оставить после себя «перевернутую Землю». В личной жизни он преуспел: продлил молодость спортом, был альпинистом и отцом 11 детей. Сложнее в сфере политической и государственной, хотя и здесь Роберт очень старался. Министр юстиции США Р. Кеннеди рекомендовал американской молодежи помнить: «За исключением войны ничто в Америке не готовит юношу лучше к жизни, чем футбол».

Смолоду Роберт любил простые решения сложных проблем, что отчетливо обнаружилось еще в бытность его на юридическом факультете Гарвардского университета и школе права Виргинского университета. Зимой 1950/51 г. он трудился над дипломной работой, избрав ожесточенно дискутировавшуюся тогда тему «Ялтинская конференция глав правительств СССР, США и Англии в феврале 1945 года». Вопрос этот, в общем, решался в США и профессиональными историками, которые заключили: Ялтинские соглашения отражали положение держав в антигитлеровской коалиции. Роберт энергично «перевоевывал» минувшую войну. Он утверждал: «Принимая во внимание, что японцы собирались продолжать войну, я не могу усмотреть, как военная мощь России в Маньчжурии могла бы спасти жизни американских солдат при вторжении на Японские острова... Совершенно очевидно, что, когда торгуешься, надо выяснить, насколько ценна приобретаемая вещь».

Подобное заявление непростительно даже для студента-дипломника. Накануне Ялтинской конференции комитет начальников штабов США считал, что без вступления Советского Союза в войну с Японией ее удастся победить не раньше 1948 г., а американские потери при вторжении на острова превысят миллион человек. Роберт все это знал, но продолжал доказывать, что «политический просчет, очевидный сейчас, следовало усмотреть еще тогда: не в наших интересах, не в интересах Китая или даже всего мира было превращать Россию в тихоокеанскую державу; не в наших интересах было просить или одолжаться вступлением России в войну на Тихом океане». Вот одна из иллюстраций к мировоззрению среднего из братьев Кеннеди.

Дипломник поставил все с ног на голову: налицо — бесцеремонное извращение фактов и желание высказать самые крайние суждения. Какова же была общая мораль всего этого, по Роберту? «Отсюда урок: библейский принцип «лучше давать,

²⁸ R. Lewis, L. Schiller. Op. cit., p. 18.

²⁹ «Time», May 24, 1968, p. 10.

³⁰ «Nation», June 15, 1966, p. 7.

³¹ R. Kennedy. To Seek a Newer World. N. Y. 1968, pp. 232—233.

чем брать» не всегда применим»³². Профессора, читавшие эту дипломную работу, поставили автору четверку и забыли о некомпетентных высказываниях новичка в исторической науке. В 1968 г. «United States News and World Report» выразил установившуюся точку зрения на успехи Роберта в науках: «Как ученый он не проявил себя, получив в 1948 г. степень бакалавра в Гарварде, где играл в футбол. Среди 125 выпускников Виргинского университета в 1951 году он занял 56-е место»³³.

Впрочем, Роберт и не готовил себя для науки, хотя, как видим, не чурался политической стороны дела. Общению с учеными он предпочел общество кинозвезд. Кандис Берген и Мэрлин Монро прекрасно знали Роберта, не говоря о множестве других актрис, с которыми он тоже был знаком. Все это он и не считал нужным скрывать. Тем, в частности, и отличался Роберт от старшего брата Джона, любившего показать, что его сердцу дороже интеллектуальные беседы с учеными.

Прямо со студенческой скамьи Роберт перешел в сферу государственной деятельности. В 1951 г. он работает в отделе министерства юстиции, ведавшем надзором за уголовным судопроизводством, затем в подкомитете у Маккарти. С 1954 г. Р. Кеннеди — советник сенатского подкомитета по расследованиям, где он вновь встретился с Маккарти, но уже не в роли подчиненного. Теперь Роберт работал при сенаторах-демократах. По всей вероятности, прямолинейность действий маккартистов, их тупость были Р. Кеннеди не по душе. Во время позорнейшего расследования, затеянного Маккарти в армии, Роберт усиленно высмеял этих инквизиторов XX века.

На заседании 11 июля 1954 г. сенатор Маккарти огласил свой очередной обширный план борьбы «с коммунизмом», предусматривавший создание международного альянса «демократических партий — Деминформа». Ухмылявшийся Роберт сел рядом с сенатором-демократом Дирксеном и сформулировал ряд издевательских вопросов. Дирксен задал их, поставив Маккарти в тупик. Напыщенный трибунал превратился в бурлеск, смеялся зал, покатывались со смеху Дирксен с Робертом. Исполниско-идиотский план основания «Деминформа» рухнул.

По окончании заседания подручный Маккарти Р. Кон подбежал к Роберту и, задыхаясь от злобы, стал бранить его. Словесная перепалка чуть-чуть не превратилась в драку. Их разняли. Роберт получил еще одно доказательство того, что на маккартистов не действуют никакие доводы. В 1955 г., когда из подкомитета ушли Маккарти и его помощники, Р. Кеннеди становится главным советником реорганизованного подкомитета.

По партийно-политической принадлежности (демократическая партия) и личным склонностям Роберт охотно занялся расследованием деяний правящей республиканской администрации. Возможности проявить себя оказались для него здесь неограниченными. В поле зрения подкомитета попали дельцы, мошенничавшие на поставках обмундирования для армии. В ходе дознания всплыло имя некой Харт, правительственного чиновника, закуповавшего обмундирование у нью-йоркских фирм. Роберт круто обошелся с нечистой на руку дамой. Он, жаловалась Харт журналистам, заперся с нею и со своим подручным «в страшно душной комнате», где занялся «издевательством, запугиванием, рукоприкладством». В этих условиях она созналась во всем. Изобличенная взяточница добавила: «Я была бы готова сознаться в чем угодно, я под присягой подтвердила бы, что именно по моей вине треснул колокол Свободы»³⁴. Едва ли стоит сокрушаться, что незавидная участь в конечном счете постигла женщину, по уши погрязшую в лихоимстве. На скамью подсудимых сели шесть человек. Роберт мог быть доволен: в общем-то по малозначительному поводу у позорного столба выставлась администрация Эйзенхауэра.

Вероятно, самым крупным делом, которое провел Р. Кеннеди через подкомитет, было изобличение в мошенничестве министра авиации США Г. Тэлботта. По существующей в США практике при вступлении на государственный пост необходимо прервать на время работы в правительственном аппарате все деловые отношения с миром бизнеса. В марте 1955 г. Роберт получил известие, что Тэлботт содействует нью-йоркской фирме «Маллиган», связанной с военными поставками. Пикантность положения состояла в том, что до занятия должности министра Тэлботт был партнером

³² M. L a i n g. Robert Kennedy. L. 1968, pp. 83—86.

³³ «United States News and World Report», May 6, 1968, p. 50.

³⁴ V. L a s k y. Op. cit., p. 93.

владельца фирмы, а негласная проверка показала, что с воцарением в Вашингтоне Тэлботта «Маллиган» стала необычайно процветать и доходы министра круто пошли вверх. В «New York Times» были опубликованы письма Тэлботта, компрометировавшие его. Как они попали в печать? Разнесся слух, что письма передал редакции Р. Кеннеди. Он отрицал. Негодующий Тэлботт потребовал публичного расследования и явился в подкомитет. Высокомерный министр, вероятно, полагал, что легко справится с малоизвестным юристом, каким был тогда Р. Кеннеди. Но Роберт вцепился в него мертвой хваткой.

В конце июля 1955 г. он подверг Тэлботта допросу с пристрастием и под присягой. Было установлено, что Тэлботт требовал от фирмы «Радио корпорейшн оф Америка» наладить деловой контакт с фирмой «Маллиган». Руководители «Радио корпорейшн оф Америка», понимая щекотливость положения, поставили условие: пусть генеральный прокурор США благословит намечавшиеся сделки. Тэлботт остался этим крайне недоволен. Роберт взялся выяснить, какие меры принял министр, чтобы побудить строптивую корпорацию к сотрудничеству.

В ходе допроса Р. Кеннеди поинтересовался: не привлек ли министр генерального юрисконсульта ВВС Дж. Джонсона, чтобы тот оказал соответствующий нажим? Последовал диалог между Тэлботтом и Кеннеди: «Да, я говорил с ним, но ни о чем не просил». «Разве вы не просили Джонсона связаться с господином Эвингом из «Радио корпорейшн оф Америка»?» «Возможно». «Я спрашиваю вас, просили ли вы об этом Джонсона?» «Не знаю, — ответил Тэлботт. — Я действительно не знаю». «А сами вы не разговаривали с Эвингом?» «Не знаю. Во всяком случае, не помню...» «Так, значит, вы не помните о своем разговоре по телефону с Эвингом?» «Нет». «Вы сказали ему тогда, что, по вашему мнению, позиция, которую заняла «Радио корпорейшн оф Америка», неправильна. Не так ли?» «Не помню». «Разве вы не называли Эвингу фирмы, с которыми сотрудничает фирма «Маллиган», и в том числе фирмы, выполняющие военные заказы?» «Нет». «Разве Эвинг не ответил вам, что он беседовал с вашим юристом, которому вы поручили вести переговоры, и что вы, в свою очередь, сказали тогда, что вести дело поручено Джонсону?» «Нет». «Значит, все, о чем я говорю, неверно?» — резюмировал Р. Кеннеди. «Насколько я помню, таких заявлений я не делал», — упорствовал Тэлботт.

Вести допрос таким образом можно было, только имея все козыри на руках. Тэлботт оценил серьезность положения и на следующий день послал председателю подкомитета записку: «Сегодня утром я разговаривал с Джоном Джонсоном. Он напомнил мне о моем разговоре с Эвингом. Заявление Кеннеди о том, что я разговаривал с Эвингом, правильно. Мне изменила память». Министр понял, что Роберт располагал компрометирующими Тэлботта фактами. В последующие дни Р. Кеннеди допросил в подкомитете Джонсона, а затем Эвинга и других лиц, которые «потопили» министра.

1 августа 1955 г. Тэлботт подал в отставку. За неделю Роберт расправился с министром авиации США. Подкомитет одобрил отставку Тэлботта, указав, что он «действовал нечестно, находясь на посту министра ВВС»³⁵. Спустя два года Тэлботт умер от кровоизлияния в мозг. Вдова публично заявила, что ее бесподобный супруг пал жертвой «травли» со стороны Роберта.

В 1957—1959 гг. Роберт Кеннеди — главный советник сенатского комитета по расследованию деятельности профсоюзов и предпринимателей. Это очень ответственный пост. Комитет насчитывал 65 человек. Его фактическим руководителем был Р. Кеннеди. Работа не из легких: приходилось отстаивать интересы крупного капитала. Роберт установил свои порядки в комитете. Сенаторы только дивились проворству молодого юриста: он повел заседания так, что они иной раз оказывались простыми зрителями. Республиканец Б. Голдуотер, входивший в комитет вместе с Дж. Кеннеди, как-то резко выразил несогласие с действиями Р. Кеннеди. «Вы не верите в мою честность?» — заревел Роберт и, сжав кулаки, бросился к сенатору от штата Аризона. «К счастью, — сухо комментировал потом Голдуотер, — Джон Кеннеди вскочил со стула, схватил Бобби за шиворот и не дал побить сенатора США».

Во второй половине 50-х годов Р. Кеннеди ввязался в длительную тяжбу с руководством профсоюза водителей грузовых машин и грузчиков, насчитывавшего

³⁵ К. Молленгоф. Пентагон. М. 1969, стр. 111—115.

1 700 тыс. членов. Цель деятельности Роберта сводилась к тому, чтобы под флагом борьбы с «коррупцией» в профсоюзах подготовить принятие жесткого антирабочего законодательства, что и было сделано в 1959 г., когда появился закон Лэндрама — Гриффина. Президента профсоюза, гангстера Д. Бека, нагло грабившего профсоюзную кассу, удалось быстро упрятать за решетку. Тяжелее пришлось с его преемником, ловко оборонявшимся жуликом крупного масштаба Д. Хоффа. Иной раз Хоффа выходил победителем из словесных поединков с Робертом, которого именовал «маленьким садистским чудовищем». В конце 50-х годов Роберту удалось направить материал о Хоффа в суд. На радостях он публично поклялся, что бросится головой вниз с купола Капитолия, если Хоффа оправдают. Настал день суда, в составе жюри которого оказалось восемь негров. Хоффа учел это обстоятельство, и в зале суда появился его давний друг негр Джо Луис, в прошлом кумир всех мальчишек Америки, чемпион мира по боксу в тяжелом весе. Луис объявил, что пришел посмотреть, «что хотят сделать с моим другом Хоффа». Когда жюри оправдало Хоффа, Роберту прислали парашют для обещанного прыжка с Капитолия.

Но Р. Кеннеди не отступился от этого дела и продолжал расследование. Перед сенатским комитетом предстал подручный Хоффа, некий Бейкер, звероподобный мужчина, весивший около 150 килограммов. Как выяснилось, он был связан с уголовным миром. Тогда Р. Кеннеди при очередном свидании спросил Хоффа, не тревожат ли его тесные связи близкого сотрудника с уголовным миром? «Нисколько», — отпарировал тот.

Развязка наступила позднее, когда Р. Кеннеди стал министром юстиции и получил в свое распоряжение прокуратуру и полицейско-сыскной аппарат. Хоффа понимал, что его ждет, и помнил, что публично назвал Роберта «мерзавцем», пообещав «вырвать ему обе руки». Одной из первых мер нового министра явилось создание специальной группы, неофициально названной «Изловить Хоффа!». В середине 60-х годов Р. Кеннеди довел до конца сражение с ним. В январе 1963 г. министр юстиции отозвался о своем противнике как о человеке, «запугавшем лидеров рабочего движения сильнее, чем гитлеровские эсэсовцы». Хоффа не остался в долгу. Он настаивал, что министр юстиции «составил заговор... создал гестапо из 72 полицейских агентов, 23 прокуроров и 32 членов большого жюри, чтобы сокрушить крупнейший профсоюз в Соединенных Штатах». В марте 1964 г. Хоффа был присужден к восьми годам тюремного заключения и штрафу в 10 тыс. долларов. О следственной работе Роберта сложилось вполне определенное впечатление. Дружественный ему публицист писал: «Рвение Кеннеди в разгроме преступных синдикатов напоминает иезуита XVI столетия в погоне за еретиками»³⁶.

В 1960 г. Р. Кеннеди выпустил книгу «Внутренний враг», в которой предложил создать национальную комиссию по борьбе с преступностью. По его замыслу, эта комиссия являлась бы «Центральным разведывательным управлением» в контруголовном мире и обслуживала бы 70 федеральных ведомств и более 10 тыс. местных органов по борьбе с преступностью по всей стране. Руководитель ФБР Э. Гувер, усмотрев в предложениях Р. Кеннеди угрозу возникновения конкурирующего ведомства, лицемерно воззвал к «демократизму» и осудил эту инициативу как попытку создать «национальную полицию», что-де подорвет права граждан. Книга произвела впечатление в Голливуде. В начале 60-х годов там решили экранизировать сие произведение. Фирма «Твенти Сенчюри Фокс» заготовила контракт с Р. Кеннеди. Неожиданно возникли трудности с его подписанием: вмешался Джозеф Кеннеди. Представитель фирмы запротестовал и заявил отцу: «Ваш сын, министр юстиции, говорит, что согласен с формулировкой контракта!». «Он ни черта в этом не понимает», — невозмутимо ответил старый делец. Контракт был изменен в соответствии с требованиями папаша.

Министр юстиции Р. Кеннеди неизменно и весьма напористо действовал в сфере своих прямых обязанностей. Так, министерство возбудило судебное преследование против ряда должностных лиц, включая двух конгрессменов, трех членов верховных судов штатов, пятерых мэров, нескольких местных начальников полиции и т. д. У Роберта появилось хобби — вести личный учет арестам и осуждениям важнейших преступников.

³⁶ D. R o s s. Robert F. Kennedy: Apostle of Change. N. Y. 1968, p. 213.

Подслушивание телефонных разговоров при Р. Кеннеди получило громадный размах. Он был недоволен ограниченными, как ему казалось, усилиями и возможностями ФБР в этой области и подталкивал свое бюро расширить сферу подслушивания. Министерство юстиции внесло в конгресс соответствующий законопроект. Туманные ссылки на «национальную безопасность» плохо маскировали заранее спланированный Р. Кеннеди полицейский произвол. Несмотря на то, что изобретательный министр несколько раз видоизменял проект, билль не прошел. Другое предложение Р. Кеннеди — дать право «брать под арест» свидетеля, не сотрудничающего с органами следствия, также застряло в комитетах конгресса. Как заметил один из конгрессменов, изучавших хитроумный законопроект, реализация предлагаемого «превратит в преступника человека, просто свистнувшего в направлении агента ФБР».

Административные восторги Р. Кеннеди в стенах министерства юстиции порядком озадачили конгресс. Позднее он попытался исправить сложившееся впечатление, отрицая эту практику. Но шеф ФБР в письме одному любопытному конгрессмену, тут же преданном огласке, напомнил: «Мистер Кеннеди во время пребывания на посту проявил громадный интерес к делам такого рода и, объезжая различные города, не только лично прослушивал записи телефонных разговоров, но и ставил вопросы, как обзавестись лучшим оборудованием». Выяснилось также, что подслушивание проводилось отнюдь не только для изобличения преступных элементов. Государственный департамент, например, оказался опутанным сетью соответствующей аппаратуры³⁷.

Опровержения Р. Кеннеди на этот счет не очень убеждали. Он усмотрел причину в другом, горестно заметив: «Воевать с Э. Гувером все равно, что сражаться со святым Георгием». Не только он, но и газеты рассказали, что схватка Гувера с Р. Кеннеди была отчасти делом рук Л. Джонсона, который подстрекал к ней руководителя ФБР³⁸.

Можно, конечно, без труда разглядеть в усилиях Гувера мстительное желание если не прямо очернить Роберта, то по крайней мере поставить его на одну доску со штатными сыщиками. Классификация для человека видного положения, каким был Р. Кеннеди в США, нетерпимая. Однако не вызывает сомнений то очевидное обстоятельство, что почти за 15 лет работы в органах юстиции Роберт приобрел профессиональные навыки в уголовном розыске. Человек, избравший целью жизни эти занятия, мог бы только гордиться столь полезными качествами. Но Роберт собирался стать ведущим политическим деятелем.

Еще при жизни Джона Кеннеди распространился слух, что Роберт в 1968 г. будет баллотироваться в президенты. Весной 1963 г. драматург Г. Видал на правах почти родственника семьи Кеннеди (Жаклин и он имели общего отчима) представил на суд читающей публики свою оценку Роберта: «Нет никакого сомнения, что когда в 1968 г. Бобби предстанет перед конвентом, он прекрасно подойдет». Но, предупреждал Видал, «потребуется гений пропаганды, чтобы представить кандидата приятным человеком. Он не таков. Его самые примечательные качества — энергия, мстительность, прямолинейность в оценке мотивов людей — могут привести к его падению. Бобби видит мир только в белых и черных красках: «Они и Мы». Он совершенно не обладает качествами брата — легкостью в обращении с людьми и умением очаровывать». По словам Видала, Р. Кеннеди «окажется опасным, авторитарно настроенным президентом». В заключение он процитировал слова некоего соратника Р. Кеннеди по государственной службе, который отчеканил: «Дело не в том, что Бобби против гражданских свобод. Он просто не знает, что это такое»³⁹.

В поведении министра юстиции имелись и другие «странности». Он очень любил войска специального назначения, «зеленые береты», созданные Дж. Кеннеди. В свою очередь, сверхподготовленные специалисты противопартизанских операций, получившие исключительный статус в вооруженных силах США, платили горячей привязанностью Кеннеди. В знак признательности они стали именовать себя только как «стрелки Кеннеди». Министр юстиции добился, чтобы в похоронах президента приняли участие солдаты частей специального назначения. Командир отряда майор

³⁷ «United States News and World Report», June 3, 1968, p. 16.

³⁸ V. Lasky. Op. cit., p. 356.

³⁹ «Esquire», March 1963, p. 78.

Ф. Радди демонстративно возложил на могилу президента рядом с вечным огнем зеленый берет. Роберт подружился с преданным майором, а среди самых дорогих для Р. Кеннеди вещей были «запонки с эмблемой войск специального назначения и зеленый берет, подаренный Радди и всегда лежавший на его столе»⁴⁰. Вероятно, диверсанты из этих частей олицетворяли в глазах Р. Кеннеди боготворившиеся им молодость и дисциплину, но приверженность к ним наводила на печальные размышления: куда может направить свою энергию пылкий государственный деятель, если ему доверить высокий пост?

Многим, несомненно, прочно запала в память сентенция Р. Кеннеди, высказанная весной 1963 г., когда министр юстиции наставительно произнес: «Нам очень нужен своего рода диктатор, который выслушивает всех, имеющих отношение к делу, взвешивает все факторы, затем выносит решение и говорит: это нужно сделать сейчас, а это вы сделаете потом»⁴¹. В июне 1966 г. сенатор Р. Кеннеди посетил Африку и побывал в Танзании. Он много выступал там, и то, что дошло до США, вызвало кое у кого тревогу, поскольку Р. Кеннеди недвусмысленно намекал, что если ему что-либо и понравилось в Африке, то это прежде всего диктаторские устремления кое-кого из тамошних лидеров⁴². Подействовал ли на Роберта африканский политический климат, или он высказал свои сокровенные мечты? Вопрос остался открытым.

Во всяком случае, Р. Кеннеди постоянно находился под огнем критики. В статье, подводившей итоги его жизненного пути, говорилось: «Многие политики и бизнесмены не только не любили, но искренне боялись его за то, кем он был и кем бы еще мог стать. Немало людей усматривали беспринципное честолюбие в любом его жесте и поступке»⁴³. Все это прояснилось в 1968 году. Сторонники Р. Кеннеди, разумеется, были не согласны. Они были склонны списывать все за счет «вечной молодости» Р. Кеннеди.

Сам Р. Кеннеди, когда ему исполнилось 40 лет, говорил: «Я прекрасно знаю, многие меня не любят, но теперь меня это больше не удивляет и не тревожит. Напротив, я великолепно понимаю причины. Я был замешан в стольких схватках, в стольких стычках»⁴⁴. И все же дело не только в этом. В самом облике Р. Кеннеди было что-то, по словам Т. Уайта, «отталкивающее от него. Миллионам американцев его стремление к власти представлялось зловещим». Отпугивала прежде всего «беспощадность»⁴⁵. Они хорошо запомнили Роберта по телевизионным передачам во время частых приступов гнева: его указующий перст, громоподобные изречения, холодный взгляд — живое воплощение ярости.

(Окончание следует.)

⁴⁰ «Look», April 16, 1968, p. 78.

⁴¹ D. Ross. Op. cit., p. 7.

⁴² V. Lasky. Op. cit., p. 291.

⁴³ «Time», June 14, 1968, p. 13.

⁴⁴ N. Thimmisch and W. Johnson. RFK at 40. Boston. 1965, p. 22.

⁴⁵ T. White. The Making of the President 1968. N. Y. 1969, pp. 151, 155.

Обзоры

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О ПРИЕМАХ РАБОТЫ В. И. ЛЕНИНА С ИСТОЧНИКАМИ

Методы научного исследования в трудах В. И. Ленина, точнее, его исследовательские приемы обработки многочисленных использованных им источников, в последние десятилетия привлекают все большее внимание специалистов и широкого круга читателей. Тема «Ленин — источниковед», «Ленин — основатель советского источниковедения» становится одной из важнейших проблем изучения его многогранного научного творчества. Особенно это характерно для 1950—1960-х годов, поскольку в предшествующие десятилетия проблема ленинской методики исследования источников, как и вообще источниковедение новейшего времени, разрабатывалась недостаточно. Однако это не означает, что работы подобного характера отсутствуют. К настоящему времени литература по указанному вопросу насчитывает сотни книг, статей, заметок и т. д. В данном обзоре рассматриваются научно-исследовательские труды о методах работы В. И. Ленина над источниками, отражающими прежде всего отечественную историю. Отметим, что подавляющее большинство работ посвящено обработке В. И. Лениным статистических данных.

Изучение приемов работы В. И. Ленина с источниками началось в 20-е годы. Так, например, некоторые замечания по этому вопросу мы находим в статье известного революционера С. И. Мицкевича, в ней говорится об обстоятельствах появления труда молодого В. И. Ленина «Что такое «друзья народа»?», его значении в борьбе с народниками, огромной насыщенности фактическим материалом, позднее более детально проанализированным В. И. Лениным в книге «Развитие капитализма в России»¹.

П. И. Попов, руководитель статистической службы молодой Советской Республики, показал выдающуюся роль В. И. Ленина в организации государственной статистики Советской России, его блестящее мастерство в анализе статистического материала². И. К. Воронов, рассматривая отношение В. И. Ленина к статистическим переписям, характеризует его методы обработки данных русской земской и фабрично-заводской статистики, военно-конских переписей, американских цензов (переписей) 1900 и 1910 гг.³ и др. В другой работе, характеризуя «воронежскую бюджетную традицию», он останавливается на ленинском анализе 66 воронежских бюджетов в труде «Развитие капитализма в России»; отмечает такие приемы, как перегруппировка статистических данных, характеристика положения различных групп крестьян по их жизненному уровню, критика «средних данных», «закона средних потребностей»,

¹ С. И. Мицкевич. О работе В. И. Ульянова-Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». «Пролетарская революция», 1923, № 2 (14), стр. 61—76.

² П. И. Попов. Государственная статистика и В. И. Ленин. «Вестник статистики» (далее — ВС), 1924, № 1—3, стр. I—VIII; его же. Встречи с Лениным. «В. И. Ленин во главе великого строительства». Сборник воспоминаний о деятельности В. И. Ленина на хозяйственном фронте. М. 1960, стр. 187—191; «Воспоминания о В. И. Ленине». Т. 3. М. 1969, стр. 237—240.

³ И. К. Воронов. В. И. Ленин о статистических переписях. ВС, 1925, № 10—12, стр. 125—139; см. также отдельное издание (Воронеж, 1926).

сформулированного экономистом-народником Ф. А. Щербиной. Основное внимание автора сосредоточено на анализе воронежских крестьянских бюджетов за 1924 год⁴.

Особое место в литературе о методах работы В. И. Ленина с источниками занимают статьи и заметки ближайших соратников и сотрудников В. И. Ленина, в первую очередь Н. К. Крупской. В ряде ее статей освещается работа В. И. Ленина над книгой, в частности над произведениями К. Маркса⁵. Она пишет о прекрасном знании В. И. Лениным произведений К. Маркса, литературы, которая использовалась В. И. Лениным при написании своих трудов, о неразрывной связи методики с методологией исследования, революционной науки с революционной практикой. В одной из статей кратко освещается история создания книги «Государство и революция». В двух других дается общая характеристика ленинского метода исследования: В. И. Ленин сам продвигал необычайно тщательно массу черновой работы, в частности много трудился над земскими статистическими изданиями, досконально изучал по произведениям Маркса и Энгельса революционный опыт мирового пролетариата⁶. Е. Ярославский рассматривает огромную подготовительную работу В. И. Ленина при составлении «Доклада о революции 1905 г.», в частности материалы, опубликованные позднее в XXVI «Ленинском сборнике», характеризует план доклада, его содержание⁷.

Интерес к работе В. И. Ленина над источниками, особенно со статистикой, возрос в 30-е годы. Появился ряд важных для изучения этой проблемы сборников. Так, П. Краснов опубликовал указатель трудов В. И. Ленина по статистике⁸, В. Д. Черменский — сборник статей и высказываний В. И. Ленина о статистике⁹. Исключительно важное значение имеет издание Институтом Ленина при ЦК РКП(б) (затем Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б), Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС) «Ленинских сборников» (I—XXXVII), содержащих, помимо трудов В. И. Ленина, его переписку и материалы, которые отражают работу В. И. Ленина над различными произведениями: «Развитие капитализма в России», труды по аграрному вопросу, «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Государство и революция». Здесь проекты, наброски, варианты, черновики, планы, конспекты, тезисы ряда ленинских работ (статей, речей, писем и др.), материалы съездов, различные заметки и многое другое. Кроме того, имеются выписки из различных изданий, конспекты трудов, изучавшихся В. И. Лениным, с его пометками, замечаниями.

В работах экономистов и историков 30—40-х годов чаще дается характеристика некоторых ленинских трудов, говорится о громадном значении их в борьбе с идейными противниками марксизма, об обстановке, в которой они создавались, и т. д. Приемам же работы В. И. Ленина с источниками уделялось очень мало внимания. Исключениями являются несколько исследований. Так, в статье и книжке В. М. Волина¹⁰ хорошо показываются методы обработки Лениным данных из книги экономиста-народника В. Е. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство», особенно статистических данных; переработка таблиц этого автора (например, объединение нескольких таблиц в одну), различные подсчеты, проверка и исправление данных В. Е. Постникова, полемика с ним, использование дополнительных данных. Материалы реферата «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» (таблицы, выводы) были впоследствии использованы В. И. Лениным во второй главе «Развития капитализма в России». Е. И. Городецкий и И. Ганичев проанализировали некоторые данные, содержащиеся в подготовительных материалах к книге «Государство и революция» (тетрадь «Марк-

⁴ И. К. Воронцов. Воронежские бюджетные исследования и их сравнительная переработка. Вып. I. Крестьянские бюджеты 1924 г. Воронеж. 1926, стр. 2, 9—12.

⁵ Н. К. Крупская. Как Ленин работал над Марксом. См. Н. К. Крупская. О Ленине. Сборник статей и выступлений. М. 1965, стр. 309—326, 361—368.

⁶ Там же, стр. 338—350.

⁷ Е. Ярославский. Как Ленин готовил «Доклад о революции 1905 г.». «В помощь марксистско-ленинскому образованию». 1939, № 1, стр. 22—28.

⁸ П. Краснов. Указатель работ по статистике в трудах В. И. Ленина. «Статистика и народное хозяйство». 1930. Вып. 2 (11), стр. 102—107.

⁹ «Статистика в работах В. И. Ленина». Составил В. Д. Черменский. М.-Л. 1931. Изд. 2-е. М. 1933.

¹⁰ В. М. Волин. О первой работе В. И. Ленина «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни». «Вестник МГУ». Серия общественных наук. 1949, № 1, стр. 45—63; его же. О работе В. И. Ленина «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни». М. 1952, стр. 11—31.

сизм о государстве» и др.)¹¹. Как нетрудно заметить, основное внимание уделялось тогда работе В. И. Ленина со статистическими источниками. Ленинская методика их обработки, его указания об учете брались на вооружение советскими специалистами в области экономики, статистики.

Общие обзоры ленинского научного творчества принадлежат С. Выгодскому, М. И. Гляссер. С. Выгодский использует для своего исследования не только историко-экономические, но и философские, историко-партийные работы В. И. Ленина. Акад. В. С. Немчинов рассмотрел в целом приемы работы В. И. Ленина со статистическими источниками¹². В курсе источниковедения С. А. Никитина кратко говорится о новаторских методах В. И. Ленина при обработке данных пореформенной статистики (земской, фабрично-заводской)¹³.

В общих курсах по статистике и специальных историко-экономических и статистических работах 1940—1950-х годов (Б. М. Волин, Н. Н. Грачев и др.) более подробно разработаны общие вопросы ленинской методики работы со статистикой, показана огромная роль В. И. Ленина в создании советской экономической статистики. Но при конкретном анализе статистических таблиц В. И. Ленина, как правило, очень мало привлекались те статистические материалы, которыми он пользовался¹⁴.

Появилось немало специальных работ по изучаемому вопросу, большинство их по-прежнему принадлежало статистикам, экономистам. В 1950-е и особенно 1960-е годы количество работ о ленинской методике исследования непрерывно возрастает, выходят десятки работ, среди которых и весьма аргументированные статьи, книги. Наблюдается более глубокий подход к изучению вопроса, переход в ряде случаев от общих характеристик, иллюстративности, свойственных большинству работ 1920—1940-х годов, к детальному источниковедческому исследованию ленинских трудов и тех материалов, на которых они основаны. Отношение В. И. Ленина к статистике, обработке ее данных, его роль в организации советской статистической службы разрабатываются в статьях М. Б. Гуревича¹⁵ (районная разработка статистического материала, специфические вопросы группировки, графический метод в статистике), С. Гуревича (приемы работы над дореволюционными и советскими статистическими данными, организация советской статистики)¹⁶, Т. Козлова (общая характеристика ленинских приемов обработки статистических данных)¹⁷, В. Е. Овсиенко, И. Ю. Писарева и Т. В. Рябушкина¹⁸ (роль Ленина в разработке принципов и организации научной статистики).

¹¹ И. Ганичев. Как Ленин работал над книгой «Государство и революция». «Молодой большевик», 1940, № 3; Е. Н. Городецкий. Как Ленин работал над книгой «Государство и революция». «Большевик», 1941, № 1.

¹² С. Выгодский. Методы научной работы В. И. Ленина. «В помощь марксистско-ленинскому образованию», 1940, № 4; М. И. Гляссер. О методах работы классиков марксизма-ленинизма над книгой. М. 1941; В. С. Немчинов. Вопросы статистической науки в работах В. И. Ленина. «Известия» АН СССР. Отделение экономики и права, 1949, № 5, стр. 335—355.

¹³ С. А. Никитин. Источниковедение истории СССР XIX в. (до начала 90-х годов). «Курс источниковедения истории СССР». Т. II. М. 1940, стр. 68—74, 78, 81.

¹⁴ В. С. Немчинов. Сельскохозяйственная статистика с основами общей теории. М. 1945, стр. 43—44 и др.; Б. М. Волин. Статистика и политика. М. 1950, стр. 13—32 и др.; Н. Н. Грачев. Статистические группировки. М. 1951, стр. 38—52 и др.; А. И. Гозулов. Экономическая статистика. М. 1953, стр. 16—22 и др.; «Курс экономической статистики». Под ред. проф. А. И. Петрова. Изд. 2-е. М. 1954, стр. 8—9, 15—16; П. И. Ляшенко. История народного хозяйства СССР. Т. II. М. 1956, стр. 72—76; П. А. Хромов. Экономическое развитие России в XIX—XX вв. 1800—1917. М. 1950, стр. 153—156 и др.

¹⁵ М. Б. Гуревич. Некоторые вопросы статистики в трудах В. И. Ленина. «Научные записки» Харьковского института советской торговли. Вып. III(V). 1952, стр. 17—47.

¹⁶ С. Гуревич. В. И. Ленин об организации советской статистики. ВС, 1956, № 6; его же. В. И. Ленин об анализе статистических материалов. ВС, 1958, № 4.

¹⁷ Т. Козлов. Вопросы анализа статистических данных в работах В. И. Ленина. «Вопросы экономики» (далее — ВЭ), 1951, № 1; его же. Статистика в трудах В. И. Ленина. ВС, 1954, № 1.

¹⁸ В. Овсиенко. Создание основ современной статистической науки в трудах В. И. Ленина (к 40-летию советской статистики). «Научные доклады высшей школы. Экономические науки», 1958, № 2; И. Писарев. Владимир Ильич Ленин и советская статистика. ВС, 1949, № 1; Т. Рябушкин. В. И. Ленин и советская статистика. ВС, 1957, № 5.

В некоторых статьях рассматриваются специальные вопросы: методика обработки статистических данных, нашедшая отражение в трудах В. И. Ленина (программа, формы и способы, объект и единица статистического наблюдения, группировка данных, индексы, динамика и др.)¹⁹, высказывания В. И. Ленина о статистике культуры, народного образования, методы ее анализа²⁰.

Важнейшие вопросы теории статистики (ее значение в экономическом исследовании и социалистическом строительстве, статистическое наблюдение, контроль, публикация статистических данных, организация статистики, методы группировки данных, их районной сводки, изучение динамики общественных явлений, метод средних, графический метод), исследованные по данным и высказываниям, приводимым в трудах В. И. Ленина, рассматриваются в обобщающих работах Н. Н. Грачева, М. Б. Гуревича. Несколько работ посвящено общему рассмотрению приемов анализа В. И. Лениным земской статистики и промышленной статистики дореволюционной России²¹. Н. Н. Кореневская приводит критические высказывания В. И. Ленина по поводу народнических методов обработки статистических данных о крестьянских бюджетах²².

В некоторых работах раскрывается творческая история произведений В. И. Ленина, не связанных с анализом экономического, статистического материала. Таковы, например, исследования о ленинских статьях, посвященных Л. Н. Толстому, о его работах «Памяти Герцена» и «Партийная организация и партийная литература»²³. В них кратко затрагиваются источники, которые использовал или на которые в той или иной форме откликался В. И. Ленин (произведения писателей, революционеров, идейных противников большевизма, либерально-буржуазные или правительственные газеты и т. д.).

Из историков изучением методов работы В. И. Ленина над источниками по социально-экономической истории, прежде всего статистикой, плодотворно занимался В. К. Яцунский. Его исследования посвящены вопросам районирования народного хозяйства России, источниковедения в произведениях В. И. Ленина, характеристике его как историка-экономиста. В. К. Яцунский дал общий обзор ленинских приемов историко-экономического исследования (сочетание принципиальных обобщений со значительным количеством конкретных деталей, применение группировок статистического материала по экономической мощности хозяйств; выбор показателей, которые могут изменять социальную сущность изучаемых исторических процессов; стремление установить взаимозависимость между изучаемыми явлениями и т. д.). Он отметил особенности работы В. И. Ленина над источниками: в произведениях, посвященных надстро-

¹⁹ Л. К а з и н е ц. В. И. Ленин об объекте и единице статистического наблюдения. ВС, 1952, № 5; Т. К о з л о в. В. И. Ленин о программе, формах и способах статистического наблюдения. ВС, 1952, № 4; Н. Е. Л е с ю и с. Индексы и статистический анализ динамики в трудах В. И. Ленина. «Научные записки» Ленинградского финансово-экономического института. Вып. 13. 1957; Т. В. Р я б у ш к и н. Метод статистических группировок в работах В. И. Ленина. «Сборник статей по вопросам экономической статистики». М. 1952.

²⁰ И. Б о г д а н о в. Вопросы статистики культуры в трудах и высказываниях В. И. Ленина. ВС, 1956, № 2; его же. В. И. Ленин о статистике по народному образованию. «Народное образование», 1956, № 4.

²¹ М. Б. Г у р е в и ч. Очерки по теории статистики. Харьков. 1959; Н. Н. Г р а ч е в. Статистические группировки в изучении экономики промышленности СССР. М. 1958; Л. К а з и н е ц. Земская статистика в оценке В. И. Ленина. ВС, 1951, № 4; А. Г. Ш и ф м а н. В. И. Ленин о некоторых вопросах промышленной статистики дореволюционной России. «Ученые записки» Московского экономико-статистического института. Т. 10, 1958; А. Я. Д о л ь н и к о в. Пути преобразования русской промышленной статистики в работах В. И. Ленина. «Третья научная сессия. Март 1956 г. Тезисы докладов». Всесоюзная высшая финансовая школа. Л. 1956.

²² Н. Н. К о р е н е в с к а я. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств в дореволюционной России. М. 1954, стр. 29, 85, 93, 95—96, 98—101.

²³ Б. М е й л а х. Ленин и проблемы русской литературы конца XIX—начала XX в. Изд. 3-е. Л. 1956 (см. раздел «Статьи Ленина о Льве Толстом» — история создания и проблематика); Я. М. С т р о ч к о в. О статье В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература». «Вопросы истории» (далее — ВИ), 1956, № 4; М. З е л ь д о в и ч. К истории статьи В. И. Ленина «Памяти Герцена». «Вопросы литературы». 1957, № 3; И. А. П о р т я н к и н. О некоторых характерных чертах публицистического мастерства В. И. Ленина (на основе анализа ленинских произведений 1905—1910 гг.). «Вестник» МГУ, 1959, № 1.

ечным явлениям, они остаются скрытыми от читателя, ознакомиться с ними можно только по его историко-экономическим трудам; критический анализ источников был для В. И. Ленина орудием идейного разгрома народников и т. д.²⁴. Надо добавить, что методы, ход обработки источников в исследованиях по социально-экономической истории нередко можно понять только путем сопоставления с теми изданиями, которыми пользовался В. И. Ленин.

В последнее десятилетие появились и монографические исследования статистиков и экономистов (книги, брошюры), подводящие итоги исследованию некоторых вопросов ленинской методики работы с материалами экономического, прежде всего статистического характера. Так, С. М. Гуревич показал громадную роль В. И. Ленина в разработке важнейших основ статистической науки²⁵. А. С. Либкинд проанализировал ленинские приемы обработки источников об американском сельском хозяйстве, характеризовал ленинские группировки ферм по различным признакам (по землевладению, стоимости продукции, главному источнику дохода и др.) и т. д.²⁶. И. Г. Малый характеризует принципы и приемы работы В. И. Ленина над бюджетной, демографической статистикой на отечественном (дореволюционном и советском) и зарубежном материале²⁷.

И. Ю. Писарев изучает методы работы В. И. Ленина над статистическими данными о труде (численности, классовом составе, положении рабочих и крестьян, их жизненном уровне, стачечном движении и т. д.)²⁸, Т. В. Рябушкин, В. Е. Овсиенко и Е. Г. Виталина — над статистикой в целом²⁹, И. П. Суслов — над материалами промышленной, политической статистики; одну из своих книг он посвятил теоретическим основам экономической науки, статистики, разработанным Лениным³⁰. В недавно вышедшем сборнике статей рассматриваются вопросы ленинской методологии и методики статистической науки и применение методов В. И. Ленина в советской статистической науке³¹.

В 1960-е годы появился ряд исследований советских историков. В. К. Яцунский в одной из своих статей, продолжая изучение приемов работы В. И. Ленина над источниками по социально-экономической истории, расширил выводы своих более ранних работ³². Несколько исследований посвятил изучению работы В. И. Ленина над источниками автор настоящего обзора³³.

²⁴ В. К. Яцунский. Ленин как историк-экономист. «Известия» АН СССР. Серия истории и философии. 1949, № 1, стр. 20—38; его же. Историко-географические моменты в работах В. И. Ленина. «Исторические записки». 1948. Т. 27, стр. 3—17; его же. Вопросы источниковедения в трудах В. И. Ленина по социально-экономической истории. «Проблемы источниковедения». Вып. IV. М. 1955, стр. 5—19.

²⁵ См. С. М. Гуревич. В. И. Ленин и статистика социалистического государства. М. 1963.

²⁶ А. С. Либкинд. Анализ американских сельскохозяйственных цензов в работах В. И. Ленина. М. 1967.

²⁷ И. Г. Малый. Вопросы статистики народного потребления в трудах В. И. Ленина. М. 1964; его же. Вопросы статистики населения в трудах В. И. Ленина. М. 1963; его же. Статистика в исследованиях В. И. Ленина по аграрному вопросу. М. 1965; его же. Статистика в труде В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма». М. 1966.

²⁸ И. Ю. Писарев. Вопросы статистики труда в работах В. И. Ленина. М. 1964.

²⁹ Т. В. Рябушкин. Методы анализа статистических данных в работах В. И. Ленина. М. 1964; В. Е. Овсиенко, Е. Г. Виталина. Вопросы статистической науки в трудах В. И. Ленина. М. 1967.

³⁰ И. П. Суслов. Политическая статистика в работах В. И. Ленина. М. 1968; его же. Статистика промышленности в работах В. И. Ленина. М. 1965; его же. Методология экономического анализа в трудах В. И. Ленина. Л. 1962.

³¹ «Развитие статистической науки в трудах В. И. Ленина». М. 1969.

³² В. К. Яцунский. Приемы научного исследования в работах В. И. Ленина по социально-экономической истории. «История СССР», 1960, № 2.

³³ В. И. Буганов. Методы работы В. И. Ленина над статистическими источниками. ВИ, 1960, № 7; его же. Земская статистика крестьянского хозяйства в работе В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». «Проблемы источниковедения». 1962. Вып. X, стр. 19—49; его же. О некоторых приемах научного исследования статистических источников о мелкой промышленности в работах В. И. Ленина 1890-х годов. «Археографический ежегодник (далее—АЕ) за 1960 г.». М. 1962, стр. 112—128; его же. Про деякі методи роботи В. І. Леніна над джерелами в праці «Імперіалізм, як пайвища стадія капіталізму». «Український історичний журнал», 1964, № 4; его же. Приемы работы В. И. Ленина над материалами бюджетных обследований крестьянских и кустарных хозяйств России и Германии. АЕ за 1967 г. М. 1969, стр. 193—206.

Из работ об отдельных ленинских произведениях отметим интересные статьи Б. Н. Казанцева, А. И. Володина и С. В. Тютюкина³⁴. В них имеются замечания об источниках, над которыми В. И. Ленин работал (например, фабричное законодательство, произведения идейных противников марксизма, газетные и журнальные статьи, партийные документы и т. д.).

В. И. Стрельский в книгах по теоретическому и конкретному источниковедению показывает новаторский подход В. И. Ленина в работе с источниками, огромное значение его трудов в становлении и развитии отечественного источниковедения; приводит примеры обработки им данных из различных источников³⁵. На источниковедческих приемах В. И. Ленина кратко останавливается М. Е. Раковский³⁶.

Е. Н. Городецким обстоятельно изучены методы исследования В. И. Лениным истории советского общества. Он анализирует такие приемы В. И. Ленина, как изучение совокупности фактов, выделение «основного звена», методы исследования статистических материалов, а также новых источников, появившихся в годы Советской власти (отчеты центральных и местных советских учреждений, атласы и др.), отмечает приемы систематизации изучаемого материала³⁷.

Л. В. Черепнин осветил методы исследования В. И. Лениным источников на примере его трудов дооктябрьского периода, отметив общие принципы теоретического источниковедения (проблемы источниковедения в связи с материалистической теорией познания, исторического факта и его достоверности и др.) и приемы практической работы В. И. Ленина с источниками (например, статистический метод изучения совокупности, взаимосвязи и взаимозависимости фактов)³⁸.

Путем тщательного исследования партийных документов, печати историки КПСС показали вклад В. И. Ленина в изучение истории партии³⁹. Ряд наблюдений о методике работы В. И. Ленина над источниками сделал М. А. Варшавчик⁴⁰. Он поставил, в частности, интересный вопрос о методике работы В. И. Ленина с массовыми источниками. Некоторые исследователи, приводя известное высказывание В. И. Ленина о необходимости при изучении общественных явлений изучать не отдельные факты, а «всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения»⁴¹, считают, что В. И. Ленин тем самым выступал за изучение всех абсолютно источников по любой теме исследования. М. А. Варшавчик показывает, что дело обстоит гораздо сложнее. По его мнению, В. И. Ленин, отвергая и критикуя иллюстративный метод использования данных из источников, в то же время наряду с изучением

³⁴ Б. Н. Казанцев. Об источниках брошюры В. И. Ленина «Новый фабричный закон» и ленинских приемах научного анализа. ВИ, 1963, № 4; А. И. Володин. Юбилей Герцена и статья В. И. Ленина «Памяти Герцена». «Исторические записки». 1960, Т. 67; С. В. Тютюкин. Ленинские рефераты о войне (осень 1914 г.) «История СССР», 1967, № 2.

³⁵ В. И. Стрельский. Источниковедение истории СССР. Период империализма. Конец XIX в.—1917 г. М. 1962; его же. Основные принципы научной критики источников по истории СССР. Киев. 1961; его же. Теория и методика источниковедения истории СССР. Киев. 1968.

³⁶ М. Ю. Раковский. Про ленинський етап в джерелознавстві. Одеса. 1961, стр. 7—23.

³⁷ Е. Н. Городецкий. Ленинская лаборатория исследования истории советского общества. ВИ, 1970, № 1; его же. Ленин — основоположник советской исторической науки. История советского общества в трудах В. И. Ленина. М. 1970, стр. 462—495.

³⁸ Л. В. Черепнин. Некоторые проблемы исторического источниковедения в трудах В. И. Ленина. «Исторические записки». 1969. Т. 84, стр. 94—120.

³⁹ В. Т. Логинов. В. И. Ленин и «Правда» 1912—1914 гг. М. 1962; Н. Г. Зорина. В. И. Ленин — первый историк «Правды» (см. «Советская печать в наши дни». Л. 1963); Н. Н. Маслов. Ленин как историк партии. Изд. 2-е. Л. 1969; З. В. Ждановская. Большевицкая периодическая печать как источник при изучении истории КПСС (1900—1917). М. 1965.

⁴⁰ М. А. Варшавчик. О некоторых вопросах источниковедения истории КПСС. ВИ КПСС, 1962, № 4; его же. К вопросу об отборе историко-партийных источников. ВИ КПСС, 1966, № 3; его же. Предмет и задачи источниковедения истории КПСС (Введение в историко-партийное источниковедение). М. 1967; его же. Об использовании трудов В. И. Ленина в исторических исследованиях (см. «В. И. Ленин и историческая наука». М. 1969, стр. 81—91).

⁴¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 350—351.

всех источников по какой-либо теме не только не отвергал, но, наоборот, использовал метод их выборочного исследования, конечно, правильно, по-научному организованного (например, для суждения о деятельности американской, французской партий он просил подобрать ему не все, а только важнейшие документы). Выбор методов исследования источников, которые у В. И. Ленина были различными, зависел от характера темы, условий, в которых создавался тот или иной труд, обстановки и т. д. (например, в 1921 г. из-за недостатка средств он дал ЦСУ указание провести не сплошное, а выборочное исследование небольшого числа типичных фабрик, совхозов, учреждений). Думается, что автор прав, призывая изучать всю совокупность высказываний В. И. Ленина по этому вопросу и все приемы изучения источников, которые он применял в своих работах.

Такая постановка вопроса встретила возражения Б. Г. Литвака⁴². В одной из своих статей автор, рассматривая в основном работы В. И. Ленина послеоктябрьского периода, отмечает тесную связь его методологии и методики работы над источниками, рассматривает его оценки различных источников (статистических, законодательных, эпистолярных, отчетов и протоколов, печати, воспоминаний и др.). Он выступает сторонником предпочтительности фронтального, а не выборочного изучения источников, исходя из приведенного выше высказывания В. И. Ленина. Нам кажется, что такой подход абсолютизирует, упрощает мысль В. И. Ленина. Ведь известно, что в чрезвычайно богатом творческом арсенале В. И. Ленина мы находим самые разнообразные приемы обработки источников. Так, например, в труде «Развитие капитализма в России» и других работах, основанных на массовых источниках, он использовал их не всегда одинаково: в одних случаях более или менее полно (например, земско-статистические сборники, издания правительственной статистики и др.), в других лишь некоторые из них (например, данные воронежских крестьянских бюджетов он приводил в ряде работ для доказательства своей мысли о разложении русского крестьянства и т. д.). Главное в ленинском методе заключается в том, чтобы эти источники (будь они массовыми или выборочными) отражали существо классовых отношений, связей и противоречий. Изучение всех источников при исследовании проблем истории СССР периодов капитализма и социализма, к чему призывает Б. Г. Литвак, само по себе желательно, но практический опыт развития исторической науки доказывает, что это не всегда возможно и даже не всегда необходимо (например, в случае с однотипными массовыми источниками). Новейшие математические машины могут, конечно, оказать и уже оказывают большую помощь в работе с массовыми источниками, но они только начинают применяться. Между тем имеется немало исследований, основанных на выборочном изучении массовых источников или на различных сочетаниях выборочного и фронтального методов. В другой работе Б. Г. Литвак, на наш взгляд, более правильно подходит к решению вопроса, признавая целесообразность использования различных методов при изучении массовых источников, в том числе и выборочного, который, по его выражению, «нельзя абсолютизировать»⁴³. С этим нельзя не согласиться.

Таким образом, изучение творческой лаборатории В. И. Ленина началось уже при его жизни, в 1920-е годы. Правда, количество работ, посвященных этой теме, было невелико, в них встречались чаще всего лишь отдельные замечания о методике ленинской работы с источниками. Немалую роль сыграли работы ближайших соратников и сотрудников В. И. Ленина, в первую очередь Н. К. Крупской, в ознакомлении широкого читателя с методами работы великого вождя над книгой, источниками. В 1930-е годы наблюдается оживление в изучении этой темы, но оно идет прежде всего по пути накопления материала (издание «Ленинских сборников» и др.). В следующем десятилетии начинается научная разработка ленинской методики работы с источника-

⁴² Б. Г. Литвак. О некоторых приемах анализа и характеристики источников в трудах В. И. Ленина (см. «Источниковедение истории советского общества». М. 1964, стр. 7—35); М. П. Губенко, Б. Г. Литвак. Конкретное источниковедение истории советского общества. ВИ, 1965, № 1; его же. О путях развития источниковедения массовых источников. «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы». М. 1969, стр. 102—114.

⁴³ Б. Г. Литвак. О путях развития источниковедения массовых источников, стр. 102 и сл.

ми (например, работы Б. М. Волина, И. А. Гладкова, Е. Н. Городецкого об отдельных произведениях В. И. Ленина). Основное внимание уделялось работе В. И. Ленина со статистическими источниками. Нужно сказать, что разработка указанной проблемы в силу ряда причин шла явно недостаточными темпами.

В 50-е и особенно 60-е годы количество работ, посвященных ленинским методам источниковедческого исследования, резко возрастает. Кроме того, можно отметить другое важное явление — переход от общих характеристик ленинских приемов, от иллюстративности к более детальному исследованию. Ведущее место в историографии вопроса занимают до сих пор статистики, экономисты. Именно им принадлежат не только статьи о работе В. И. Ленина над статистическими материалами, но и ряд монографий, обобщающих трудов. Вклад историков по данной проблеме значительно меньше. Можно назвать лишь статьи В. К. Яцунского, Е. Н. Городецкого, Л. В. Черепнина и некоторых других исследователей. Главное внимание до сих пор уделяется работе В. И. Ленина над статистикой, общим характеристикам ленинских методов работы над источниками. Применительно к советскому периоду эта тема только начинает привлекать внимание исследователей. Прежде чем приступать к созданию монографий, обобщающих трудов, необходимо изучить ленинские методы работы с различными источниками, отразившимися в отдельных его трудах или циклах трудов (например, аграрный цикл, историко-партийный и др.). При этом, на наш взгляд, необходимо углублять разработку ленинского источниковедческого наследия — переходить от общих характеристик к детальному источниковедческому исследованию ленинских трудов и тех источников, которые он использовал. Только такой метод даст возможность в полной мере изучить ленинскую лабораторию научного творчества.

В. И. Буганов

Рецензии

М. Р. КРУГЛЯНСКИЙ. *Высшая школа СССР в годы Великой Отечественной войны*. М. Изд-во «Высшая школа». 1970. 315 стр. Тираж 3 500. Цена 92 коп.

Тема, выбранная автором книги, чрезвычайно актуальна. До сих пор у нас мало исследований, связанных с освещением деятельности высшей школы в суровые годы испытаний Великой Отечественной войны. Автор проделал большую и кропотливую работу. Он привлек много обобщающих цифр и ярких фактов из вышедших после войны статистических сборников и справочников, а также публикаций военных лет. Важные сведения почерпнуты им из фондов ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ЦГАОР СССР, Центрального архива ВЛКСМ. На основе богатого фактического материала создано солидное исследование широкого исторического плана.

В начале книги кратко прослеживается героический путь формирования социалистической интеллигенции — от первых декретов Советской власти до построения социализма в СССР. У истоков духовного

возрождения народа стоял великий Ленин. Его план строительства социализма включал как важнейшую составную часть проведение культурной революции. С именем Ленина связано преобразование высшей школы на принципиально новых началах. Продолжая и развивая ленинские традиции, Коммунистическая партия в исторически короткий срок добилась грандиозного прогресса в подготовке специалистов высшей квалификации. От темноты, невежества и отсталости наша страна совершила гигантский скачок к вершинам мировой науки и образования. На страницах книги читатель знакомится с интересными цифрами о развитии сети высших учебных заведений, количестве обучавшихся в разные годы в высшей школе студентов, выпуске специалистов и т. п. Итоги развития высшей школы почти за 25 лет, которые подводятся в книге, и выводы автора о спе-

циальной и политической подготовке советской интеллигенции дают читателю возможность судить об интеллектуальном потенциале Советского Союза в канун Великой Отечественной войны.

Центральное место в монографии отведено проблеме подготовки специалистов высшей квалификации в годы войны. В поле зрения автора находятся вопросы организации учебного процесса, состава профессорско-преподавательских кадров, приема и выпуска студентов, освещаются вопросы, связанные с эвакуацией вузов из прифронтовых и угрожаемых районов, с потерями высшей школы в результате немецко-фашистской оккупации, с восстановлением высшего образования на освобожденной от врага территории. В книге показано, что деятельность высшей школы, как и всех других учреждений страны, была перестроена и максимально приближена к нуждам войны. Учебный процесс тесно увязывался с запросами фронта и тыла. В учебные программы институтов физико-математического профиля было введено преподавание теории стрельбы, аэродинамики, авиационных приборов; студенты-химики широко знакомились со службой противовоздушной и противохимической обороны; на географических факультетах изучалась военная топография, аэрофотосъемка; в ряде технических вузов началась подготовка специалистов по скоростной авиации, радиолокации, боевой технике. Большое внимание в программах вузов уделялось военным занятиям со студенчеством.

Автор говорит о трудностях, которые возникли в деятельности высшей школы с первых дней войны. Сокращение профессорско-преподавательского состава, ухудшение материально-технического снабжения, введение двух-трехсменных занятий на факультетах, нехватка учебников — все это усложняло учебный процесс. 147 вузов пришлось эвакуировать из прифронтовых областей. К весне 1942 г. ввиду сложности военной обстановки временно было закрыто 196 вузов (стр. 80). Тяжелый урон понесла высшая школа вследствие фашистского нашествия. Оккупанты разрушили и разграбили полностью или частично 334 высших учебных заведения, где в канун войны обучалось 233 тыс. студентов (стр. 95). К осени 1942 г. число высших учебных заведений страны сократилось с 817 до 460, а количество обучающихся в них уменьшилось более чем втрое (стр. 129). В этих сложных условиях Ком-

мунистическая партия и Советское правительство приняли ряд действенных мер по оказанию помощи высшей школе. В книге собраны важные цифры и факты, показывающие заботу Советского государства о нуждах университетов и других вузов страны. Благодаря такому вниманию высшая школа с 1943 г. стала набирать силы. Успешно восстанавливались учебные заведения на территории, освобожденной от врага. В 1945 г. на Украине было восстановлено 154 учебных заведения из 173, в Белоруссии в строй действующих вступили 24 из 25 вузов. В прибалтийских же республиках была даже превзойдена их численность (стр. 139). Преимущества социалистической системы сказывались и в том, что в это трудное время страна не только восстанавливала, но и строила новые учреждения науки и культуры. В общей сложности за годы войны было организовано 60 новых вузов (стр. 130). Таким образом, высшая школа успешно выдержала испытания тяжелых военных лет. Несмотря на огромные сложности и невзгоды, она не прекращала своей плодотворной деятельности. За 1941—1945 гг. было подготовлено 302 тыс. специалистов (стр. 146), в которых так остро нуждалась страна. Это был большой вклад в дело достижения победы над фашистской Германией.

Перестройка высшей школы коснулась не только педагогической, но и научной деятельности. Творческие силы коллективов были мобилизованы на решение сложных задач, поставленных войной. Связь институтов с производством стала еще более тесной, поисковые работы расширились в необычайной степени. «Научно-исследовательская деятельность профессорско-преподавательских кадров вузов, — справедливо пишет М. Р. Круглянский, — никогда не получала такого широкого размаха как в период войны» (стр. 154—155). Автор характеризует основные направления научных исследований в высшей школе. Центральной в планах исследовательских поисков стала оборонная тематика и разработка неотложных проблем по организации военного хозяйства. Ученые высшей школы решали крупные вопросы теоретического и прикладного значения, трудились над созданием новых видов вооружения и боеприпасов, совершенствованием технологии производства, открывали новые запасы полезных ископаемых, создавали заменители дефицитных материалов.

Многочисленные факты, приведенные в книге, знакомят с самоотверженной научной деятельностью отдельных ученых и целых коллективов. В Московском университете, например, за годы войны было разрешено свыше 500 проблем непосредственно оборонного и большого народнохозяйственного значения, а всего выполнено 1 600 научных исследований (стр. 155). Сотрудники Уральского индустриального института провели около 700 исследований (стр. 179). В машиностроительных и металлургических вузах было выполнено более 2 500 научных работ (стр. 198). Многие из них с успехом были применены в народном хозяйстве. В промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, на транспорте и в области культуры — везде находил применение умственный труд работников высшей школы. Научная мысль помогала неустанно совершенствовать технический прогресс. Можно с полным основанием утверждать, что в достижении количественного и качественного превосходства советского оружия над немецко-фашистским большая заслуга принадлежит ученым высшей школы. Родина высоко оценила их труд. 315 работников вузов были удостоены звания лауреата Государственной премии (стр. 155), десятки тысяч награждены орденами и медалями СССР. Внимание автора привлекает и участие работников высшей школы и студентов в вооруженной защите Отечества: пополнении рядов Красной Армии, формировании отрядов народного ополчения, создании истребительных батальонов и партизанских отрядов.

В книге (и это ее большое достоинство) много имен. На ее страницах рассказывается о трудовых и ратных подвигах видных ученых, общественных и государственных деятелей, работников культуры.

Работа не лишена, однако, отдельных недостатков. Один из них состоит в описательном подходе к раскрытию темы. Нельзя сказать, что в книге отсутствуют обобщения. Но их, на наш взгляд, недостаточно. Однотипный фактический материал подчас заслоняет специфику и главные процессы, которые происходили в развитии высшей школы в военное время. Автор рассматривает деятельность высшей школы в историческом аспекте не в целом, а по отдельным проблемам. При такой структуре неизбежны повторения, чем книга местами и грешит.

В книге встречаются некоторые фактические неточности и противоречия. Автор пишет, например, что в декабре 1941 г. в связи с изменением обстановки на фронте эвакуация высших учебных заведений из Москвы была прекращена (стр. 88), и в то же время сообщает: «В июне 1942 г. Советское правительство приняло решение о переводе МГУ в Свердловск» (стр. 86). Сведения об эвакуации 38 вузов из Ленинграда (стр. 77) попали в раздел «Перестройка учебного процесса» вместо раздела «Эвакуация вузов в восточные районы», где по логике вещей им полагается быть. Пользоваться книгой было бы легче, если бы ее снабдили указателями.

Г. Д. Комков

СЕРЬЕЗНЫЙ ТРУД ПО ИСТОРИИ ФАБРИКИ «СКОРОХОД»

В 1967 г. в журнале «Вопросы истории» были подведены некоторые итоги в создании трудов по истории фабрик и заводов нашей страны¹. За последние годы работа над книгами по истории промышленных предприятий еще заметнее активизировалась. Только московские и ленинградские издательства выпустили в 1967—1968 гг.

около десяти монографий на эту тему². Рецензируемая книга по истории крупнейшей в нашей стране обувной фабрики «Ско-

¹ Л. С. Рогачевская. История фабрик и заводов. Итоги и проблемы исследования. «Вопросы истории», 1967, № 8.

² Л. С. Ганичев. На Алтекарском острове. Л. 1967; «Ленинградский металлургический завод им. XXII съезда КПСС». Т. 1. Л. 1967; «Металлургия с Матисова острова». Л. 1967; «Радуга трех гор». М. 1967; А. Я. Сукновалов. «Завод «Электрик». Л. 1967; Р. М. Тайц, Т. А. Ермолаев, В. А. Горюнов. Корабельщики Нарвской заставы. Л. 1967; А. Я. Сукновалов,

роход»³ собрала значительную часть того хорошего опыта, который сложился в результате работы по истории заводов и фабрик. Многолетний труд большого коллектива авторов, в том числе десятков рабочих и служащих фабрики, в содружестве с ленинградскими историками увенчался выходом книги, которая, на наш взгляд, является одной из лучших среди исследований подобного рода.

Авторы привлекли большое количество новых документов, хранящихся в Ленинградском партийном, центральных и областном архивах, использовали многочисленную прессу, записали более 150 воспоминаний рабочих и служащих фабрики, собрали около трех тысяч фотодокументов. Все это позволило детально рассмотреть значительное количество вопросов, связанных с историей фабрики. Книга охватывает период от зарождения небольшого предприятия резиновых изделий в 1832 г. до 1965 года. Однако основное изложение авторы начинают с возникновения «Товарищества С.-Петербургского механического производства обуви», в дальнейшем получившего наименование «Скороход».

Около трети монографии занимает история фабрики в дореволюционный период. Используя широкую документальную базу, авторы подробно характеризуют уровень производства на ранних этапах, его механизацию, постановку сбыта, положение рабочих, постепенное усиление эксплуатации. В книге анализируются специфические условия, создававшиеся на фабрике политикой владельцев-иностранцев, применявших принцип «кнута и пряника». На конкретных и в то же время хорошо отобранных фактах авторы показывают возмущение рабочих ростом эксплуатации, штрафами, принятыми на фабрике вопиющие

масштабы; подробно анализируют первые «искры протеста», которые рассматриваются в тесной связи с состоянием рабочего революционного движения в Петербурге, агитацией передовых рабочих, пребыванием В. И. Ленина в столице, деятельностью «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», показывая, как рабочие фабрики «Скороход» пришли к первой организованной стачке 1903 г., к появлению первой большевистской организации на фабрике.

В книге прослеживается месяц за месяцем в течение всего 1905 г. рост сознательности рабочих фабрики, кропотливая работа большевиков и их борьба с гапоновщиной, укрепление профсоюзной организации, рассказывается о новых методах борьбы, которые менялись в зависимости от общей политической обстановки, о сочетании легальных и нелегальных форм борьбы пролетариата в период реакции.

Подробно описываются в книге события на фабрике в период между Февралем и Октябрем 1917 г., причем они освещаются в тесной связи с разворачиванием революции в Петрограде. Авторы показывают заслуги рабочих фабрики в завоевании своих насущных прав — повышении зарплаты, введении 8-часового рабочего дня и др. Особую роль в этом плане сыграла стачка скороходовцев 20 марта 1917 года (стр. 138). Интересные документы позволили авторам детально показать рост влияния большевиков на фабрике благодаря их правильной позиции по наиболее острым вопросам и большой работе среди отдельных групп рабочих, женщин, молодежи. В результате большевики одержали убедительную победу на перевыборах депутатов в Московский районный Совет в мае 1917 года. В ходе политической борьбы рабочим фабрики во главе с большевиками удалось добиться проведения ряда мероприятий по улучшению труда и быта.

Около половины монографии занимают главы, посвященные истории фабрики в советский период. Среди них наиболее удачны те разделы, в которых рассказывается о деятельности рабочих и инженерно-технических работников «Скорохода» в годы первых пятилеток. В главе о восстановительном периоде трудно проследить, как осуществлялась экономическая перестройка фабрики, выяснить, какими путями шел коллектив «Скорохода» к позициям, на которых он оказался накануне пятилеток. Задания первой пятилетки были для фабрики очень сложными: выпуск продукции должен был

И. Н. Фоменков. Фабрика «Красное Знамя». Л. 1968; «Ленинский заказ». М. 1969.

³ История Ленинградской государственной ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени обувной фабрики «Скороход» имени Я. Калинина. Л. Лениздат. 1969. 574 стр. Тираж 11 000. Цена 1 руб. 24 коп. Авторы: Э. А. Корольчук, В. Р. Лейкина-Свирская, Ю. Д. Марголис, Г. Г. Прошин, А. В. Плешакова, Г. В. Дерягина, К. Г. Шариков, А. С. Пухов, Н. В. Афанасьев, Б. Н. Камешков, Е. А. Ершова, А. И. Спивак, Б. А. Фролов, Ф. И. Сирота, В. А. Ежов, А. С. Дубин, К. В. Григорьева. Редколлегия: Е. А. Ершова, С. Н. Семанов, К. Г. Шариков.

увеличиться вдвое, а производительность труда — в полтора раза. В книге рассказывается о трудностях, которые испытывала фабрика, о существенных недостатках в самом процессе производства, часто очень серьезных, приводивших к срыву выполнения программы, об изношенности оборудования, о проблеме подготовки квалифицированных кадров и о путях преодоления этих трудностей, о развертывании движения ударных бригад, расширении социалистического соревнования, изменении его форм. Интересные сведения приводят авторы о производственных коммунах, возникших на фабрике в 1929 г., вскрывая положительные и отрицательные стороны этой формы соревнования. Такой подход, когда исследуются не только успехи коллектива фабрики, но и анализируются и встречавшиеся недостатки, дал возможность раскрыть реальную картину жизни и деятельности коллектива с его радостями и успехами, с его ошибками и трудностями.

В единстве с общегосударственными задачами, определенными решениями партийных съездов и конференций, авторы показывают деятельность фабрики в годы второй и третьей пятилеток. Повествуя о работе фабрики год за годом, квартал за кварталом, они выделяют в каждом периоде самое главное, показывают, за что в каждом случае боролся коллектив скороходовцев и какими методами достигалось выполнение тех или иных задач. Например, в период, когда квалифицированных рабочих было недостаточно, выдвигалась задача — овладеть техническими знаниями, что должно было способствовать росту производительности труда. Читатель имеет возможность проследить роль партийной и комсомольской организаций в походе за техническими знаниями, познакомиться с наиболее активными «техпропами», организацией системы технического минимума (стр. 345—348). Привлекает внимание материал, посвященный бригаде новатора П. С. Дзвеньковского, усилиям молодых передовиков в уплотнении рабочего дня, освоении машин и технологического процесса, взаимной помощи и контроле и, наконец, борьбе за распространение передовых методов работы на всей фабрике (стр. 351—352). Значительным новшеством в годы первой пятилетки становится опыт производства обуви методом горячей вулканизации на фабрике «Скороход», который имел общегосударственное значение.

Книги об истории Ленинграда в годы Великой Отечественной войны в большинстве

глубоко эмоциональны. Глава об этом периоде в жизни фабрики «Скороход» также читается с глубоким волнением. Неимоверные трудности, в которых оказался Ленинград в условиях блокады, героические усилия коллектива фабрики, стремившегося наладить производство в помощь фронту, вызывают восхищение. Более 40 рабочих и инженерно-технических работников фабрики ушли в народное ополчение; рабочие участвовали в строительстве оборонительных сооружений под Ленинградом. Яркие страницы книги о трудовом героизме женщин, заменивших мужчин на самых трудных участках, на производстве продукции ручным способом, так как не работали многие электроверстаки. Восстановление фабрики началось еще в 1943 г., что также получило освещение в книге.

Разумеется, наибольшим количеством материалов авторы располагали по послевоенному периоду. Умело выделяя главные задачи для каждого этапа, авторы показали возрождение фабрики, борьбу за выполнение и перевыполнение экономических показателей, рост производительности труда. В книге анализируются новые передовые методы на различных участках, связи с другими предприятиями и взаимный обмен опытом. Авторы с достаточной убедительностью показывают экономический смысл отдельных начинаний рабочих и инженеров фабрики, приобретавших общегосударственное значение (например, О. Я. Муштуковой — за экономию материалов и др.). Вместе с тем авторы не проходят и мимо крупных упущений в работе предприятия, которые имели место в 1951—1953 и 1960 гг.

Книга имеет и ряд недостатков. В ней приведено множество имен передовых рабочих, фабричных большевиков, профсоюзных деятелей. Вместе с тем живых и ярких портретов явно недостаточно. Часто читатель ничего не узнает о человеке, кроме его имени и факта, с которым это имя связано. Содержательные рассказы о людях фабрики, яркие биографии и очерки значительно оживили бы изложение. В отдельных местах авторы рассказывают о специфических особенностях производства и планирования, забывая о необходимости объяснить каждую из них. Некоторые страницы изобилуют цифровым материалом, значительную часть которого можно было бы обобщить, дать итоговые показатели и избежать таким образом определенной сухости изложения. И, наконец, почти общая беда многих монографий по истории фабрик

и заводов — схематичность и сжатость материала (подкрепляемые лишь отдельными иллюстрациями) о культурном росте рабочих и ИТР фабрики и улучшении их бытовых условий. Несовершенна и структура монографии. Так, вряд ли оправдано выделение небольшой главы «В борьбе за упрочение Советской власти». Ограниченный материал об этом, которым, видимо, располагали авторы, было бы целесообразно привести в главе, посвященной истории фабрики в период гражданской войны.

В связи с возросшим количеством монографий по истории промышленных предприятий следует сказать, что история фабрики «Скороход» представляется наиболее отвечающей задачам подобных изданий. Хронологический принцип изложения позволяет представить полную и глубокую картину жизни фабрики на различных этапах, выделить в каждом из них главные проблемы, делает книгу целенаправленной и политически заостренной.

М. М. Шегал

Ю. А. ПИСАРЕВ. *Сербия и Черногория в первой мировой войне*. Изд-во «Наука». М. 1968. 375 стр. Тираж 1 600. Цена 1 руб. 83 коп.

Монография старшего научного сотрудника Института славяноведения и балканистики АН СССР, доктора исторических наук Ю. А. Писарева посвящена одному из узловых вопросов борьбы югославянских народов — сербов, черногорцев, македонцев, босняков, герцеговинцев, хорватов и словенцев — за свое национальное освобождение и объединение. Она является логическим продолжением его предшествующей работы — «Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии в 1905—1914 гг.» (М. 1962). Изучение освободительной борьбы югославянских народов в 1914—1918 гг., приведшей к образованию объединенного государства, важно для понимания сложных перипетий истории буржуазно-помещичьей Югославии в межвоенный период, победы народной революции и создания Социалистической Федеративной Республики Югославии.

По истории войны Сербии и Черногории с государствами Четверного союза в 1914—1918 гг. существует огромная литература¹. Вместе с тем в нашей отечественной историографии, если не считать «Истории южных и западных славян» и двухтомника «История Югославии»², до сих пор отсутствовали обобщающие исследования по этой

важной теме. Работа Ю. А. Писарева восполняет этот пробел.

Автор монографии изучил обширную литературу по теме исследования, использовал много новых архивных материалов, извлеченных из 25 архивов как отечественных, так и зарубежных (югославских, венгерских и австрийских). Это позволило ему более глубоко осветить роль России и разностороннюю помощь русского народа оказавшимся в беде сербам и черногорцам, разоблачить двуличную политику западных держав, равно как и многочисленные измышления и фальсификации представителей буржуазной историографии, всесторонне изучить такую кардинальную проблему, как влияние революционной борьбы трудящихся масс России на югославянское освободительное движение. Наиболее удачны в работе главы 10-я, 11-я и особенно 12-я — «Великая Октябрьская социалистическая революция и югославянские народы».

Автор использует в монографии богатейшее ленинское наследие. В многочисленных статьях В. И. Ленина, относящихся к периоду первой мировой войны, содержатся глубочайший анализ и классовая оценка явлений и событий этой переломной эпохи, в том числе оценка национальной революции южного славянства³. «На деле, — писал В. И. Ленин, — немецкая буржуазия предприняла грабительский поход против

¹ По подсчетам Н. Тршича, только о сараевском убийстве на 1964 г. насчитывалось 1 644 работы. См. N. Trsić. *Sarajevski atentat u svjetlu bibliografskih podataka*. Sarajevo. 1964, str. 498.

² «История южных и западных славян». М. 1957; «История Югославии». Тт. I—II. М. 1963.

³ Об этом см. специальную статью В. В. Зеленина «В. И. Ленин о национальной революции южного славянства». («Советское славяноведение», 1969, № 2, стр. 3—9).

Сербии, желая покорить ее и задушить национальную революцию южного славянства...»⁴. Это важное ленинское указание раскрывает характер борьбы сербов и черногорцев, подвергшихся неспровоцированной агрессии со стороны Австро-Венгрии, их стойкость и героизм в войне. Одновременно В. И. Ленин отмечал, что «национальный момент сербско-австрийской войны *никакого* серьезного значения в общеевропейской войне не имеет и не может иметь»⁵, подчеркивая захватнический, империалистический характер первой мировой войны в целом.

Ю. А. Писарев показывает сложный, противоречивый характер войны Сербии и Черногории против Австро-Венгрии. «Война для Сербии,— пишет он,— ...имела двойственный характер. С одной стороны, Сербия защищала свою независимость и вела справедливую борьбу за освобождение своих братьев и воссоздание югославского национального государства; с другой стороны, она была объектом империалистической политики Антанты, играя подчиненную роль в союзе держав Тройственного соглашения» (стр. 6)⁶.

В книге обстоятельно исследуются военная и дипломатическая история Сербии и Черногории, социально-экономические отношения в этих странах, национально-освободительное движение, развитие общественной мысли, внутривнутриполитическая борьба партий и групп и классовая борьба трудящихся масс в 1914—1918 годах.

Широкое освещение проблемы в тесной взаимосвязи с тогдашней международной обстановкой является важной положительной чертой рецензируемой монографии. На огромном фактическом материале автор показывает борьбу югославянских народов за свое освобождение и объединение, начиная с Нишской декларации сербского правительства от 7 декабря 1914 г. и кончая образованием 1 декабря 1918 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев. Читатель найдет в книге много новых фактов, впервые вводимых в научный оборот, их освещение и интерпретацию с позиций марксистской исторической науки, интересные вы-

воды и обобщения. Все это, вместе взятое, позволяет глубже понять, как во время первой мировой войны решалась главная историческая задача югославянских народов — создание независимого государства, в силу каких объективных причин возникла Югославия и какой характер имело это объединенное государство.

Обобщающая работа Ю. А. Писарева намечает новые направления для дальнейших, более детальных исследований по отдельным вопросам⁷. Представляется, например, важным проследить, как освещала русская периодическая печать разных направлений балканские события в период войны, показать деятельность различных кругов югославянской общественности в России. Изучение подобных проблем еще больше обогатит наши представления о традиционных русско-югославянских связях. В этот период закладываются основы дружбы между югославскими и советскими народами на принципах пролетарского интернационализма. В рассматриваемой работе эти вопросы только поставлены и освещены в самой общей форме.

Содержательная монография Ю. А. Писарева не лишена некоторых недостатков. По нашему мнению, она проигрывает оттого, что важная во всех отношениях глава, посвященная обзору литературы и источников, помещена в конце монографии. Ведь задача такой главы — ввести читателя в существо изучаемой проблемы, помочь ему ориентироваться в материале, лучше понять концепцию автора и то новое, что вносит его исследование по сравнению с предшествующей литературой. Кстати, вряд ли целесообразно начинать эту главу с обзора источников, как делает автор. Логичнее, на наш взгляд, было бы сначала осветить историографию вопроса. Отсутствие обстоятельного заключения в рецензируемой монографии (имеющееся небольшое заключение на двух страницах скорее является послесловием), на наш взгляд, тоже является недостатком. Хотя в тексте каждой из глав автор дает оценку описываемым событиям, явлениям и фактам, излагает свои взгляды, но от суммирования всего этого в заключении работа бы только выиграла.

В работе встречаются фактические неточности, из которых отметим не совсем пра-

⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 16.

⁵ Там же, стр. 241.

⁶ Эта верная в целом формулировка нуждается в уточнении, поскольку речь шла не о «воссоздании югославского национального государства», которого на деле никогда не существовало, а об освобождении и объединении югославянских народов в один государственный организм.

⁷ В этой связи необходимо отметить интересную работу черногорского историка доктора Новицы Ракочевича «Црна Гора у првом светском рату 1914—1918» (Цетинье. 1969), заслуживающую специального рассмотрения.

вильное утверждение автора, что в 1389 г. Сербия утратила свою независимость (стр. 10) (несмотря на трагические последствия Косовской битвы, Сербия окончательно была завоевана Турцией только в 1459 г.); спорную транскрипцию некоторых географических названий («Меджимурье», стр. 327), личных имен и т. д. Вряд ли правильно П. А. Ровинского называть «русским и черногорским (?) ученым» (стр. 126); хотя он долго жил в Черногории, но оставался русским ученым.

В заключение необходимо остановиться на одном нововведении автора. Речь идет о термине «югославыне» (в сербском варианте сербскохорватского языка — «Југословени», хорватском — «Југославени») и производных от него. До сих пор югославистами — историками и филологами — слово «Југословени» транскрибировалось на русский язык как «югославыне». До последне-

го времени этого неписаного правила придерживался и Ю. А. Писарев. Однако в монографии он отступил от него и без всякой оговорки стал писать: «Югословенский комитет» вместо общепринятого «Югославянский», «югословенское движение» вместо «югославянское» и т. д. (см. стр. 235, 277, 346 и др.) и вместе с тем — «югославянские земли» (?). Дело не только в непоследовательности автора (см., например, названия параграфов главы 3-й), важнее то, что это вносит неоправданную путаницу. Название «Югословенский комитет» может быть понято как организация, в которую входили одни словенцы, что не соответствовало действительности, или как новая организация, отличная от Лондонского югославянского комитета, хорошо известного по литературе. Думается, что такое нововведение ничем не оправдано.

В. Г. Карасев

«Ленинизм и мировое революционное рабочее движение. (Проблемы борьбы за единство пролетариата, всех антиимпериалистических сил)». Под общей редакцией Е. И. Кускова, А. М. Румянцева, Т. Т. Тимофеева. Политиздат. М. 1969. 541 стр. Тираж 80 000. Цена 1 руб. 12 коп.

В неисчерпаемом богатстве идейно-теоретического наследия В. И. Ленина, в его титанической практической деятельности важнейшее место занимают проблемы развития мирового революционного процесса, социалистической революции, исторической миссии международного рабочего движения, укрепления его единства, сплочения под руководством рабочего класса всех антиимпериалистических сил. За последнее время советскими учеными опубликован целый ряд научных исследований, посвященных ленинскому революционному учению, его творческому применению в современных условиях¹. Особое место среди этих исследований занимает монография «Ленинизм и мировое революционное рабочее движение», подготовленная Институтом международного рабочего движения АН

СССР. Среди авторов монографии — ряд видных деятелей международного коммунистического и рабочего движения: М. А. Суслов, В. Роше, В. Ульбрихт, Г. Холл. В их статьях, помещенных в первом разделе книги, озаглавленном «Ленинизм — знамя нашей эпохи», в обобщенном виде изложены оценки и выводы братских коммунистических партий, основанные на глубоком, творческом анализе исторического опыта ленинизма, борьбы рабочего класса, развития мирового освободительного процесса, актуальных проблем нынешнего этапа антиимпериалистической борьбы.

Книга открывается статьей члена Политбюро ЦК КПСС, Секретаря ЦК КПСС М. А. Суслова «Ленинизм и революционное преобразование мира». В ней дана разносторонняя характеристика ленинизма как марксизма нашей эпохи, нарисована яркая картина всемирно-исторических побед ленинского учения. Статья убедительно опровергает попытки буржуазных и ревизионистских авторов отрицать интернациональный характер ленинизма, аргументированно доказывает закономерность появления ле-

¹ См. Н. Е. Королев. Ленин и международное рабочее движение. 1914—1918. М. 1968; «Ленин и международное рабочее движение». М. 1969; «Ленинизм и современность». М. 1969; С. В. Александров, В. Г. Афанасьев. XXIII съезд КПСС и некоторые актуальные проблемы ленинизма. М. 1969, и др.

нинского учения. «Ленинизм,— отмечает М. А. Суслов,— не является ни исключительно «русским», ни специфически «европейским» явлением. Возникнув как продолжение марксизма в тот период истории, когда капитализм перерос в свою последнюю, империалистическую стадию, ленинизм выразил объективные потребности *мирового* общественного развития» (стр. 35).

Великая сила идей Ленина заключается в том, что он не только вскрыл важнейшие закономерности развития общественных процессов в современных условиях, но и вооружил коммунистов научной методологией для анализа и верного понимания новых явлений и проблем, возникающих в ходе исторического развития. В наши дни ленинское учение служит надежным компасом для всех марксистско-ленинских партий, помогая им правильно ориентироваться в сложной обстановке, видеть общую перспективу. «В нашу эпоху,— делает вывод М. А. Суслов,— подлинным, последовательным марксистом может считаться лишь тот, кто руководствуется ленинской методологией анализа общественных процессов, кто не на словах, а на деле активно доказывает свою верность ленинизму, кто по-ленински непримирим к классовым врагам» (стр. 39). Ленинское идейное наследие в руках коммунистических и рабочих партий является эффективным оружием борьбы против идеологических диверсий империализма, против правого ревизионизма и «левого» авантюризма и сектантства, за сплочение рядов коммунистического движения на принципах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма (стр. 40—41).

В статье Генерального секретаря Французской коммунистической партии В. Роше «Наследие Ленина и проблемы революционного рабочего движения» раскрывается творческий характер марксистско-ленинского учения, его дальнейшее развитие братскими коммунистическими партиями в современных условиях. «Марксизм есть руководство к действию, поскольку он является научным мировоззрением,— указывает автор.— Как все науки, он живет и развивается. Он постоянно обогащается результатами теоретических исследований, опытом классовой борьбы трудящихся, достижениями стран победившего социализма» (стр. 84).

В статье В. Роше обстоятельно раскрыты многие выводы и установки международного коммунистического движения, вокруг ко-

торых в последние годы шла острая идейная борьба с представителями правых и «левых» оппортунистических взглядов. Автор аргументированно разъясняет позицию компартий по таким актуальным вопросам, как сочетание основных закономерностей социалистической революции с учетом национальных особенностей различных стран, мирный и немирный путь социалистической революции, взаимосвязь борьбы за демократию с борьбой за социализм, многообразие форм диктатуры пролетариата, проблемы сотрудничества коммунистов и социалистов, создание антиимпериалистического союза всех демократических сил.

Напоминая слова В. И. Ленина о том, что «все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни»², В. Роше в то же время подчеркивает, что необходимая гибкость в политике компартий, продиктованная специфическими особенностями условий в той или иной стране, должна сочетаться «с полным уважением основополагающих принципов, с непоколебимой преданностью конечным целям революционного рабочего движения» (стр. 67).

Большой интерес представляет изложенная автором позиция ФКП по проблемам единства рабочего движения, путей перехода от капитализма к социализму, форм и методов привлечения широчайших масс трудящихся к антиимпериалистической борьбе, участия в построении социализма наряду с коммунистами других рабочих и демократических партий, авангардной роли коммунистической партии в социалистическом строительстве. В. Роше неоднократно подчеркивает, что, совершенствуя свою стратегию и тактику, формы и методы борьбы, ФКП опирается на ленинские идеи, которые самой своей сущностью «вдохновляют борьбу наших современников: и тех, кто уже строит новое, социалистическое общество, и тех, кто, как у нас во Франции, еще вынужден вести борьбу против капитализма и его государства» (стр. 53).

Особое значение статьи Первого секретаря ЦК Социалистической единой партии Германии В. Ульбрихта состоит в том, что в ней на основе привлечения богатого фак-

² В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 123.

тического материала глубоко анализируется процесс становления на немецкой земле социалистического государства и его успехи, что явилось, как подчеркивает автор, «результатом творческого применения научной теории марксизма-ленинизма» (стр. 91). Опыт ГДР представляет большую ценность и в том смысле, что на востоке Германии впервые было создано социалистическое общество в условиях страны, высокоразвитой в промышленном отношении, где рабочий класс составляет большинство населения. Тем самым были на практике опровергнуты домыслы врагов ленинизма, будто социализм является уделом отсталых, аграрных стран.

В. Ульбрихт убедительно показывает огромное значение для победы социализма в ГДР единства рабочего класса, достигнутого в результате объединения коммунистической и социал-демократической партий и образования СЕПГ. Это явилось решающей предпосылкой для создания союза всех демократических сил страны при руководящей роли рабочего класса. Благодаря правильной, марксистско-ленинской политике СЕПГ рабочий класс ГДР успешно выполняет свою историческую миссию авангарда социалистических преобразований.

Генеральный секретарь Коммунистической партии Соединенных Штатов Америки Г. Холл посвятил свою статью проблемам мирового революционного процесса и прежде всего обоснованию и защите концепции антимонаполистической борьбы, выдвинутой международным коммунистическим движением. Автор подчеркивает, что, выбрав эту концепцию в качестве основы своей стратегии, коммунисты опирались на марксистско-ленинское понимание характерных особенностей современного капиталистического общества. Г. Холл опровергает критиков концепции антимонаполистической борьбы и «слева» и справа, подчеркивая, что эта концепция не означает отказа ни от принципа диктатуры пролетариата, ни от революционной борьбы. Напротив, она открывает большие возможности для постепенной мобилизации широких масс на борьбу против империализма. Надежной базой антимонаполистической коалиции должен стать рабочий класс, но для этого, подчеркивает автор, «необходимо развитие классового сознания рабочих и создание в их рядах ядра, проникнутого идеями социализма» (стр. 130). Давая оценку международному Совещанию коммунистических и рабочих партий 1969 г., Г. Холл отмечает,

что «оно продолжило и развило в новых условиях ленинские принципы борьбы за сплочение мирового революционного пролетарского и национально-освободительного движений, за укрепление антиимпериалистического фронта» (стр. 121).

Второй раздел монографии написан коллективом советских ученых. Он посвящен теме «Рабочий класс — в авангарде мирового революционного движения» и является логическим развитием положений, содержащихся в первом разделе. Следует отметить актуальность рассматриваемых проблем и глубину их теоретической разработки. Даже освещая вопросы, которые за последнее время были довольно основательно изучены в советской научной литературе, авторы сумели привлечь неизвестный ранее фактический материал, раскрыть новые аспекты, углубить и уточнить многие формулировки.

В книге нарисована целостная картина диалектики развития мирового революционного процесса с позиций ленинской концепции и под углом зрения возрастающего воздействия мирового пролетариата на ход всемирной истории. Применяя ленинскую периодизацию новой и новейшей истории, авторы анализируют основные этапы развития пролетариата и международного рабочего движения, повествуют о решительной и бескомпромиссной идейной борьбе В. И. Ленина как против правого оппортунизма, так и против «лево»-сектантских тенденций.

Привлекают особое внимание страницы монографии, посвященные вкладу В. И. Ленина в разработку стратегии и тактики коммунистических партий, его борьбе за сплочение международного рабочего движения, за единство всех революционных и антиимпериалистических сил. Обширную работу в этом направлении провел, как показано в книге, созданный по инициативе В. И. Ленина III Коммунистический Интернационал. Опыт его деятельности, его идейно-теоретическое наследие имели огромное значение для дальнейшего развития мирового коммунистического движения. В главе «Победивший рабочий класс и строительство нового общества» показано, как в Советском Союзе и других социалистических странах на практике реализуются ленинские идеи социалистического строительства, и подчеркивается международное значение опыта созидания социализма.

Большой интерес представляют главы, в которых авторы характеризуют положение и борьбу современного рабочего класса в

цитаделях империализма и в молодых развивающихся странах. Привлекает внимание научный анализ процессов, происходящих в рядах рабочего класса, таких, как рост его численности и удельного веса, повышение общеобразовательного и культурного уровня, сдвиги в психологии рабочих, рост их организованности и сознательности, а также тенденция к сближению с пролетариатом основной массы работников умственного труда.

Авторы не умалчивают о тех трудностях, с которыми сталкивается рабочее движение в развитых капиталистических странах, где господствует империалистическая буржуазия, обладающая большим арсеналом различных средств воздействия на массы, искусством «обманывать, развращать и подкупать рабочих»³. С другой стороны, на основании убедительных фактов в книге доказывается полная несостоятельность утверждений апологетов капитализма о «перерождении» рабочего класса и о будто бы наступившей в буржуазных странах эре «классовой гармонии».

Следует отметить также, что в последней главе второго раздела, посвященной теме «Ленинизм и историческая несостоятельность правого и «левого» оппортунизма», даны принципиальные марксистско-ленинские оценки оппортунизма, социал-реформизма, а также содержится глубокий анализ противоречивых тенденций в рядах социал-демократических партий, их идейно-теоретического кризиса. Авторы отклоняют упрощенно-нигилистический подход к социал-демократии, отмечая тот реальный факт, что «социал-демократия имеет глубокие традиционные корни в рабочем движении Запада, представляет собой одно из его влия-

тельных течений и не может огульно рассматриваться как «агентура буржуазии» (стр. 438).

Критика идеологических концепций и политики правой социал-демократии опирается в книге на подробный анализ документов социал-демократических партий, выступлений их лидеров, что придает ей особую убедительность. Внимание акцентируется на тех трудностях, которые возникают и пути к единству действий коммунистически и социалистических партий.

Столь же обстоятельно и аргументированно критикуются концепции ряда новоявленных идеологов ревизионизма, социального утопизма и крестьянского «социализма» (Г. Маркузе, А. Турена, Ф. Фанона и др.).

Опубликованием данной книги, как отмечается в ее предисловии, положено начало серийному изданию «Международный рабочий класс», которое будет состоять из целого ряда фундаментальных трудов. Их авторы, безусловно, подвергнут еще более глубокому и обстоятельному анализу, в частности, такие актуальные проблемы, как историческая роль рабочего класса в построении социализма и коммунизма, закономерности и национальные особенности социалистического строительства в различных странах, рабочий класс развивающихся государств, дадут еще более полное представление о многообразии различных буржуазных, мелкобуржуазных и ревизионистских концепций, извращающих роль рабочего класса, покажут их идейную несостоятельность.

Рецензируемая монография — капитальное, глубоко научное исследование, вносящее ценный вклад в изучение марксистско-ленинской теории, актуальных проблем международного рабочего движения.

Ю. Л. Молчанов

³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 15, стр. 244.

Л. Н. НЕЖИНСКИЙ. *Очерк истории народной Венгрии. 1948—1962*. М. Изд-во «Наука». 1969. 448 стр. Тираж 2000. Цена 2 руб. 05 коп.

Автор рецензируемой монографии, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР Л. Н. Нежинский известен многими работами по новейшей истории Венгрии. Из его ранее вышедших книг следует в первую очередь назвать опубликованное в 1961 г. и написанное в соавторстве с А. И. Пушкешем исследова-

ние, которое посвящено истории народно-демократической революции в Венгрии¹.

В новой монографии Л. Н. Нежинский продолжает изучение той же темы — ста-

¹ Л. Н. Нежинский, А. И. Пушкеш. *Борьба венгерского народа за установление и упрочение народно-демократического строя. 1944—1948 гг.* М. 1961.

новление социализма в Венгрии. В книге исследован довольно длительный период послевоенной истории Венгрии — с 1948 г. по 1962 год. Хронологические рамки темы представляются нам вполне обоснованными: в 1948 г. в стране установилась диктатура пролетариата, был провозглашен курс на социалистическое преобразование Венгрии; в 1962 г. было завершено строительство основ социализма и начался период полного построения социализма. Актуальность и научно-политическое значение темы определяются задачами, которые ставит автор книги: проследить общие закономерности строительства социалистического общества в Венгрии; осветить специфические национальные особенности этого процесса; выявить то новое, что внес венгерский народ в теорию и практику строительства основ социализма.

Несмотря на то, что это первая в советской научной литературе попытка монографического исследования истории народной Венгрии, Л. Н. Нежинский в основном успешно справился с теми сложными задачами, которые он перед собой поставил. Привлечение большого документального материала, использование многочисленных фондов Государственного архива Венгрии и Архива Центрального совета профсоюзов ВНР, глубокое знание венгерской и советской исторической литературы, а также критическая оценка работ буржуазных авторов — все это дало возможность Л. Н. Нежинскому всесторонне осветить избранную им тему.

Первые две главы книги посвящены начальному периоду социалистического преобразования страны. Автор рассматривает экономическое положение Венгрии в 1948—1949 гг., расстановку классовых и политических сил, анализирует программу социалистического переустройства и первые шаги по ее осуществлению. Основной особенностью социально-экономических преобразований явилось то, что они проводились в условиях диктатуры пролетариата, установленной мирным путем, в результате перерастания демократической революции в социалистическую. Это был сложный процесс, в ходе которого народные массы постепенно завоевывали новые рубежи, а буржуазия была вынуждена шаг за шагом отступать, сдавать свои позиции. «Старый мир не был разрушен сразу, — подчеркивается в книге. — Как показали события, силы буржуазной реставрации, отступавшие под напором революционных масс, активно дей-

ствовали и после установления диктатуры пролетариата в Венгрии, так как все еще имели опору в лице класса городских и сельских эксплуататоров» (стр. 27).

Пролетариату в Венгрии противостояла буржуазия, хотя и потерявшая рычаги государственной власти, но еще обладавшая довольно большой экономической силой. Автор проводит очень интересный структурный анализ населения страны, выясняет соотношение различных категорий крестьянства в зависимости от их экономического положения и приходит к важному выводу о том, что опыт венгерского революционного движения подтверждает важное ленинское положение о возможности сохранения власти пролетариата в стране с преобладанием крестьянского населения только в том случае, если пролетариат будет поддержан основной массой крестьянства, то есть средними и беднейшими крестьянами (стр. 46—49).

Всесторонне освещая опыт социалистического преобразования страны, ход национализации промышленности, вытеснение капитализма из сельского хозяйства, демократизацию государственного аппарата, Л. Н. Нежинский правильно оценивает этот сложный социально-экономический процесс, его позитивные и некоторые негативные аспекты. Новые организационные формы управления экономикой, естественно, требовали строгой централизации в сочетании с подлинно демократическим характером планового руководства. Однако в Венгрии в 1948—1949 гг. начали проявляться «симптомы чрезмерной централизации и бюрократизации в управлении экономикой, сковывавшие инициативу трудящихся, сужавшие компетенцию директоров предприятий и тем самым тормозившие развитие производительных сил» (стр. 69).

Строительство социализма в Венгрии проходило в острой борьбе с внешней и внутренней реакцией. В книге приводятся многочисленные сведения о контрреволюционных заговорах, получивших поддержку из-за рубежа, рассматриваются попытки империалистических кругов помешать строительству социализма. Борьба с враждебными народному строю силами осложнялась некоторыми ошибочными действиями части руководства Венгерской партии трудящихся (ВПТ). К числу таких ошибок относилась, например, неправильная политика в вопросе о социальном составе партии, что привело к появлению в рядах партии мелкобуржуазных, карьеристских эле-

ментов. Это не могло не сказаться отрицательно на силе партии, ее боеспособности.

И все же, несмотря на отдельные ошибки и неудачи, страна неуклонно продвигалась по пути социалистического строительства. В последующих главах книги читатель находит интересный материал о ходе выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства (1950—1954 гг.), о создании и деятельности Советов в городах и деревнях, о борьбе с подрывной деятельностью империалистических сил и внутренних контрреволюционных элементов.

Выяснение причин и условий обострения внутриполитического положения в стране в 1956 г. базируется на глубоком анализе широкого круга проблем социально-экономической жизни, некоторых экономических вопросов — таких, как система капиталовложений, соотношение современного и устаревшего оборудования в промышленности, проблема экономической автаркии и пр. Критическая оценка некоторых направлений экономической политики ВПТ дает возможность Л. Н. Нежинскому вслед за многими венгерскими экономистами и историками раскрыть ряд дополнительных, неизвестных до последнего времени советскому читателю фактов, обусловивших возникновение контрреволюционного мятежа осенью 1956 года.

Контрреволюционному мятежу конца октября — начала ноября 1956 г., его возникновению и последствиям в книге отведены две большие главы (6-я и 7-я). Впервые в советской литературе предпринимается попытка глубокого научного анализа всего комплекса проблем, связанных с историей этого мятежа. Автор подробно рассматривает четыре основных, одновременно действовавших фактора, которые вызвали контрреволюцию. Так, в книге содержится детальный разбор серьезных ошибок, допущенных М. Ракоши. «Ошибки эти, — пишет автор, — имели тяжелые последствия для всей страны, ибо нарушали нормальное экономическое и политическое развитие государства и способствовали созданию обстановки, благоприятной для активизации внутренней и внешней контрреволюции» (стр. 279). Далее, показывая зловещую роль ревизионистской клики Имре Надя — Гезы Лошонци в событиях 1956 г., автор справедливо отмечает, что буржуазный национализм, бывший одной из основных черт венгерского ревизионизма середины 50-х годов, явился идейной и политической основой контрреволюции. Главной движу-

щей силой мятежа стали венгерские фашистские и буржуазно-помещичьи группировки, действовавшие внутри страны и за ее пределами. Решающую роль в развязывании мятежа сыграл международный империализм.

Таковы основные факторы, приведшие к возникновению контрреволюционного мятежа. Подробно разбирая значение каждого из них, Л. Н. Нежинский разоблачает буржуазных историков и публицистов, которые, фальсифицируя суть событий в Венгрии, объявляли их «революцией», социальной базой которой было якобы трудящееся население страны. В рецензируемой работе на основе многочисленных фактов доказано, что «основная часть венгерских рабочих и крестьян оставалась на стороне народно-демократического строя и не поддерживала контрреволюцию» (стр. 280).

В основном правильно оценивая уроки мятежа, автор, к сожалению, не отмечает большого международного значения разгрома контрреволюции в Венгрии. Осенью 1956 г. империализм попытался провести своеобразную пробу сил, сделав ставку на вооруженный разгром одного из звеньев социалистического содружества. Провал этого замысла означал в то же время провал подрывной империалистической политики по отношению к социалистическим странам, он показал, что империализм не в состоянии военным путем изменить в свою пользу соотношение сил на мировой арене.

Большое место отведено в книге анализу обстановки в стране после разгрома мятежа, мерам Революционного правительства по укреплению народной власти; в ней рассматриваются процесс возрождения партии рабочего класса, ее программа, активизация и демократизация экономической и общественной жизни.

Заключительная (8-я) глава книги, посвященная завершению строительства основ социализма в Венгрии, рисует картину развития народного хозяйства в годы выполнения трехлетнего (1958—1960 гг.) плана и начала выполнения пятилетнего (1961—1965 гг.) плана. К этому периоду относятся окончательный переход венгерского крестьянства на путь кооперированного хозяйства, дальнейшее укрепление и развитие социалистического государства. Извлекая уроки из прежних ошибок, партийное и государственное руководство страны предпринимало активные меры по перестройке структуры венгерской промышленности с учетом природных ресурсов страны и воз-

возможностей экономического сотрудничества с другими социалистическими государствами. В книге приводятся интересные данные, раскрывающие это направление деятельности ВСРП и правительства. Автор, однако, уделяет мало внимания роли внешнеэкономических связей Венгрии, особенно ее экономическим и торговым отношениям с другими социалистическими странами в ходе восстановления и развития народного хозяйства, в первую очередь промышленности, после разгрома контрреволюционного мятежа.

Рост и укрепление народного хозяйства создали благоприятные предпосылки для ускорения темпов социалистической реорганизации сельского хозяйства. Анализируя большой статистический материал, характеризующий различные сельскохозяйственные отрасли и их оснащенность сельскохозяйственными машинами, автор показывает работу партии и правительства ВНР в 1959—1960 гг. по организации массового кооперативного движения в деревне, по вовлечению в кооперативы крестьян-середняков. «Из движения крестьянской бедноты, каким оно в основном было в прошлые годы, кооперативное движение превратилось в движение всего трудового крестьянства. Это была победа Венгерской социалистической рабочей партии» (стр. 378).

К концу 1962 г. социалистический сектор давал около 96% национального дохода, 98% промышленной продукции, 96% пахотных земель обрабатывалось производственными кооперативами и государственными хозяйствами (стр. 400).

Опираясь на успехи социалистического строительства, VIII съезд ВСРП в конце ноября 1962 г. провозгласил историческую победу венгерских трудящихся — завершение построения основ социализма и вступление в период полного построения социа-

лизма. В Венгрии окончательно и бесповоротно победил социалистический общественный строй. Победа эта еще раз полностью подтвердила марксистско-ленинское положение о том, что социалистические революции при всем разнообразии конкретных условий в различных странах основываются на ряде главных закономерностей, общих для всех стран, вступающих на путь строительства социализма.

Конечно, как и во всяком большом исследовании, в книге Л. Н. Нежинского имеются некоторые пробелы. Хотелось бы, чтобы структура ее была более четкой (непонятно, например, почему в одном разделе объединены характеристика Советов и борьба с клерикальной реакцией — стр. 143—150). Вызывает удивление отсутствие в такой фундаментальной работе библиографии и предметного указателя.

Но главный упрек необходимо сделать в адрес Л. Н. Нежинского по поводу игнорирования им внешнеполитической проблематики. Серьезное комплексное исследование проигрывает из-за недостаточного освещения внешнеполитических аспектов борьбы за построение социализма в Венгрии. Речь идет не о раскрытии всех направлений внешней политики Венгерской Народной Республики. Это может быть темой специального исследования. Но показать международное значение победы социализма в Венгрии, роль Венгрии в международных отношениях 50-х—начале 60-х годов — это одна из задач, решив которую, автор смог бы более полно осветить изучаемую им тему.

Ознакомившись с книгой Л. Н. Нежинского, читатель отчетливо представляет себе всю сложность борьбы за народную Венгрию, величие социалистических преобразований в Венгерской Народной Республике.

И. И. Орлик

НОВЫЕ КНИГИ

Воспоминания о В. И. Ленине. В 5 томах. Т. 3. Киев. 1970. 535 стр.; 8 л. илл. 26 000 экз. 1 руб. 43 коп. (на укр. яз.).

Живые строки. Документы и воспоминания о связях В. И. Ленина с трудящимися Оренбуржья. 1892—1924 гг. Сост. Н. И. Сайгин, И. Я. Скутин и Л. М. Смирнов. Челябинск. 1970. 435 стр.; 1 л. портр. 10 000 экз. 80 коп.

Ленин и Симбирск. Документы, материалы, воспоминания. Сост. Н. Д. Фомин и др. Изд. 2-е, доп. Ульяновск. 1970. 510 стр. с илл. 50 000 экз. 1 руб. 12 коп.

Под знаменем Ленина. Сборник документов и материалов. 1917—1924 гг. Предисл. Б. Е. Кабалоева. Орджоникидзе. 1970. 295 стр. с илл. 3 000 экз. 90 коп.

История СССР

Абуталипов Ч. А. *Под ленинским знаменем дружбы и мира. Вклад Советского Узбекистана в интернациональные, экономические, культурные и научные связи СССР*. Ташкент. 1970. 366 стр. 5 000 экз. 1 руб. 14 коп.

Авидзба Х. А. *Абхазская организация Компартии Грузии в борьбе за организационно-хозяйственное укрепление колхозов (1946—1966 гг.)*. Сухуми. 1970. 159 стр. 1 000 экз. 88 коп.

Алламурадов Д. *Советы в борьбе за победу социализма в Узбекистане (1924—1937 гг.)*. Ташкент. 1970. 275 стр. 2 000 экз. 1 руб. 49 коп.

Арутюнян Ю. В. *Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны*. Изд. 2-е, доп. М. «Наука». 1970. 466 стр. с илл. 6 000 экз. 2 руб. 21 коп.

В боях за Белоруссию. Сост. П. Акулов и Г. Толокольников. Минск. 1970. 376 стр.; 22 л. илл. 60 000 экз. 1 руб. 19 коп. Воспоминания, статьи, очерки о боях на белорусской земле в годы гражданской и Великой Отечественной войн.

В грозные годы. Документы и материалы о героических подвигах женщин Карелии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Сост. П. М. Кузьмина и Н. К. Тинькова. Изд. 2-е, доп. Петрозаводск. 1970. 247 стр. с илл. 5 000 экз. 63 коп.

Видные советские коммунисты — участники китайской революции. Сборник очерков. Отв. ред. Г. В. Астафьев, Е. Ф. Ковалев и М. И. Сладковский. М. «Наука». 1970. 111 стр. с илл. 16 000 экз. 37 коп.

Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Серия 1-я. 1801—1815 гг. Т. 7. Январь 1813 г.—май 1814 г. Отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М. Политиздат. 1970. 872 стр. с илл. 6 800 экз. 3 руб. 60 коп.

Герои Великой Отечественной войны. Рек. указатель литературы. Сост.-ред. Н. А. Шокина. М. «Книга». 1970. 128 стр. 20 000 экз. 32 коп.

9 мая 1945 года. Воспоминания. Сост. В. Д. Вознесенский и Д. Б. Рубежный. Под ред. А. М. Самсонова. М. «Наука». 1970. 751 стр. с илл.; 3 л. карт. 50 000 экз. 3 руб. 64 коп. (Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях, документах).

Дядиченко В. А., Лось Ф. Е. и Сарбей В. Г. *Развитие исторической науки в Украинской ССР*. Киев. 1970. 80 стр. 5 700 экз. 30 коп.

З'аозерская Е. И. *У истоков крупного производства в русской промышленности XVI—XVII веков. К вопросу о генезисе капитализма в России*. М. «Наука». 1970. 476 стр. 1 600 экз. 1 руб. 97 коп.

Источниковедение истории СССР XIX—начала XX в. Под ред. И. А. Федосова, И. И. Астафьева и И. Д. Ковальченко. М. Изд-во Московского университета. 1970. 469 стр. 10 000 экз. 1 руб. 37 коп. Учебное пособие для исторических факультетов.

Казиев М. *Нариман Нариманов*. Баку.

1970. 187 стр.; 1 л. портр. 8 000 экз. 55 коп. Очерк о жизни и деятельности выдающегося деятеля КПСС и Советского государства, одного из учеников и соратников В. И. Ленина.

Кауп Э. *По ленинскому пути борьбы. Распространение ленинских идей и борьба за единство рабочего движения в Эстонии в дооктябрьский период (1902—1917)*. Таллин. 1970. 301 стр.; 24 л. илл. 1 000 экз. 1 руб. 70 коп.

Курская битва. Под ред. и с предисл. И. В. Паротькина. М. «Наука». 1970. 543 стр. с илл.; 4 л. илл. 30 000 экз. 2 руб. 27 коп. (Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях, документах).

Лагун С. Р. *Укрепление Советов Белоруссии и повышение их роли в строительстве социализма*. Минск. 1970. 304 стр. 1 700 экз. 1 руб. 18 коп.

В. И. Ленин и военная история. Глав. ред. М. В. Захаров. М. Воениздат. 1970. 323 стр.; 1 л. портр. 10 000 экз. 1 руб. 23 коп. (Сборник материалов научной конференции. Июнь, 1969 г.).

В. И. Ленин и теоретические основы строительства коммунизма. Коллектив авторов. Науч. ред. М. И. Абдрахманов и др. Казань. 1970. 215 стр. 3 000 экз. 1 руб. 25 коп.

В. И. Ленин — основоположник политической экономии социализма. Коллективная монография. Науч. ред. И. С. Шевцов. Казань. 1970. 254 стр. 3 500 экз. 1 руб. 41 коп.

Ленинские принципы партийного строительства в условиях перехода к социализму. Сборник статей. Глав. ред. А. А. Тимофеевский. М. «Мысль». 1970. 192 стр. 7 000 экз. 74 коп.

Листовки первых лет Советской власти. 25 окт. (7 ноября) 1917—1925. Каталог коллекции Гос. публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. В 2 томах. Т. 2. *Листовки местных партийных, советских, военных, профсоюзных, комсомольских и других организаций*. Сост.: И. И. Крылова и др. Ред. А. Ф. Шевцова. М. «Книга». 1970. 813 стр. 1 935 экз. 3 руб. 3 коп.

Маркиянов Б. *Укрепление единства рядов Коммунистической партии Белоруссии (1921—1937 гг.)*. Минск. 1970. 328 стр. 5 500 экз. 1 руб. 30 коп.

Нафигов Р. И. *Первый шаг в революцию. В. И. Ульянов и казанское студенчество 80-х годов 19-го века*. Казань. 1970. 222 стр. с илл.; 12 л. илл. 10 000 экз. 1 руб.

Общественный строй у народов Северной Сибири. XVII—начало XX в. Коллективная монография. Отв. ред. И. С. Гурвич и Б. О. Долгих. М. «Наука». 1970. 453 стр.; 1 л. карт. 1 500 экз. 1 руб. 67 коп.

Октябрьская революция и пролетарский интернационализм. Глав. ред. П. Н. Федосеев. М. «Наука». 1970. 511 стр. 5 000 экз. 2 руб. 20 коп. В основу работы положены материалы секционных заседаний научной конференции «Международное значение Октябрьской социалистической революции» (март, 1970 г.).

Очерки истории Юго-Осетии. В 2 томах. Глав. ред. С. Ш. Габараев. Т. 1. *Цхинвали*. 1969. 273 стр. 1 000 экз. 1 руб. 34 коп.

Очерки русской культуры XIII—XV веков. В 2 частях. Глав. ред. А. В. Арциховский. Ч. 1. Материальная культура. М. Изд-во Московского университета. 1970. 179 стр. с илл. 4 000 экз. 2 руб. 48 коп.

Пограничные войска СССР. 1939—июнь 1941. Сборник документов и материалов. Глав. ред. П. И. Зырянов. М. «Наука». 1970. 813 стр. с илл. 20 000 экз. 3 руб. 13 коп.

Подвигу жить века! Сборник материалов газеты «Правда» о бессмертных подвигах советских воинов на полях сражений с фашистскими захватчиками, о героическом труде в тылу 1941—1945 гг. Сост.: С. А. Борзенко, Я. И. Макаренко и Г. Н. Мельник. М. «Правда». 1970. 384 стр. 1 700 экз. 1 руб. 42 коп.

Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. Сборник статей. Отв. ред. И. С. Гурвич и Б. О. Долгих. М. «Наука». 1970. 280 стр. 1 500 экз. 1 руб. 5 коп.

Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. Сборник статей. Отв. ред. М. В. Нечкина. М. «Наука». 1970. 376 стр. 1 900 экз. 2 руб. 28 коп.

Сванидзе С. В. И. Ленин о формировании коммунистических общественных отношений. Тбилиси. 1970. 306 стр. 2 000 экз. 1 руб. 13 коп.

Сорокин А. А. Освободительное и революционное крестьянское движение в Западной Белоруссии (1920—1939 гг.). Минск. 1970. 171 стр. 1 000 экз. 58 коп.

Социально-экономические преобразования в Белорусской ССР за годы Советской власти. Коллектив авторов. Под ред. Ф. С. Мартинкевича. Минск. 1970. 528 стр. 1 000 экз. 2 руб. 13 коп.

Справочник по фондам Государственного архива Новосибирской области. Состав и содержание фондов за 1726—1966 гг. Новосибирск. 1969. 260 стр. 1 000 экз. 60 коп.

Теряев Г. В. О закономерностях становления коммунистической формации. М. «Мысль». 1970. 332 стр. 13 000 экз. 1 руб. 27 коп.

Торжество ленинских идей культурной революции в Узбекистане. Коллектив авторов. Ташкент. 1970. 396 стр. 5 000 экз. 1 руб. 72 коп.

Торжество ленинского кооперативного плана в Узбекистане. Коллективная монография. Под ред. М. Г. Вахабова. Ташкент. 1970. 378 стр.; 10 лл. илл. 5 000 экз. 1 руб. 74 коп.

Хайцман В. М. СССР и проблема разоружения. 1945—1959. История международных переговоров. М. «Наука». 1970. 479 стр. 2 700 экз. 2 руб. 11 коп.

Чершеев Д. Культурная революция в Туркменистане. Деятельность Коммунистической партии Туркменистана по осуществлению культурной революции в республи-

ке в 1925—1937 гг. Ашхабад. 1970. 199 стр. 1 600 экз. 37 коп.

Шарапов Г. В. Ленинский кооперативный план и его международное значение. М. 1970. 230 стр. 92 коп.

Всеобщая история

Арш Г. Л. Этеристское движение в России. Освободительная борьба греческого народа в начале 19 в. и русско-греческие связи. М. «Наука». 1970. 372 стр. 2 600 экз. 1 руб. 72 коп.

Гаврилов Ю. Н. Борьба за независимость и прогрессивные преобразования в Бирме. М. «Мысль». 1970. 166 стр. 2 800 экз. 62 коп.

Девяткина Т. Ф. Индийский национальный конгресс (1947—1964). М. «Наука». 1970. 200 стр. 1 900 экз. 72 коп.

Кондратьев Г. С. Путь Мали к независимости. Очерки антиколониального движения 1945—1960 гг. М. «Наука». 1970. 191 стр. 1 900 экз. 67 коп.

Левин С. Ф. Формирование крупной буржуазии Пакистана. М. «Наука». 1970. 271 стр. 1 600 экз. 99 коп.

Мельников Ю. М. Внешнеполитические доктрины США. Происхождение и сущность программы «новых рубежей» президента Д. Кеннеди. М. «Наука». 1970. 495 стр. 3 500 экз. 1 руб. 78 коп.

Нюрнбергский процесс. Суд над нацистскими судьями. Сборник материалов. Под общ. ред. и со вступ. статьей Р. А. Руденко. М. «Юридическая литература». 1970. 352 стр. 25 000 экз. 86 коп.

Пчелинцев Е. С., Шкунаев В. Г. и Эстингер Я. Я. Объединенные нации против колониализма и расизма на юге Африки. М. «Наука». 1970. 244 стр. 2 000 экз. 1 руб. 6 коп.

Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. Сборник статей. Отв. ред. В. И. Фрейдзон. М. «Наука». 1970. 364 стр. 1 700 экз. 1 руб. 31 коп.

Секистов В. А. Война и политика. Военно-политический очерк военных действий в Зап. Европе и бассейне Средиземного моря. 1939—1945. М. Воениздат. 1970. 496 стр. 22 000 экз. 1 руб. 32 коп.

Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Вопросы истории и экономики. Сборник статей. Отв. ред. И. С. Казакевич. М. «Наука». 1970. 318 стр. 2 300 экз. 1 руб. 9 коп.

Татаровская И. М. Развивающиеся страны в борьбе за мир. Под ред. В. Я. Аболтина. М. «Международные отношения». 1970. 168 стр. 6 000 экз. 55 коп.

Фрейдзон В. И. Борьба хорватского народа за национальную свободу. Подъем освободительного движения в 1859—1873 гг. История, идеология, политические партии. М. «Наука». 1970. 384 стр. 1 700 экз. 1 руб. 42 коп.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

«Вопросы истории КПСС» № 7, 1970. Ленинским курсом — к великой цели; К. В. Гусев. Разоблачение Лениным контрреволюционной сущности теории «чистой» демократии; Ш. П. Санакоев. Коммунистические и рабочие партии стран социализма в авангарде борьбы за мир и безопасность народов; И. И. Маслов. Регулирование роста и социального состава партии в первые годы социалистической индустриализации; Г. И. Филатова. Партийное руководство подготовкой специалистов сельского хозяйства (1928—1932 гг.); М. Л. Гутин. О деятельности местных комитетов обороны в годы Великой Отечественной войны; Б. И. Марушкин. Антикоммунистическая историография—идеологическое оружие империализма; Б. Г. Андреев, А. Н. Арзамасцев. К вопросу о научных основах партийного строительства; С. Н. Николоаев. К 50-й годовщине Иранской компартии; М. С. Волин. Дореволюционные биографические публикации о В. И. Ленине.

«Военно-исторический журнал» № 7, 1970. А. Козлов. Борьба партии большевиков за предотвращение захвата Черноморского флота германскими империалистами в 1918 году; А. Шиманский. Наращивание усилий в ходе стратегического наступления. (По опыту третьего периода Великой Отечественной войны); Б. Соловьев. Провал третьего наступления вермахта на Востоке; Н. Крылов. На главном направлении фронта. (Воспоминания); И. Галицкий. Организация фронтовой переправы при форсировании Вислы. (Воспоминания).

«Преподавание истории в школе» № 4, 1970. Ю. В. Тодорский. Антикоммунизм — идеологическое оружие врага; О. Сувениров, И. Кузьмичев. К отпору агрессии готовилась вся страна; К. Черемухин. Крушение плана «молниеносной войны»; А. Т. Кинкулькин. В. И. Ленин о Парижской коммуне.

«Советские архивы» № 3, 1970. Н. С. Зелов. Первые кавалеры ордена; Н. Е. Терещенко. Награда за ратные подвиги; М. Н. Черноморский. Из истории работы В. И. Ленина над докладом на VIII Всероссийском съезде Советов; И. И. Беспалов, Н. К. Ткачева. Фотодокументы ЦГАЗ СССР о В. И. Ленине; Архивы социалистических стран — ленинскому юбилею (ГДР, ВНР, МНР); Комплектование документальными материалами государственных архивов социалистических стран и работа ведомственных архивов; А. А. Новикова, А. Г. Федоров. Личные архивы и ведомства; В. В. Душенькин. К 50-летию Центрального государственного архива Советской Армии; М. Д. Эпштейн. О видах публикации исторических источников; П. А. Ротмистров. Бронетанковые и механизированные войска в битве на Курской дуге; Б. В. Левшин. Ленинградские ученые в годы блокады; Одна из первых ГЭС. Публикация подготовлена Л. А. Шапиро; К истории «Южнорусского союза рабочих». Публикация подготовлена Н. П. Рудько.

«Советская этнография» № 3, 1970. О. И. Шкаратан. Этно-социальная структура городского населения Татарской АССР. (По материалам социологического обследования); П. Г. Ширяев. Из истории становления революционных пролетарских традиций. (По материалам газеты «Икра» 1900—1903 гг.); И. С. Вдовин. проблеме этногенеза ительменов; В. Е. Влadyкин. К вопросу об этнических группах удмуртов; И. Лозе. Глиняные фигурки неолитических стоянок Восточной Прибалтики; Д. В. Деопик, М. А. Членов. Топонимия и язык. (К проблеме выявления сустратных топонимических ареалов); В. С. Ягья. Об этно-лингвистической ситуации в современной Эфиопии. (Материалы к проблеме «Формирование эфиопской нации»).

«Украинский исторический журнал» № 6, 1970. В. П. Русин. Расцвет Закарпатья за годы Советской власти; К. А. Куценко. Освобождение Закарпатской Украины Советской Армией (сентябрь — октябрь 1944 г.); Ю. М. Мацейко. Борьба Украинской ССР в Организации Объединенных Наций за претворение в жизнь ленинских принципов внешней политики; Н. И. Ткач. Трудовые подвиги новаторов сельскохозяйственного производства (1933—1937 гг.); В. И. Лихолоб. Ленинские идеи социалистического планирования и претворение их в жизнь в первые годы Советской власти на Украине; Е. М. Склярченко. Вопросы борьбы украинского народа за власть Советов на заседаниях Совнаркома под председательством В. И. Ленина (ноябрь 1917 — февраль 1918 гг.); Н. Н. Кулемин. Военная организация Харьковского комитета РСДРП(б); В. И. Головченко. Большевицкая пресса в борьбе за осуществление ленинской тактики в период первой мировой войны (1914—февраль 1917 гг.); А. Г. Погребной. К вопросу об общественно-политических взглядах Б. Гринченко; А. С. Бугай. Змиевы валы Киевщины.

«Вестник» Ленинградского университета № 8. История, язык, литература. Вып. 2, 1970. В. М. Веселов. В. И. Ленин о политической стратегии и тактике коммунистов и задачи современной антиимпериалистической борьбы; П. Р. Шевердалкин. Деятельность КПСС по осуществлению идей В. И. Ленина с защите социалистического Отечества; А. В. Красникова. Из истории разработки В. И. Лениным политики привлечения буржуазной интеллигенции на службу Советской власти; В. И. Носач. В. И. Ленин и борьба рабочих организаций с голодом в 1918 г. (на материалах Петрограда); Е. В. Евменова. Борьба В. И. Ленина с противниками плана ГОЭЛРО в период введения новой экономической политики; М. Н. Кузьмин, С. Л. Пештич. Некоторые вопросы истории в конспекте В. И. Ленина «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1883 гг.»; В. В. Мавродин, И. Я. Фроянов. В. И. Ленин и некоторые проблемы истории Киевской Руси; В. В. Штокмар. Труды В. И. Ленина и

проблема генезиса капиталистического феодализма в Англии XVI—XVII веков.

«Вестник общественных наук» АН Армянской ССР № 4 (323), 1970. А. Е. Кочинян. Осуществляя ленинские заветы о развитии науки; Ц. П. Агаян. В. И. Ленин и освобождение армянского народа; О. Г. Индикян. Ленинизм и современные проблемы национально-освободительного движения; А. Г. Асланян. Современная идеологическая борьба и ленинизм; Г. В. Цароян. В. И. Ленин и первые аграрные преобразования Советской власти; А. М. Копян. Ленинский план создания партийно-государственного контроля и его осуществление; В. С. Козлов. В. И. Ленин — организатор борьбы с внутренней контрреволюцией при переходе к нэпу; А. З. Бешян. Ленин и становление советской национальной государственности в Закавказье.

«Вестник» АН Казахской ССР № 4 (300), 1970. Ш. Е. Есенов. В. И. Ленин и развитие науки в Казахстане; Ш. Ч. Чокын. Ленинское учение об электрификации и его претворение в Казахстане; А. Н. Нусупбеков. В. И. Ленин и переход казахского народа от докапиталистических отношений к социализму; М. А. Биндер. Значение опыта Советского Востока для обогащения теории социалистического интернационализма; А. С. Елагин. В. И. Ленин об экономической политике Советской республики в годы интервенции и гражданской войны; Е. Л. Виленьский. Ленинский документ о начале восстановительных работ на Риддере.

«Материалы XXVI научной конференции профессорско-преподавательского состава Самаркандского государственного университета имени Алишера Навои по итогам выполнения научно-исследовательских работ за 1968 год». Серия — общественные науки, 1970. А. Вафаев. Ленинское учение о культурной революции как закономерности строительства социализма; С. Урунов. Возрастание роли Компартии Узбекистана в развитии духовной культуры села в условиях строительства коммунизма; Т. Саидкулов. Ленинское учение о некапиталистическом пути развития стран, освободившихся от колониального гнета; Н. Шукуров. Роль рабочего класса в преобразовании деревни на социалистических началах в Узбекистане.

«Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Ленина» Хабаровской высшей партийной школы. Вып. I, 1970. Э. И. Брудов. В. И. Ленин об объективных и субъективных предпосылках социалистической революции; Н. М. Шишов. Ленинская теория перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую и современность; В. И. Гавриленко. В. И. Ленин и Венгерская Советская Республика.

«Труды» молодых ученых и аспирантов Института востоковедения АН Узбекской ССР. Ч. II. 1969. Б. Вахабова. «Иршад» Якута — источник для изучения истории культуры Средней Азии; Л. Рахманова. Из истории хозяйства Джуйбар-

ских шейхов (новые документы); А. Шайхова. К вопросу возникновения судоходства в Аральском море; Ю. Д. Юсупова. Сведения бухарского нагиба Сайид Ахмада Ходжи о Хивинском ханстве середины XIX века; Д. Лин. Народное образование в ДРВ в условиях войны; И. Васькин. Пакистанская печать о советско-пакистанском сотрудничестве в области экономики; Л. Полякова. О возможностях некапиталистического пути развития бывших колониальных и полуколониальных народов на современном этапе.

«Труды» Горьковского инженерно-строительного института имени В. П. Чкалова. Вып. 53, 1970. Могучее оружие партии. Теория, история и практика идеологической работы КПСС. М. А. Мосалев. Идеологическая и организаторская деятельность нижегородских большевиков в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.); В. Я. Доброхотов. Агитпропотдел ЦК большевистской партии в 1920—1921 годах; В. А. Приставкин. Московские большевики в борьбе за ликвидацию контрреволюционной печати (1917—1918 гг.); А. А. Кулаков. Из истории подготовки празднования 10-летия Великой Октябрьской социалистической революции.

«Ученые записки» Башкирского государственного университета имени 40-летия Октября. Вып. 39. Серия общественных наук № 4, 1970. Кафедра истории КПСС. Башкирская парторганизация во главе социалистической индустриализации республики. Ф. Л. Саяхов. Башкирская парторганизация во главе реконструкции промышленности в годы первой и второй пятилеток (1928—1937 гг.); его же. Деятельность партийной организации Башкирии по руководству новым промышленным строительством в годы первой и второй пятилеток (1928—1937 гг.); А. Я. Стрельцов. О поисках промышленной нефти на территории между Волгой и Уралом; его же. Башкирская парторганизация во главе строительства железной дороги к Ишимбаевским месторождениям нефти; его же. Руководство Башкирской парторганизации развитием нефтедобывающей промышленности в годы третьей пятилетки; М. Г. Садретдинов. Из истории электрификации Башкирии (1946—1967 гг.); К. Б. Валиуллин. Из истории развития промышленности Башкирской АССР в годы семилетки; Г. В. Мордвинцев. Из истории партийного руководства шефством города над деревней в Башкирии (1923—1925 гг.).

«Ученые записки» Омского государственного педагогического института имени А. М. Горького. Вып. 45, 1970. Вопросы истории Западной Сибири. А. К. Касьян. Из истории партийного и советского строительства в городе Омске в первое десятилетие после восстановления Советской власти (ноябрь 1919—1929 гг.); Н. Ф. Оруева. Связи сибиряков с большевистской «Правдой»; Б. В. Кондриков. Рабочее движение в Западной Сибири во время высшего подъема первой русской революции (декабрь 1905 г.); В. Н. Худяков.

Наемный труд в сибирском земледелии (80-х — начала 90-х годов XX в.); И. В. Захарова. Этнография в трудах Западно-Сибирского отдела Русского географического общества (1877—1917 гг.); В. М. Самосудов. Революционная пропаганда среди солдат Омского военного округа в 1907—1914 годах; его же. К хронике революционного движения рабочего класса Западной Сибири. 1912—июль 1914 годов; М. Ф. Богданова. Агитационно-пропагандистская работа политических ссыльных среди крестьян Западной

Сибири (1906—1914 гг.); М. Н. Самосудова. Сибирская печать о «толстовских днях» 1910 года.

«Ученые записки» Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. XIV, 1970. С. К. Тка. Ленинской дорогой — к коммунизму Г. Ч. Ширшин. Создание Тувинского революционного союза молодежи; М. Х. Манай-оол. Об этническом составе населения Тувы (I тысячелетие до н. э.—I тысячелетие н. э.); М. А. Дэвлет. Археологические исследования в Тодже в 1969 год

Хроника научной жизни

ОБ УЧЕБНОМ ПОСОБИИ

«ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА ФЕОДАЛИЗМА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ»

(ИНФОРМАЦИЯ О ХОДЕ ОБСУЖДЕНИЯ КНИГИ А. Я. ГУРЕВИЧА)

По поручению Министерства высшего и среднего специального образования СССР 22 мая 1970 г. на совместном заседании кафедр русского и западноевропейского феодализма Исторического факультета Московского университета состоялось обсуждение учебного пособия проф. А. Я. Гуревича «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе» (изд-во «Высшая школа». М. 1970. 223 стр.).

Заседание открыл акад. С. Д. Сказкин. Во вступительном слове он отметил, что цель настоящего обсуждения — определить научный уровень книги А. Я. Гуревича, изданной в качестве учебного пособия для исторических факультетов. С. Д. Сказкин сказал, что, по его мнению, в книге А. Я. Гуревича содержится много дискуссионных проблем, много путаных формулировок. С точки зрения основных положений исторического материализма не совсем понятно стремление автора ослабить или вовсе устранить значение экономики при рассмотрении всемирно-исторического процесса (например, переход от рабовладельческой формации или первобытнообщинной к феодальной, утверждает А. Я. Гуревич, не может быть объяснен развитием производительных сил, и т. п.). На основании всего этого книга А. Я. Гуревича, вызывающая сомнения в правильности применения им основных положений исторического материализма, может быть предме-

том научной дискуссии, но ее ни в коем случае нельзя рекомендовать в качестве учебного пособия.

Профессор Г. А. Новицкий в своем выступлении сказал, что книга А. Я. Гуревича «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе» никак не может быть признана удовлетворяющей требованиям, предъявляемым к учебным пособиям. А. Я. Гуревич, как это видно из ряда высказываний в его книге, отрицает значение экономической основы феодализма и, более того, по существу, не хочет считаться с марксистско-ленинским учением об общественно-экономических формациях. Он даже отказывается от самой возможности определения сущности феодализма. В его рассуждениях о многоликости «моделей» феодального общества, отрицании наиболее типических черт феодализма во французском его варианте, усиленном стремлении сводить все к личностным связям содержится так много противоречий и путаницы, что книга в целом оказывается в противоречии с рядом выводов, к которым советская историческая наука пришла особенно за последние десятилетия. Эти крупные недостатки, подчеркнул Г. А. Новицкий, делают совершенно невозможным сохранение за книгой грифа учебного пособия. Учебное пособие такого качества может только дезориентировать студентов.

Профессор А. Р. Корсунский отме-

тил, что в книге А. Я. Гуревича рассматривается ряд важных проблем генезиса феодализма в Западной Европе, высказываются суждения о характере феодализма в целом. Сделав критические замечания по поводу оценки генезиса и сущности феодализма в советской и зарубежной исторической литературе, А. Я. Гуревич формулирует собственную концепцию возникновения феодализма в Западной Европе. Он утверждает, что неотъемлемой чертой феодализма является господство межличностных прямых социальных связей, которые в раннефеодальном обществе преобладают над вещными (стр. 23).

А. Я. Гуревич полагает, сказал далее А. Р. Корсунский, что представление о французском феодализме как о «классическом» логически ошибочно, так как данная общая «модель» представляет лишь частный случай, а не обобщение широкого круга данных (стр. 10—11). Остановливаясь на возникновении феодализма в Западной Европе, А. Я. Гуревич отрицает зарождение каких-либо элементов феодальных отношений в позднеримском и в варварском германском обществе (стр. 150—153). Феодализация была результатом столкновения варваров с римским обществом, с новыми условиями жизни после их поселения на римской территории (стр. 154—155). Ломка традиционных социальных связей, которые ранее обеспечивали индивидууму поддержку и защиту со стороны родовых групп, вызвала необходимость в новых, личностных связях. Рядовые свободные, занимавшиеся крестьянским трудом, нуждались в покровительстве тех, кто принадлежал к господствующему классу. Произошло функциональное разделение труда между крестьянами, занимавшимися производственным трудом, и феодалами, на которых лежали военная служба и управление. Формирование крестьянства, утверждает автор, не результат, а причина генезиса феодализма (стр. 181).

В работе А. Я. Гуревича содержится ряд положений, заслуживающих внимания. Его критические замечания относительно определения феодализма, принятого в учебной литературе, не лишены основания. По этому поводу выступал уже К. К. Зельин¹. А. Я. Гуревич имеет некоторые основания критиковать и интерпретацию синтеза рим-

ских и германских отношений в период генезиса феодализма в Западной Европе. Полезна также постановка вопроса о содержании понятия свободы в феодальном обществе. Особую ценность представляет собой II глава книги — «Индивид и общество в раннее средневековье». В ней собран большой фактический материал и высказаны интересные замечания относительно характера общественного сознания, права и социальных связей варваров.

Но решающее значение для суждения о книге, сказал А. Р. Корсунский, имеет, однако, вопрос, насколько обоснована отстаиваемая автором концепция генезиса феодализма. Исходным ее положением является тезис о доминирующем значении личностных связей в системе феодальных отношений. С этой идеей связано и отрицание зарождения элементов феодальных отношений в Римской империи и в варварском обществе и утверждение, будто процесс феодализации не связан с превращением земельных наделов свободных общинников в отчуждаемую собственность. В советской исторической литературе, как известно, утвердилось мнение, что в позднеримском обществе зарождаются элементы феодальных отношений (коллат, позднеримский патронат). Автор же книги, не подкрепляя своих соображений никакими научными доказательствами, отрицает наличие каких-либо зачатков феодальных отношений в Римской империи, а также появление предпосылок для феодализации в варварском обществе. А. Я. Гуревич утверждает, что на протяжении веков до великого переселения народов варвары Европы стояли приблизительно на одной и той же стадии (стр. 153). Сведений о социально-экономическом развитии германцев до их поселения на римской территории в нашем распоряжении действительно немного. Но косвенные данные источников позволяют судить об усилении имущественной дифференциации, о начинающемся социальном расслоении, о появлении зачатков государства, об изменениях в области духовной культуры у ряда германских племен еще до их переселения на территорию империи. Столкновение варваров с Римским государством и взаимодействие римских и германских отношений ускорили развитие феодальных отношений, но не были причиной их возникновения.

Доказывая примат личных отношений над вещными в системе феодализма, автор отрицает важнейшее значение возникнове-

¹ К. К. Зельин, Т. К. Трофимова. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье в эллинистический период. М. 1969, стр. 29—31.

ния индивидуальной отчуждаемой собственности для процесса феодализации. Он присоединяется к критическим замечаниям М. В. Колганова относительно принятой в советской историографии точки зрения на аллод как свободно отчуждаемую земельную собственность, появление которой было предпосылкой превращения свободных общинников в зависимых крестьян (стр. 150). А. Я. Гуревич доказывает, что аллод нельзя считать частной собственностью на землю, так как владение аллодом, как и фольклендом и одалем, было связано с рядом ограничений (стр. 31—40). Но решающее значение имеют в данном случае не ограничения в праве отчуждения (которые, кстати, не были чужды ни римскому праву, ни современному буржуазному аграрному законодательству). Важен вопрос, могло ли осуществляться все же отчуждение земли в широких размерах или нет. Источники свидетельствуют о том, что в эпоху раннего средневековья отчуждение земельных наделов свободных общинников носило массовый характер, хотя в различных странах в разных масштабах. А. Я. Гуревич отмечает, что подлинного отчуждения земли не происходило в том случае, когда общинник передавал свою землю в качестве прекария феодалу, так как он продолжал обрабатывать эту землю. С таким доводом согласиться нельзя, потому что утрата права собственности на землю имела вполне реальные результаты для крестьянства: обязанность выплаты ренты. А. Я. Гуревич высказывает сомнение в обоснованности распространенного среди советских медиевистов тезиса об экономической неустойчивости крестьянского хозяйства в эпоху средневековья как о факторе разорения свободных крестьян. Неустойчивость, отмечает он, не исчезла ведь после превращения этих крестьян в держателей земель крупных собственников (стр. 155—156). Здесь А. Я. Гуревич, по мнению А. Р. Корсунского, допускает ошибку. Сопоставлять по степени устойчивости следует не хозяйства мелкого аллодиста и мелкого держателя, а хозяйства аллодиста и феодальную вотчину, которая, несомненно, была экономически более устойчивой хозяйственной организацией. Отрицая доминирующее значение экономического фактора в процессе феодализации, А. Я. Гуревич, естественно, не занимается вопросом о формировании феодальной вотчины, которая как бы выпадает из феодальной системы. Тезис автора, что личностные отношения в

рассматриваемую эпоху доминировали над вещными, остается декларативным.

С А. Я. Гуревичем можно согласиться, когда он критикует высказывавшийся в свое время взгляд, будто классовая борьба крестьян помешала феодалам низвести их до уровня рабов (стр. 84). Но сам он допускает упрощенный подход к процессу классового образования, когда превращение свободных крестьян в зависимых представляется результатом стремления крестьян избавиться от государственных тягот и получить защиту и покровительство от феодалов. Поскольку автор недооценивает значение возникновения экономической зависимости крестьян от вотчинников и заинтересованность последних в приобретении права собственности на крестьянскую землю, то основными стимулами феодализации становятся субъективные факторы: желание крестьян получить покровительство, с одной стороны, стремление феодалов расширить свое могущество — с другой. Правда, А. Я. Гуревич отмечает, что в основе разделения на классы в феодальном обществе лежало общественное разделение труда. Но он не учитывает, что само это разделение труда было обусловлено определенным уровнем развития производительных сил и производительности общественного труда.

Ряд проблем, затронутых в книге А. Я. Гуревича, по мнению А. Р. Корсунского, требует дальнейшего исследования. В целом же концепция генезиса феодализма, которая отстаивается автором, не представляется научно обоснованной.

Профессор М. Т. Белявский отметил, что книгу А. Я. Гуревича начинаешь читать с интересом. Во введении автор правильно отмечает ряд недостатков, свойственных нашей литературе по истории феодализма (нередко явления, процессы, категории одних стран механически переносятся на другие, что мешает выявлению особенностей истории феодализма у разных стран и народов; неоправданно мало внимания уделяется изучению политической истории, надстройки, права, церкви, идеологии, культуры и пр.). М. Т. Белявский заметил, что в книге А. Я. Гуревича немало интересных положений и наблюдений по этим вопросам. Казалось бы, что, поставив эти вопросы, А. Я. Гуревич должен был углубить, конкретизировать наши представления о феодализме как общественно-экономической формации, раскрыть особенности генезиса феодализма в разных странах, вы-

иснить причины этих особенностей. К сожалению, дело обстоит прямо противоположным образом. Заявив, что «феодалная формация характеризуется противоречием между крупной собственностью на землю и мелким производством крестьян», «внеэкономическим принуждением», что «такое понимание феодализма дает прочную научную основу для изучения конкретных вопросов истории средневековья» (стр. 7), А. Я. Гуревич всем содержанием своей книги выступает фактически против учения о социально-экономических формациях и феодализме как одной из формаций. Автор заявляет, что «теоретическое представление о феодализме» создано не «на основе обобщения широкого круга данных», а путем возведения в норму конкретного материала, полученного «прежде всего из изучения истории одной области Франции за не слишком определенный и краткий отрезок средневековья» (стр. 10). В результате «принятая теория феодализма не отражает ряда существеннейших черт социального строя, широко распространенных за пределами Франции» (стр. 12) и, поскольку «за общую «модель» взят лишь частный случай», то такая «модель» «из средства познания превращается в препятствие для адекватного уяснения существа общественных отношений» (стр. 13). Поэтому, утверждает А. Я. Гуревич, изучение феодализма в разных странах обнаруживает «несоответствие действительно социальных условий» критериям так называемого классического феодализма, «своего рода «модели». Есть лишь «нечто общее, на основании чего ученый говорит о феодализме», но еще больше «аномалий», несоответствий «норме», общему определению» (стр. 9—10). Более того, «принятая теория феодализма не отражает ряда существеннейших черт социального строя... исключает такие его черты, которые на значительной части территории Европы являлись ведущими и конститутивными» (стр. 12). За этим следует вывод, что «одной лишь социально-экономической характеристики» недостаточно, что необходимо и возможно в рамках средневековья построить целый ряд целостных функциональных социально-культурных «моделей» (стр. 24).

Главные черты феодализма, отличающие его от предшествующего этапа в истории человечества, определяющие его особенности и развитие, выявлены К. Марксом и Ф. Энгельсом. А. Я. Гуревич же пытается уверить нас в том, что становление феода-

лизма не было связано с развитием производительных сил. Автор призывает «выйти за пределы одних лишь производственных отношений и рассмотреть специфические, для данной именно формации характерные формы общественных отношений вообще» (стр. 221). Но, во-первых, мы видели, что он фактически отвергает значение производственных отношений в качестве основного критерия, а во-вторых, важно выяснить, что же он выдвигает взамен этого критерия при характеристике феодализма. Оказывается, что главными, определяющими чертами феодализма являются «глубокая многоукладность и пестрота социальных и хозяйственных форм», что именно соотношение укладов в их взаимодействии определяло развитие феодального общества (стр. 13—17 и др.). Но каждому историку известно, что многоукладность существовала во всех формациях и существует и сейчас в большинстве, если не во всех странах. Кроме того, если уж в качестве основного признака выдвигается многоукладность, то необходимо установить, что же такое уклад и какими критериями он определяется. Этого автор не делает и ограничивается тем, что называет «общинный уклад» (стр. 21), не раскрывая, что он вкладывает в это понятие, и утверждая, что этот уклад противостоял феодальному. Еще более странным (если не сказать резче) выглядит утверждение А. Я. Гуревича о том, что «средневековый город имел качественно иную, нежели феодализм, основу — и производственную и общественную». И это говорится о городе с феодальными сословиями, цехами, гильдиями, о городе, без которого феодализм не мог ни формироваться, ни развиваться! Это уже полное непонимание, что такое феодализм.

Вторым «критерием разграничения и классификации различных типов социальных структур», характерным для феодализма, А. Я. Гуревич объявляет «личностные отношения» (стр. 21). По сравнению с ними производственные, материальные, социальные играют второстепенную роль. Именно личностные отношения, по А. Я. Гуревичу, определяют процесс генезиса феодализма и составляют главную его черту. Чтобы доказать это недоказуемое положение, автор наполняет антиисторическим содержанием такие понятия, как «собственность», «свобода» и др. Обнаружив, что собственность в эпоху феодализма сильно отличается от собственности в период капитализма, А. Я. Гуревич пишет, что фео-

дал подчинял, закабалял крестьянина главным образом не из экономических соображений, а преимущественно из-за «стремления упрочить свое общественное положение, расширить сферу власти, распространить, насколько возможно, свое личное могущество» (стр. 42). Аналогичным образом поступает автор и в отношении «свободы». Суть его рассуждений сводится к тому, что в период генезиса феодализма каждый свободен и не свободен по-своему; что феодальная зависимость и крепостничество — разные явления, ибо крепостничество — специфическая форма зависимости и эксплуатации крестьян, которая развилась «в период растущей товарности сельскохозяйственного производства и укрепляющегося самодержавия» (стр. 46—47, 52, 184—186 и др.). Все это давным-давно знакомо историкам и по работам XIX в., и по теории «закрепощения и раскрепощения сословий», и по широко распространенным в зарубежной науке «моделям» средневековья, построенным на главенствующей роли надклассового государства, правовых институтов, «моделям», противостоящим «примитивным», «устаревшим» понятиям об общественно-экономических формациях.

Отвергнув в качестве основного критерия феодализма производственные отношения, А. Я. Гуревич идет дальше: он отвергает самую закономерность возникновения феодализма, доказывая, что ни античное общество, ни «общинный строй», ни варварское общество «не порождали феодализма»; «не вели к феодализму», что от множества различных факторов зависело, «пойдет ли это развитие по направлению к рабству, к феодализму или к какому-нибудь иному (интересно было бы узнать, что это за «иной» — капитализм, социализм? — М. Б.) классовому строю» (стр. 152—153, 214—215). В сущности, единственной причиной установления феодальных порядков, по А. Я. Гуревичу, оказывается то обстоятельство, что варвары, очутившись «в совершенно чуждой им по всем показателям среде», встали перед необходимостью организовать над ней свое господство (стр. 216, 154—155). О крайней необоснованности этого утверждения нет необходимости даже говорить, достаточно отметить, что нашим историкам, принявшим положение А. Я. Гуревича, придется немедленно вернуться к норманистской теории, чтобы объяснить складывание феодализма в Древней Руси. Столь же странными оказываются и другие причины, со-

действовавшие появлению этого нового строя: по А. Я. Гуревичу, его создали христианство и законы. Никто не собирает отрицать их роли в процессе формирования и развития феодальных отношений, и когда говорится только о них и не показывается, что превращение христианства в государственную религию и издание соответствующих законов были подготовлены обусловлены уже достигнутым уровнем феодализации, то опять все становится с ног на голову.

Возможность создания бесконечного числа «моделей» феодализма, отрицание тех его черт, которые являются главными, определяющими характер феодализма как огромного этапа в истории человечества, привели к совершенно беспрецедентному случаю. Книга посвящена генезису феодализма, но автор отказывается (как он сам пишет в заключении — стр. 220) дать определение, что же такое феодализм, как он формируется, генезис чего он исследует. Автор объясняет это тем, что «внимательный читатель» сам составит «представление о понимании феодализма, которое лежит в основе книги» (стр. 220), что всякое определение «отличается жесткостью, отработанностью, однозначностью», что оно «поставит предел» дальнейшему исследованию проблемы. Но если проф. Гуревич сам не до конца осознал, что такое феодализм, зачем он взялся за составление учебного пособия для студентов?

М. Т. Велявский допускает мысль о том, что А. Я. Гуревич исходил из самых благих намерений, но то, что у него получилось, представляет собой смесь крайне противоречивых утверждений, зачастую не только не аргументированных, но просто безответственных (см. стр. 184—185 о современном понимании свободы; стр. 42 — о целях магнатов, ставивших крестьян под свою власть; стр. 52 — о неприменимости к Западной Европе понятия «закрепощение»; стр. 50 — о том, что крестьяне в первую очередь боролись не за снижение ренты; стр. 60 — о фиктивности, номинальности публичной власти, не перераставшей в частную; стр. 157—158 — о сопоставлении производительных сил античного и феодального обществ), произвольного отбора и использования источников, псевдонаучных «моделей», противостоящих критериям марксистско-ленинской характеристики феодализма как общественно-экономической формации и повторения как давным-давно известных буржуазных теорий, так и модных сейчас

на Западе «новинок». Появление такой книги понять трудно; еще трудней понять, как над ней работали редактор и издательство, и совсем невозможно понять, как книга А. Я. Гуревича могла быть издана в качестве учебного пособия для студентов. Она может их только запутать, посеять в них сомнение в применимости марксистско-ленинской методологии к изучению данной проблемы. Создание и издание такого учебного пособия — грубая ошибка, которая должна быть исправлена.

Доцент А. М. Сахаров в своем выступлении сказал, что содержащая ряд интересных наблюдений и мыслей книга А. Я. Гуревича в целом с неправильных теоретических позиций решает проблему генезиса феодализма. В этом отношении особенно характерна III глава книги, где настойчиво проводится мысль о внеэкономическом происхождении феодализма, а самая возможность анализа социально-экономических предпосылок возникновения феодализма трактуется как «ссылка на игру экономических сил», которой «невозможно заменить конкретный социологический анализ» (стр. 156). Конкретная аргументация и в области теоретической и в области фактической выглядит в этой главе весьма неубедительно.

А. Я. Гуревич все время настаивает на том, что за экономическими отношениями скрываются личностные, и истолковывает приводимые им примеры таким образом, что не потому человек становился несвободным, что собственность на землю сосредоточивалась в руках феодалов, а наоборот, появление личной зависимости, возникающей внеэкономическим путем, ведет к распространению собственности господина на крестьянскую землю. Но разве автору книги неизвестно такое весьма характерное для средневековья явление, когда выработка терминов, означающих новые социальные и политические отношения, намного отстает от развития самих этих отношений? Пользуясь системой доказательств А. Я. Гуревича, можно, например, истолковать договорную грамоту между московским и тверским князьями в 1375 г. как свидетельство того, что тверской князь на самом деле был «младшим» братом московского князя и что лишь поэтому он попадал в прямую политическую зависимость от Москвы. А таких примеров в источниках сколько угодно: мы знаем, что отношения и политической и экономической зависимости часто облекались в фор-

му личностных отношений, но это совершенно не значит, что последние были источником первых.

А. М. Сахаров считает, что мы имеем дело не со случайной творческой неудачей ученого, неудача эта имеет методологическое происхождение. Для тех, кто думает, что структурализм может дать наиболее плодотворные результаты сам по себе, книга А. Я. Гуревича наглядно свидетельствует о бесплодности «модных» теоретических течений. «Рассматривая феодализацию с социологической точки зрения, как переход от одной системы социальных связей к другой» (стр. 162), А. Я. Гуревич, на наш взгляд, пришел в конечном счете к отрицанию феодализма как общественно-экономической формации. Для него существуют «феодальная система», «феодальный тип», «феодальный строй», наконец, синтезом всех этих понятий является «феодализм как целостная функционирующая система» (стр. 222—223). И это тоже не случайно. В трудах бывшего методологического сектора Института истории, одним из авторов которых был А. Я. Гуревич, велась речь о выделении «первичной» и «вторичной» формаций, о необходимости отказаться от признания феодальной формации.

А вот что писалось в предисловии к сборнику «Проблемы истории докапиталистических обществ», вышедшему в 1968 г.: «Каждая формация выглядит все более многовариантной, ее полюса раздвигаются, ее изменчивые облики, переходные типы, сплошь и рядом размытые контуры и «неудобные» исключения, относящиеся притом к существенным моментам развития, создают иллюзию невозможности объяснения их при помощи какой бы то ни было схемы. Противоречие между конкретным и общим «взрывается», возникает потребность найти новое их равновесие. Для марксистов проблема состоит прежде всего в усовершенствовании стадийного метода. Самое понятие «формация» на каждом этапе развития науки должно, естественно, подвергаться исторической критике, вбирая в себя свежие пласты конкретного материала, обновляя свою логическую структуру, уточняя свои границы»². В этом сборнике принимал участие как автор и А. Я. Гуревич. Указывая тогда на то, что «центральной проблемой исторического знания на современном этапе его развития нам представляется проблема целостного охвата исторической дей-

² «Проблемы истории докапиталистических обществ». М. 1968, стр. 9—10.

ствительности»³, он далее рассуждает в таком духе, что непосвященный читатель подумает, будто раньше никто и не мог подойти к «целостному охвату исторической действительности» и только теперь впервые выдвигается задача «выработать такие методы исследования, которые позволили бы раскрыть в субъективно окрашенных творениях объективные системы отношений»⁴. Невольно возникает вопрос: разве теоретическая работа Маркса, Энгельса, Ленина и других марксистов не дала возможности подойти к целостному охвату исторической действительности и только теперь «методологи» выдвигают эту задачу?

Методологический сектор, вероятно, начиная свою деятельность с самыми благими намерениями, ибо в то время имело место отставание в разработке теоретических проблем. Но ныне совершенно ясно, что работы, подобные книге А. Я. Гуревича, не способствуют развитию марксистской теории познания исторического прошлого, а, наоборот, уводят от нее в дебри структурализма и прочих «новомодных», хотя уже давным-давно показавших всю свою несостоятельность теорий.

Профессор Е. В. Гутнова указала, что в учебном пособии А. Я. Гуревича есть ряд интересных моментов: удачны глава II — «Индивид и общество в раннее средневековье» и § 2 главы I «Богатство и дарение в варварском обществе», справедливо подчеркивается многоукладность феодального строя, наличие различных «моделей» или типов генезиса феодализма, значительная роль личных связей в ранне-средневековом обществе, необходимость комплексного изучения проблемы генезиса феодализма (см. введение). Вместе с тем в книге имеется ряд утверждений, неприемлемых для учебного пособия. Первое из них — весьма субъективное, а потому неверное изображение советской медиевистики по данному вопросу как отсталой, доктринерской, вульгарно-экономической. Выработанное ею понимание феодализма объявляется основанным на одной лишь «франкской модели» (стр. 8—10, 25), чисто экономическим (стр. 5, 58). Ряду советских медиевистов А. Я. Гуревич приписывает полное непонимание различий между феодальной и буржуазной собственностью (стр. 27, 30, 31, 149). Между тем общепринятое в советской медиевистике понимание

феодализма (приведенное на стр. 7 книги включает в себя также его социальную политико-юридическую характеристику, том числе и специфику личных связей, суммирует общие черты этого строя, присущие не одной только «франкской модели». Он допускает типологическое рассмотрение феодализма и его генезиса, которое уже конкретизировалось в работах ряда советских историков (Е. А. Косминского, С. Д. Скакина, А. И. Неусыхина, А. Д. Люблинского, А. Р. Корсунского, М. Л. Абрамса, З. В. Удальцовой, Я. Д. Серовайского, самого А. Я. Гуревича). Такое рассмотрение проводилось перечисленными авторами применительно к разным частям Франции, к Англии, скандинавским странам, Византии, Италии, Испании, и не только в плане экономическом, но и в плане изменения социальных связей, политической структуры, социальной психологии, складывания этнических общностей. Никто из советских медиевистов не отождествлял феодальную земельную собственность с буржуазной. Все они подчеркивали ограниченность феодальной собственности и вообще историчность понятия «частная собственность». Что же касается будто бы развиваемого ими тезиса об «обезземелении» франкского крестьянства, то даже в учебнике отмечается, что массового сгона крестьян с земли в то время быть не могло⁵. Такое окарикатурное изображение советской медиевистики — весьма удобный, но недостойный прием, особенно в учебном пособии. В обсуждаемой книге этот прием служит тому, чтобы лучше оттенить новизну авторского подхода к проблеме. А. Я. Гуревич понимает феодализм как систему «личностных связей», в которых автор (при всех оговорках) видит главный структурообразующий элемент феодального строя и его генезиса (см. стр. 41, 42, 44, 63, 162, 169, 181, 184). Это положение, слабо аргументированное и носящее характер гипотезы, едва ли уместно в учебном пособии.

Помимо того, что А. Я. Гуревич отрывает эти «личностные связи» от их экономической, материальной основы, как это уже отмечалось, он подводит под понятие «личностного покровительства» и «взаимных услуг» и отношения между крестьянами и феодалами. Тем самым он, по существу, оставляет в тени эксплуататорский характер этих отношений (стр. 170, 172, 174, 176).

³ Там же, стр. 384.

⁴ Там же, стр. 388.

⁵ «История средних веков». Т. I. М. 1966, стр. 133.

Ратуя во введении за комплексный подход к проблеме, А. Я. Гуревич на практике сам концентрирует внимание лишь на одной ее стороне, и притом не главной, вольно или невольно упуская из виду ее определяющую основу — изменение в отношениях собственности. Предлагаемая А. Я. Гуревичем гипотеза генезиса феодализма не нова в историографии и кое в чем возвращает нас к представлениям 70—80-летней давности. Что личные связи играли при феодализме большую роль, бесспорно и давно доказано еще историками XIX века. Но были среди них и такие, которые неправомерно преувеличивали эту роль. Так, Жак Фляк еще в конце 80—90-х годов XIX в. считал личные связи определяющими в раннефеодальном обществе, а переход к феодализму понимал как смену семейных и родовых отношений патронатными⁶.

Для обоснования своей точки зрения, во многом близкой к утверждению Ж. Фляка, А. Я. Гуревич не приводит существенно нового фактического материала.

Нельзя не заметить и того, что главное полемическое острие книги направлено против советской историографии в лице ее отдельных представителей (стр. 52, 85, 92, 119, 154, 155, 210, 220, 222 и др.) и в целом, а также против концепции генезиса феодализма Ф. Энгельса (стр. 146—150). Между тем читателю остаются неизвестными важнейшие концепции по этому вопросу и их отличия. Такой «перекос» в историографической экспозиции книги особенно неудачен в учебном пособии, адресованном не искушенным в данных вопросах студентам. Едва ли он может стимулировать их самостоятельное мышление, в чем автор книги видит одну из главных целей ее издания (стр. 6). В книге А. Я. Гуревича есть и серьезные для учебного пособия методические просчеты: в ней много крайне противоречивых и слабо аргументированных суждений, ненужных повторений (в частности, в главах I и III). Автор настойчиво отрицает существование в раннесредневековом обществе частной, свободно отчуждаемой земельной собственности (стр. 27—34, 146—148), но в главе II он многократно цитирует титулы варварских прав, в которых говорится об отчуждениях и купле-продаже земли (стр. 94, 102, 111). Доказывая отсутствие в эту эпоху частной собственности, А. Я. Гуревич аргу-

ментирует это тем, что земля не была товаром и не рассматривалась как капитал, приносящий прибыль (стр. 42, 44), что доходы, получаемые от нее, тратились на дарения, пиры и т. д. Но тем самым он применяет к феодальной собственности критерии собственности буржуазной, против чего столь решительно выступает в теории (стр. 40—43, 145—150). Слабо аргументировано определение прекарной сделки как акта вступления крестьянина в личную зависимость (стр. 41, 42), англо-саксонского «бокленда» как «феодального института» (неясно, в каком смысле), а не феодальной частной собственности (стр. 34). Обещая вначале (стр. 24), что он займется построением наиболее типичной, с его точки зрения, средне- и североевропейской «модели» феодализма, А. Я. Гуревич в дальнейшем свою аргументацию строит в основном на франкском «синтезном» пути феодализации, не объясняя, как же пришли к феодализму Англия и скандинавские страны, не знавшие столкновения с Римом. А ведь именно на этой нераскрытой модели строится вся схема приоритета «личных связей» над «вещными» в феодальном обществе.

Бездоказательно неоднократно повторяемое утверждение (стр. 150, 152, 154) о том, что ни в позднеримском, ни в варварском обществах не было зародышей феодализма (хотя применительно к позднеримской общественной структуре наличие таких зародышей доказано многими, в том числе и советскими исследователями). А между тем этот тезис означает отрицание многоукладности этих обществ вопреки собственному мнению автора о многоукладности всех докапиталистических формаций (стр. 18, 20), а также спонтанности и закономерности перехода от рабовладельческого и первобытнообщинного строя к феодальному. Этот переход у А. Я. Гуревича оказывается случайным, результатом столкновения двух замкнутых, неподвижных систем и остается совсем непонятным, как же феодализм возник там, где такого столкновения не было, в той же Северной, Средней и Восточной Европе. Противоречивость и даже некоторая сумбурность изложения материала (примеры которых можно было бы умножить) затрудняют чтение книги.

Проблемы генезиса феодализма — сложные и спорные. Поэтому всякую попытку их решения следует приветствовать. Можно лишь пожалеть, что в поисках собственного

⁶ J. Flach. L'origine de l'Ancienne France. T. II, pp. 561—576; T. III, pp. 2—3 etc.

решения этих проблем А. Я. Гуревич отрывается от сферы материальных отношений и притом в книге, адресованной студентам; что он во многих случаях рискует увести их с твердой почвы фактов и обобщений, добытых уже советскими исследователями, в область предположений, еще нуждающихся в научных доказательствах.

Даже читатель-неспециалист, сказал профессор Ю. М. Сапрыкин, легко заметит, что А. Я. Гуревич в своей книге полемизирует не столько с буржуазной медиевистикой, сколько с советской, с ее методологическими положениями и научными выводами, с ее концепцией возникновения феодальных отношений и методом исследования. Именно в этом состоит смысл призыва А. Я. Гуревича к «прочистке» понятий, принятых в советской медиевистике, и его обращения к молодому поколению историков, от которого, по его словам, «должно ожидать постановки новых вопросов, поисков нетрадиционных путей решения вопросов, унаследованных от старших поколений исследователей». «В науке не существует раз навсегда решенных вопросов», — утверждает А. Я. Гуревич, не понимая (или делая вид, что не понимает) того, что такое утверждение означает отрицание науки вообще (стр. 4, 6). Ю. М. Сапрыкин полностью поддержал критические замечания, высказанные в предшествующих выступлениях участников обсуждения; он согласился с тем, что в книге А. Я. Гуревича много путаницы, недоказанных утверждений, в которых буквально тонет несколько интересных наблюдений, сделанных автором.

Ю. М. Сапрыкин особо остановился на попытке А. Я. Гуревича принизить значение земельной собственности и экономических связей и выдвинуть на первое место личностные связи как решающие и главные в период складывания и господства феодальных отношений. Основоположники материалистического понимания истории выяснили сущность феодальных отношений, однако с сожалением приходится констатировать, что их формулировки на этот счет, имеющие для медиевистов огромное методологическое и научное значение, в книге А. Я. Гуревича используются недостаточно. К. Маркс в 47-й главе третьего тома «Капитала» различает в феодальных отношениях экономическую и внеэкономическую стороны и устанавливает, что первая выражается в поземельной зависимости крестьянина от феодала и уплате им феодальной

ренды, а вторая — в личной зависимости его. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что в наделении помещиком крестьянина землей и прикреплении к ней состоит сущность экономических отношений между ними, что именно в этом и есть «источник или «средство и условие» эксплуатации крестьянина помещиком, что феодальная рента является «формой экономической зависимости крестьянина» от феодала. А различные формы внеэкономической принуждения, или личностные отношения при всей их важности и необходимости при феодализме не определяли сущность феодальных отношений, а были лишь одним из условий, обеспечивающих феодальную эксплуатацию. Крепостническая эксплуатация, отмечает В. И. Ленин, была «опутана» разными политическими, юридическими и бытовыми привесками, уловками и ухищрениями, которые мешают трудящемуся и его идеологу видеть сущность тех порядков, которые давят на него, была «прикрыта» личными отношениями господина к его подданному, его «прямой властью» над личностью крестьянина⁷.

В свете марксистского понимания сущности феодальных отношений становится очевидным, что исследователь-марксист должен рассматривать генезис феодальных отношений прежде всего как процесс образования крупной земельной собственности и потери непосредственным производителем-крестьянином земли и свободы в период разложения первобытнообщинных отношений. Из этого исходят советские медиевисты, вырабатывая ту концепцию генезиса феодальных отношений, которую А. Я. Гуревич пытается опровергнуть в своей книге.

Книга А. Я. Гуревича свидетельствует о научной несостоятельности предпринятой им попытки по-новому решить проблему генезиса феодальных отношений в странах Западной Европы. Третья глава книги, посвященная этой проблеме, самая путаная, в ней много недоказанных положений, автор явно не желает выделить в процессе генезиса феодальных отношений коренные факторы и игнорирует причинную связь явлений. Все это объясняется несостоятельностью основной посылки автора — рассмотреть процесс возникновения феодальных отношений лишь как результат изменения

⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 184—185; т. 15, стр. 131, 134; т. 19, стр. 331—332; т. 25, стр. 90.

⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 1, стр. 421, 310; т. 3, стр. 185, 206; т. 15, стр. 130.

социальной структуры, отключив эту структуру от развития способа производства материальных благ, от развития производительных сил и производственных отношений как объективного естественноисторического процесса и возведя ее в автономное целое, развивающееся по собственным законам и имеющее свою каузальность.

Содержащиеся в книге А. Я. Гуревича ошибки и недостатки проистекают из определенных теоретических положений, которые в течение последних лет широко пропагандировались у нас небольшой группой историков и философов: методологию истории надо исключить из исторического материализма, потому что ее объектом является конкретная историческая закономерность, а законы исторического материализма есть социологические законы, относящиеся только к большим периодам истории человечества; в докапиталистические времена личностные отношения преобладали над экономическими, последние в основном возобладали только с появлением товарного производства; производительные силы не играли той решающей роли при переходе от античности к феодализму, которую им приписывают советские историки; личность и ее историческая роль принимаются применением общих законов исторического материализма в историческом исследовании; идея о закономерности прогресса общества несостоятельна,—история свидетельствует о наличии альтернативных вариантов исторического развития. Ю. М. Сапрыкин привел несколько высказываний из статьи А. Я. Гуревича, помещенной в сборнике «Философские проблемы исторической науки» (М. 1969), которые помогают лучше выяснить теоретические основы его книги и понимание им структурного метода исследования. Говоря о законах исторического материализма как законах «общего движения человечества в целом», А. Я. Гуревич утверждает: «По этой причине, а также потому, что они обнаруживаются в истории всегда лишь в виде тенденций, их следовало бы считать скорее социологическими законами, а не специфическими законами истории в собственном смысле слова»⁹. А в заключительной части статьи по этому поводу говорится еще более определенно: «Ссылка на одни лишь общие законы не только бесплодна в теоретическом отношении — она в высшей степени вредна и этически», так как якобы таким образом

игнорируется деятельность отдельной исторической личности в истории (стр. 78). Обосновывая таким образом необходимость выявлять конкретную историческую закономерность, А. Я. Гуревич считает, что установить эту закономерность возможно только методом структурного анализа, потому что структурность — всеобщая черта действительности. «Конкретная историческая закономерность — это закономерность данной социальной системы или структуры», — пишет он (стр. 67). При этом социальная структура понимается им как совершенно самостоятельный социальный организм, имеющий собственные причинные связи и саморазвивающийся по присущим ей внутренним законам. Он пишет: «Для современного этапа развития науки характерен структурный подход к изучаемым ею объектам. Структура мыслится как единство, элементы которого находятся во взаимосвязи и взаимодействии, причем структурное целое не есть сумма составляющих ее частей-элементов, но нечто отличное от них, обладающее относительной самостоятельностью по отношению к ним. Структура как функциональное единство совокупности элементов управляется своими, только ей присущими имманентными законами, следовательно, обладает собственной каузальностью. Вследствие этого существование, функционирование и изменение структуры определяются не законами, стоящими как бы «вне ее», а носят характер саморегулировки, поддерживающей в определенных условиях равновесие элементов внутри структуры, восстанавливающей его при известных нарушениях и направляющей изменение этих элементов и самой структуры» (стр. 66). В этом и состоит методология решения проблемы генезиса феодальных отношений в обсуждаемой книге А. Я. Гуревича.

Научная несостоятельность предложенного А. Я. Гуревичем решения проблемы генезиса феодальных отношений и его критика взглядов советских медиевистов на эту проблему объясняются не тем, что он попытался применить структурный метод исследования. Главная ошибка А. Я. Гуревича состоит в том, что он этот метод понимает неправильно: в отрыве от марксистско-ленинской методологии исторической науки, от категорий и законов материалистического понимания истории. Марксизм-ленинизм рассматривает явления действительности в их целостности и взаимосвязи, в этом состоит его подлинная научность. И в процессе научного познания нельзя вы-

⁹ «Философские проблемы исторической науки». М. 1969, стр. 52.

хватывать из общественной жизни одну социальную структуру и рассматривать ее совершенно автономно от других, определяющих ее коренных компонентов общественной жизни, это неминуемо ведет к отходу от научного познания сложной общественной жизни, ее явлений и законов, от материалистического понимания истории.

Как видно, А. Я. Гуревич недооценивает тот важнейший факт, что именно марксизм-ленинизм дал подлинно научную методологию для применения структурного анализа при исследовании общественных явлений, в том числе и социальных связей, что этот метод может быть научным лишь на основе материалистической диалектики и категории и законов исторического материализма.

Доцент Г. Н. Анпилов указал на то, что без тщательного обсуждения научной общественностью новых концепций и гипотез нельзя вводить их в учебную и научно-популярную литературу. Тот факт, что, например, гипотеза относительно указа 1592—1593 гг. о закрепощении крестьян (которая, по мнению Г. Н. Анпилова, еще не может считаться доказанной) уже вошла в учебники и в обобщающие труды, свидетельствует о нарушении этого правила. Отсутствие широкого научного обсуждения приводит к появлению таких работ, как книга А. Я. Гуревича, которая не может быть учебным пособием по истории феодализма.

Старший преподаватель Н. А. Хачатурян сказала, что она с интересом прочитала работу А. Я. Гуревича. Книга привлекает внимание прежде всего замыслом автора. При рассмотрении общих проблем генезиса феодализма А. Я. Гуревич попытался привлечь материалы по Норвегии, а также расширить круг вопросов, относящихся к этой проблеме, включив, в частности, вопросы формирования социальных связей, ставшие предметом исследования советской историографии лишь недавно. Обращение к ним на данном уровне советской медиевистики представляется вполне естественным и полезным, так как может дополнить социально-экономическую характеристику феодализма новыми существенными моментами. Если говорить о реальных результатах предпринятого автором анализа, то наиболее удачными представляются § 2 главы I и глава II работы. Они насыщены конкретным материалом, расширяющим наши представления о психологии человека в период перехода от варварского общества к феодальному. Лю-

бопытные наблюдения и информацию содержат в некоторых своих частях и другие разделы работы. Несомненный интерес в частности, вызывает вывод автора о характере соотношения укладов как моментов определяющем разнообразие форм общественной жизни, хотя соображения о многоукладности феодальной экономики в целом не получили правильного, как уж отмечалось, а также конкретного разрешения.

Подобно всем другим участникам обсуждения, Н. А. Хачатурян отметила наличие существенных недостатков и просчетов в работе. Всей своей книгой А. Я. Гуревич говорит о необходимости поиска в науке, однако учит этому поиску студентов, к которым обращена работа, не всегда правильно и удачно. Научный поиск — это творческий процесс, завоевание истины в котором дается не сразу. Но все-таки результат поиска, даже если он не конечный, должен быть строго логичным и продуманным, четко соотнесенным с имеющимися достижениями исторической мысли в этой области. Подобное требование необходимо предъявлять к любому научному труду и тем более к учебному пособию. Книга А. Я. Гуревича не соответствует этому требованию, она является неровной, противоречивой в общей концепции генезиса феодализма, в отдельных выводах и определениях.

Наиболее ощутимо отмеченный недостаток сказался при рассмотрении А. Я. Гуревичем вопроса о соотношении личностных и вещных отношений при феодализме, который составляет центральную линию исследования. Н. А. Хачатурян присоединяется к высказанному общему мнению о том, что автор ошибочно преувеличил роль и влияние личностных отношений в обществе. Наличие неточных и противоречивых определений (кстати, перемежающихся с совершенно правильными определениями в этом вопросе), очевидно, связано с неудачным методическим замыслом работы. Стремясь показать явление во всем его многообразии и чрезмерно увлекшись намерением «дооценить роль личностных отношений», автор переносит внимание с главных и определяющих моментов, как уже известных, на второстепенные, в результате чего искажается целостность явления. Методические недочеты в данном вопросе перерастают в методологические и поэтому особенно недопустимы в учебном пособии.

Данным примером не ограничивается чис-

ло неясных и противоречивых моментов. Уже отмечалось, что читатель остается в неведении относительно того, каким образом возник феодализм в Норвегии, в связи с утверждением А. Я. Гуревича о неспособности варварского общества породить феодализм (стр. 215). Стремясь подчеркнуть недостаточность социально-экономической характеристики феодализма, А. Я. Гуревич пишет, что противоречие между крупным землевладением и мелким крестьянским хозяйством (которое составляет первый признак феодализма) было известно античному и буржуазному обществу (стр. 221). Однако автор забывает при этом добавить, что только при феодализме оно является главным. Вызывает возражение оценка А. Я. Гуревичем модели феодализма, которая, по его словам, возвела в норму только частный случай — французский вариант. Однако эта модель вобрала в себя черты, общие для всех стран Западной Европы, и в современной литературе гибко сочетается с признанием различных типов феодализма. Как всякая схема, она абстрактна и не может учесть «все признаки», как этого хочет А. Я. Гуревич (тогда она растворилась бы в них и перестала бы быть моделью). Кроме того, важно не только количество компонентов, которое вобрала в себя модель, но и их качество, поскольку они должны раскрывать механизм ее действия. С этой точки зрения, подобно некоторым другим выступавшим, Н. А. Хачатурян не видит ничего неестественного в том, чтобы считать Францию классической страной феодализма, поскольку основные закономерности его нашли в ней наиболее полное выражение. Именно поэтому К. Маркс называл Англию страной классического первоначального накопления, хотя этот вариант был отнюдь не типичен для Западной Европы. Вероятно, А. Я. Гуревич хотел бы дополнить модель феодализма еще одной неотъемлемой чертой — господством межличных отношений над вещными. Но эта черта имеет второстепенное значение и, как пишет сам автор, характеризует любую докапиталистическую формацию (стр. 221).

Н. А. Хачатурян разделяет общее недоумение, возникшее в связи с оценкой А. Я. Гуревичем советской медиевистики. Было бы понятно, если бы автор, предупреждая студентов от опасности вульгаризации феодализма, разъяснил, как следует или не следует понимать то или иное явление, но зачем понадобилось вульгарную, упрощенную схему феодализма навязывать всей на-

шей литературе, даже часто без ссылок на конкретные работы? Н. А. Хачатурян имеет в виду необоснованные упреки в адрес советской медиевистики по поводу понимания ею характера поземельного переворота (стр. 31), якобы не осознанной ею специфики крестьянских восстаний на разных этапах феодализма (стр. 49), не существующего в действительности мнения, будто бы исключающего наличие свободного крестьянства при феодализме (стр. 212) или сводящего вопрос о роли производительных сил в процессе генезиса феодализма к однозначному утверждению об их прогрессе, даже при переходе от рабовладения к феодализму (стр. 157, 160, 214, 215). Эти упреки можно опровергнуть, сославшись не только на работы наших крупных специалистов Е. А. Косминского, А. И. Неусыхина, С. Д. Сказкина, но даже на учебную литературу, в частности университетский учебник (изд. 1966, т. I, стр. 66—67, 86, 114, 123, 133, 188, 195, 200 и т. д.). Подобное упрощение, применяемое А. Я. Гуревичем, недопустимо тем более, что в данном случае с его помощью оказывается опороченной вся советская медиевистика в целом, тогда как в действительности достижения ее делают возможными и постановку и правильное разрешение интересных проблем, затронутых в работе.

Доцент А. Д. Горский сказал, что, не будучи специалистом по истории западноевропейского средневековья, он не будет касаться конкретно-исторических вопросов, рассматриваемых в книге А. Я. Гуревича. Но как преподаватель вуза он не может не реагировать на эту работу, изданную в качестве учебного пособия. По мнению А. Д. Горского, критика книги А. Я. Гуревича основательна, справедлива и конкретна.

А. Д. Горский еще раз обратил внимание на введение в книге, точнее, на ту его часть, где говорится, кому и почему адресовано это учебное пособие. На стр. 10, указав, что книга рассчитана преимущественно на студентов-историков, а не на специалистов-медиевистов, автор пишет, что для воспитания пытливости у «начинающего историка желательно ввести его в самую гущу научных споров», ибо «от молодого поколения историков и должно ожидать постановки новых вопросов, поисков нетрадиционных путей решения вопросов, унаследованных от старших поколений исследователей». Хотел этого автор или нет, но здесь налично противопоставление «специалистов-медие-

вистов», «старшего поколения исследователей» (носителей, очевидно, «традиционных путей решения» исторических вопросов), с одной стороны, и «начинающих историков» — с другой. Но такое противопоставление представляется абстрактным и двусмысленным, так как под «старшим поколением исследователей» могут подразумеваться как представители буржуазной, так и представители марксистской историографии. Ясно, что в зависимости от того, кого именно имел в виду автор под «старшим поколением исследователей», отношение к их наследию, к их традициям должно быть различным со стороны «молодого поколения историков», под которыми, несомненно, автор разумеет советских студентов, воспитывающихся в духе и традициях марксистско-ленинской теории: ведь именно им адресовано это учебное пособие. Поскольку А. Я. Гуревич не разъясняет, кого именно он понимает под «старшим поколением исследователей», получается двусмысленность, а не введение студента «в самую гущу научных споров», что нетерпимо в любой серьезной научной работе, а тем более в учебном пособии. Подобных неопределенных, абстрактных, а потому двусмысленных положений в книге немало. На многие из них указывалось в выступлениях. А. Д. Горский остановился на тех, о которых еще не говорилось. На стр. 9 А. Я. Гуревич пишет: «В русской историографии классическое понимание феодализма получило несколько иную окраску». Опять неясно, что разумеется под «русской историографией». Дореволюционная русская историография или также и советская? Если имеется в виду дореволюционная русская историография, то ее представители за единичными исключениями не признавали применимости даже термина «феодализм» к дореволюционной России. Если речь о русской советской историографии или только о ней, то это требует не только оговорок, но и соответствующих (в учебном пособии обязательно), не походя сделанных оценок и разъяснений. Термин «русская историография» в данном контексте расплывчат, неточен, а потому двусмыслен. Поставив одной из своих задач «прочистку понятий» в исторической науке, А. Я. Гуревич сам, однако, не всегда достаточно четко разъясняет употребляемые им понятия. Например, в главе II он дает несколько определений собственности вообще, а также частной собственности. Кроме того, автор употребляет понятия

«свободная индивидуальная собственность», «отчуждаемая собственность», «собственность в юридическом смысле», «право собственности» (стр. 26, 27, 28, 30, 33). Слов нет, проблема собственности с теми или иными ее оттенками, как научная проблема не проста. Но в учебном пособии следовало гораздо четче, чем это сделано А. Я. Гуревичем, сказать обо всех употребляемых им понятиях и их соотношении.

В главе III, § 2 — «Несвободная свобода» — А. Я. Гуревич дает следующее обобщающее определение свободы: «Современное понятие свободы предполагает независимость от кого бы то ни было. Отсюда устойчивое сочетание почти синонимов «свобода и независимость»; свобода понимается как самоопределение. Далее в содержание свободы входит ничем не ограниченное волеизъявление индивида, возможность располагать собой и «поступать так, как хочется», «свобода воли» (стр. 184—185). Абстрактность, ненаучность этого определения настолько ясны, что вряд ли требуют пространных критических комментариев. Достаточно указать на расплывчатость и ненаучность эпитета «современный» (современное понятие свободы), с которого начинается приведенное определение.

Хотя в книге немало сносков, во многих случаях А. Я. Гуревич не называет критикуемых им авторов и их работы. В книге нередко упоминаются некие «историки», говорится о том, что кто-то «обычно» «не задумывается» над таким-то вопросом, что кто-то «недооценивает» (или переоценивает) такие-то обстоятельства, что кем-то «критерии феодализма сведены в логическую схему», что существует чье-то «теоретическое представление о феодализме» и т. д. и т. п. (см. стр. 4, 9, 10, 18, 21, 49, 59, 63, 156 и др.). Подобная «безадресность» критики вряд ли поможет именно «начинающему историку» войти осмысленно в гущу спорных вопросов науки. Такая манера критики ненаучна, так как не позволяет читателю проверить справедливость критики, ознакомиться с аргументами критикуемых «историков». А ведь в научном споре должна быть представлена и другая сторона.

А. Я. Гуревич допустил ошибку, когда решил издать свою работу в качестве учебного пособия. Очевидные недостатки данной работы остались бы и подверглись критике и в том случае, если бы книга вышла в виде монографии. Но тогда автор один нес бы за них ответственность. Теперь же он вольно или невольно возложил часть

ответственности за свою книгу на организации и лица, участвовавшие в издании ее как учебного пособия. А. Д. Горский считает, что определенную ответственность за некоторые недочеты этой книги несут и кафедры — участницы данного обсуждения. Им следовало бы оперативнее реагировать уже на предшествующие работы А. Я. Гуревича. Организовав своевременно обсуждение более ранних работ А. Я. Гуревича и пригласив на него автора, кафедры, возможно, своей критикой помогли бы ему избежать некоторых недостатков, которые имеются в рассматриваемой книге. А. Д. Горский высказал сожаление, что А. Я. Гуревич не принял участия в данном обсуждении его книги.

Доцент Л. М. Брагина внесла предложение устроить более широкое научное обсуждение книги А. Я. Гуревича, поскольку рассматриваемая автором проблема генезиса феодализма в Западной Европе имеет принципиально важное значение для советской медиевистики, а предложенное им ее решение весьма спорно. По мнению Л. М. Брагиной, А. Я. Гуревич справедливо обращает внимание на недостаточную изученность системы личностных связей в эпоху становления феодализма и дает интересное исследование таких вопросов, как богатство и дарение, человек и социальная группа в варварском обществе. Однако, анализируя институт аллодиальной собственности и причины возникновения феодальной зависимости, А. Я. Гуревич не приводит достаточно убедительных аргументов в пользу своей точки зрения, по сути, сводящей на нет роль вещных отношений в процессе генезиса феодализма. В результате

построенная автором модель феодализма оказывается лишенной должного научного основания.

По поводу предложения Л. М. Брагиной С. Д. Сказкин, Е. В. Гутнова и М. Т. Белявский отметили, что настоящее обсуждение книги А. Я. Гуревича как учебного пособия в рамках упомянутых двух кафедр было исчерпывающим; кроме того, некоторые проблемы, затронутые в книге, в частности в главе II, известны научной общественности по неоднократным публикациям А. Я. Гуревича; что же касается проблем генезиса феодализма в целом, то они могут быть предметом обсуждения. Однако вне компетенции факультета предлагать какому-либо научному учреждению организацию этого обсуждения.

В итоге обсуждения было принято следующее решение: отмечая непригодность книги А. Я. Гуревича «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе» в качестве учебного пособия как дезориентирующей студентов и преподавателей в теоретических проблемах генезиса феодализма, закономерностях развития и смены общественно-экономических формаций, просить Научно-методический совет по учебно-методической литературе Министерства высшего и среднего специального образования СССР ходатайствовать перед Министерством о снятии грифа учебного пособия с названной книги А. Я. Гуревича *.

С. Л. Плешкова

* От редакции: Министерство высшего и среднего специального образования СССР 13 июля 1970 г. сняло с книги А. Я. Гуревича гриф учебного пособия.

Хроникальные заметки

◆ В связи со 100-летием со дня рождения В. И. Ленина Министерство культуры СССР и Центральный музей В. И. Ленина организовали в мае текущего года выставку в Париже, посвященную этой знаменательной дате. Экспонаты выставки (документы, рукописи, фотоматериалы), состоящей из пяти отделов, дают представление о жизни и деятельности Владимира Ильича, рассказывают о его жизни в эмиграции, о борьбе за создание марксистской партии в России. Специальный раздел «Ленин во Франции» на основе представленных материалов знакомит посетителей с пребыванием В. И. Ленина в этой стране.

◆ С 19 по 23 мая 1970 г. в Ленинграде, в Государственном музее этнографии народов СССР проходила юбилейная научная

сессия «Расцвет социалистических наций в СССР — торжество ленинской национальной политики», посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Помимо научных сотрудников ГМЭ народов СССР, в сессии приняли участие представители научных учреждений, вузов и музеев Ленинграда и Москвы и большое число специалистов-этнографов из ряда краев и областей РСФСР, Украины, Белоруссии, Узбекистана, Казахстана, Грузии, Азербайджана, Литвы, Молдавии, Таджикистана, Эстонии, из Абхазской, Башкирской, Кабардино-Балкарской, Удмуртской, Чечено-Ингушской и Чувашской автономных республик, из Горно-Алтайской и Юго-Осетинской автономных областей, из Чукотского национального округа. Было заслушано и обсуждено

47 докладов. В докладах и выступлениях освещались актуальные вопросы, связанные с изучением и пропагандой достижений ленинской национальной политики, с историей и перспективами развития национальных культур и искусства народов нашей страны, с практикой музейной работы в области этнографии, истории, краеведения.

◆ Институт языка, литературы и истории имени Г. Ибрагимова Академии наук СССР 27—29 мая с. г. проводил в Казани научную конференцию, посвященную 50-летию образования Татарской АССР. Ее открыл секретарь Татарского обкома КПСС М. Ф. Валеев. Были прослушаны и обсуждены следующие доклады и сообщения: директора института М. К. Мухарьямова — «В. И. Ленин и образование Татарской АССР», Ф. Н. Фаткуллина — «В. И. Ленин и советская автономия», Р. И. Нафигова — «Формирование марксистского мировоззрения В. И. Ульянова-Ленина», М. А. Сайдашевой — «В. И. Ленин и Татария», В. Б. Саркина — «Партийная организация Татарии — один из боевых отрядов КПСС», секретаря Татарского ОК ВЛКСМ В. Н. Липужинной — «Комсомолу Татарии — 50 лет», С. Х. Алишева — «Исторические корни дружбы народов края», Я. Ш. Шарипова — «Социалистический интернационализм — научная основа дружбы народов»; И. М. Ионенко и И. Р. Тагиров рассказали об Октябрьской революции в Казани, М. Р. Булатов — о формировании татарской социалистической нации, У. Б. Билялов, К. А. Назилова, А. М. Залаялов, А. А. Петрова, И. М. Лившиц, Л. Н. Циткина, Р. Г. Мухамедова — об осуществлении ленинского плана строительства социализма в Татарии, З. И. Гильманов — о героической борьбе сынов Татарии на фронтах Великой Отечественной войны, К. Ф. Фасеев, М. И. Махмудов, Т. С. Насыров, Л. Т. Махмудова, Х. Ф. Хайруллин, Х. Х. Ярмухаметов осветили различные аспекты развития культуры и науки в Татарской АССР за 50 лет. Народный артист СССР Н. Г. Жиганов выступил с докладом о развитии татарской музыкальной культуры, Ю. П. Китаев — об историческом пути Казанской химической школы, А. Х. Халиков — об образовании татарской народности. Труды конференции готовятся для публикации.

◆ Решением Бюро Отделения истории АН СССР при Институте археологии АН СССР создан Научный совет по проблемам археологии Средней Азии и Казахстана. В его состав входят ведущие ученые Москвы, Ленинграда, Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана и Туркмении, в том числе: чл.-корр. АН СССР С. П. Толстов, акад. АН УзССР Я. Г. Гулямов, акад. АН ТуркмССР М. Е. Массон, акад. АН КазССР А. Х. Маргулан, чл.-корр. АН УзССР Г. А. Пугаченкова, доктора исторических наук М. П. Грязнов, А. М. Беленицкий, Г. А. Федоров-Давыдов, Н. Н. Негматов. Председателем совета утвержден В. М. Массон. В марте 1970 г. был рас-

смотрен план работы совета на ближайшие два года. Предполагается регулярное проведение проблемно-тематических совещаний по актуальным вопросам среднеазиатской археологии. Первое такое совещание — о методике изучения средневековых городов — намечено провести в конце 1970 г. в г. Фрунзе.

◆ 8—9 июня в Ленинграде состоялось расширенное заседание Сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР, посвященное проблеме эволюции домашних промыслов и ремесел, главным образом в эпоху первобытного строя. Наряду с общими докладами, основанными на данных археологии (С. Н. Бибииков, В. М. Массон) и этнографии (А. Н. Бутин), были заслушаны сообщения о развитии промыслов и ремесел на территории древнего Кавказа (К. Х. Кушнарёва), в эпоху бронзы в Северном Причерноморье (В. С. Бочкарев) и в раннесредневековом Согде (В. И. Распопова). А. М. Беленицкий, выступая в прениях, подчеркнул особую роль городов, образование которых, по его мнению, способствовало выделению ремесел. Академик АН АрмССР Б. Б. Пиотровский обратил внимание на то, что первобытные ремесла часто имели сезонный характер, а для последующего периода на Ближнем Востоке характерно развитие ремесла на заказ. Ранние города Древнего Востока были, по его заключению, прежде всего административными центрами, а не центрами торговли и ремесла. Выступавшие подчеркивали необходимость особой методической тщательности в интерпретации археологических материалов. Материалы совещания намечено опубликовать.

◆ 2 июня в Петрозаводске на доме № 13 по проспекту Ленина была торжественно открыта мемориальная доска. «В этом доме, — указывается в надписи, — в 1948—1950 гг. жил Гуго Эрикович Ялава. После июльских событий 1917 г. на историческом паровозе № 293 он доставил В. И. Ленина в Финляндию, а в октябре 1917 г. нелегально привез в Петроград».

◆ В мае исполнилось 50 лет со дня героической гибели легендарного героя гражданской войны Сергея Георгиевича Лазо. Члены Военного совета Дальневосточного фронта С. Г. Лазо, А. Н. Луцкий и В. М. Сибирцев были сожжены белогвардейцами в топке паровоза. После разгрома интервентов и белогвардейцев на Дальнем Востоке этот паровоз перевозил грузы, служа делу восстановления народного хозяйства. На паровозе была установлена мемориальная доска. В годы Великой Отечественной войны и до 1946 г. паровоз использовался на станции Нижнеудинск на маневренных работах. После этого он был отправлен на бывшую станцию Муравьево-Амурскую (ныне Лазо), где бережно сохраняется как память о трагических событиях.

◆ Свой девятый симпозиум провели в мае краеведы Горьковской области. В его работе участвовали историки, преподаватели, партийные работники, пропагандисты. Директор Государственного архива Горьковской области Т. А. Житова рассказа-

ла об исследованиях астраханских и горьковских архивистов по выяснению родословной деда В. И. Ленина — Н. В. Ульянова, крепостного крестьянина из села Андросова (ныне Гагинского района). Теме «Ленин и нижегородцы» посвятили выступления В. П. Орлов, М. Н. Бутусов и А. А. Крылов. С. А. Орлов выступил с докладом «В. И. Ленин в воспоминаниях современников», Л. С. Келлер — с докладом «Сергачский уезд накануне первой пятилетки». Обзоры архивных материалов и литературы по Гагинскому району сделали И. И. Голови и И. А. Ефремова.

◆ В 1965 г. была выдвинута идея создания Проблемного объединения по истории крестьянства и сельского хозяйства Европейского Севера СССР. Инициатива Вологодского педагогического института была поддержана Отделением истории Коми филиала АН СССР, Кировским педагогическим институтом, Вологодским областным музеем и другими учреждениями и организациями. В июне 1967 и в декабре 1968 г. в Вологде прошли научные конференции Проблемного объединения. Весной этого года в Вологде состоялось совместное заседание совета Проблемного объединения и Северного отделения Археографической комиссии АН СССР. На заседании присутствовали представители Москвы, Ленинграда, Коми АССР, Архангельска и Вологды. Были подведены итоги работы объединения за прошедшее время и намечен план деятельности на 1970—1975 годы. Основные направления исследовательской работы — это глубокое изучение истории сельского хозяйства и крестьянства на Севере, выявление и сбор материалов и документов по истории Севера, организация краеведческой деятельности.

◆ В Институте рукописей имени К. Кекелидзе АН ГрузССР хранится около 13 тыс. древних рукописей на грузинском, армянском, персидском, древнегреческом и других языках. Изучение их позволяет пролить свет на многие страницы прошлого. В июне состоялась очередная, XII научная сессия института. Ее открыла вступительным словом директор института Е. Метрели. М. Шанидзе выступила с докладом «О членении Книги псалмов и об одном источнике «Истории» Вахушти Багратиони». Доклад Т. Мгалоблишвили был посвящен грузинским переводам сочинений Кирилла из Иерусалима. Объяснению специальных терминов, связанных с деятельностью древних грузинских переписчиков книг, посвятила свое выступление М. Сургуладзе. О богатом архиве известного грузинского ученого Эквтиме Такашвили, его переписке с Н. Марром, И. Сонгулашвили, В. Беридзе, а также интересных материалов, свидетельствующих о его научной и общественной деятельности за рубежом, говорилось в докладе Е. Келенджеридзе. С докладом о значении термина «внутреннее войско» (в сочинениях из Гелатской академии) выступил профессор К. Григолия. Вопросы, связанные с толкованием сведений, помещенных в «Истории» Вахушти Багратиони, рассмотрел

В. Гамрекели. Чтению и датировке Абастуманской надписи было посвящено выступление В. Силогава, который считает, что эту надпись надо датировать X веком.

◆ В ознаменование 750-летия со дня рождения Александра Невского в Псковской областной библиотеке прошла научная конференция. Жизни и деятельности Александра Невского посвятила свое выступление В. И. Кузьмина. «Образ Александра Невского в русских источниках XIII в. и в советской художественной литературе» — тема доклада С. И. Колотиловой и Л. И. Макаренковой. Научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР И. П. Шаскольский сделал доклад «Новое в советской исторической науке об Александре Невском».

◆ В Новосибирский областной краеведческий музей поступили материалы участников гражданской войны, борцов за освобождение Новониколаевска (нынешн. Новосибирск) от банд Колчака. Многими интересными фактами насыщены воспоминания бывшего комиссара 27-й дивизии (на плечи которой легла основная тяжесть борьбы за освобождение города от колчаковцев), ныне известного ученого-историка А. П. Кучкина. В них обрисованы образы командарма Эйхе и комдива Блажевича. Участник гражданской войны, ныне краевед-исследователь М. И. Ступаков передал музею рукопись под названием «За правое дело», посвященную героической борьбе коммунистов Каинского района против отрядов Колчака. О самоотверженной борьбе с белогвардейскими бандами в Тогучинском районе рассказывает в своих воспоминаниях М. И. Жокин. В адрес музея продолжают поступать материалы от ветеранов партии, чья жизнь и деятельность была связана с борьбой за установление и укрепление Советской власти в Сибири.

◆ Большую работу по публикации воспоминаний ветеранов революции, гражданской войны и социалистического строительства проводит Институт истории партии при ЦК КП Таджикистана — филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Ранее им были выпущены сборники «За власть Советов» и «Говорят строители социализма в Таджикистане». Теперь вышла новая книга — «За народное дело» (сборник статей. Изд-во «Ирфон». Душанбе. 1970). В сборник включено 49 биографических статей и очерков о видных деятелях партии и Советского государства в Средней Азии. Очерки написаны на основе богатого фактического материала, малознакомых широкому читателю источников. В сборнике четко прослеживаются основные тематические направления: очерки о революционерах, выдающихся партийных и государственных деятелях, об активных участниках гражданской войны и борьбы с басмачеством в республике, о строителях социализма в Таджикистане, о деятелях науки и культуры.

◆ Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории из-

дал книгу В. Г. Карцова «Хакасия в период разложения феодализма (XVIII — первая половина XIX в.)». Автор привлёк новые архивные источники и широко использовал историко-этнографическую литературу. В книге рассказывается об освоении русскими крестьянами и казаками бассейна Среднего Енисея, о благотворном влиянии трудовых масс русского народа на быт коренного населения. Рассматривается этногенез хакасов, освещается их социальный строй, организация управления краем, методы сбора ясака, прослеживается их имущественная дифференциация, исследуется отдалённая связь между хакасами XVIII—XIX вв. и «кыргызами» (хакасами) VI—VIII веков. В книге имеются таблицы, этнографическая карта, карты-схемы хакасских административных родов и их расселения.

◆ Книга старшего научного сотрудника отдела археологии и искусства Абхазского института языка, литературы и истории имени Д. И. Гулиа АН ГрузССР Г. Шамба «Ахаччарху — древний могильник нагорной Абхазии» имеет большое значение для изучения древней истории населения края. Культура прибрежных поселений Абхазии подверглась сильному греко-римскому влиянию, тогда как в культуре населения нагорной полосы местные черты сохранились значительно лучше, и это даёт возможность проследить её корни. В связи с тем, что данные письменных источников для Абхазии II—V вв. н. э. скудны, археологические изыскания приобретают особое значение. В книге рассматриваются погребальные обряды, систематизируется и характеризуется могильный инвентарь: керамические изделия, стеклянная посуда, оружие, принадлежности туалета, предметы культового назначения, монеты; выясняется вопрос о датировке могильника, и дается его историческая характеристика.

◆ На берегу реки Терек во время раскопок древнего города Джулата найдены остатки жилищ, гончарных печей, сосудов и других изделий ремесленников, а также монеты Золотой орды XIII—XIV веков. Достопримечательностью города была большая мечеть, которая вмещала более 500 человек. Здание из квадратного кирпича поддерживали четыре ряда колонн — по двенадцати с каждой стороны. Верхняя часть минарета была отделана голубыми глазурованными плитками, найденными возле мечети. Обнаружено около 30 захоронений и выложенный из кирпича склеп. По своей конструкции он напоминает мусульманский мавзолей средних веков.

◆ Экспедиция Ростовского областного музея краеведения и местного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры исследовала древний холм недалеко от Ростова. Раскопкам предшествовало изучение старинных карт, жалованных грамот, летописей боевых действий конца XVII — начала XVIII века. Цель экспедиции заключалась в том, чтобы разыскать местоположение древней крепости Лютик, которая служила туркам при-

крытием со стороны Дона и вместе с Азовом и другими укреплениями помогала и господствовать над местностью и препятствовать выходу России к южным морям. Одно из первых упоминаний о крепости Лютик относится к 1686 году. Летом 1696 войска Петра I взяли штурмом Азов. Отсюда были посланы ратные люди из донских казаков и калмыков штурмовать Лютик. Крепость была взята. Летописи сохранили и описание самой крепости: «Город каменный, 4 башни осьмиугольные крыты тесом. Город от моря стена 18 сажен, другая стена к Донцу реке 19 сажен... А в круге стены 21 изба, да мечеть каменная...». Во время раскопок в апреле и мае были обнаружены двухметровой толщины стены, сложенные из камня, «ворота проезжие близ наугольной башни, в коих створы двойные», и «башни караульные». Найдены чугунные бомбы, осколки ядер, свинцовые пули, монеты начала XVIII в., глиняные трубки. В будущем готовятся систематические раскопки.

◆ В Москве, на Погодинской улице, обращает на себя внимание деревянное здание: окна с нарядными переплетами и затейливым узором наличников, ажурный балкончик под фронтоном и ниспадающие резные «полотенца» — настоящая изба в русском стиле. Она была построена в 1856 г. по проекту архитектора Никитина профессором Московского университета, историком, издателем и коллекционером М. П. Погодиным рядом с домом, где жил он сам. Известный поклонник старины, Погодин с удовольствием показывал московскую диковину гостям. В гости к Погодину приезжали М. Щепкин, М. Лермонтов, А. Островский, И. Тургенев, С. Аксаков, Т. Грановский, Ф. Тютчев, Л. Толстой. В 40-е годы прошлого века у Погодина жил Н. Гоголь. Во время Великой Отечественной войны изба пострадала от пожара при налете гитлеровской авиации. Теперь этот памятник архитектуры прошлого восстановлен.

◆ С конца 40-х годов XVIII в. архитектурно-строительное дело в Москве возглавлял выдающийся русский архитектор Дмитрий Васильевич Ухтомский (1719—1774 гг.). Его творчеству принадлежат Красные ворота в Москве, Кузнецкий мост через реку Неглинку, проекты Госпитального и Инвалидного домов. По его планам было завершено строительство колокольни Троице-Сергиевой лавры. Ухтомский создал и возглавлял (до 1760 г.) архитектурную школу, воспитавшую ряд видных русских архитекторов, в том числе М. Ф. Казакова. Выйдя в отставку, Д. В. Ухтомский поселился в деревне Дубики (ныне Одоевского района, Тульской области). Где находится его могила, было неизвестно. В Дубиках на местном кладбище привлёк внимание памятник, напоминающий египетский саркофаг. Однако надпись на нем долго не удавалось расшифровать. Недавно сотруднице Тульского краеведческого музея А. С. Тихоновой удалось прочитать эту надпись и установить, что памятник был поставлен на могиле Д. В. Ухтомского.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Обзоры

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ИРЛАНДИИ И ИРЛАНДСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА

Историческая тема привлекает к себе большое внимание не только научных, но и широких общественных кругов современной Ирландии. Столичные и провинциальные газеты Ирландской республики регулярно помещают исторические материалы под заголовками: «Неумирающее прошлое», «Воспоминания живут» и т. д. Часто они выступают первыми публикаторами важных документальных свидетельств по актуальным проблемам национальной истории (особенно дублинская «Irish Times»). Показателен удельный вес исторической тематики в специальных программах ирландского радио, посвященных популяризации достижений ирландской науки (так называемые «Лекции цикла Томаса Дэвиса»¹). Из 346 передач этого цикла с 1953 по 1957 г. примерно 75% было посвящено событиям и деятелям ирландской истории (106 передач — истории XX столетия, 67 — периоду древней кельтской Ирландии, 42 — XIX в. и т. д.). В административный совет ирландского радио введен крупный историк, профессор Дублинского университета Тринити Т. В. Муди, перед радиослушателями выступают виднейшие специалисты по национальной истории — профессора Р. Дадли Эдвардс, Дж. Хейс Маккой, Р. Макдоуэлл и др. Постоянным интересом к прошлому своей страны вызвано и обилие разного рода исторических публикаций и изданий. Значительная часть их выпускается не профессиональными историками и учреждениями, занимающимися изучением истории, а политическими и общественными организациями и деятелями, мемуаристами и т. д.²

Всеобщий интерес к прошлому был наглядно продемонстрирован в 1966 г. в связи с празднованием 50-й годовщины героического антианглийского восстания в Дублине, которое высоко оценил В. И. Ленин. В стране были изданы сотни книг, брошюр, сборников документов по истории «Красной Пасхи». Специальные номера, посвященные этому событию, выпустили ведущие газеты и журналы³. По всей

¹ Т. Дэвису, одному из лидеров освободительного движения против английского владычества середины XIX в., принадлежат слова: «Учитесь, чтобы быть свободными». Его мечтой было организовать издание «Ирландской библиотеки» — доступной самым широким читающим кругам серии, трактующей с патриотических позиций вопросы национальной истории.

² Например, исторические серии, выходящие под эгидой ирландского радио и составленные на основе циклов радиопередач: «Early Irish Society» (1954, 1963 гг.), «The Shaping of Modern Ireland» (1956, 1965 гг.), «Leaders and Men of Easter Week» (1964 г.) и т. д.; издания Исторического общества при Килменейском замке (бывшая английская тюрьма для борцов за свободу Ирландии): «Kilmanham, the Bastille of Ireland», Dublin. 1961; «Ghosts of Kilmanham», Dublin. 1963, и др.; книга о первом революционном ирландском парламенте 1919 г., написанная участницей освободительного движения тех лет Мойрой Комерфорд: M. Comerford, The First Dail, Dublin. 1969; работы чиновника министерства почт и телеграфа Л. О'Бройна о деятелях освободительной борьбы в Ирландии XIX в. и о восстании 1916 г.: L. O'Brien, Dublin Castle and 1916 Rising, Dublin. 1966. Особо следует отметить вклад, который внес в изучение ирландской истории XX в., в первую очередь как мемуарист, крупнейший ирландский писатель и прогрессивный политический деятель П. О'Доннелл (например, P. O'Donnell, There Will be Another Day, Dublin. 1963; e jus d. The Gates Flew Open, Cork. 1965).

³ См., например, ценный сборник документов «Dublin. 1916» (Dublin. 1966) под редакцией профессора Национального университета Р. Макхью. Из числа юбилейных изданий Ирландской рабочей партии назовем специальный выпуск печатного органа партии газеты «Irish Socialist», посвященный восстанию в Дублине 1916 г.: «1916 Easter Week 1966», Dublin. 1966.

Ирландии состоялись мемориальные военные парады, в которых приняли участие оставшиеся в живых ветераны 1916 года. В Дублине были инсценированы центральные акты славной эпопеи — захват повстанцами здания Главного почтамта и его героическая защита от английских карательных войск. Вместе с тем юбилей послужил поводом к противоположным оценкам актуальных вопросов ирландского прошлого и настоящего. Прогрессивные силы Ирландии, и в первую очередь Ирландская рабочая партия, подчеркивали ведущую роль дублинских рабочих во главе с национальным героем Ирландии, крупнейшим ирландским марксистом Дж. Конноли в этом восстании. Они осуждали отход нынешнего руководства правящей партии «Фианна файл» от антиимпериалистического курса. В то же время буржуазные историки старались преуменьшить значение выступления пролетариата Дублина, а участие Конноли в борьбе расценивали как «переход» с позиций социализма на националистические позиции.

Причины такого интереса к истории лежат в особенностях пройденного страной пути. Речь идет прежде всего о длившейся более семи столетий и продолжающейся в наши дни самоотверженной борьбе ирландского народа за свою независимость, против английских колонизаторов. Почти каждое поколение ирландцев было участником вооруженного восстания против захватчиков. Национальное восстание 1640-х годов, революционный подъем конца XVIII в., апогеем которого стало восстание «Объединенных ирландцев», революционное движение фениев, дублинское восстание 1916 г. и освободительная война 1919—1921 гг., подъем антиимпериалистической борьбы начала 1930-х годов и нынешние события в отторгнутом Англией от национальной территории Ольстере — все это славные вехи героического пути ирландского народа.

Вместе с тем ирландскую историю нельзя свести к одним только общенациональным выступлениям против завоевателей. Немало в ней страниц, подобных всеобщей стачке 1913 г. в Дублине, «аграрной войне» 1920 и 1922 гг. и гражданской войне 1922—1923 годов. Эти события свидетельствуют о наличии острого классового конфликта в ирландском обществе и являются полем непрекращающейся полемики в научных и общественных кругах.

Историческая наука в Ирландии организационно опирается на три университета: Национальный (основан в начале XX в.) с отделениями в Дублине, Корке и Голуэе; Тринити (по преимуществу протестантский) в Дублине, основанный английскими властями еще в XVI в.; и Королевский — находится в главном городе Ольстера Белфасте. Университеты — ведущие центры изучения истории и подготовки кадров. Университетские ученые составляют подавляющую часть Ирландского исторического общества с центром в Дублине и Ольстерского общества ирландских исторических исследований с центром в Белфасте. Они же являются основными докладчиками на ежегодных исторических конгрессах и главными членами координирующего центра ирландской исторической науки — Ирландского комитета исторических наук (существует с 1938 г.). На университеты опирается и объединение научной молодежи — Ирландский конгресс студентов-историков, периодически собирающий своих членов на научные конференции и чтения и издающий свой бюллетень. Следует отметить высокий профессиональный уровень ирландских историков, однако их интересы ограничиваются почти исключительно рамками национальной истории.

Главными сферами исследовательского внимания современной ирландской историографии являются ранняя история кельтской Ирландии (до начала английского завоевания в XII в.); некоторые аспекты политической истории ирландского средневековья; внутривнутриполитическая и отчасти социальная история страны XVII—XIX вв., прежде всего в связи с развитием освободительного движения; аграрная история этого же периода, в первую очередь в связи с вопросом об английском помещицком землевладении в Ирландии; история национально-освободительной борьбы 1916—1921 гг.; история отечественной политической и научной мысли. Изучается также история церкви и деятелей церковной иерархии в Ирландии. Последнее время возрос интерес к прошлому рабочего движения на Севере и Юге, а также к экономической истории страны. История последних трех десятилетий исследуется слабо; по существу, она отдана на откуп публицистам.

Наименее разработанными областями национальной истории являются массовые социальные движения и классовая борьба. Пренебрежение этими сюжетами традицион-

но для ирландской буржуазной историографии с ее «общенациональным», «чисто политическим» подходом к центральным вопросам отечественной истории и связано с теорией и практикой ирландского буржуазного национализма, с его стремлением затушевать и погасить классовую борьбу. Наиболее отчетливое проявление эта особенность находит в труде Дороти Макардл «Ирландская республика», который признан в современной Ирландии классическим⁴. Фундаментальное, написанное с патриотических позиций исследование англо-ирландской борьбы 1919—1921 гг. и ее продолжения — гражданской войны 1922—1923 гг. между сторонниками и противниками примирения с Англией — в общем, обходит социальный фактор и классовую борьбу. В книге фактически игнорируются такие явления, как аграрная война в ирландской деревне в 1918, 1920 и 1922 гг., движение ирландских трудящихся за создание в городах и сельских местностях Советов и захват ими промышленных предприятий в 1920—1922 годах. Без учета этих явлений невозможен научный анализ периода в целом и нарисованная автором впечатляющая историческая картина остается деформированной. Известное стремление «пригладить» исторический процесс, смягчить его социальные и политические «крайности» (особенно если речь идет о юнионистах Ольстера, то есть о правящей партии Северной Ирландии — политической агентуре британского империализма, а также о гражданской войне 1922—1923 гг. и ее последствиях) проявляется и в новейшем коллективном «Курсе ирландской истории»⁵. В какой-то мере это результат определенного научного и политического компромисса между работающими совместно историками Ирландской республики и Ольстера с его сильной юнионистской, проимпериалистической традицией.

Несмотря на трудные условия, большую работу по пропаганде марксистской концепции истории Ирландии проводят Ирландская рабочая партия и Коммунистическая партия Северной Ирландии (в марте текущего года они объединились в Коммунистическую партию Ирландии). Ценные статьи по марксистско-ленинской теории и об историческом опыте ирландского рабочего движения помещаются в газете «Irish Socialist». Орган североирландских коммунистов газета «Unity» выступает с историческими очерками, воскрешающими правду о прошлом страны, которую извращают реакционные круги Ольстера и Англии. Важна в этом плане деятельность дублинского издательства «New Books», знакомящего читателей с публицистическим и научным наследием Джеймса Конноли. За последние годы, например, массовым изданием выпущены классический труд Конноли «Рабочий класс в истории Ирландии», его известная работа «Отвоевание Ирландии», опубликован сборник статей Конноли по проблемам революционной войны и ряд других важных его работ⁶.

Ведущим историческим журналом в Ирландии является «Irish Historical Studies». Он существует с марта 1938 г. как орган обоих ирландских исторических обществ и издается в основном на дотации трех ирландских университетов. Журнал выходит два раза в год (в марте и сентябре); объем его 7—8 печатных листов, из которых 5—6 печатных листов отводятся под обширные исследовательские статьи (от 1,5 до 2 печатных листов каждая). Свою главную задачу журнал видит в опубликовании итогов научной работы исследователей отечественной истории. Другой важный аспект его деятельности — координация усилий всех, кто занимается ирландской историей, включая школьных учителей и зарубежных специалистов. Помимо статей, журнал печатает исторические документы, обширные сведения о книгах и статьях по национальной истории, вышедших в стране или за рубежом, сообщения о деятельности ирландских университетов, о научной и организационной работе ирландских исторических обществ, об исторических конгрессах и конференциях и т. д. Интересен раздел «Исторические пересмотры», предназначенный для полемических материалов. Специального внимания заслуживает обширный раздел рецензий и заметок о новой литературе.

⁴ «The Irish Republic. A Documented Chronicle of the Anglo-Irish Conflict and the Partitioning of Ireland, with a Detailed Account of the Period 1916—1923». By Dorothy Mac-Ardle. L. 1938.

⁵ «The Course of Irish History». Ed. by T. W. Woody and F. X. Martin. Cork. 1957.

⁶ «Labour in Irish History». By James Connolly. Dublin. 1967; «The Re-Conquest of Ireland». By James Connolly. Dublin and Belfast. 1968; «Revolutionary Warfare». By James Connolly. Dublin and Belfast. 1968.

Основной состав авторов журнала — профессора, преподаватели и аспиранты университетов Ирландии; однако на его страницах можно встретить также статьи, сообщения и рецензии английских и американских историков. Во главе журнала стоит издательский совет, куда входят периодически сменяемые представители Северного и Южного исторических обществ и два главных редактора. В настоящее время ими являются профессор-медиевист Т. В. Муди и ольстерский историк Т. Д. Вильямс. Среди авторского актива ведущие ирландские ученые Р. Дадли Эдвардс, Дж. К. Бекетт, К. Ноулан, Ф. Дж. Бирн, Ф. Мартин. Для деятельности журнала, как и научных коллективов ирландских историков Севера и Юга, характерны несколько приглушенный тон критики, в известной степени компромиссный подход к трактовке острых политических проблем, особенно относящихся к истории нынешнего столетия. Обратимся непосредственно к содержанию журнала.

Некоторые его материалы имеют прямую связь с острейшим политическим кризисом на Севере страны в наши дни. Они выявляют корни нынешних ольстерских событий, помогают понять и оценить причины современного кризиса. Сообщаемый авторами фактический материал представляет большую ценность и служит опровержением ходячей версии о якобы «исключительно религиозной почве» этого кризиса, о «непричастности» английских правящих кругов к его возникновению. В этом отношении привлекает внимание статья Д. К. Сэвиджа «Происхождение ольстерской юнионистской партии, 1885—1886 гг.» (1961, № 47). В ее основе архивные материалы и переписка английских и ольстерских государственных, политических и военных деятелей, ирландская пресса того времени, мемуары, парламентские дебаты, документы юнионистских организаций Ольстера. Для исследования автором взят «первый критический период» в ольстерской истории — период «первого гомруля», когда У. Гладстон впервые предложил парламенту проект предоставления Ирландии ограниченной автономии — гомруля. Как известно, это был вынужденный ход, результат мощного подъема освободительного движения в Ирландии, аграрной борьбы под эгидой «Земельной лиги», деятельности партии националистов под руководством Ч. С. Парнелла. Обо всем этом автор предпочитает не говорить, однако он весьма рельефно показывает, какие силы на Севере Ирландии поднялись против развития национально-освободительной борьбы и идеи ирландского самоуправления. Религиозный вопрос не играл здесь заметной роли, зато социально-классовые грани обозначились предельно четко. Во главе ольстерского правого экстремизма тех лет встали «богатые промышленники и лендлорды, такие, как сэр Джеймс Корри, владелец судоверфей; Вильям Эварт, льняной магнат; и герцог Эберкорн, а также «Оранжевый орден»⁷ (стр. 187). Массовую базу ольстерского «Сопrotивления» составляли неразвитые в политическом и классовом отношениях протестантские арендаторы, батраки и рабочие-судостроители. Для удушения народной освободительной борьбы, забыв старые распри, в единую юнионистскую политическую организацию сплачиваются как тори, так и либералы Ольстера. Детище реакционеров «Союз лоялистов Ольстера» (создан в 1885 г.) провозглашает своей целью борьбу против «проектов и идей, ущемляющих имперские интересы... представляющих угрозу для прав собственности и социального порядка» (стр. 190). Экстремисты требовали возобновления осадного положения в стране, подавления «мятежной прессы» и «заговоров», то есть искоренения силой освободительного движения против английского ига. Выступая в феврале 1886 г. в Данганноне, юнионист лорд Рэнфэрли заявил: «Я рекомендую изменить политику. Пусть (английское правительство.— А. К.)... возьмет в руки палку. Это даст уди-

⁷ «Оранжевый (оранжистский) орден» назван по имени «защитника протестантизма» Вильгельма Оранского, изгнавшего в 1688 г. с английского престола сторонника католицизма Якова II Стюарта. Был создан в Ольстере в 1795 г., в момент бурного подъема революционно-демократического, освободительного движения ирландского народа за независимость, против английского колониализма и его социальной опоры в Ирландии. Своим возникновением обязан англо-ирландским помещикам-лендлордам и реакционному протестантскому клиру, раздувавшему религиозный фанатизм и сеявшему ненависть колонистов к огромному большинству ирландского населения — католикам. «Оранжевый орден» — ударный отряд реакции и правого экстремизма — активен и в наши дни. У его кормила, как и прежде, стоят представители ольстерской реакционной «элиты». В годы, затрагиваемые в статье Сэвиджа, его главой был ольстерский земельный магнат граф Эннискиллен.

вительный эффект. Строптивое дитя станет тихим, мирным и работающим» (стр. 196). Ольстерская реакция приняла лозунг: «Не сдаваться, не уступать!» — и начала создавать и обучать военному делу волонтерские формирования. Все это напоминает более поздние события: Ольстер 1912—1914 гг. — период «второго гомруля», события 1920 г., когда в стране побеждала освободительная революция, а также и наши дни.

Кто стоял за кулисами этого «протестантского возмущения», выясняется с предельной ясностью, когда знакомишься с приведенными в статье сведениями о пребывании в феврале 1886 г. в Ольстере виднейшего английского консервативного деятеля лорда Рэндолфа Черчилля. В своей белфастской речи, призвав юнионистов бороться против гомруля всеми средствами, он заявил, что в Англии достаточно «высокопоставленных и влиятельных лиц», готовых поддержать ирландских экстремистов (стр. 197). Оранжесты Ольстера высказались за вооруженное сопротивление. Их лидер утверждал, что на стороне юнионистов поддержка и сочувствие английского военного министра и высших офицеров британской армии и флота (стр. 203). В результате прямого подстрекательства экстремистских организаций и их лидеров летом 1886 г. в Белфасте, Лондондерри, Лэргане и других городах Ольстера толпы протестантов начали громить католические районы. Правительство вызвало войска. Во время погромов 32 человека было убито и 377 ранено (стр. 207). Убедительная картина, нарисованная Д. Сэвиджем, не оставляет сомнения в том, что ольстерские кризисы конца XIX — начала XX в. и наших дней — звенья одной цепи. В основе их стремление правящих кругов Англии любой ценой сохранить свое господство над Ирландией, их движущие силы — проимпериалистически настроенные имущие круги, опирающиеся на ослепленную оранжистской демагогией часть трудового населения.

Более глубокому пониманию вопроса о массовой опоре империалистической реакции в Ольстере способствует статья Дж. Бойля «Белфастская протестантская ассоциация» и «Независимый Оранжевый орден», 1901—1910 гг.» (1962, № 50), написанная по материалам ольстерской прессы, документам белфастских рабочих и оранжистских организаций. В ней наглядно показаны те методы, которые используют экстремистские вожди, чтобы превратить рабочих Белфаста (и других городов Ольстера) в пешки в своей грязной игре. Показной радикализм и социальная демагогия, выдвижение на первый план «рабочих лидеров», умелое использование политической отсталости и религиозных предрассудков — все идет в ход. В центре статьи — карьера члена «Оранжевого ордена», рабочего-судоостроителя Т. Слоуна, позднее великого магистра так называемого «Независимого Оранжевого ордена»⁸. Своему «взлету» Слоун обязан был регулярным публичным выступлениям перед членами Белфастской протестантской ассоциации, в рядах которой находилось много деклассированных элементов и незрелой молодежи. Она возникла в середине 90-х годов XIX в. и использовалась местной реакцией для борьбы с белфастским отделением Независимой рабочей партии. Обвиняя официальное оранжистское руководство в «игнорировании интересов рабочего класса», а также «в мягкотелости» по отношению к католикам и «националистам» (то есть к ирландскому национально-освободительному движению), Слоун требовал строгой инспекции католических монастырей, отказа от проекта создания католического университета и других мер борьбы против «угрозы из Рима» (то есть со стороны римского папы — жупел, который и в наши дни эксплуатируется ольстерскими экстремистами). Одновременно он высказывался за улучшение пенсионного обеспечения престарелых, облегчение положения квартиросъемщиков, улучшение условий труда на фабриках.

Статья Бойля показывает, как псевдорадикальная демагогия и сектантский фанатизм Слоуна помогли ему стать сначала кандидатом в парламент, а затем и членом парламента от Южного Белфаста. Попав в палату общин, Слоун быстро трансформировался, усвоил внешний лоск и стал заурядным мелкобуржуазным парламентарием, представлявшим в Вестминстере отнюдь не белфастский рабочий класс, который послал его туда, а ольстерскую юнионистскую партию. Его деятельность в Ольстере свелась к борьбе за упрочение позиций протестантской реакции в массовых организа-

⁸ Был создан в 1903 г. после исключения из «Оранжевого ордена» некоторых его филиалов за поддержку Слоуна на выборах. В известной мере его возникновение являлось отражением стихийного протеста части рядовых оранжистов против засилья крупных промышленников и земельных магнатов в руководстве ордена.

циях. В этой связи заслуживают особого внимания приводимые в статье данные о том, кто стоял за спиной «рабочего парня» Слоуна. Это был не кто иной, как богатейший промышленник Ольстера, владелец белфастских судостроительных верфей У. Дж. Пирри (позднее — лорд Пирри) (стр. 122—123).

Представляется обоснованным вывод Бойля, что монолитный в периоды кризиса ольстерский юнионизм, порожденный стремлением отстоять привилегии проанглийского протестантского меньшинства в Ирландии, в обычное время терял свою монолитность. Блок «таких отличных друг от друга классов, как лендлорды и арендаторы, предприниматели и рабочие», обнаруживал противоречивость интересов составляющих его групп (стр. 15). Это убедительно подтверждают и приводимые в статье материалы о деятельности Р. Линдсея Кроуфорда из Дублина, который, являясь с 1904 по 1908 г. великим магистром «Независимого Оранжевого ордена», стремился создать в оранжистском движении демократическое крыло, выступающее с национальных и антисектантских позиций. В целом статья Бойля превосходно иллюстрирует высказанную Дж. Конноли в 1914 г. мысль, что отличительной чертой Белфаста является «искусство, с которым его господствующие классы используют религиозные лозунги, повсюду уже давно забытые, и с их помощью ослабляют местное рабочее движение»⁹.

Другой стороне медали — британскому империализму и его отношению к Ирландии — посвящены статьи Р. Фэннинга «Юнионистская партия и Ирландия, 1906—1910» (1966, № 58) и Х. У. Маккриди «Гомруль и либеральная партия, 1899—1906» (1963, № 52). Однако в отличие от ранее рассмотренных работ, где авторы анализируют социальные истоки событий, они демонстрируют присущий некоторым ирландским буржуазным историкам «чисто политический», а потому неизбежно поверхностный подход к теме. Характерна в этой связи и односторонность их источниковедческой базы — это почти исключительно личные архивы и переписка ведущих деятелей английских консервативной и либеральной партий — О. Чемберлена, А. Бальфура, Г. Гладстона, Д. Ллойд-Джорджа, В. Лонга, лордов Розбери, Лондондерри, Лэнсдауна и т. д., причем материалы эти используются некритически, без попытки установить, какую печать наложили на них социально-политические взгляды того или иного лица. Тем не менее обе статьи содержат весьма красноречивый фактический материал. Статья Фэннинга демонстрирует прямую связь и «персональную унию» ирландского юнионизма с наиболее реакционными политическими кругами «правлящей элиты» империалистической Великобритании, готовой на все для увековечения своего господства над соседним островом. По прочтении ее становится совершенно очевидным, что ни о какой «самостоятельности» ольстерских мятежников не может быть и речи. Значительное место в статье уделено так называемому «казусу Мак-Доннелла»¹⁰, авторский анализ которого ясно показывает, какую бурю возмущения вызывал в английских консервативных кругах даже намек на минимальную уступку освободительному движению в Ирландии. Показательна и статья Маккриди об отношении английских либералов к вопросу об ирландском гомруле в момент, когда они находились в оппозиции. Она не оставляет сомнений в том, что единственным различием в отношении консерваторов и либералов к гомрулю в начале XX в. стало следующее: консерваторы были непосредственно заинтересованы в сохранении британского господства над Ирландией, либералы же смотрели на гомруль в первую очередь как на ставку в политической игре. В основе же своей и те и другие были убежденными врагами ирландской свободы. Материал, приводимый автором, подтверждает, что главным для ведущих либеральных деятелей Англии была борьба за власть; во имя этого они не колеблясь либо отбрасывали требование гомруля вообще (лорд Розбери), либо откладывали его на неопределенный срок (Асквит, Г. Гладстон). В 1910 г. либералы были вынуждены вновь обратиться к гомрулю, ибо потеряли абсолютное большинство в парламенте и их пребывание у власти зависело от голосов ирландских парламентариев-националистов. Статья помогает понять, почему Асквит в период «третьего гомруля» (1910—1914 гг.)

⁹ «The Re-Conquest of Ireland». By James Connolly, p. 33.

¹⁰ Э. Мак-Доннелл — ирландский католик, в 1902—1904 гг. — заместитель главы английской администрации в Ирландии. Его план создания в Ирландии под эгидой английского генерал-губернатора Консультативного совета из числа местных уроженцев, назначенных английскими властями, вызвал негодование в юнионистских кругах.

легко отступил перед напором ольстерских мятежников-юнионистов. Помогает она понять и другое: почему в наши дни английские лейбористы — прямые наследники либералов в двухпартийной системе — до последнего дня своего недавнего пребывания у власти обрушивались на ольстерских борцов за гражданские права и попустительствовали правым экстремистам.

Важную и актуальную проблему поднимает А. Дж. Уорд в статье «Америка и ирландская проблема, 1899—1921 гг.» (1968, № 61). Вопрос об американо-ирландских связях и отношении США к ирландскому освободительному движению многогранен и имеет глубокие корни. На протяжении десятков лет Соединенные Штаты Америки в силу известных особенностей своего политического и социального развития в сравнении с европейскими странами являлись притягательным местом для ирландцев. С XVIII в. и особенно после завоевания североамериканскими колониями независимости за океан переселились миллионы ирландцев, спасаясь от нужды и колониального произвола. К началу XX в. в США насчитывалось около 5 млн. ирландцев, число же лиц с той или иной долей ирландской крови достигало 15—20 млн. человек. Из США в Ирландию эмигранты слали денежные переводы оставшимся на «старой родине» родственникам, в Соединенных Штатах действовали влиятельные ирландские политические организации, созданные для поддержки освободительного движения на острове; эти же организации стремились вынудить правительство США оказывать ирландцам помощь по государственной линии. Вопрос этот стал особенно острым в связи с национально-освободительной войной 1919—1921 гг. в Ирландии. Вокруг «американской помощи» сложилось немало легенд. Возникла и своя историография. Отдельные историки были не прочь изображать эту помощь чуть ли не как решающий вклад в дело освобождения Ирландии, из чего делались далеко идущие политические выводы¹¹. А. Уорд подходит к своей задаче более объективно. В начале статьи он критически отзывается о книге Тэнсилла, замечая, что она трактует проблему в искаженном виде (стр. 67). Из материалов статьи явствует, что ирландские политические организации в США («Объединенная ирландская Лига в Америке», «Клан на Гэл», «Друзья ирландской свободы» и др.) и их деятельность являлись своеобразным отражением национально-освободительной борьбы в Ирландии, ее различных течений. Этими организациями, например, был принят старый ирландский лозунг: «С кем угодно, хоть с самим дьяволом, но против Англии!». В годы первой мировой войны он воплотился в политическом союзе с организациями американцев немецкого происхождения; совместно они выступали против вовлечения США в войну на стороне стран Антанты. Однако Уорд не отмечает «американизма» этих организаций, руководство которых рассчитывало видеть независимую Ирландию в фарватере внешнеполитического и экономического влияния США. Вместе с тем он убедительно показывает, что администрация В. Вильсона и сам президент были настроены враждебно к требованиям ирландского освободительного движения. Вильсон слишком дорожил союзническими отношениями с Англией. Он отказал в поддержке ирландским делегатам, стремившимся обеспечить на Парижской мирной конференции признание революционной Ирландии независимым государством. В ответ на апелляцию ирландских представителей к его «14 пунктам», один из которых предусматривал право малых наций на самоопределение, президент заявил, что не предполагал разбудить этим столько неосуществимых надежд (стр. 84). Автор выступает и против преувеличения размеров финансовой помощи из США борющейся Ирландии; на поверку она выглядит довольно скромной, неспособной удовлетворить военные нужды повстанцев (стр. 87, 89). Показательно также замечание о том, что после получения Ирландией в декабре 1921 г. статуса доминиона ирландский вопрос был, по существу, снят в США с повестки дня. А ведь Ирландии еще предстояло пережить гражданскую войну, пройти ряд других ступеней антиимпериалистической борьбы за подлинную независимость, которая не завершилась и в наши дни.

Представляет интерес разработка историографической тематики на страницах «Irish Historical Studies». Хотя историография — молодая отрасль ирландской исторической науки, ирландские ученые уверенно делают свои первые шаги в этом направлении. Весьма благоприятное впечатление оставляет статья Д. Маккертни «Работа

¹¹ См., например, Ch. Tansill. *America and Fight for Irish Freedom*. N. Y. 1957. Рецензию А. Н. Байковой см.: «Новая и новейшая история», 1958, № 6.

Лекки «Вожди общественного мнения в Ирландии» (1964, № 54), посвященная политической и научной эволюции крупнейшего англо-ирландского либерального историка второй половины XIX в. Уильяма Лекки. Анализируя три издания его известной работы «Вожди общественного мнения в Ирландии» (1861, 1871, 1903 гг.), переписку Лекки и отзывы современников о нем и его трудах, Маккертни убедительно демонстрирует сползание этого либерала на реакционные позиции под воздействием обстоятельств политической и социальной борьбы. В первом и до известной степени во втором издании своего труда Лекки выступает как убежденный сторонник ирландского самоуправления, отстаивает право ирландского народа на свободное национальное существование, резко изобличает преступления английских колонизаторов в Ирландии и, в частности, «отца» англо-ирландской унии 1800 г. Питта-младшего. Два первых издания труда Лекки, как отмечает автор, оказали сильное благотворное воздействие на формирование ирландского национального самосознания и развитие политической борьбы против английского угнетения Ирландии. Вместе с тем Маккертни справедливо указывает, что политический идеал Лекки (протестантский парламент 1782 г. с антидемократическим буржуазным лидером Генри Граттаном во главе) расходился с идеалами руководителей левого крыла освободительного движения — П. Пирса и других (стр. 122).

Развитие и углубление освободительной борьбы в Ирландии, слияние в ней политической борьбы с подъемом борьбы социальной (фенианское движение конца 60-х годов, «аграрная война» конца 70-х — начала 80-х годов XIX в. под руководством «Земельной лиги», рост влияния М. Девитта и Ч. С. Парнелла) оказали решающее воздействие на нестойкий политический либерализм Лекки. Уже в письме из Италии весной 1866 г. он пишет о своем глубоком беспокойстве в связи с ростом фенианизма, об опасении за свое имущество в Ирландии (стр. 125). В конце 70-х — начале 80-х годов от его «философского спокойствия и научной объективности» не остается и следа: теперь это прежде всего до смерти испуганный «новым коммунизмом» и «аграрными преступлениями» в Ирландии англо-ирландский помещик, озабоченный тем, чтобы спасти «свою голову и кое-что из собственности» (стр. 128). В письме в «Times» от 13 января 1886 г. Лекки резко осуждает идею гомруля для Ирландии и тех, кто в Ирландии борется за него. С точки зрения Лекки, их главные побудительные мотивы — ограбить лендлордов и укоренить ненависть к Англии (стр. 129). Одно лишь земельное дворянство — джентри способно успешно управлять Ирландией, заявляет он далее (стр. 132). В том же реакционном направлении пересматривает Лекки и третье издание своей книги. В ней он выступает как юнионист — противник ирландской автономии, обличитель патриотического национального восстания 1798 года. Из книги изъята критика жестокостей и несправедливостей английских правящих кругов и колониальной администрации в Ирландии. Опускаясь до уровня проимпериалиста и клеветника Фруда¹², Лекки пишет теперь о «глубокой деградации ирландского национального характера» (стр. 135). Вполне обоснованным выглядит сделанное автором статьи сравнение «нового Лекки» с патриархом немецкой реакционной историографии Леопольдом фон Ранке. Нельзя не согласиться с выводом Маккертни, что помещик Лекки, «захваченный социальной и демократической революцией... отразил позицию ирландских лендлордов, которые как класс находились в состоянии глубокого кризиса, и сформулировал ее с наибольшей ясностью» (стр. 141). Следует лишь заметить, что автор несколько ограничивает комплекс причин, породивших эту консервативную метаморфозу, сводя все дело к воздействию ирландского опыта на Лекки. Трансформация историка вправо, отчетливо выявившаяся и в его известной работе «Демократия и свобода»¹³, происходила в связи с общим сдвигом европейского либерализма вправо в империалистическую эпоху.

Касаясь разработки историографической проблематики, следует сказать также о серии обстоятельных обзорных статей, помещенных в последних номерах журнала

¹² Дж. Фруд (1818—1894 гг.) — реакционный английский историк, автор ряда апологетических работ по истории колониальной политики Великобритании. В своей книге «Англичане в Ирландии» (J. A. Froude. The English in Ireland in the Eighteenth Century. Vol. 1—3. L. 1872—1874) он клеветает на ирландский народ, оправдывает жестокости, совершенные английскими колонизаторами в этой стране.

¹³ W. E. Lecky. Democracy and Liberty. L. 1896.

к 30-летию его основания и подытоживающих изучение отдельных разделов национальной истории от древней до новой. Представляет интерес отдел рецензий, где регулярно печатаются отзывы на новые книги по истории (всего от 12 до 20 рецензий в каждом номере объемом от 0,1 до 0,3 печатного листа каждая). Рецензируются преимущественно книги по отечественной истории, однако довольно часто также работы по истории Англии, реже — США и других англоязычных стран и крупные зарубежные издания, имеющие общенаучное значение. В качестве рецензентов выступают обычно ведущие ирландские историки. Нередко, несмотря на сравнительно скромный объем рецензий, авторы их поднимают важные вопросы развития исторической науки. Так, рецензент по военной тематике майор Флоренс О'Доног, автор известного труда «Только один закон», в отклике на книгу Дж. Маккенна «Война по-ирландски»¹⁴ формулирует задачи изучения военного аспекта ирландской революции 1919—1921 годов. Отметив, что не идущая в сравнение с войнами крупного масштаба ирландская революционная война имела характерные особенности (выдвигала на первый план индивидуального бойца, предъявляя особые требования к его личной храбрости, выдержке, моральной и политической стойкости; требовала разработки специфической стратегии и тактики ведения военных действий на занятой врагом территории), О'Доног пишет: «Они (читатели. — А. К.) захотят знать, как и почему возникла эта армия неоплачиваемых волонтеров; как она была создана, обучена, вооружена, сплочена, дисциплинирована и обрела боевой дух; как ею руководили, кормили и одевали ее; как ей удавалось оставаться по большей части неуловимой, как она сражалась; как народ лелеял, скрывал, ободрял и поддерживал ее все пять лет (с 1919—1923 гг. — А. К.) испытаний и террора. Они захотят знать, с помощью какой тактики ей удалось свести на нет огромное превосходство врага в людях, вооружении и военном опыте; почему они достигли успеха, тогда как все предыдущие аналогичные попытки заканчивались неудачей» (1946, № 54, стр. 195—196). Несмотря на то, что с момента выхода в свет рецензии прошло почти 25 лет, задачи, поставленные О'Доногом, продолжают оставаться актуальными.

Большие рецензии-обзоры историографического и источниковедческого характера печатаются порою в отделе статей. Так, Л. М. Каллен в работе «Ценность опубликованных источников по экономической истории Ирландии XVIII века» (1964, № 54), написанной в связи с выходом в свет в Англии крупной библиографии Л. У. Хэнсон «Опубликованные источники по британской и ирландской экономической истории, 1701—1750» (Кембридж. 1963), поднимает и разрабатывает вопрос о степени достоверности этих материалов. Он убедительно доказывает необходимость рассматривать эти свидетельства в связи с общим контекстом происходившей в те годы в Ирландии острой политической полемики, вызванной запретительными мерами Англии в отношении свободного развития ирландской экономики.

В целом для такой небольшой страны, как Ирландия, с ее ограниченными возможностями и трудной судьбой, национальная историческая наука развивается весьма интенсивно. Как и в политической и общественной жизни страны, в ней находит отражение непрекращающаяся борьба между национальными и проимпериалистическими, прогрессивными и консервативными силами.

А. Д. Колпаков

¹⁴ F. O'Donoghue. No Other Law. Dublin. 1956; J. Mc Cann. War by the Irish. L. 1945. Обе книги посвящены событиям англо-ирландской войны.

Рецензии

Н. RASCH. *Bonn und Moskau. Von der Notwendigkeit deutsch-sowjetischer Freundschaft.* Stuttgart. Seewald Verlag. 1969. 192 S.

Г. РАШ. *Бонн и Москва. О необходимости германо-советской дружбы.*

Гарольд Раш давно интересуется проблемами «восточной политики» ФРГ и прежде всего возможностями улучшения отношений между Западной Германией и социалистическими странами Европы. Изданная им в 1963 г. книга «ФРГ и Восточная Европа», содержащая призыв к решительному пересмотру боннского курса на Востоке, получила довольно широкую известность. Автор не ограничивается теоретическими исследованиями: он второй председатель Германо-советского общества во Франкфурте-на-Майне, один из издателей прогрессивного западногерманского журнала «Blätter für deutsche und internationale Politik». Взгляды этого реалистически мыслящего западногерманского публициста на «восточную политику» боннского правительства представляют большой интерес и заслуживают специального рассмотрения. Раш не коммунист. Он не скрывает своей неразрывной связи с господствующим в ФРГ социальным строем. Из его книги видно, что он находится под влиянием буржуазной идеологии. Тем важнее, что Г. Раш стремится вырваться из плена шаблонов, выработанных империалистической пропагандой, и подвергает критике традиционную «восточную политику» Бонна, выступая за ее радикальный пересмотр.

Анализируя эту политику на протяжении 20-летия (1949—1969 гг.), Г. Раш делит ее на несколько этапов. В 1949—1963 гг., в пресловутую «эру Аденауэра», это была, по его оценке, «политика с позиции силы», хотя автор с полным основанием подчеркивает, что сила была отнюдь не на стороне Бонна. «Восточную политику» правительства Эрхарда (1963—1966 гг.) автор характеризует как «политику пассивности». Однако ни курс Аденауэра, как отмечает Раш, ни политика Эрхарда не принесли Бонну успехов, напротив, курс ФРГ на Востоке зашел в тупик (стр. 29). Г. Раш показывает, что обанкротившийся курс Аденауэра — Эрхарда был опасен для мира в Европе. Вместе с тем он отмечает, что «новая восточная политика правительства Кизингера (1966—1969 гг.) значительно опаснее...»

Она прямо направлена на подрыв позиций Советского Союза в Центральной и Восточной Европе. ГДР должна была быть особым образом планомерно изолирована. В остальных странах восточного блока явно поощрялись тенденции к размягчению коммунистического господства и к расколу восточного блока...» (стр. 78).

Эта «новая восточная политика» указывает автор, также не увенчалась успехом. Социалистические страны, и прежде всего Советский Союз, своевременно распознали опасную сущность этой политики и приняли необходимые меры. В частности, полным провалом закончились попытки Бонна осуществить принципы этого подсказанного Штраусом курса в отношении Чехословакии. Г. Раш обрисовывает смысл маневров правительства «большой» коалиции, стремившегося использовать антисоциалистические силы в Чехословакии для отрыва ЧССР от социалистического содружества с тем, чтобы в конечном счете поставить Чехословакию под контроль западногерманских империалистов (стр. 63—67). Таким образом, как свидетельствует данный Г. Рашем анализ, «восточная политика» ФРГ в 1949—1969 гг. терпела крах на всех этапах своего развития. Автор подводит читателя к обоснованному выводу: эта обанкротившаяся политика подлежит радикальному пересмотру.

Как же, по мысли Г. Раша, должна строиться действительно новая политика ФРГ в отношении социалистических стран Европы? Прежде всего, пишет автор, Западная Германия должна признать неизбежность существующих в Европе границ. «Мы должны,— пишет Г. Раш,— наконец, ясно осознать, что нам следует считать окончательным изменение границ на востоке нашего бывшего отечества» (стр. 88). Далее он отмечает, что речь идет не просто о вынужденном признании реальности, изменить которую Бонну не под силу; ФРГ сама политически заинтересована в признании территориального статус-кво в Европе. «Мы нуждаемся в дружбе с Советским Союзом и Польшей, а эту дружбу можно

завоевать, если только мы будем готовы считать окончательно подведенными итоги второй мировой войны и признать в обязывающей международно-правовой форме новую границу на Востоке» (стр. 91). Таким образом, важным фактором, необходимым для нормализации отношений ФРГ с социалистическими странами, Г. Раш справедливо считает признание ГДР Западной Германией, ибо, как он с полным основанием пишет, нормальные отношения между обоими германскими государствами возможны будут только в этом случае (стр. 99). Г. Раш призывает Бонн «заключить, наконец, мир» с ГДР (стр. 105). При этом он подчеркивает, что недостаточно признать и без того очевидный факт существования Германской Демократической Республики. Бонн должен установить с ней отношения на международно-правовой основе. «Без полного международно-правового признания ГДР (которое включает в себя и признание ее границ) невозможно улучшение наших отношений с мировой державой Советским Союзом, примирение с Польшей, расширение контактов с Чехословакией, Венгрией и Болгарией» (стр. 108). Г. Раш пишет, что международно-правовое признание ГДР не только не осложнит, а, наоборот, облегчит отношения ФРГ со странами Запада, которые охотно отказались бы от навязываемого им Бонном бойкота ГДР.

Автор выступает за то, чтобы ФРГ признала Мюнхенское соглашение недействительным с самого начала. «Разумеется, взаимопонимание с Востоком не должно быть сорвано Мюнхенским соглашением 1938 года. Советский Союз и Чехословакия придают значение тому, чтобы мы признали его недействительным с самого начала, в первую очередь с целью убедиться, что и мы морально осуждаем разбойничьи походы Адольфа Гитлера. Вряд ли для нас было бы трудным удовлетворить это пожелание» (стр. 117).

Г. Раш обрисовывает положение, создавшееся в Западном Берлине, и высказывается за то, чтобы ФРГ прекратила свои попытки аннексировать эту самостоятельную политическую единицу.

«Ни при каких условиях Федеративная Республика не должна обладать или участвовать в обладании ядерным оружием»,—

пишет автор (стр. 178). Он поясняет, что допуск ФРГ к ядерному оружию отнюдь не обеспечил бы ее безопасность, а напротив, создал бы для нее дополнительную угрозу. Обеспечить свою безопасность Западная Германия может только проведением «последовательной самостоятельной политики мира» (стр. 178).

Говоря о тех требованиях, которые здравый смысл и политический реализм ставят перед западногерманским курсом в отношении социалистических стран, Г. Раш указывает и на некоторые важные аспекты, связанные с европейской безопасностью в целом. Он пишет, что необходимы эффективные меры в деле разоружения (стр. 120) и подчеркивает значение мирного сосуществования и сотрудничества между капиталистическими и социалистическими государствами Европы. Правительство и бундестаг ФРГ, пишет автор, «должны быть готовы к возможно более тесному сотрудничеству в условиях мирного соревнования со всеми государствами восточного блока, и прежде всего, конечно, с ГДР и Советским Союзом» (стр. 147).

Подводя итоги своего исследования, Г. Раш констатирует: «Одна из важнейших, если не самая важная задача внешней политики ФРГ — это установление и поддержание по меньшей мере удовлетворительных, если не дружественных отношений с СССР» (стр. 178). В этой связи автор напоминает о словах Томаса Манна, назвавшего антикоммунизм «основной глупостью нашего столетия» (стр. 183—184).

С этими реалистическими оценками Гарольда Раша можно только согласиться. Заслуживает всяческого признания то, что западногерманский буржуазный публицист смог сделать правильные выводы из провалов империалистической «восточной политики» Бонна и верно увидеть те пути, по которым должна идти политика ФРГ в отношении социалистических стран. Ибо только на путях мирного сосуществования, делового сотрудничества, добрососедства и дружбы со странами социализма в Европе Западная Германия может внести свой вклад в дело обеспечения мира и безопасности на нашем континенте.

М. С. Восленский

Ц. КРИСТАНОВ. *За свободу Испании. Мемуары болгарского коммуниста.* Перевод с болгарского. М. Изд-во «Прогресс». 1969. 333 стр. Цена 1 руб. 36 коп.

Академик Цветан Кристанов — человек завидной судьбы. Ветеран первой и второй мировых войн, профессиональный революционер, он сражался с силами реакции не только в Болгарии, но и в других странах. С юношеских лет Кристанов вступил на путь революционной борьбы и всегда оставался верен идеалам интернационализма. Профессиональную революционную работу он умело сочетал с научной деятельностью. Ц. Кристанов в 20—30-х годах получил медицинское образование в университетах Австрии и Германии, совершенствовался в СССР как врач и написал около 250 специальных работ. В Москве же он закончил вечернее отделение Института красной профессуры и командные курсы РККА. Когда в Испании в июле 1936 г. вспыхнул фашистский мятеж, Ц. Кристанов, как и многие тысячи других добровольцев-антифашистов, поспешил на защиту Испанской республики и вскоре под именем Оскара Тельге возглавил санитарную службу интернациональных бригад. Здесь оченьгодились его профессиональные знания, большие организаторские способности и отличное знание нескольких иностранных языков.

Круг мемуарной литературы о национально-революционной войне испанского народа 1936—1939 гг. становится у нас все шире. С исключительным интересом были встречены в СССР переводы мемуаров председателя Испанской компартии Долорес Ибаррури, испанских генералов-коммунистов Энрике Листера и Игнасио Идальго де Сиснероса, генерального секретаря Компартии Италии — в ту пору генерального комиссара интернациональных бригад — Луиджи Лонго (Галло), записок немецкого коммуниста, бойца знаменитого интернационального чапаевского батальона Хаанса Маасена¹. Большую популярность приобрели воспоминания многих видных советских военачальников, в те годы исполнявших обязанности военных советников при командирах испанской республиканской армии во всех родах войск. Ежегодно

появляются новые книги, очерки, статьи наших добровольцев — летчиков, танкистов, моряков, военных переводчиков вспоминающих о своем нелегком ратном труде в Испании. Но мемуары медиков до сих пор большая редкость². Очень мало написано о роли врачей на фронтах Испании, о санитарной службе интернациональных бригад, ее героях. Теперь, с выходом в свет книги Ц. Кристанова, этот пробел в значительной степени восполнен.

В санитарной службе интернациональных бригад, отмечает Ц. Кристанов, участвовали французские, немецкие, американские, скандинавские, чешские, польские, югославские и другие врачи. Ко второй половине 1937 г. в ее системе работало свыше 3 тыс. человек 28 национальностей, в том числе 250 врачей, среди которых было 35 известных хирургов, 600 фельдшеров и медицинских сестер. В ее ведении находилось 25 стационарных госпиталей на 6 тыс. коек. Более 110 тысячам раненых интербригадовцев и воинов испанской народной армии была оказана здесь медицинская помощь. Получая снабжение через свой штаб в Альбасете, санитарная служба интербригад располагала, кроме того, средствами, поступавшими от Комитетов помощи борющейся Испании, объединенных специальной международной организацией, центр которой находился в Париже. Ц. Кристанов подробно описывает медицинскую службу в интербригадах, ее структуру и организацию. С большой теплотой он рассказывает о замечательных людях санитарной службы, интернационалистах, антифашистах, очень различных по своему социальному положению, партийной принадлежности, религиозным убеждениям, но объединенных единым стремлением оказать всемерную помощь испанскому народу в его справедливой борьбе. Автор вспоминает о великолепных специалистах — немецких хирургах Неймане и Хейльбруне, югославе Горьяне, швейцарском хирурге Майере, дивизионном враче Кригиле, англичанине Джолли, отважном болгарине Шварце (Стоеве), которому в память о его заслугах в Испании в его родном го-

¹ Д. Ибаррури. Единственный путь. М. 1962; Э. Листер. Наша война. М. 1969; И. Идальго де Сиснерос. Меняю курс. М. 1967; Л. Лонго. Интернациональные бригады в Испании. М. 1960; Х. Маасен. Сыновья Чапаева. М. 1966.

² Следует отметить воспоминания И. С. Колесникова (см. «Ленинградцы в Испании». Л. 1967, стр. 148—158).

роде Трояне после второй мировой войны воздвигли памятник, и многих других. С похвалой отзывается Ц. Кристанов об американских врачах, возглавивших четыре хирургических госпиталя, — Барском, Буше, Питсе и Элоуссере, а также о докторе Познере, специалисте по переливанию крови.

Мемуары Ц. Кристанова многоплановы. В них немало сведений об Испании кануна мятежа, живо воспроизводятся основные события войны 1936—1939 годов. Большое внимание автор уделяет различным примечательным встречам, боевым эпизодам, портретным зарисовкам, приводит выдержки из своих дневников лета 1937 года. Ряд глав посвящен детям, испанской молодежи, интернациональной солидарности, теме «Испания и Советский Союз». С восхищением рассказывает Ц. Кристанов о доблестных бойцах и командирах испанской республиканской армии. Перед читателем разворачивается широкая панорама событий, раскрывается международный характер первой вооруженной схватки с фашизмом.

Особенно много интересного сообщает автор о подвигах болгарских добровольцев в Испании. Вместе с тем в своей книге он выступает от имени всех своих товарищей по оружию, всех тех, кто включился в революционную борьбу еще в дни Великого Октября, кто начинал битву с реакцией и фашизмом еще до боев в Испании, у себя на родине, кто пережил трагедию испанского народа и продолжил сражение в годы второй мировой войны. Автор, по существу, воссоздает биографию своего легендарного поколения.

В тяжелых боях под Мадридом, Теруэлем, на Эбро, в Каталонии — всюду, как показывает автор на богатых примерах, интернационалистские части зарекомендовали себя с лучшей стороны. «Бессмертные батальоны», «Батальон «Тельман» удержит позицию!», «Батальон «Авраам Линкольн», «По-чапаевски» — в этих и других главах рассказывается о непоколебимой стойкости интернационалистских частей, которым сплоченность, непреодолимая сила коллективизма, великое интернациональное братство помогали творить чудеса героизма и преодолевать самые немыслимые, казалось бы, трудности.

Расскажем о подвигах интербригадцев

в книге уделено центральное место. Часто эти герои, по существу, безымянны, как, например, политический комиссар XI интернациональной бригады, старый гамбургский коммунист «Фернандо», подлинное имя которого автору так и не удалось установить (стр. 318—319). Но в большинстве случаев речь идет о людях, чьи имена известны, однако об их жизни и подвигах у нас пока что написано очень мало. Таковы Манфред Штерн, сын крестьянина из Буковины, воевавший в Испании под именем генерала Клебера; Янош Гааль, венгр, сражавшийся за Советскую власть еще в годы гражданской войны в России, а в Испании командовавший XV интербригадой и Интернациональной дивизией; немец Клаус, хорват Чопич, англичанин Нэйтан, болгарин Наплатанов, француз Бартель и многие-многие другие. «Их не интересовали ни награды, ни ордена, ни высокие чины, ни богатство, — пишет Ц. Кристанов. — Их породили Великая Октябрьская социалистическая революция, оказавшая влияние на весь мир, учение марксизма-ленинизма. Это были люди новой формации, новый тип революционеров — подлинные граждане мира, рыцари гуманности, свободы и благоденствия человечества» (стр. 274).

В предисловии к книге Ц. Кристанов замечает, что в нее вошли преимущественно материалы, написанные еще в Испании, в боевой обстановке. Этим отчасти объясняется некоторая ее фрагментарность, отсутствие хронологической и тематической последовательности в расположении очерков. Порой это приводит к повторениям. Жаль, что автор ничего не говорит о советских врачах, с которыми он, несомненно, не мог не встречаться в Испании. При переводе на русский язык в книге были допущены некоторые неточности. Так, на стр. 18 появилась мифическая «синдикалистская партия Республиканский Союз», тогда как у автора речь идет о двух различных партиях: «Синдикалистской» и «Республиканском союзе». Следовало бы также при подготовке русского издания тщательно проверить транскрипцию имен и названий, в которых иногда допускается разноречивость.

Е. М. Тенер

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ,
ВЫХОДЯЩИХ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

«Философска мисъл». София. 1970, № 4.

Академику Тодору Павлову 80 лет; акад. Сава Гановски. Выдающийся ученый, партийный деятель, общественник; акад. Пантелей Зарев. Тодор Павлов как литературный критик; акад. Жак Натан. Тодор Павлов и экономическая наука; акад. Ф. В. Константинов (Москва). 1970 год — великий праздник ленинизма; Ц. Манева. Ленин и диалектико-материалистическое учение о категориях; В. Иванов. Основная форма классовой борьбы в современную историческую эпоху; С. Петров. Логические антиномии (ч. I); Ст. В. Василев. Активность отражения и биология активности; В. Момов. Мера воспитательного воздействия учителя; Р. Радев. Гносеологическая несостоятельность неотомистского реализма; В. Субашки. Эстетические взгляды Ивана Шошкова.

«Társadalmi szemle». Budapest. 1970, № 5.

Я. Кадар. Ленин — теоретик и организатор строительства социализма; И. Дречин. Общественно-экономическое развитие Венгрии в двадцатипятилетней ретроспективе; Т. Сечко. Информированность и социалистический демократизм; Р. Штайгервальд. Наши споры с оппозиционной «левой» интеллигенцией; И. Б. Сабо. Венгерская литература периода после освобождения страны; 9 мая 1945 года. Б. Ц. Тот. Чехословакия на пути консолидации; Е. Реден. Перемены в Латинской Америке.

«Társadalmi szemle». 1970, № 6.

И. Фришш. План и экономическая реформа в Венгрии; Ф. Вярнаи. Единство сильнее; Б. Сабо. Некоторые итоги народно-демократических преобразований в Венгрии; И. Патко. Ленинизм — нация — интернационализм; А. Мод. Рабочий класс и наша эпоха.

«Wirtschaftswissenschaft». Berlin. 1970, № 4.

Х. Коциолек. Проблемы политической экономии социализма и руководства экономикой в трудах Ленина; Г. Линготт. Теория и практика ленинской экономической политики — ее применение и творческое развитие при формировании экономической системы социализма в ГДР; Г. Козлов. Создание В. И. Лениным политической экономии социализма; Г. Фридрих, Р. Лейсинг. Единство планирования и рентабельности в трудах Ленина; Э. Вальтер. Актуальное значение учения Ленина о социалистической денежной и

финансовой системе; К. Ширмайстер. О монополии как отношении господства. Актуальные аспекты ленинского анализа П. Кхалдбари. Ленин и национально-освободительное движение; Х. Стеегер. Международное Совещание в Москве, посвященное 100-летию со дня рождения В. И. Ленина; Ф. Бем, В. Хартман, М. Хайнце, Г. Титтель. Теория и практика ленинской политики и ее применение в ГДР.

«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft».

Berlin. 1970, № 5.

В. Пафф. О генезисе реформистской политики западногерманской социал-демократии; Э. Хоффман. О категории общественной формации в трудах В. И. Ленина; Г. Лецек. К вопросу о методологии борьбы с буржуазной историографией; С. И. Тюльпанов. Об объединительном съезде СЕПГ в 1946 г.; К. Дробиш, Д. Эйххольц. Принудительный труд иностранных рабочих в фашистской Германии во время второй мировой войны; Публикации. Х. Фоске. Из секретных протоколов боннского «Исследовательского совета по вопросам объединения Германии».

«Przegląd zachodni». Poznań. 1969, № 6.

К 60-летию Г. Яблоньского; А. Квилецки. Идеи сближения Франции и ФРГ в современной западногерманской идеологии; М. Ясковски. Отношения между Западной Германией и США в период президентства Л. Джонсона; М. Цыганьски. «Немецкое историческое общество» в Познани (1885—1945 гг.); А. Брожек. Памятная записка губернаторов восточных провинций Германии о хозяйственном положении провинций (1929); А. Бренч. К вопросу о смешанных браках на Западных польских землях.

«Przegląd zachodni». 1970, № 1.

Я. Ракоцки. Ленинское учение об империализме и современные буржуазные государства; З. Новак. Ленинская характеристика империализма и экономическое положение стран Западной Европы; С. Ключовски, Ю. Рутковски. Динамика хозяйственного развития возвращенных Северных польских земель за 25 лет; Е. Т. Ковалески. Изменения в профессиональной и демографической структуре жителей деревни на Западных польских землях (1960—1966 гг.); П. Заремба. Из истории возрождения города (Первые недели освобожденной Познани); А. Вольф. Сотрудничество «Польского

западного союза» с польскими эмигрантами Вестфалии и Рейнской области в области просвещения и культуры.

«*Wojskowy przegląd historyczny*». Warszawa. 1970, № 2.

В. Гомулка. Возвращение на древние пясцовские земли — величайшая победа в истории Польши; Приказ Министра национальной обороны № 15/МОН от 9 мая 1970 г.; З. Стомпор. Освобождение Западных и Северных польских земель Советской Армией и Войском Польским; Т. Бельчевски. Бои за освобождение Вроцлава в 1945 г.; Я. Птасиньски. О деятельности ППР в Северной Мазовии в годы гитлеровской оккупации (1942—1945); Я. Стеблик. Отступательные бои армии «Краков» от Ниды и Дуницы до Сана. 8—13 сентября 1939 г.; Материалы. Е. Бордзиловски. Солдатский путь; Л. Пастусяк. Американцы в Западном Берлине; Е. Годлевски. Агрессия Италии против Эфиопии в 1935—1936 гг.; М. Кравич. Научная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина; Ф. Збиневич. Международная ленинская сессия в Кракове; М. Стысяк. О деятельности Общества любителей истории в 1969 г.; Я. Капустик, Б. Зелиньска. Материалы по библиографии второй мировой войны.

«*Zapiski historyczne*». Toruń. 1970, № 1.

Х. Виснер. Ливонская кампания Кшиштофа Радзивилла в 1617—1618 гг.;

С. Сальманович. Из истории борьбы за польский язык в г. Торунь в начале XVIII в.; К. Подляшевска. Книжные коллекции гданьских мещан в XVIII в.; М. Войцеховски. Две концепции воссоединения Гданьского Поморья с Польшей в 1918—1922 гг.; В. Сыпневски. Гданьск под управлением Антанты (28 июня 1918 г.—15 ноября 1920 г.); Т. Ковалек. Журнал «Дейче рундшау ин Полен» (1918—1919); П. Ставецки. Два документа по истории Кашубии. Дискуссии и обсуждения. К. Вайда. Германская политика по отношению к полякам на аннексированной Пруссией части польских земель в современной западногерманской литературе.

«*Anale de istorie*». Bucureşti. 1970, № 3.

И. Шербенеску. Из истории идеологической работы Коммунистической партии среди интеллигенции в первые годы народной революции; Х. Ваш. Проблемы истории венгерского рабочего движения; О. Матикеску, Е. Джорджеску. 80-я годовщина празднования 1 Мая; М. К. Стэнеску. Отклики в Румынии и за рубежом на арест коммунистов — участников учредительного съезда РКП; И. Сайзу, Л. Ешану. Из истории избирательной системы Румынии (1922—1928); К. Кушнир-Михайлович. О единстве рабочего движения Румынии в 1921—1929 гг.; Научные сессии, посвященные 100-летию со дня рождения В. И. Ленина и 25-й годовщине победы над фашизмом.

ЗАМЕТКИ О СТАТЬЯХ

Колониальная политика фашистской Германии накануне второй мировой войны

«*Aus Politik und Zeitgeschichte*».
Bonn. 1969, № 22.

Хронологические рамки статьи научного сотрудника института истории при Мангеймском университете (ФРГ) доктора Клауса Хильдебранда охватывают период с сентября 1938 по март 1939 г. (то есть от Мюнхенской конференции до захвата Чехословакии гитлеровской Германией). Автор прослеживает на материалах западногерманских архивов, публикаций документов, прессы, мемуаров и других источников позицию фашистской Германии в колониальном вопросе, а также место, которое занимал этот вопрос в англо-германских переговорах этого периода. Автор пытается по-

казать, какова была связь колониальной политики Германии с ее внешнеполитическими акциями, в чем заключалось конкретное содержание гитлеровской формулы «вооружение, Европа, колонии» (стр. 25). Статья Хильдебранда выдержана в духе обычных концепций западногерманской буржуазной историографии второй мировой войны, которая во всех преступлениях германского империализма обвиняет одного только Гитлера, обеляя и оправдывая тем самым германские монополии, генералитет, дипломатию. Собранный в статье материал по колониальной политике гитлеровской Германии преподносится именно в этом плане.

Автор показывает, что Гитлер использовал вопрос о колониях как способ для проникновения в Британскую империю, а также как средство давления на западные

державы с целью добиться от них «континентальных уступок» (стр. 23), то есть их согласия на германскую экспансию в Европе. Вместе с тем Гитлер допускал и возможность решения колониального вопроса военным путем. Это видно из его заявлений, сделанных в ноябре 1938 г. во время беседы с прогермански настроенным министром обороны Южно-Африканского Союза Освальдом Пироу (стр. 28). Гитлер говорил о своих намерениях приступить к захвату колоний после осуществления агрессивных акций на континенте (стр. 30). Уже в конце 1938 — начале 1939 г. по его указанию был разработан план предварительных мероприятий на этот счет, который включал захват «заморских опорных пунктов» для борьбы с Англией, проведение антибританской пропаганды в колониях, создание специальных подразделений полицейских сил и соответствующих учреждений по управлению колониями. Показательно, что автор отнюдь не подвергает критике расистскую политику гитлеровцев и характеризует эту человеконенавистническую политику и расовую теорию как всего лишь «привлекательную утопию» (стр. 27).

В то же время, чрезмерно преувеличивая значение колониального вопроса во внешней политике Германии указанного периода, Хильдебранд стремится отвлечь внимание читателей от захватнической политики фашистской Германии в Европе, которая привела к развязыванию второй мировой войны.

Гитлеру противопоставляются лидеры западных держав, среди которых на первом плане фигурирует «демократически изысканный» (по словам Хильдебранда) британский премьер Невиль Чемберлен (стр. 24), политику которого автор в целом оценивает весьма положительно. Чемберлен выглядит как миротворец, мечтавший о мирной сделке с Гитлером на основе «колониальных предложений» (стр. 23). В противовес Гитлеру программа Чемберлена, по мнению автора, состояла в разрешении колониального вопроса без применения оружия (стр. 25). Игнорируя остроту межимпериалистических противоречий и общий антисоветский курс империалистических стран, автор утверждает, что «мирная сделка» по колониальным вопросам могла бы предотвратить войну. Но, поскольку, считает он, Чемберлен во время Мюнхенской конференции допустил «промах», отойдя от главной линии своей «миротворческой» политики, проявив «нейтральность» в отно-

шении германских устремлений на Восток (стр. 39), осуществление указанной сделки сильно осложнилось. Попутно Хильдебранд дает свою трактовку Мюнхенского соглашения. Он отмечает, что, предоставляя Гитлеру «свободу рук» на Востоке, британский премьер тогда «не подозревал» о дальнейших целях Гитлера в отношении Англии и Америки (там же).

Таким образом, Хильдебранд, с одной стороны, оправдывает колониальную политику Германии в рассматриваемый период, а другой — в приукрашенном виде изображает политику западных держав в колониальном вопросе, стремясь оправдать их политический курс накануне второй мировой войны.

А. С. Аветян

К истории «прогрессивизма» в США «The Journal of American History», Blumington. 1969, № 2.

В статье американского историка Д. Зилена «Социальные трения и истоки прогрессивизма» предпринимается попытка по-новому рассмотреть период 1900—1914 гг., характерный широкими социальными движениями, направленными на демократизацию общественной жизни США. В буржуазно-либеральной историографии США после второй мировой войны этот период, так называемая «прогрессивная эра», обычно рассматривается как первый значительный опыт буржуазного реформизма, получивший дальнейшее развитие в политике «нового курса» Ф. Д. Рузвельта, «справедливого курса» Г. Трумэна, «новых рубежей» Д. Кеннеди и способствовавший, по мнению американских либеральных историков, оформлению идеи «государства всеобщего благоденствия». Не отказываясь от этой концепции, Зилен пытается несколько по-иному подойти к оценке «прогрессивизма». Определяя движущие силы этого течения, он выступает против тех историков, которые в той или иной степени воспринимают «прогрессивизм» как отражение конфликтов, свойственных эпохе империализма. В частности, речь идет о таких буржуазно-либеральных историках, как Д. Хикс, видевшем в «прогрессивизме» развитие традиций фермерского антимонополистического протеста 1890-х годов, Р. Хофстедтер и Д. Маури, трактовавших это течение как попытку городских средних слоев отстоять свои позиции в борьбе с новой капита-

листической элитой, о представителе «новых левых» Г. Колко, определявшем «прогрессивизм» как тактический маневр представителей монополистического капитала в борьбе с движениями протеста против засилья трестов и других.

Зилен стремится доказать, что «прогрессивизм» возник не на почве социального конфликта, а, напротив, олицетворял собою общее стремление американцев к единению перед лицом сложных проблем утверждавшегося «индустриального общества». По его мнению, движущим мотивом этого движения была не «борьба, а сотрудничество различных социальных групп — священников, бизнесменов, рабочих, фермеров, социальных реформаторов, ученых и политиков» (стр. 335). Это положение буржуазного историка, как и вся приводимая им аргументация (нелишне отметить, что при характеристике социальных мотивов «прогрессивизма» Зилен обращается прежде всего к методу психоанализа, который противопоставляется им методу стратификации, анализирующему конфликт социальных групп, — стр. 325—329), является не чем иным, как попыткой применить к истории «прогрессивизма» апологетическую концепцию «концензуса» (бесконфликтного развития американской истории). С этой концепцией выступили в 1950-е годы Харц и Бурстин, затем она была подхвачена другими буржуазными историками. Зилен первым среди историков, придерживающихся этой концепции, наиболее последовательно и откровенно проводит идею «концензуса» применительно к периоду «прогрессивизма» (стр. 323, 328, 335—339).

Марксистский, классовый метод исторического анализа позволяет вскрыть и охарактеризовать острые противоречия между разнородными социально-политическими силами, действовавшими в этот период. На левом фланге «прогрессивизма» находились боевые профсоюзные объединения и Социалистическая партия, добившаяся в 1900-е годы избрания в законодательные органы более тысячи своих членов, а в 1912 г. собравшая около миллиона голосов на президентских выборах, а также массовые антимонаполистические движения — от популистов и белламистов до «разгребателей грязи». На правом фланге находились такие буржуазные деятели, как Т. Рузвельт, В. Вильсон, для которых лозунг «прогрессивизма» являлся ширмой, скрывающей стремление покончить с социалистическим и антимонаполистическим

движениями. Не удивительно, что тактика Рузвельта и Вильсона была в конце концов одобрена наиболее дальновидными представителями монополистической буржуазии (Перкинс, Мэнси и др.). Небезынтересно напомнить, что канонизированный буржуазными историками «герой прогрессивизма» Т. Рузвельт призывал истребить популистский «бунт», объявлял «нежелательными гражданами» Ю. Дебса и Б. Хейвуда, третировал прогрессивных журналистов, добился устранения от руководства прогрессивной партии неугодного монополием Р. Лафоллета, а в 1914 г. открыто порвал со сторонниками реформ. Таким образом, концепция «единого потока», с которой выступает Зилен, глубоко искажает действительный характер взаимоотношений и расстановку социальных сил в США конца XIX — начала XX века.

Необоснованной оказывается и попытка Зилена объявить экономический кризис 1893—1897 гг. главным фактором возникновения «прогрессивизма» (стр. 336). Она рассчитана на то, чтобы породить аналогию между «прогрессивизмом» и «новым курсом» Рузвельта, который возник, как известно, на почве экономического кризиса 1929—1933 годов. Но эта аналогия и вывод Зилена о причинах возникновения «прогрессивизма» не подтверждаются конкретным анализом исторического развития США. На самом деле, после необычайного обострения социальной борьбы в первой половине 1890-х годов, отмеченных популистским и белламистским движениями, грандиозными гомстедской и пулмановской забастовками, походом «армии Кокси» и т. д., во второй половине этого десятилетия наблюдается ее спад. Новый подъем, давший начало «прогрессивизму», приходится на начало 1900-х годов, когда имела место определенная стабилизация экономики (характерно, что буржуазно-реформистская мысль 1900-х годов не знала даже постановки проблем антикризисных мероприятий, которые стали широко дискутироваться лишь в 30-е годы). Причины подъема общественной борьбы следует искать в радикальных изменениях социально-экономической структуры капитализма, происшедших на завершающем этапе перерастания «свободного» капитализма в империализм. Период с 1898 по 1903 г. ознаменовался резким качественным скачком в развитии монополизации (из 313 трестов, насчитывавшихся в США в 1904 г., 236 образовались после 1898 г.), сопровождавшейся

массовым разорением мелкой буржуазии, ростом эксплуатации пролетариата, усилением реакции во внутривнутриполитической жизни страны. Эти явления и были той почвой, на которой вырастал протест народных масс, направленный своим острием против монополий и попадавших во все большую зависимость от них буржуазных политических институтов.

В. В. Согрин

Австралийский ученый о кризисе немецкого буржуазного историзма
«*Historical Studies*». Melbourne. 1969, № 52.

Джон Мозес, профессор Квинслендского университета (Австралия), обеспокоенный ростом влияния реваншизма, милитаризма и «классического прусского духа» на современную идеологическую жизнь Западной Германии, обращается к исследованию реакционных тенденций в немецкой буржуазной историографии с последней трети XIX в. до наших дней. Он анализирует эволюцию исторической мысли в Германии, стремясь в первую очередь «исследовать влияние великих катастроф XX столетия» на историческую науку, связать кризисы буржуазной историографии с переломными для Германии событиями 1918—1919, 1933, 1945 годов. Мозес считает, что между официальной исторической наукой и политикой германского империализма имеется прямая связь.

Давая оценку так называемой «политической историографии» конца XIX — начала XX в., автор справедливо указывает, что большинство буржуазно-юнкерских историков являлось «герольдами» империализма, «причастными к экспансионизму германского рейха». К этому выводу Мозес приходит в результате подробного анализа работ представителей различных течений немецкой историографии: Генриха фон Трейчке и других сторонников крайне реакционной «пруско-малогерманской» исторической школы, Эриха Маркса — апологета пангерманизма, неоранкеанца.

Творчество германских буржуазных историков веймарского периода, констатирует Мозес, было полностью подчинено главной «иллюзорной задаче, состоящей в том, чтобы снять с Германии ответственность за развязывание войны», зафиксированную в Версальском договоре. Рассматривая актуальные проблемы: о виновниках первой

мировой войны, о пресловутом «ударе спину» и др., — Георг фон Белов, Дитрих Шефер и многие другие реакционные историки в своих попытках «национального самоопределения» выступали как апологет германского империализма, попирая при этом требования научной методологии. Захватнические войны рассматривались и как «динамичный фактор общественного прогресса». Широко пропагандировала идея «сильного» авторитарного государства, которое, по их мнению, следовало создать вместо Веймарской республики. В своих работах эти историки всячески идеализировали Бисмарка и пруссачество.

Реакционно-консервативные историки, отмечает Мозес, фактически содействовали приходу Гитлера к власти, поскольку «многие из их политических целей совпадали с гитлеровскими». Поведение ведущих немецких буржуазных историков во времена фашизма Мозес характеризует как «глубоко позорное». Историческая наука, пишет он, превратилась в «рабу фашистской диктатуры». Преемственность в развитии германской буржуазной историографии состояла в том, что буржуазные ученые, перешедшие на службу к фашизму, легко приспособились к фашистской демагогии и рьяно прославляли «германский дух», усердно «обосновывая» захватнические планы фашистского рейха.

Естественно, что разгром фашизма привел немецкий буржуазный историзм к глубокому кризису. Германская историческая наука, как отмечает Мозес, оказалась перед необходимостью «радикального пересмотра», «переоценки ценностей и способа мышления».

Говоря о путях выхода из этого кризиса, Мозес, в общем, повторяет установки, выдвинутые в первые послевоенные годы Фридрихом Мейнеке (1862—1954)¹. Концепция Мейнеке сводилась к отказу от «антизападных традиций» в немецкой историографии, к преодолению ее отрыва от «англосаксонского мира», к «модификации и интеграции германского мира идей в мир Запада»². Подобный «критический пересмотр истории», «пересмотр» с позиций атлантизма, обусловил дальнейшее углубление кризиса буржуазной исторической науки. Этого фактически не может отрицать и

¹ F. Meinecke. Die deutsche Katastrophe. Wiesbaden. 1946.

² «Прочь из немецкой, вперед в европейскую историю» — в такой формуле была выражена суть взглядов Мейнеке (F. Meinecke. Werke. Bd. 6. B. 1958, S. 405).

Мозес, отмечающий наличие чрезвычайно опасных тенденций в современной историографии ФРГ. Он указывает, в частности, на возрождение культа пруссачества в книгах Ганса-Иоахима Шепса, мечтающего о реставрации прусского государства и «реабилитации прусских политических и социальных порядков», провозглашающего, что «Германия без Пруссии ничего не стоит». Дж. Мозес констатирует также наличие неонацистских течений в области историографии, сторонники которых стремятся доказать, что германский империализм и гитлеровское государство не были виновны в развязывании второй мировой войны. Мозес пишет в этой связи о широкой рекламе в неофашистской печати антинаучной книжки американца Д. Л. Хоггана «Вынужденная война», представляющей собой откровенную апологетику гитлеровского режима.

Выводы австралийского ученого непоследовательны и внутренне противоречивы. Но его критика немецкого буржуазного историзма имеет определенное научное значение. Несмотря на оговорки, Дж. Мозес признает, что в Германской Демократической Республике историческая наука развивается на принципиально новой основе, на основе подлинного «преодоления прошлого». В статье Мозеса в известной степени учтены результаты марксистского анализа эволюции исторической мысли в Германии. Автор опирается, в частности, на фундаментальный двухтомный труд «Очерки германской исторической науки», вышедший в ГДР под редакцией профессора Иохима Штрейзанда³.

А. И. Борозняк, В. А. Смоляков

³ «Studien über die deutsche Geschichtswissenschaft». Bd. I—II. B. 1963—1965.

Новые веяния в Американской исторической ассоциации
«The Nation». New York. 1969, № 3.

Статья Дж. Гилберта «Наука или политика. Свара историков» посвящена 83-му съезду Американской исторической ассоциации (АИА), который проходил в Нью-Йорке в конце 1968 года. Вместе с тем она дает определенное представление о некоторых сдвигах в исторической науке США.

Как известно, АИА, основанная в 1884 г., является старейшим и самым влиятельным объединением профессиональных историков США. На деятельности ассоциа-

ции искони лежала печать консерватизма. Не случайно именно к АИА в 1950 г. обратился с посланием тогдашний президент Гарри Трумэн, заявив, что «деятельность американских историков имеет колоссальное значение» для осуществления главной задачи американской политики — борьбы против коммунизма, призвав их активно содействовать этому курсу¹. Насколько энергично руководители АИА выполняют этот «социальный заказ» американских монополистов, можно судить по докладу, сделанному на упомянутом 83-м съезде президентом ассоциации Дж. Фэрбенком. Коснувшись войны во Вьетнаме, Фэрбенк заявил, что США ввязались в нее «главным образом благодаря избытку праведности и бескорыстному благоволению»².

До недавних пор консервативная линия руководителей АИА не встречала серьезного отпора внутри этой организации. 83-й съезд был в этом отношении переломным. По словам автора статьи, для съезда были особенно примечательны два момента: «роль проблем текущей политики и попытки организовать фракцию радикальных историков». Действительно, политика властно ворвалась в атмосферу съезда еще до его открытия. Сначала предполагалось провести съезд в Чикаго, но накануне его заседаний штаб-квартира АИА была буквально завалена требованиями перенести их в другой город³. В этих требованиях отразилось возмущение действиями мэра Чикаго Ричарда Дейли, по чьему приказу была учинена расправа над участниками массовых выступлений против вьетнамской авантюры и внутренней политики правительства, которые развернулись в дни работы предвыборного съезда демократической партии. Руководству АИА пришлось в пожарном порядке, в течение 12 часов, принять решение о переносе заседаний в Нью-Йорк. Это событие было окрещено «мстью мэру Дейли».

Пленарное заседание съезда было посвящено необычной для АИА теме — «Профессиональные организации и политиче-

¹ См. «American Historical Review», 1951, April, pp. 711—712 (далее — «АНР»).

² См. «АНР», 1969, February, p. 879. Эта неуклюжая попытка оправдать преступления американской военины во Вьетнаме вызвала на страницах того же журнала отповедь со стороны Т. Грира («АНР», 1969, June, p. 1770).

³ По признанию Дж. Фэрбенка, из полученных обращений 1 100 содержали это требование и только 40 подтверждали верность Чикаго («АНР», 1969, April, p. 1481).

ские вопросы». В процессе дискуссии обозначились две противоположные позиции. Консервативную точку зрения особенно рьяно отстаивал известный историк Артур Шлезингер. Он осуждал перенос съезда из Чикаго в Нью-Йорк. «Аполитичность», под флагом которой он выступал, обернулась политикой худшего реакционного толка. Представив в извращенном свете позицию СССР в отношении Чехословакии, он поднял вопрос о неучастии американских историков в очередном, московском Международном конгрессе историков. Автор отмечает, что в выступлении А. Шлезингера «явственно и зримо проступила холодная война». Однако минули времена, когда консерваторы от науки не получали отпора в АИА. Точку зрения радикальных историков определеннее других выразил Кристофер Лэш, призвавший своих коллег по профессии «перестать быть идеологами «статус-кво».

Оформление фракции радикальных историков внутри АИА, связанное главным образом с деятельностью уже довольно многочисленной группы молодых ученых, примыкающих к движению «новой левой»⁴, Дж. Гилбрет считает второй примечательной чертой съезда, добавляя при этом, что «историки одними из последних среди представителей ведущих социальных наук создали радикальные фракции». Характеризуя представителей «новой левой», автор пишет: «Они призывали историков писать о прошлом сквозь призму настоящего и будущего... видеть творцов истории во всем народе, а не только в элите... Они призывали историков также к тому, чтобы их труды направляли людей к лучшему будущему». Представители этого историографического направления по ряду проблем прошлого и настоящего Америки занимают демократические позиции. Их голос громко звучит среди тех, кто осуждает американскую агрессию во Вьетнаме, обличает бесправное положение негров, обнажает язвы «больного общества» США. Вместе с тем историкам «новой левой» присущи многие слабости и шатания, которые вытекают из неопределенности их классовых позиций.

⁴ Гилберт пишет: «Историография «новой левой» при всей своей рыхлости и внутренних распрях ныне заняла прочное место в американской исторической науке и быстро создает внушительную коллекцию ученых трудов». См. также I. Unger. The «New Left» and American History: Some Recent Trends in United States Historiography. «AHR», 1967, July, pp. 1237—1262.

Будущее этого течения во многом зависит от эволюции социально-политических воззрений его адептов. Трудности, переживаемые этим направлением, Гилберт толкует весьма произвольно. По его мнению, это движение прошло свой апогей и вступило в стадию «старения». На самом деле «типичные ситуации» в деятельности «новой левой» связаны с тем, что как историки, так и все движение «новой левой» в целом в науке и в политике остаются на почве буржуазного общества и его идеологии, и переходят на последовательные марксистские позиции и порой отдают дань левацкому авантюризму⁵.

В заключение следует отметить, что на 83-м съезде АИА верх удалось взять консервативной группировке. Прошла резолюция, подтверждающая принцип «аполитичности» ассоциации. Однако новые веяния с нарастающей силой обозначились на следующем, 84-м съезде, состоявшемся год спустя.

И. З. Романов

⁵ Последнее проявилось и на съезде. На одном из двух фракционных собраний радикальных историков раздался призыв, правда, не встретивший поддержки, к тому, чтобы «историки оставили университеты и принялись организовывать революцию». Критику методологии историков «новой левой» с марксистских позиций см. в статье: H. Aptheker. Attempting a New History. «Political Affairs», 1968, August, pp. 42—51; September, pp. 30—40.

Об одной попытке периодизации истории ислама

«*Journal of the American Oriental Society*». Baltimore. 1968, № 2.

В статье, посвященной периодизации истории ислама, профессор Пенсильванского университета (США) С. Д. Гойтейн подвергает критике все еще весьма распространенную на Западе легенду о «неподвижности» мусульманского Востока. Попытки отрицать то обстоятельство, что в течение тринадцати с половиной веков мусульманский мир прошел ряд весьма отличных друг от друга фаз, тенденция игнорировать наличие множества специфичных локальных исламских культур — все это, как подчеркивает Гойтейн, создает опасность подмены исторической действительности надуманной, абстрактной и ненаучной схемой истории ислама (стр. 224, 228), которая на самом деле представляет собой серию че-

редующихся культур, «каждая из которых имела свои собственные системы ценностей и специфические типы личностей» (стр. 225). Исходя из этих посылок, автор предлагает свою периодизацию, обоснованию которой он и посвящает свою статью.

Первый этап истории ислама Гойтейн датирует 500—850 гг. и именует «Арабизм и арабский ислам», определяя его существо как возвышение арабской нации. В этот период ислам действительно был еще чисто арабской религией, а халифат — «арабским королевством». Однако проблема значительно усложняется при переходе к следующему этапу истории ислама. Гойтейн считает, что началом этого этапа является 850, точнее — 838 г., а не 750 г. (приход к власти династии Аббасидов).

В отличие от многих других востоковедов Гойтейн — и здесь с ним можно согласиться — не склонен преувеличивать влияние новой династии на эволюцию ислама. Он утверждает, что первый век господства Аббасидов был, безусловно, периодом наибольшего влияния «арабизма» на ислам, что отразилось прежде всего в мусульманском праве, которое предусматривало, что правителями могут быть только члены арабского племени курейш, что мусульманин неарабского происхождения не должен жениться на арабке; необходимым условием принадлежности к исламу провозглашалось знание арабского языка и т. д. Достойным внимания исламских ученых объявлялся только один предмет — арабы и их пророк. Главный упор делался на такие дисциплины, как арабский язык, арабская поэзия, арабская генеалогия и т. д. Это подтверждает, что декларируемая исламом этническая и расовая эгалитарность в значительной степени была фикцией, в то время как ислам фактически оставался национальным (или, вернее, трибальным) культом, а принадлежность к правящей касте детерминировалась скорее этническим фактором, нежели конфессиональным. Однако при характеристике чрезвычайно сложного и противоречивого процесса «арабизации» в ряде регионов Ближнего и Среднего Востока Гойтейн избрал неверный путь: он полностью отвлекается от социально-экономических основ этого процесса, не замечает его существенных различий в разных странах, утверждая даже, будто неарабские народы халифата вообще «отказались от своей индивидуальности». Тем самым он отрицает наличие во втором периоде (согласно его периодиза-

ции) истории ислама каких-либо более или менее самостоятельных локальных культур. Это явно противоречит и общеизвестным фактам и установившейся в науке более глубокой и объективной точке зрения на взаимодействие в средневековом мусульманском мире «большой» и «малых» традиций, то есть «идеальной» и, следовательно, абстрактной и потому никогда до конца не претворявшейся в жизнь формой ислама, которая сложилась в сознании мусульманских богословов, правоведов и политических мыслителей, и автохтонными системами ценностей, нередко в корне противоположными мусульманской догматике¹.

В связи с этим и по сей день остается спорным вопрос о роли эллинского наследия, которая, как полагает Гойтейн, еще долго продолжала быть очень большой, что, по его мнению, особенно отчетливо проявлялось в астрономических, географических и биологических аспектах исламского мировоззрения, а также в вопросах логики и диалектики. Далее Гойтейн утверждает, что развивавшийся процесс «арабизации» привел к ослаблению эллинского влияния, и к концу описываемого этапа оно уже перестало выполнять функцию «конструирующего фактора в цивилизации арабского ислама». Еще более способствовало этому постепенное усиление значения тюркских элементов. И здесь-то становится ясным, почему Гойтейн придает особую роль 838 году, когда был основан город Самарра, ставший местопребыванием тюркской гвардии халифа Мутасима. Именно это событие символизирует, по мнению автора, конец арабского господства и «начало господства над Ближним Востоком тюрков» (стр. 226). Тем не менее процесс «арабизации» в целом, как полагает Гойтейн, завершился лишь спустя четыре века, на основании чего второй этап ислама автор именует «промежуточной и посредствующей» цивилизацией. Такой подход весьма характерен почти для всех современных западных буржуазных исламоведов, склонных отрицать самостоятельную роль народов мусульманского Востока в развитии мировой культуры. Именно в этом духе определяет Гойтейн и характерные черты «исламской цивилизации» периода 850—1250 гг., когда, по определению автора, ислам был передаточным звеном между ближневосточным эллинизмом и европей-

¹ G. E. von Grunebaum. The Problem: Unity in Diversity. «Unity and Variety in Muslim Civilization». Chicago. 1957.

ским Ренессансом, занимая промежуточное положение между секуляризованной поздней античностью и откровенно клерикальной средневековой Европой, причем его местоположение способствовало восприятию многих элементов у граничащих с ним индийской, китайской, европейской, а также африканских культур. Этот период характерен, замечает Гойтейн, относительно свободной, зиждущейся на развитых товарно-денежных отношениях экономикой, преобладанием «среднего класса», широким распространением эллинских светских наук, богатым и гибким творчеством в религиозной сфере. Что же обусловило распад этой цивилизации? На этот вопрос Гойтейн дает ответ в другой статье, посвященной проблеме единства средиземноморского мира в «середине» средневековья², в которой он в согласии со многими другими историками³ утверждает, что арабы отнюдь не разрушили экономической общности Запада и Востока. Это, заявляет Гойтейн, сделали лишь выходцы с Кавказа и особенно турки, которым была чужда древняя «традиция средиземноморского единства». Попытки взвалить на турков всю (или почти всю) вину за «упадок мусульманства», его «вырождение», вызванное де преимущественно его изоляцией от Запада, имеют историю столь же длительную, сколь и само западное востоковедение, как правило, приписывающее тюркским народам «узкий консерватизм», «фанатизм», «недоверие к умозрительному мышлению» и т. п.⁴

Третий период истории ислама Гойтейн датирует 1250—1800 годами. Начало этого этапа, знаменовавшее окончательный распад халифата, падение последних багдадских халифов, фактически относится к 1258 году. Наступает эпоха, как он пишет, «институционализированного ислама», территориально разобщенного, представленного отличающимися друг от друга неарабскими цивилизациями. Ее характерные признаки — милитаризация социальной жизни, рост бюрократического аппарата, усиление государственной монополии и надзора за экономикой. Все сферы жизни «орга-

низуются» и «формализуются», в том числе и религия.

В этих рассуждениях подспудно проводится типичная для западных буржуазных востоковедов мысль, будто к концу средневековья «исламская цивилизация» окончательно исчерпала свои творческие потенции и превратилась в «тупиковую цивилизацию», не имеющую возможности собственными силами «прорваться в будущее». Отсюда делается вывод о необходимости внешнего стимула в лице Запада для того чтобы обеспечить дальнейшее развитие мусульманского Востока. В этом отношении показательным то название, которое дает Гойтейн четвертому — и последнему — этапу истории ислама: «Переход к национальным культурам, вдохновляемым главным образом неисламскими источниками». Тем самым мусульманский Восток и в этот период представляется некоей инертной массой, движение которой обеспечивается идущими с Запада живительными импульсами. Природу всех основных социально-политических, философских и т. п. течений в странах распространения ислама Гойтейн в конечном итоге изображает как простую интерпретацию тех или иных «иностранных», а потому органически чуждых «подлинному духу Востока» концепций. В заключение отметим следующее. Бесспорно, что предложенная Гойтейном периодизация содержит ряд интересных мыслей и конструктивных элементов (в частности, подчеркивание качественного своеобразия каждого из выделяемых автором этапов истории исламских стран). В целом же гойтейновская периодизация, игнорирующая социально-экономическую основу исторического процесса и особенности развития производительных сил, обуславливавшие качественные сдвиги в истории мусульманских народов, и в силу этого считающая совершенно равнозначными явления как надстроечного, так и базисного характера, не может быть принята даже в качестве рабочей гипотезы.

М. А. Батунский

Историческое значение Аттилы

«Byzantinische Zeitschrift». München. 1968, № 2.

В рассказах современников образ Аттилы¹ преломляется через окруженные леген-

² S. D. Goitein. The Unity of the Mediterranean World in the «Middle» Middle Ages. «Studia Islamica». Vol. XII. 1960.

³ См., например, D. C. Dennet. Pirenne and Muhammad. «Bedeutung und Rolle des Islam beim Übergang vom Altertum zum Mittelalter». Darmstadt. 1968.

⁴ См., например, H. Ritter. Hat die religiöse Orthodoxy einen Einfluss auf die Dekadenz des Islams ausgeübt? «Klassizismus und Kulturverfall». Frankfurt a/M. 1960.

¹ См. И. А. Стучевский. Аттила. «Вопросы истории», 1968, № 12.

дами собирательные и эпические портреты вождей кочевников. В личных впечатлениях Приска Панийского — образованного грека, общавшегося с Атиллой, проступают черты знаменитого Модэ шаньюя, гуннского же вождя, отделенного от Атилы более чем полутысячелетним периодом, а также легендарного Огуэ кагана из гуннско-уйгурских сказаний. С другой стороны, Атилла был прототипом для короля Этцеля из «Песни о нибелунгах» и короля Атли из скандинавских саг.

Представление о так называемой «исторической миссии» Атилы как разрушителя Римской империи возникло еще в средние века. Христианская церковь поспешила объявить его «бичом божьим». Описания походов гуннских орд из Прикаспийских степей в Восточную Европу наполнены сообщениями о разорениях и грабежах, варварском, бессмысленном разрушении городов, уничтожении материальных и духовных ценностей. Рассуждения об исторической роли гуннов, может быть, в большей степени, чем другие варвары, содействовавших уничтожению античной цивилизации и падению рабовладельческого Рима, фигурируют иногда и в сочинениях более поздних историков гуннского мира. Подобная точка зрения в свое время нашла своего сторонника и в лице советского востоковеда А. Н. Бернштама, автора «Очерка истории гуннов» (Л. 1950). Позднее автор признал ошибочной свою оценку гуннов как исторически прогрессивной силы.

Но, несмотря на то, что историческая наука в общем уже довольно давно и достаточно прочно утвердилась во мнении, что кочевнические грабители, в их числе и гуннские орды, были скорее паразитами на теле ослабленного античного мира, чем носителями «исторической миссии» его уничтожения (эту миссию выполняли совсем другие, по преимуществу внутренние силы, обусловившие распад рабовладельческих отношений), все же еще и теперь нередко голоса, старающиеся закрепить за Атиллой славу великого полководца и выдающегося государственного деятеля. Против этих тенденций выступает историк и археолог О. Менхен-Гельфен в статье «Атилла —

вождь грабителей (лестарх) или государственный деятель с высокими целями?». Он возражает, в частности, против концепции Г. Вирта², согласно которой Атилла хотел обратить Гуннское царство в рационально построенный политический и хозяйственный организм, для поддержания коего он всячески стремился использовать способности и знания захваченных им римских провинциалов. Стремился он якобы и к регулярной торговле с империей, ради чего гунны готовы были воевать с Римом, когда последний противился развитию этих торговых связей. В действительности же, как показывает Менхен-Гельфен, торговля эта сводилась для гуннов преимущественно к приобретению предметов роскоши. Менхен-Гельфен опровергает Вирта и других историков, видящих в «логодах» Атилы государственный аппарат, посредством которого осуществлялось управление царством. Он показывает, что в числе логодов, разнообразной по составу группы «лучших людей», были и приближенные к гуннскому двору греческие риторы и философы, равно как и вообще люди, лишенные военного или административного авторитета. Он указывает еще и на то, что в сообщениях Приска Панийского о стремлении Атилы вернуть на места их прежних поселений укрывшихся в пределах империи беглецов (phygades) имеется в виду не перебежавшее к римлянам сельское население завоеванных гуннами областей, а представители гуннских же племен, искавших на территории империи защиты от притеснений и преследований со стороны «царских гуннов». Так что сами же гунны, и при этом нередко именно гуннские аристократы, видели в Атилле не столько объединителя и организатора племен, устроителя государства, сколько притеснителя, безжалостного убийцу своих возможных соперников из числа соплеменников, грабителя и разорителя подчиненных и соседних гуннам народов.

Л. А. Ельницкий

² G. Wirth. Attila und Byzanz. «Byzantinische Zeitschrift». 1967, № 1, S. 41 f.

РЕЦЕНЗИИ НА СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ *

«Античное общество». Труды конференции по изучению проблем античности. Ленинград, 14—19 апр. 1964. М. 1967, 428 стр. Рец.: Велков В.—«Изв. на Българското ист. др-во». София. 1970, кн. 27, с. 419—420.

Богатырь З. А. Борьба в тылу врага. 2 изд. М. 1969. 470 стр. Рец.: J. E.—«Soviet Studies». Inform. suppl. Glasgow. 1970, Apr., p. 72.

Василевская И. И. Япония и страны Юго-Восточной Азии после второй мировой войны. М. 1969. 149 стр. Рец.: «Sprawy międzynarodowe». Warszawa. 1970, № 2, s. 130.

«Великий Октябрь и мировой революционный процесс». М. 1967. Пер. на нем. яз.: В. 1969. Рец.: Lewin E.—«Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung». B. 1970, H. 1, S. 141—144.

Глезерман Г. Исторический материализм и развитие социалистического общества. М. 1967. Пер. на нем. яз.: В. 1969. Рец.: Reischberg A.—«Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung». B. 1970, H. 1, S. 150—151.

Гуревич А. Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М. 1967, 285 стр. Рец.: Reich N.—«Zeitschr. der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte». Weimar. 1969. Bd. 86, germanistische Abt., S. 389—392.

Давидович Д. С. Эрнст Тельман. Страницы жизни и борьбы. М. 1968. 304 стр. Рец.: Thomas S.—«Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung». B. 1969, H. 6, S. 1067—1069.

Джапаридзе О. М. Археологические раскопки в Триалети. К истории груз, племен во II тысячелетии до н. э. Тбилиси. 1969. 295 стр. На груз. яз. Рец.: Pig-gott S.—«Antiquity». Cambridge. 1970, № 173, p. 77—78.

Душенькин В. В. Вторая конная. Воен.-ист. очерк. М. 1968. 215 стр. Рец.: Striegnitz S.—«Zeitschr. für Geschichtswissenschaft». B. 1970, H. 2, S. 260—261.

Ежов В. Д. Рабочее движение в Западной Германии. 1945—1968. М. 1969. 384 стр. Рец.: «Икон. мисъл». София. 1970, № 3, с. 110.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М. 1969. 751 стр. Рец.: J. E.—«Soviet Studies». Inform. suppl. Glasgow. 1970, Apr., p. 68—70.

Залётный А. Ф. Милитаризация ФРГ. М. 1969. 478 стр. Рец.: — «Икон. мисъл». София. 1970, № 3, с. 109—110.

Иванов Ю. С. Осторожно: сионизм. Очерки по идеологии, организации и практике сионизма. М. 1969. 175 стр. Рец.: — «Informační bulletin. O zemích Asie, Afriky a Latinské Ameriky». Praha. 1969, № 8—9, s. 81—90.

«Идейные течения в тропической Африке». М. 1969. 228 стр. Рец.: Mrvaljvić J.—«Međunar. problemi». Beograd. 1969, br. 4, s. 162—164.

Иоффе А. Е. Внешняя политика Советского Союза. 1928—1932 гг. М. 1968. 487 с. Рец.: Rosenfeld G.—«Zeitschr. für Geschichtswissenschaft». B. 1970, H. 2, S. 240—242.

«История государства и права СССР. Учебник для юрид. ин-тов и фак-тов. Ч. М. 1967. 651 стр. Рец.: Reich N.—«Zeitschr. der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte Weimar. 1969. Bd. 86, germanistische Abt. S. 386—388.

«История и историки. Историография всеобщей истории». М. 1966. 400 стр. Рец.: Niederhauser E.—«Századok». Budapest. 1969, № 5—6, 1226—1230. old.

Калинин П. Партизанская республика. 2 изд. Минск. 1968. 382 стр. Рец.: J. E.—«Soviet Studies». Inform. suppl. Glasgow. 1970, Apr., p. 72—73.

«Коминтерн и Восток. Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении». М. 1969. 513 стр. Рец.: Kubešová M.—«Nová mysl». Praha. 1970, № 3, s. 431—436.

«Коммунистический Интернационал». Краткий ист. очерк. М. 1969. 600 стр. Рец.: Bradač Z.—«Nová mysl». Praha. 1970, № 4, s. 557—559.

Конев И. С. Сорок пятый. М. 1966. Пер. на чеш. яз. Praha. 1970. Рец.: Bejčkovský R.—«Nová mysl». Praha. 1970, № 5, s. 772—774.

«Конкретные исследования современных религиозных верований». М. 1967. 243 стр. Рец.: Adamus-Darczewska K.—«Roczniki socjologii wsi». Warszawa. 1970, № 8, s. 232—236.

Коновалов Е. А. Социально-экономические последствия «большого скачка» в КНР. М. 1968. 100 стр. Рец.: Steinbrenner.—«Dokumentation der Zeit». B. 1970, H. 5, S. 41—42.

Кунина В. Э. Карл Маркс и английское рабочее движение. М. 1968. 422 стр. Рец.: Herrmann U.—«Zeitschr. für Geschichtswissenschaft». B. 1970, H. 3, S. 427—429.

«Курская битва». Воронеж. 1968. 287 стр. Рец.: J. E.—«Soviet Studies». Inform. suppl. Glasgow. 1970, Apr., p. 75.

«В. И. Ленин и историческая наука». М. 1968. 552 стр. Рец.: I. Katsch G. und Ruckick K.—«Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung». B. 1970, H. 1, S. 140—141; 2. Марковски Д.—«Ист. преглед». София. 1970, кн. 1—2, с. 205—209.

«Международный ежегодник. Политика и экономика». Вып. 1967. М. 1967. 320 стр. Рец.: Thomas L.—«Zeitschr. für Geschichtswissenschaft». B. 1970, H. 2, S. 267.

Мещерюк И. И. Переселение болгар в Южную Бессарабию. 1828—1834. Кишинев. 1965. 208 стр. Рец.: Георгиев Г.—«Изв. на Българското ист. др-во». София. 1970, кн. 27, с. 439—441.

* Перечень рецензий составлен сотрудниками группы «Советика» Отдела науки Института научной информации и фундаментальной библиотеки по общественным наукам АН СССР по журналам, поступившим в библиотеку в течение мая 1970 г.

Микаелян Г. А. Циклопические крепости Севанского бассейна. Ереван. 1968. 65 стр. Рец.: Piggott S.—«Antiquity». Cambridge. 1970, № 173, p. 77—78.

Ненароков А. П. Восточный фронт 1918. М. 1969. 280 стр. Рец.: J. E.—«Soviet Studies». Inform. suppl. Glasgow. 1970, Apr., p. 71—72.

Никишов С. И. Ленинская критика философских основ религии. М. 1968. 372 стр. Рец.: Blakeley T. J.—«Studies in Soviet Thought». Dordrecht. 1970, № 1, p. 75—77.

«Новейшая история Турции». М. 1968. 395 стр. Рец.: Nitecka B.—«Sprawy międzynarodowe». Warszawa. 1970, № 2, s. 114—118.

«Очерки истории исторической науки в СССР». Т. 4. М. 1966. 854 стр. Рец.: Menyhárt L.—«Századok». Budapest. 1969, № 5—6, 1230—1232. old.

«По этапам развития атеизма в СССР». Л. 1967. 331 стр. Рец.: М. В.—«Soviet Studies». Inform. suppl. Glasgow. 1970, Apr., p. 77—78.

«Рабочий класс СССР на современном этапе». Л. 1968. 168 стр. Рец.: Keller D.—«Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung». В. 1970, Н. 1, S. 150.

Самухин В. П. Волховские партизаны. Л. 1969. 269 стр. Рец.: J. E.—«Soviet Studies». Inform. suppl. Glasgow. 1970, Apr., p. 73.

Сардарян С. А. Первобытное общество в Армении. Ереван. 1967. 416 стр. Рец.: Piggott S.—«Antiquity». Cambridge. 1970, № 173, p. 77—78.

«Семья Ульяновых». Саратов. 1969. Пер. на франц. яз.: М., s. d. Рец.: Bruhat I.—«Revue». Р. 1970, № 150, p. 155.

Сизоненко А. И. В стране ацтекского орла. Первые советские подпреды в Мексике. М. 1969. 95 стр. Рец.: Lapshev E.—«Bol. diplomatico». Mexico. 1970, № 371, p. 23—25.

Тарабрин Е. А. Стратегия и тактика неоколониализма Англии. М. 1969. 240 стр. Рец.: «Sprawy międzynarodowe», Warszawa. 1970, № 2, s. 129—130.

Токарев С. А. Этнография народов СССР. М. 1958. Пер. на итал. яз. Bari. 1969. Рец.: — «Libri e riviste d'Italia». Roma. 1969, № 238, p. 1852—1853.

Туганова О. Э. Международные отношения на Ближнем и Среднем Востоке. М. 1967. 296 стр. Рец.: К. I.—«Társadalmi szemle». Budapest. 1970, № 3, 102—104. old.

Федосов И. А. Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М. М. Щербатов. М. 1967. 260 стр. Рец.: Hoffmann P.—«Zeitschr. für Geschichtswissenschaft». В. 1970, Н. 2, S. 246—248.

Хромушин Г. Б. Разветленные мифы. Критика доктрины «американской исключительности». М. 1969. 383 стр. Рец.: — «Sprawy międzynarodowe». Warszawa. 1970, № 2, s. 126.

Чуянов А. Сталинградский дневник 1941—1943. Волгоград. 1968. 367 стр. Рец.: J. E.—«Soviet Studies». Inform. suppl. Glasgow. 1970, Apr., p. 70—71.

Шабанов Ш. Государственный строй и правовая система Турции в период Танзимата. Баку. 1967. 204 стр. Рец.: Sobociński W.—«Przegląd hist.». Warszawa. 1969, № 4, s. 745—747.

Шишкина В. И. Социально-политические взгляды Хосе Марти. М. 1969. 115 стр. Рец.: — «Куба». М. 1970, № 5, с. 23.

Шнитман А. М. Из истории интернациональных связей В. И. Ленина с революционным рабочим движением в Болгарии (1896—1923 гг.). Мурманск. 1968. 478 стр. Рец.: Самуилов И.—«Ист. преглед». София. 1970, кн. 1—2, с. 209—214.

Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М. 1968. Пер. на нем. яз.: В. 1969. Рец.: Groehler O.—«Zeitschr. für Geschichtswissenschaft». В. 1970, Н. 2, S. 265.

Belenitsky A. Central Asia. Cleveland—New York. 1968. 254 p. Рец.: Harper P. D.—«Artibus Asiae». N. Y. 1969, № 4, p. 326—327.

Lukonin V. G. Persia II. Cleveland. 1967. 233 p. Рец.: Wilber D. N.—«Archaeology». N. Y. 1970, № 1, p. 72—73.

Коротко о книгах

◆ Первый том двухтомника «Ленин и наука» под названием «Ленин и общественные науки» содержит различные материалы, в том числе: Г. Гроссер, Д. Клемм. Ленин и теория социалистического строительства; Х. Бейер. Учение Ленина о завоевании власти пролетариатом; М. Бензинг. Ленинское определение классов и развитие классов и социальных слоев в социалистической общественной системе ГДР; И. Бехер. Социалистические производственные отношения и социа-

листическое государство. Второй том посвящен теме «Ленин и естественные науки» («Lenin und die Wissenschaft». Bd. I: «Lenin und die Gesellschaftswissenschaften». Berlin. «Deutscher Verlag der Wissenschaften». 1970. 500 S.).

◆ Коллективный труд «Учение Ленина живет» подготовлен к печати проф. А. Хейнце (ГДР) и проф. С. И. Тюльпановым (СССР). В сборник вошли следующие статьи: «Ленинская концепция социализма и современность»; «Ленинский принцип де-

мократического централизма в руководстве народным хозяйством и его значение для дела построения социализма»; «Современный государственно-монополистический капитализм в свете ленинской теории империализма»; «К вопросу о государственно-монополистической функции империалистического государства»; «Антиленинизм — основной признак современной буржуазной и правосоциалистской политэкономии и ее ревизионистских адептов» («*Lenins Lehre lebt*». Von einem Autorenkollektiv. Berlin. «*Die Wirtschaft*». 1970. 376 S.).

◆ Немалое политическое значение имеет сборник документов «Потсдамское соглашение. Избранные документы по германскому вопросу за 1943—1949 гг.». Наряду с текстом самого Потсдамского соглашения от августа 1945 г. в него вошли еще 34 источника, приводимые полностью или в выдержках и касающиеся путей возможного урегулирования германского вопроса. Подборка документов дает возможность создать исторически правильное представление о послевоенном развитии Германии и империалистических инициаторах раскола страны («*Potsdamer Abkommen. Ausgewählte Dokumente zur Deutschlandfrage 1943—1949*». Hrsg.: Historische Gedenkstätte des Potsdamer Abkommens Cecilienhof, Potsdam. Berlin. «*Staatsverlag der DDR*». 1970. 143 S.).

◆ Книга «Взлет и падение Генриха Любке. История одной карьеры» была подготовлена Национальным советом Национального фронта демократической Германии. На основе подлинных документов, свидетельских показаний и с привлечением большого количества фотоматериалов здесь рассказывается о бесславном прошлом Любке: «ура-патриот» и доброволец в годы первой мировой войны; коммерсант, представший перед судом за растраты; приверженец национал-социалистской партии; строитель концлагерей; наконец, президент ФРГ. Показано, как, несмотря на темное прошлое Любке, особенно после его разоблачения опубликованными в ГДР материалами в 1964 г., он тем не менее продолжал свою государственную деятельность в Западной Германии («*Aufstieg und Fall des Heinrich Lübke. Die Geschichte einer Karriere*». Berlin. «*Staatsverlag der DDR*». 1969. 230 S.).

◆ Авторский коллектив Немецкого института современной истории (ГДР) подготовил очередной ежегодник «Мир 1969 года. Даты, факты, информация за 1968 год», составленный в виде нескольких обзоров и хроник. Вначале дается сводное изложение общеполитического развития мира. Затем следуют очерки о политическом, экономическом и научно-техническом сотрудничестве социалистических государств, о международном коммунистическом и рабочем движении, о национально-освободительном движении. Далее излагается деятельность международных организаций. Завершает книгу хроника работы ООН. Большую часть ежегодника составили 146 обзоров по отдельным странам мира, где приведены данные о социально-экономическом и культур-

ном развитии, внутренней и внешней политике. Широко показаны использованные авторами источники («*Die Welt 1969. Daten Fakten, Informationen des Jahres 1968*». Berlin. «*Dietz*». 1970. 624 S.).

◆ В сборник «Курсом антисоветско-войны», разоблачающий империалистическую милитаристскую политику, вошел ряд статей ряда авторов из ГДР о подготовке в 1933—1941 гг. германского империализма к агрессии против СССР. Основное внимание уделено идеологической подготовке к падению на Советский Союз. Рассмотрены также вопросы военной подготовки. Авторы полемизируют с западногерманскими буржуазными историками, пытающимися искривить ход событий по возникновению фашистской агрессии против Советского Союза («*Auf antisowjetischem Kriegskurs*». Studien zur militärischen Vorbereitung des deutschen Imperialismus auf die Aggression gegen die UdSSR (1933—1941). Berlin. «*Deutscher Militärverlag*». 1970. 432 S.).

◆ К XIII Международному конгрессу исторических наук Национальная комиссия венгерских историков выпустила «Исторические этюды, год 1970-й» в двух томах на русском, немецком, французском и английском языках («*Etudes historiques 1970*». Vol. 1. 616 p. Vol. 2. 262 p. Budapest. «*Akadémiai. Kiadó*»: 1970). В первый том вошли следующие статьи: Д. Немеш «Ленин с нами», Л. Элекеш «Историческое знание есть социальное знание», Д. Эмбер «Об исторической статистике», Т. Виттман «Анцские нации в становлении», Э. Ледерер «Феодализм как структура и как форма общества», А. Барта «Варварские и раннефеодальные общества на периферии Европы», Ж. П. Пах «Роль Центральной и Восточной Европы в международной торговле XVI—XVII столетий», А. П. Варконьи «Историческая личность, кризис и прогресс в Венгрии XVII столетия», И. Шинкович «Академическое образование в Венгрии XVII столетия», Д. Шпира «Великий день 15 марта 1848 г.», И. Дьюсеги «Австро-венгерская монархия в международной политике последней трети XIX века», Т. Эреньи «Социал-демократическая партия Венгрии и внешняя политика австро-венгерской монархии в 1908—1914 гг.», Д. Токоди «Путь великогерманской историографии к фашизму», Й. Емниц «Показатели симптомов разделения «ультра» и «большинства» среди социал-шовинистов, 1914—1917 гг.», Д. Боршани «Социалистическое движение в Венгрии в период между двумя мировыми войнами», М. Лацко «К вопросу о фашизме в Юго-Восточной Европе», Л. Жигмонд «По поводу дискуссии о названии и истолковании понятия «христианская демократия», Ш. Балог «История Венгрии после второй мировой войны в марксистской исторической литературе», И. Т. Беренд и Д. Ранки «Экономический рост и изменения в экономической структуре социалистических стран Восточной Европы после второй мировой войны». Второй том представляет собой библиографию избранных произведений венгерских историков за 1964—1968 годы. Она содер-

жит 2309 названий (в оригинале и с русским переводом) книг и статей, значительная часть которых аннотирована по-французски.

◆ Польский социолог и историк Дызма Галай опубликовал работу, характеризующую историю организованного крестьянского движения в Польше (D. Gala j. Chłopski ruch polityczny w Polsce. Warszawa. «Wiedza Powszechna». 1969. 144 str.). В сравнительно небольшой по объему книге автор дает анализ развития и радикализации крестьянского движения за последние 75 лет, постепенного укрепления связей между передовыми течениями в нем и рабочим движением в стране, что привело к созданию союза рабочих и крестьян.

◆ Новая публикация польских историков показывает, как в тяжелых военных условиях возник в Люблине университет имени М. Склодовской-Кюри («Powstanie i organizacja Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej w świetle źródeł». Lublin. Nakł. uniwersytetu. 1969. 407 str.). В публикацию вошли переписка, протоколы и другие документы. Она снабжена также хронологической таблицей. Составитель сборника — Ян Мальярчик.

◆ Обширный исторический очерк развития экономики Польши за 25 лет существования народной власти был опубликован в связи с празднованием этого юбилея («25 lat gospodarki Polski Ludowej». Warszawa. PWE. 1969. 294 str.). Авторы книги показывают огромные успехи, достигнутые польским народом под руководством ПОРП, в области народного хозяйства. Много места отведено сравнению уровней развития нынешней Польши и довоенной, а также капиталистических стран.

◆ Впервые в польской историографии написана всесторонняя и обстоятельная монография о гитлеровском лагере смерти в Бухенвальде. Ее авторы Вацлав Чарнецкий и Зыгмунт Зоник на основании многочисленных документов и мемуаров воссоздают историю концлагеря, разоблачают совершенные там нацистами преступления и очерчивают разнообразные формы движения Сопротивления в Бухенвальде (W. Czarniecki, Z. Zonik. Walczący obóz Buchenwald. Warszawa. «Książka i wiedza». 1969. 525 str.).

◆ Монографию по истории Варшавы за время, когда она была столицей шляхетской Речи Посполитой, опубликовал Казимир Конарский (K. Konarski. Warszawa w jej pierwszym stołecznym okresie. Warszawa. PIW. 1970. 675 str.). Книга охватывает эпохи Ренессанса, Барокко и Просвещения. В ней рассмотрены история застройки, управления, хозяйства, просвещения, культуры и обычаев Варшавы XVI—XVIII вв. Монография явилась плодом более чем 30-летних авторских изысканий.

◆ Известный польский историк Люциан Кежиньский написал монографию о стачечном движении в текстильной промышленности Лодзинского округа в 1929—1933 гг. (L. Kieszczyński. Ruch strajkowy w przemyśle włókienniczym okręgu łódzkiego w latach kryzysu gospodarczego 1929—1933.

Łódz. W. L. 1969. 322 str.). В монографии ярко показаны последствия экономического кризиса, огромный рост безработицы и борьба лодзинских текстильщиков за свои права, переросшая в марте 1933 г. во всеобщую их стачку.

◆ В Пиле (Познанское воеводство) обнаружены документы о гитлеровском лагере смерти Дахау. Они были вывезены осенью 1945 г. бывшим узником лагеря и хранились в его семье, а в настоящее время переданы в Главную комиссию по расследованию гитлеровских преступлений в Польше. Среди документов — картотеки узников Дахау, содержащие более 136 тыс. фамилий; анкеты заключенных; книги учета узников, умерших в Дахау; документация лагерного начальства и другие изобличающие материалы. На основании этих документов будет расширено изучение истории борьбы и мучений заключенных в Дахау — первом нацистском концлагере для иностранцев, в котором томились и гибли тысячи людей из разных стран Европы.

◆ В работе Януша Кольчиньского подробно характеризуются происхождение, деятельность, цели и программа одного из центров психологической войны империалистов против социалистических стран — комитета «Свободная Европа» (J. Kolszyński. Wolna Europa. Warszawa. MON. 1969. 224 str.). Автор вскрывает механизм идеологических диверсий Запада, создавшего на волне «холодной войны» этот комитет из остатков белой эмиграции и других тому подобных лиц, и показывает, как «Свободная Европа» прямо работает на международную реакцию.

◆ «История Болгарии в трудах европейских ученых» — название т. I серии исследований по истории болгарского народа, выпускаемой Болгарской АН. В него вошли статьи русских, немецких, английских, французских, бельгийских, чешских, сербских и болгарских специалистов, вышедшие в свет преимущественно до 1917 г. и содержащие сведения историографического характера либо целиком посвященные историографии какой-нибудь конкретной проблемы. Издание снабжено указателем («L'histoire bulgare dans les ouvrages des savants européens». Sofia. 1969. 440 p.).

◆ «Документы и материалы по истории болгарского народа» — книга, в которую вошли целиком либо в извлечениях соответствующие источники с VII по XX в., переведенные на болгарский язык. Всего помещено 347 документов. Они разделены на четыре части: «Средневековье» (68 док. с VII в. до 1758 г.), «Возрождение» (112 док. до 1878 г.), «Национально-освободительная борьба после Берлинского конгресса» (115 док. до 1917 г.) и «Западноболгарские земли после первой мировой войны» (прочие док. до 1940 г.) («Документи и материали за историята на българския народ». София. Изд-во БАН. 1969. 561 стр.). Приложен указатель.

◆ Питерлоо... Как известно, под таким названием (искусственная комбинация слов Ватерлоо и Питерсфилд) вошли в историю кровавые события 16 августа 1819 г. на

Питерсфилде (г. Манчестер), когда английские гусары, участники сражения под Ватерлоо, оружием разогнали митинг ткачей и других слоев общества, требовавших избирательной реформы. Предыстории, а также истории этих событий посвятил свою книгу «Питерлоо: возобновленное дело» английский частный исследователь-антиквар Роберт Уолмсли (R. Walmsley. *Peterloo: the Case Reopened*, Manchester. MUP. 1969. 585 p.). Он начинает исследование с описания так называемого «халтоновского покровительства» и становления местного магистрата в 1787—1817 гг., рассматривает историографию событий, затем очень подробно — их ход в 1819 г. и доводит изложение до последствий Питерлоо в 1820-е годы и его влияния на политическую жизнь тогдашней Англии.

◆ Лектор Лондонской экономической школы Дэвид Дилкс служил одним из помощников у британских политических деятелей Антони Идена и Гарольда Макмиллана, а также маршала Теддера. Он специализировался по изданиям сочинений такого рода лиц. Первый том его книги «Керзон в Индии» касается начала служебной деятельности лорда Керзона и написан в апологетическом тоне (D. Dilks. *Curzon in India*. London. «Rupert Hart-Davis», 1969. 296 p.). Деятельность этого типичного представителя военно-империалистической клики, активно защищавшего интересы британской буржуазии на постах заместителя министра по делам Индии (1891—1892 гг.) и вице-короля Индии (1899—1905 гг.) и душившего освободительное движение индийского народа, Дилкс выдает за подвиг.

◆ Уильям Элмэн Уильямс, преподаватель Орегонского университета (США), известен как автор работ «Контуры американской истории», «США, Куба и Кастро», «Американо-русские отношения в 1781—1947 гг.», «Формирование американской дипломатии, 1750—1970 гг.» и других. В своей новой книге «Корни новейшей Американской империи» (W. A. Williams. *The Roots of the Modern American Empire*. New York. «Random House». 1970. 546 p.) он касается следующих вопросов, которым посвящены отдельные главы: традиции экспансионистской политики; влияние прогресса и

депрессии на экспансию; роль гражданской войны в США для захватов новых земель; американская экспансия как «ответ» на европейскую; промышленные, торговые, транспортные и финансовые основы экспансии; заморская экспансия США; американский империализм; влияние на экспансию концепций об «особом» положении США на земле; отношение европейцев к американской экспансии; роль сельского хозяйства в политике экспансии; позиции республиканцев и демократов относительно этой политики; современные методы американской экспансии; ее связь с нынешними войнами.

◆ Известный английский автор Джордж Вудкок в очередной работе «Британцы на Дальнем Востоке» (G. Woodcock. *The British in the Far East*. London. «Weldenfeld and Nicolson». 1969. 259 p.) рассматривает британскую имперскую политику от времени ее расцвета до упадка самой империи. В первой части он рассказывает о колониальных деятелях различного происхождения и профессий (торговцы, моряки, военные, чиновники, искатели приключений); во второй — о британских «общинах-анклавах в колониях (администрация, города, частные дома, место в обществе); в третьей — о соответствующей линии англичан в период краха империи. Книга снабжена любопытными иллюстрациями.

◆ Сотрудник госдепартамента (США) проф. Джон Марей, перу которого принадлежит работа «Амстердам времен Рембрандта», написал книгу «Георг I, Балтика и раскол среди вигов в 1717 г.» (J. J. Murray. *George I, the Baltic and the Whig Split of 1717*. London. «Routledge and Kegan Paul». 1969. 366 p.) об английской политике времен русско-шведской Седьмой войны. Книга состоит из следующих глав: Новый король Георг I Ганноверский и старая война; Торговля и политика с позиции силы; Шведская политика правительства Анны I Стюарт; Старые тенденции нового правительства; Балтийская дипломатия 1715 года; Англо-шведская балтийская эскадра 1715 года; Межэскадренная дипломатия 1715—1716 гг.; План вторжения; Англо-голландская эскадра 1716 года; Вторжение; Шведско-якобитский заговор; Приостановка и неудача.

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

О СУДЬБЕ СЕВАСТОПОЛЯ НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ ВОЙНЫ 1853—1856 ГОДОВ

О героической обороне Севастополя существует обширная литература. Однако оборона Севастополя рассматривается историками, как правило, только до оставления его Южной стороны 28 августа (9 сентября) 1855 года. Все же остальные события, происходившие на Северной стороне на протяжении последующих десяти месяцев, вплоть до полной эвакуации союзников из пределов Крыма, не исследовались. И до-революционные и советские авторы определяли продолжительность обороны Севастополя в 11½ месяца, или 349 дней¹. Оставление Южной стороны расценивалось как сдача всего города.

Основание для такой оценки положили приказы Александра II и главнокомандующего Крымской армией М. Д. Горчакова. 30 августа (11 сентября) 1855 г. Александр II издал приказ, в котором говорилось: «В течение 11 месяцев гарнизон Севастопольский оспаривал у сильных неприятелей каждый шаг родной, окружившей город, земли». Царь «скорбел», что «бóгу неугодно было увенчать их подвиги полным успехом», и выражал надежду, что «имя Севастополя... имена защитников его пребудут вечно в памяти и в сердцах всех русских»². М. Д. Горчаков в приказе от 31

августа (12 сентября) 1855 г. писал: «Я решил оставить Севастополь... 349-дневная оборона Севастополя превосходит Бородину... не Севастополь оставили мы нашим врагам, а одни развалины города... Севастополь приковывал нас к своим стенам. С падением его приобретаем подвижность, и начинается новая война, полевая»³. На наш взгляд, оба эти приказа неточно отражали тогдашние севастопольские события, игнорируя факт продолжения обороны Севастополя на его Северной стороне.

Началом севастопольской эпопеи, по нашему мнению, следует считать день высадки союзных войск в Крыму (в районе Евпатории) — 2 (14) сентября 1854 г., а не 13 (25) сентября 1854 г., как это принято в литературе, а концом — перемирие 17 (29) февраля 1856 года⁴. Тем самым рамки севастопольской эпопеи раздвигаются с 349 дней — 11,5 месяца — до 533 дней — более 17,5 месяца.

Прежде чем аргументировать нашу точку зрения на хронологию севастопольской эпопеи, необходимо остановиться на вопросе о том, что представлял собой Севастополь к 1853 г., так как этот вопрос неодинаково толкуется разными авторами. Как известно, город состоял из двух частей — Южной и Северной. Описание их можно найти у многих историков. Северная сторона в топографическом отношении — это возвышенность, доминирующая над всем Севастополем, над его Южной стороной, над Большой и Южной бухтами. Ф. Энгельс писал, что «Северная сторона Севастополя представляла собой позицию огромного значения»⁵. К. Маркс лаконично определил: «Северное укрепление — ключ к Севастопо-

¹ См. Э. И. Тотлебен. Описание обороны г. Севастополя. Ч. 1. СПб. 1863, стр. 45; ч. 2, отд. 2. СПб. 1872, стр. 312; М. И. Богданович. Восточная война 1853—1856 гг. Т. 4. СПб. 1876; Н. Ф. Дубровин. История Крымской войны. Т. 3. СПб. 1900, стр. 435, 446; «Военная энциклопедия». Т. 7. СПб. 1912, стр. 57; Е. В. Тарле. Крымская война. Т. 2. М. 1950, стр. 508; Л. Горев. Война 1853—1856 гг. М. 1955, стр. 471. Об этом свидетельствуют все наши энциклопедии и в том числе «Советская историческая энциклопедия» (т. 12. М. 1969, стр. 623, 625, статья «Севастополь»).

² См. об этом: Э. И. Тотлебен. Указ. соч. Ч. 2, отд. 2, стр. 279, 297, 303, 309; М. И. Богданович. Указ. соч. Т. 4, стр. 174 (бис), 177, 178, 179, 184, 197, 201, 421; Е. В. Тарле. Указ. соч. Т. 2, стр. 507 (бис), 510, 512, 514, 546.

³ Э. И. Тотлебен. Указ. соч. Ч. 2, отд. 2, стр. 247, 251—253.

⁴ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 5910, л. 48.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 11, стр. 563. К. Маркс и Ф. Энгельс являлись в то время корреспондентами газет, на страницах которых освещались события войны 1853—1856 годов.

лю»⁶. На Северной стороне, как на командной высоте, располагалось Северное укрепление, запроектированное еще А. В. Суворовым⁷. Английский историк морского дела Оскар Дуглас назвал Северное укрепление «цитаделью — ключом всего места»⁸. Северная сторона, как командная возвышенность, имела более важное значение в военном отношении, чем Южная. С потерей последней Севастополь при некоторых условиях мог с успехом держаться, что подтвердилось после оставления Южной стороны 28 августа (9 сентября) 1855 г., когда Севастопольский гарнизон перешел на Северную, где и оставался до конца войны.

Северная сторона входила в общую систему укрепления Севастопольской крепости. Центральная часть города располагалась тогда на Южной стороне, а на Северной находились его слободка, провиантские магазины, где хранились запасы продовольствия на 4,5 месяца для Севастопольского гарнизона на случай осады, сухарный завод, а также склады разнообразных запасов морского ведомства⁹. И Северная и Южная стороны управлялись начальником Севастопольского гарнизона. Льгота, по которой один месяц службы во время обороны Севастополя засчитывался за год, касалась как Южной, так и Северной стороны. Серебряной медалью «За защиту Севастополя» награждались одинаково как защитники Южной, так и Северной стороны. Таким образом, Северная сторона была не окрестностью Севастополя, а его неотъемлемой частью.

Севастопольскую эпопею обычно начинают с героической защиты его Южной стороны, тогда как в действительности оборонительные работы начались на Северной стороне сразу же после высадки союзных войск в Крыму. Инженер-подполковник Э. И. Тотлебен, под руководством которого производились эти работы, указывал впоследствии, что со 2 (14) по 13 (25) сентября «на Северной стороне на оборонительных работах было занято 1 500 чел., рабо-

тавших ежесуточно, днем и ночью»¹⁰. О начале оборонительных работ на Северной стороне со 2 (14) сентября 1854 г. говорит и видный историк М. И. Богданович¹¹ адъютант В. А. Корнилова А. Жандр¹². Это был первоначальный период севастопольской эпопеи, длившийся 12 дней. По нашему мнению, этот непродолжительный, и важный период можно разделить на два этапа: этап оборонительных работ со 2 (14) по 8 (20) сентября и этап обороны с 9 (21) по 13 (25) сентября 1854 года.

Во время первого этапа началась спешная реконструкция Северного укрепления. Начальником гарнизона Северной стороны был вице-адмирал В. А. Корнилов, начальником его штаба — контр-адмирал В. И. Истомин, начальником инженерных работ — Э. И. Тотлебен. Гарнизон Северной стороны состоял из 12 081 человека, не считая нестроевых и личного состава береговых батарей¹³. В. А. Корнилов усилил защиту Северной стороны огнем кораблей, расставленных вдоль Большой бухты. 8 (20) сентября произошло сражение на рубеже реки Альмы, неудачное для Крымской армии Меншикова. Последний после этого боя отвел свои войска в Севастополь. Союзные же войска под общим командованием французского генерала А. Ж. Сент-Арно последовали за Меншиковым. В. А. Корнилов просил разрешить ему выйти со всеми судами в море, чтобы сразиться с неприятельским флотом, но Меншиков приказал вместо этого затопить часть черноморского флота. На рассвете 11 (23) сентября 1854 г. семь судов Черноморского флота были затоплены. 12 (24) сентября войска Меншикова оставили Севастополь и направились в сторону Симферополя. Союзные войска приблизились к Северной стороне и остановились на ночлег на рубеже реки Бельбек. Однако союзное командование отказалось от своего первоначального намерения немедленно штурмовать Северную сторону, так как получило преувеличенные сведения о вооруженности Северного укрепления (якобы там находилось 300 орудий)¹⁴. Сент-Арно решил обойти Северную

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 10, стр. 587.

⁷ Этот план в схемах приложен к сборнику «А. В. Суворов». Т. 3. 1952.

⁸ «Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя». Вып. 5. СПб. 1874, стр. 184.

⁹ Э. И. Тотлебен. Указ. соч. Ч. 1, стр. 72; М. А. Враченский. Севастопольский разгром. Киев. 1893.

¹⁰ Э. И. Тотлебен. Указ. соч. Ч. 1, стр. 211, 214, 218.

¹¹ М. И. Богданович. Указ. соч. Т. 3, стр. 45.

¹² А. Жандр. Материалы для истории обороны Севастополя. СПб. 1859, стр. 193.

¹³ Там же, стр. 214, 217.

¹⁴ «Крымская экспедиция. Рассказ очевидца, французского генерала» (без автора) (пер. с фр. яз.). СПб. 1855, стр. 68.

и перейти к осаде Южной стороны. Защитники Севастополя этого еще не знали и ждали нападения на Северную сторону. В этом мнении они особенно утвердились, когда подверглись обстрелу с моря. Вот что сообщил об этом Э. И. Тотлебен: «Утром 12 (24) сентября с верхов Северного укрепления увидели противника у Бельбека, а многочисленный флот подвигался к югу, вдоль морского берега. Около 6 часов вечера шесть неприятельских пароходов, приблизясь к берегу, открыли огонь по Волховой башне и Константиновской батарее. Дело это кончилось, однако, незначительной перестрелкой, и к вечеру неприятельская армия расположилась бивуаком на Бельбеке»¹⁵. На следующий день «в 3 с половиною часа 7 неприятельских пароходов подошли к Константиновской батарее и завязали перестрелку»¹⁶. Таким образом, первый обстрел Севастополя произошел 12 (24) сентября, на 23 дня раньше первой бомбардировки Южной стороны 5 (17) октября 1854 года.

После обстрела Северной стороны ожидали штурм с суши, но его не последовало. 13 (25) сентября союзные войска стали обходить Северную сторону. Движение союзных войск с севера на юг охарактеризовал К. Маркс: «Пресловутый «фланговый марш на Балаклаву» был отказом от нападения на северную сторону крепости. Но эта сторона является господствующей и потому представляет решающий пункт»¹⁷. «Дурачье не поняли этого, — писал позднее знаменитый хирург Н. И. Пирогов, характеризуя действия англо-французского командования, — а после хвастались в газете описанием глупого и трудного марша с севера на юг, который спас город. Глупому крику гусей был одолжен Рим спасением, глупому маршу англо-французов — Севастополь»¹⁸. 13 (25) сентября Севастополь был объявлен на осадном положении. 14 (26) сентября союзные войска появились на Южной стороне. Таким образом, первый период севастопольской эпопеи был хотя и самым кратким и бескровным, но очень важным для судьбы города. В этот период защитники Северной стороны задержали на-

падение неприятеля на Южную сторону и тем самым дали возможность подготовиться к ее защите. Бастионы Южной стороны были укреплены только перед самой осадой и в течение самой осады.

О защите Южной стороны написано много работ. Однако ряд встречающихся в них утверждений нуждается, на наш взгляд, в уточнении. Прежде всего о хронологии. Началом героической обороны Южной стороны признается 13 (25) сентября 1854 г., согласно медали «За защиту Севастополя». Однако оборона Южной стороны фактически началась на день позднее — 14 (26) сентября, так как только в этот день союзные войска перешли на Южную сторону и большая часть защитников Северной стороны была переброшена туда же. Тогда же на Южную сторону переехал В. А. Корнилов, о чем имеется свидетельство М. И. Богдановича: «С рассветом 14 (26) приказано перевезти на пароходах в город 11 флотских батальонов, в числе до 6 000 человек. Сам Корнилов отправился на корабле «Двенадцать апостолов» к Нахимову, поручив Северную сторону капитану 1 ранга Бартеневу»¹⁹. «Диспозиция по обороне г. Севастополя сентября 14 дня 1854 г.»²⁰, по которой Южная сторона была разделена на четыре отделения, также подтверждает, что началом обороны Южной стороны надо считать 14 (26) сентября 1854 года. Обороной Южной стороны Севастополя руководил В. А. Корнилов, назначенный начальником штаба Севастопольского гарнизона. Он оставил на Северной стороне 56 офицеров и 3,5 тыс. солдат²¹.

Следует подчеркнуть, что не существовало одновременной осады всего Севастополя, а была сначала осада Южной стороны, сменившаяся после оставления последней русскими войсками осадой Северной. Кроме того, осада как Южной, так и Северной сторон являлась неполной. При осаде Южной была свободной Северная, через которую осажденные имели связь с внешним миром, получали от Крымской армии все необходимое для обороны и эвакуировали раненых, больных, поврежденную технику и прочее. Здесь отдыхали, переформировывались и доукомплектовывались части, обескровленные в боях, тут же находился пункт сбора военнопленных, откуда они отправлялись в глубь страны, госпитальная

¹⁵ Э. И. Тотлебен. Указ. соч. Ч. 1, стр. 214; см. также Н. Ф. Дубровин. Указ. соч., стр. 325.

¹⁶ А. Жандр. Указ. соч., стр. 220.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 10, стр. 587.

¹⁸ Н. И. Пирогов. Севастопольские письма. СПб. 1899, стр. 14.

¹⁹ М. И. Богданович. Указ. соч. Т. 3, стр. 55.

²⁰ А. Жандр. Указ. соч., стр. 223.

²¹ См. там же, стр. 231.

база, были созданы мастерские для ремонта техники. На Северной стороне размещалась главная квартира Крымской армии во главе с главнокомандующим. Сюда переехало население Севастополя. По существу, на Северной стороне оказался «весь Севастополь»²². Ф. Энгельс отмечал: «Брать Южную сторону, даже не попытавшись окружить Северную, которая полностью господствует над Южной стороной, значит совершенно пренебрегать всеми правилами ведения войны»²³. Во время осады Северной стороны ее защитники также имели связь с Крымской армией, при этом в отличие от Южной, даже непосредственную.

Период обороны Южной стороны был наиболее продолжительным, героическим и кровопролитным из всех остальных периодов севастопольской эпопеи. В это время защитники Севастополя проявили чудеса героизма и трудовой доблести, что позволило им удержать эту маловыгодную в военном отношении позицию в течение 349 грозных дней. Обычно считают, что в этот период происходила только осада и оборона Южной стороны. В действительности это имело место в первые восемь месяцев, а затем в связи с выходом неприятеля на южный берег Большой бухты осада распространилась также и на юго-восточную часть Северной стороны, включая Сухарную и Графскую балки.

Гарнизон Северной стороны артиллерийским огнем поддерживал Южную. В «Журнале военных действий» говорится: «В настоящее время на оставленные нами редуты направлен сильный артогонь ближайших верков и батарей, устроенных на Северной стороне, который препятствует неприятелю исправлять и переделывать взятые им укрепления»²⁴. В том же журнале за 6 (18) июня 1855 г. отмечено, что «батарей на Северной стороне и пароходы наши весьма много содействовали отражению атаки, поражая подходящие неприятельские колонны везде, где это было доступно»²⁵. Северная сторона являлась сигнальной станцией, предупреждавшей Южную о грозящей ей опасности. С высот Северной было хорошо видно передвижение противника против Корабельной части. Северная сыг-

рала большую роль в спасении всего ценного имущества, которое можно было вывезти из Южной. Э. И. Тотлебен и Н. Ф. Дубровин сообщали: «На Северную сторону переводили все мастерские, лаборатории, главные пороховые склады, штабы, архивы и пр. 18-го августа приступили к перевозке в Северное укрепление арсенала и всего имущества южного артиллерийского округа»²⁶. Северная сторона также подвергалась обстрелу. На это указывают многочисленные данные в ежедневных «Сведениях о ходе обороны по укреплениям Северной стороны Севастополя», а также письма Н. И. Пирогова²⁷. Главными объектами обстрела были Северные укрепления, базар и балки: Сухарная и Куриная, а также батареи 4-го отделения, противостоявшие южному берегу Большой бухты от Килебалки к востоку²⁸.

На Южной стороне ключевой позицией являлся Малахов курган. Взятие его неприятелем послужило причиной оставления Южной стороны. После неудачных попыток вернуть Малахов курган Горчаков приказал Севастопольскому гарнизону в ночь с 27 на 28 августа (с 8 на 9 сентября) оставить Южную сторону и перейти на Северную. Это распоряжение оказалось неожиданным только для низшего офицерства и солдат. Высшее же командование уже давно готовило планы перемещения войск с Южной на Северную сторону. По секретному плану морского ведомства допускалась возможность не удерживать Городскую часть «и при открытии второго бомбардирования, после первого же дня, взорвав бастионы, перейти по Пересыпи на Корабельную сторону для занятия господствующей позиции над Городской частью. В случае потери и этой позиции ретироваться через Инкерманскую долину на Северную... очищение Городской части имело бы скорее вид перемены невыгодной позиции на более выгодную. Отступление наше на Северную сторону создавало третью и последнюю эпоху обороны Севастопольского порта»²⁹. Таким образом, по этому плану вынужденный отход на Северную сторону расцени-

²⁶ Н. Ф. Дубровин. Указ. соч. Т. 3, стр. 396; Э. И. Тотлебен. Указ. соч. Ч. 2, отд. 2, стр. 156.

²⁷ Н. И. Пирогов. Указ. соч., стр. 82, 108.

²⁸ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 5981, лл. 248—336.

²⁹ Д. В. Ильинский. Из воспоминаний и заметок севастопольца. «Русский архив». Кн. 1. 1893, стр. 259, 260.

²² М. С. Милашевич. Из записок севастопольца. СПб. 1904, стр. 65, 66.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 11, стр. 303.

²⁴ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 5981, лл. 248.

²⁵ Там же, д. 5694, лл. 193 об., 210.

вался не как оставление Севастополя, а как перемена невыгодной позиции на более выгодную. Горчаков также планировал оставление Южной стороны. 12 (24) августа 1855 г. он утвердил план перебазирования войск с Южной стороны на Северную, составленный Тотлебенем. Для этой цели строился мост. Горчаков доносил военному министру: «Мост на бухте будет готов через 2 или 3 дня, и я предполагаю оставить Южную сторону Севастополя 18 либо 20 числа этого месяца»³⁰ (то есть августа). 28 августа (9 сентября) 1855 г. этот план осуществился, причем Севастопольский гарнизон перешел на Северную сторону, не оставив противнику ни одного знамени, ни одного штандарта. Переход войск был осуществлен в строгом соответствии со специально составленной «Ведомостью пути следования войск от моста и пристаней в места расположения их на Северной стороне»³¹. Во время обороны Южной стороны Горчаков получил разрешение Александра II на капитуляцию в случае необходимости Севастопольского гарнизона³². Но такая необходимость не возникла. Перейдя на Северную сторону, русские войска успешно продолжали оборону города.

Однако, несмотря на то, что оставление Южной стороны допускалось планами русского военного командования, а переход войск на Северную сторону являлся лишь переменной позиции, 30 августа (11 сентября) 1855 г. был издан приказ Александра II (о котором мы писали выше), где говорилось об окончании обороны Севастополя. В вышедшем на следующий день приказе Горчакова повторилась мысль об окончании обороны и прямо говорилось о падении Севастополя. Оба эти приказа дезориентировали современников и историков в отношении хода и сроков севастопольской эпопеи.

На самом деле после 28 августа оборона Северной стороны Севастополя продолжалась. Северная сторона укреплялась и вооружалась не только во время обороны Южной, но и в дальнейшем. Об этом свидетельствует «Журнал работам, произведенным по укреплению Северной стороны Севастополя с 17 января 1855 г. по 31 декабря

1855 года»³³. Северная сторона вошла в состав правого крыла Крымской армии. В ЦГВИА мы обнаружили «Расписание прислуги батарей Северной стороны», относящееся к периоду от 30 сентября (12 октября) 1853 г. до 4 (16) октября 1855 года. Из него следует, что здесь было сосредоточено 649 орудий, 6 131 человек прислуги, 7 дружин и 450 рабочих³⁴, не считая войск, которые располагались в тылу, около рубежа реки Бельбек.

О боевых действиях на Северной стороне после оставления Южной имеются многочисленные данные³⁵. Так, Э. И. Тотлебен писал, что противник «с 31.8 (12 сентября) 1855 г. стал обстреливать Северное укрепление и провиантские склады... Неприятель бросал на Северную сторону конгревовы ракеты... После 7(19) октября неприятель забрасывал ежедневно от 100 до 200 бомб и ракет, причиняя нам самую незначительную убыль, составлявшую с 6(18) по 24 октября (5 ноября) 5 убитых и 110 раненых». Русские войска, по свидетельству Э. И. Тотлебена, также не оставались в долгу: «С 7 (19) октября по 12 (24) ноября было ежедневно выпускаемо от 100 до 400 снарядов, затем огонь был значительно ослаблен... Снаряды наши неоднократно производили у неприятеля взрывы и пожары и причиняли им немало беспокойств»³⁶. Защитники Северной стороны, ведя непрерывный огонь, не дали возможности союзным войскам разместиться в Южной части Севастополя, заставив их зимовать в бараках за городом, а также не позволили союзному флоту воспользоваться для стоянки Большой и Южной бухтами. Таким образом, оставление Южной стороны русскими войсками не принесло больших выгод противнику.

³³ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 5981, лл. 116—246.

³⁴ Там же, л. 83.

³⁵ Н. Берг. Записки об осаде Севастополя. Т. 2. СПб. 1858, стр. 77; П. В. Алабин. Походные записки в войну 1853—1856 гг. Вятка. 1861, стр. 383; Вейгельт. Осада Севастополя. 1853—1856. СПб. 1863, стр. 347, 348; А. Ф. Гейрот. Описание Восточной войны 1853—1856 гг. СПб. 1872, стр. 500; «Выписки из писем генерала Семякина». «Сборник рукописей о Севастопольской обороне». Т. 3. СПб. 1873, стр. 186; М. И. Богданович. Указ. соч. Т. 4, стр. 177, 178; А. П. Хрущев. История обороны Севастополя. СПб. 1899, стр. 168; М. С. Милашевич. Указ. соч., стр. 96; Н. И. Пирогов. Указ. соч., стр. 136.

³⁶ Э. И. Тотлебен. Указ. соч. Ч. 2, отд. 2, стр. 275, 276.

³⁰ М. И. Богданович. Указ. соч. Т. 4, стр. 70.

³¹ Э. И. Тотлебен. Указ. соч. Ч. 2, отд. 2, стр. 335 (приложение 80).

³² «Император Александр II в эпоху войны 1855 года». «Русская старина». 1883, № 7 (июль), стр. 217.

В 1855 г. Ф. Энгельс писал, что все силы Франции, Англии, Турции и Сардинии, сосредоточенные «против одного пункта в Крыму», вынуждены были «бороться за этот пункт целых одиннадцать месяцев и в результате овладеть только половиной его»³⁷. Он констатировал, что союзники «добились того, что русские потеряли по меньшей мере половину территории Севастополя, по сравнению с положением до 8 сентября, и в их руках сохранилась крепость»³⁸. Под крепостью Ф. Энгельс подразумевал Северное укрепление. Позднее это признавал и французский историк А. Дебидур, который утверждал: «Действительно, с военной точки зрения победа союзников вовсе не была решающей. Русские эвакуировали лишь Южную часть города. Они оставили ее в пламени. Они отступили в Северную часть по ту сторону рейда, куда союзный флот не мог даже проникнуть»³⁹. В неоднократно цитировавшемся капитальном труде Э. И. Тотлебена имеется специальная глава, которая называется «От оставления нашими войсками Южной стороны Севастополя до заключения мира», где он представил данные о боевых действиях на Северной стороне, свидетельствующие о продолжении здесь обороны Севастополя. Однако далее он пишет, что осада Севастополя продолжалась 349 дней⁴⁰, то есть придерживается распространенной точки зрения на этот вопрос. Н. И. Пирогов в письме от 22 сентября (4 октября) 1855 г. писал, что «Северную сторону продолжают бомбардировать, и довольно сильно. Я там был, но едва прошел несколько шагов от Северного укрепления к Константиновской батарее, как упало с десятков бомб, но вреда они вообще причиняют мало. Загорелся один магазин с мучкой и горел целую неделю. Убивают или ранят бомбами ежедневно человек не более четырех». В своем последнем письме от 2 (14) декабря 1855 г. он сообщал: «Завтра я уезжаю. Был... на Северной стороне Севастополя. Вся Северная сторона взрыта бомбами, которые неприятель бросал без всякого, впрочем, вреда целый месяц. Нет аршина земли, где не было бы огромных ям и не лежало огромных отломков бомб...»⁴¹. Таким образом, в декабре

1855 г. на Северной стороне еще шла война.

Следует отметить, что Александр II советовал Горчакову выйти из Севастополя и сосредоточить Крымскую армию в районе Симферополя. Он писал: «Держаться вам долго на Северной стороне Севастополя не вижу никакой нужды»⁴². Этим заявлением Александр II косвенно тоже подтверждал, что оборона Севастополя продолжалась на его Северной стороне. В самом начале октября генерал Шейдеман по указанию царя представил «проект для уничтожения в Северных укреплениях материальной части случае отступления без боя». По этому проекту по особому сигналу «орудия разрываются (заряженные тройным зарядом с земляными пыжами), взрываются пороховые погреба, сжигаются деревянные постройки Северной стороны, закапываются бомбы, снаряды, уничтожается арсенал»⁴³. 29 октября (10 ноября) 1855 г. Александр II посетил Северную сторону. Он осмотрел ее укрепления и воочию убедился в продолжающейся там обороне Севастополя. Однако в своем новом приказе от 31 октября (12 ноября) он ни словом не обмолвился о Северной стороне, а по-прежнему отмечал «тяжкое бремя почти годовой осады», перенесенной защитниками Севастополя. В этом приказе он объявил: «В память знаменитой и славной обороны Севастополя я установил собственноручно для войск, защищавших укрепления, серебряную медаль на георгиевской ленте для ношения в петлице»⁴⁴. Эта медаль была выпущена до окончания обороны Северной стороны Севастополя. Выгравированная на ней дата «с 13 сентября 1854 г. по 28 августа 1855 г.» ограничивала продолжительность Севастопольской обороны 349 днями.

Между тем на Северной стороне шла своим чередом оборона с рекогносцировками. Так, в ночь на 24 ноября (6 декабря) 1855 г. лейтенант Долгов с 20 конвойными совершил на шлюпке разведку Корабельной части, переехав Большую бухту⁴⁵. В ночь с 17 на 18 января 1856 г. мичман Боровиков крейсировал на шлюпке по Большой бухте и завязал перестрелку с несколькими неприятельскими катерами⁴⁶. Представлялись

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 11, стр. 617.

³⁸ Там же, стр. 557.

³⁹ А. Дебидур. Дипломатическая история Европы. Т. 2. М. 1947, стр. 134.

⁴⁰ Э. И. Тотлебен. Указ. соч. Ч. 2, отд. 2, стр. 312.

⁴¹ Н. И. Пирогов. Указ. соч., стр. 157.

⁴² М. И. Богданович. Указ. соч. Т. 4, стр. 140.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Н. Ф. Дубровин. Указ. соч. Т. 3, стр. 445.

⁴⁵ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 5870, лл. 405—405 об.; М. И. Богданович. Указ. соч. Т. 4, стр. 198, 199.

⁴⁶ Там же, д. 5865, л. 430 об.

ежедневные «сведения о ходе обороны Северной стороны Севастополя»⁴⁷.

20 января (1 февраля) 1856 г. Александр II принял «5 условий союзников», послуживших основой мирных переговоров. Согласно третьему пункту этих условий, Россия не должна была иметь на Черном море укреплений и флота. 13 (25) февраля 1856 г. в Париже начались мирные переговоры, основной целью которых было установление перемирия. 17 (29) февраля 1856 г. военные действия были прекращены с обеих сторон. Уполномоченные принялись за составление конвенции о перемирии, которая вслед за тем была принята и подписана. Эту конвенцию на русском и французском языках мы обнаружили в ЦГВИА. Видимо, она нигде не была опубликована. Конвенция помечена 3 (15) марта 1856 года. По ней «воюющие армии сохраняют каждая свои позиции... Севастопольский порт останется строго нейтральным для обеих сторон». Далее демаркационная линия шла «от устья р. Черной, вверх по течению этой речки до Трактирного моста»⁴⁸. По этой конвенции было указано, что Северная сторона остается за Крымской армией, а Южная — за союзным командованием, то есть было засвидетельствовано, что ключевая, Северная сторона Севастополя с ее цитаделью Северным укреплением осталась за Россией. Перемирием 17 (29) февраля 1856 г. завершилась оборона Северной стороны Севастополя, продолжавшаяся 174 дня после оставления Южной стороны.

Инициатором сужения хронологических рамок Севастопольской эпопеи явился Александр II. Что же могло побудить его поступить таким образом? По нашему мнению, дело заключалось в том, что Александр II решил скорее закончить затянувшуюся Восточную войну, истощившую финансы и подорвавшую экономику страны. Но больше всего его пугали начавшиеся массовые крестьянские волнения, охватившие 18 губерний. Часть этих волнений была связана с призывом ратников сперва в морское ополчение (1854 г.), а позже — в государственное подвижное ополчение (1855 г.). Всего было призвано 364 632 человека, из которых были

созданы специальные дружины (часть из них успела принять участие в обороне Севастополя). Крепостные крестьяне расценивали вступление в ополчение как способ освободиться от крепостной зависимости.

Чтобы быстрее закончить войну, Александр II, воспользовавшись оставлением Южной стороны Севастополя, решил отдать союзникам весь город, являвшийся главным объектом их вождедений в Крыму. Ф. Энгельс констатировал, что «для Александра Севастополь — далеко не Россия, но для Луи Бонапарта невозможность взять Севастополь равносильна потере Франции»⁴⁹, в другом месте он отмечал, что династии Бонапартов необходимо было взять Севастополь, притом любой ценой в кратчайший срок⁵⁰. Интересно отметить, что и сами союзники вначале не рассматривали оставление русскими Южной стороны как взятие Севастополя. 11 сентября 1855 г. Ф. Энгельс писал: «Вчера в 9 часов вечера пушки в Сент-Джемском парке и Тауэре оповестили Лондон о взятии Южной стороны Севастополя»⁵¹. И лишь после приказа Александра II зарубежные газеты стали писать о взятии Севастополя. Так с легкой руки Александра II версия об оставлении Севастополя после 349-дневной героической обороны утверждалась и среди современников и среди исследователей.

Давно уже общепризнано, что в Крымской войне потерпела поражение не русская армия, героически защищавшая Севастополь, а русский царизм. Парижский мир был заключен не из-за военного поражения России, а в результате кризиса самодержавия. Не случайно В. И. Ленин, давая оценку Крымской войне, писал: «Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России»⁵². Приведенные выше данные, по нашему мнению, позволяют поставить вопрос об исправлении ошибки относительно Севастополя, который оставался непокоренной крепостью на протяжении всей войны 1853—1856 годов.

Н. И. Циммер

⁴⁷ Там же, д. 5949, лл. 346—350, 385—445.

⁴⁸ Там же, д. 5909, лл. 30—32 об.

⁴⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 11, стр. 156.

⁵⁰ Там же, стр. 131.

⁵¹ Там же, стр. 554.

⁵² В. И. Ленин. ПСС. Т. 20, стр. 173.

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

ИЗ ПЛЕМЕНИ ОТВАЖНЫХ

Много ярких, незабываемых страниц вписали в историю Великой Отечественной войны советские летчики. Наша авиация наносила сокрушительные удары по врагу, уничтожая его живую силу и технику. Одним из тех, кто проявил свои высокие морально-боевые качества в годы войны, был командир эскадрильи Герой Советского Союза Павел Андреевич Дельцов. Во время ожесточенных сражений за Москву осенью 1941 г. полк, в котором он служил, базировался на одном из подмосковных аэродромов. Шли тяжелые бои на земле и в воздухе. Вылетать на боевые задания ему приходилось по 3—4 раза в день. Уже тогда, будучи командиром звена, старший лейтенант Дельцов водил группы пикирующих бомбардировщиков «Петляков-2» («Пе-2») наносить удары по моторизованным и танковым колоннам Гудериана, скоплениям фашистских войск, железнодорожным узлам и станциям, эшелонам и перегонам. Однажды под Рославлем девятка самолетов «Пе-2» под командованием Дельцова подверглась атаке «мессершмиттов». Восьмерка истребителей «Ме-109» внезапно открыла огонь из-за облаков. Воздушный бой длился несколько минут. Экипажи «Пе-2» не дрогнули, дрались отважно. Два «Ме-109» были подожжены огнем наших штурманов и стрелков-радиостов. Однако и группа Дельцова понесла потери. Машина ведущего загорелась: вначале — правый мотор, а потом пламя перекинулось на фюзеляж и кабину. По небу под свинцовыми снеговыми облаками мчался не самолет, а факел. Павел Дельцов, преодолевая страшную боль от ожогов и закрывая глаза кожаной перчаткой, все тянул и тянул машину на свою территорию. Вот наконец обозначилась линия фронта. Самолет уже еле держался, готовый в любое мгновение взорваться, врезаться в землю. Дельцов последним усилием воли подвел бомбардировщик к земле и плюхнулся на фюзеляж. Как его вытаскивали из кабины и несли до медсанбата, он не помнил. Обгоревшего летчика доставили в госпиталь. Но там он

оставался недолго. Едва зажили раны, как снова попросился на фронт.

В конце декабря 1941 г. П. А. Дельцов принимал участие в контрнаступлении наших войск под Москвой. К этому времени у него уже имелся незаурядный боевой опыт: десятки вылетов на разведку в тыл противника, сбитые в воздушных боях фашистские самолеты. Как-то под вечер в минуты редкого затишья комиссар 24-го Краснознаменного авиационного полка И. М. Бецис собрал личный состав и, не скрывая радости, объявил: «Товарищи! У нас сегодня событие: пришли посылки от работников одного из казанских заводов. Послушайте, что нам пишут: «Дорогие фронтовики! Мы не знаем вас лично, но мы читаем в газетах, слышим по радио, как мужественно вы сражаетесь за Родину. И вы нам очень дороги, очень близки. Мы обещаем вам работать, не жалея сил, чтобы к вам на фронт поступало все больше и больше боеприпасов и оружия. Посылая вам наши скромные подарки, мы просим вручить их воинам, особенно отличившимся в тот день, когда наши посылки придут в вашу часть. Желаем вам скорой победы. Смерть фашистским захватчикам! Молодые работники Таня Петрова, Римма Голубко, Женя Иваничева и другие»¹.

Казалось, что стены летной столовой рухнут от грома аплодисментов. «Мыло! Табачок! Рукавицы! — выкрикивал комиссар. — Кисет, а в нем записка. Ну-ка, прочитаем: «Дорогой советский воин! Я самашила этот кисет и вышивку сама сделала на нем. Буду очень рада, если он тебе понравится. Катя». Ну, товарищи, теперь решайте, кому вручить эти подарки?» «Товарищ батальонный комиссар, разрешите?» — раздался голос командира звена Половникова. «Пожалуйста...» «Я считаю, что подарки надо вручить экипажам старшего лейтенанта Дельцова. Они только что возвратились с боевого задания, отлично выполнив его. Несмотря на плотный загради-

¹ Из личного архива автора.

тельный огонь вражеской зенитной артиллерии, ведущий группы так построил противозенитный маневр самолетов, что избежал потерь, и все машины вернулись на аэродром».

Авиаторы единодушно поддержали предложение командира звена. Бецис, пригласив Дельцова к столу, попросил сказать несколько слов. «Товарищи! Фронтовые друзья! — начал Павел Андреевич. — Большое спасибо за высокую оценку, которую вы дали экипажам нашей эскадрильи. Мы обязательно сегодня же напишем в Казань и заверим девчат, работающих у станков по-фронтовому, что экипажи полка оправдают их доверие и надежды».

...Обстановка на фронте в июле 1942 г. складывалась для нас неблагоприятно. На многих участках советские войска вынуждены были отходить. Большие потери несла и авиация. Личный состав 24-го бомбардировочного авиационного полка тяжело переживал гибель своего командира, Героя Советского Союза подполковника Ю. Н. Горбко, а через месяц — комиссара полка И. М. Бециса. Они всегда сами водили летчиков на опасные задания и показывали подчиненным примеры мужества и отваги в бою. Полк, которым теперь временно командовал капитан М. А. Кривцов, перебазировался из-под Ельца в район Лебедяни. Из штаба дивизии была получена срочная боевая задача: разведать расположение аэродрома в тылу немцев под Брянском, где как будто бы было сосредоточено большое количество фашистских самолетов. Экипажи-разведчики должны были их сфотографировать. Старшего лейтенанта Дельцова вызвали на КП командира полка. Капитан Кривцов, ознакомив его с обстановкой на участке фронта, приказал выделить для выполнения задания наиболее подготовленный экипаж из своей эскадрильи. Несколько минут спустя самолет-разведчик был уже в воздухе. Но не прошло и часа, как связь с ним вдруг оборвалась, а все попытки восстановить ее ни к чему не привели. Стало ясно, что экипаж не вернулся с боевого задания. Командир полка приказал поднять в воздух вторую машину. Однако и второй самолет был сбит. А из дивизии все время запрашивали, каковы данные разведки. М. А. Кривцов приказал послать третий экипаж. В воздух поднялся «Пе-2» Дельцова.

До Брянска долетели благополучно. Воздушная обстановка и ориентиры в этом районе были хорошо знакомы летчикам: им

не раз приходилось летать этим маршрутом на задания. Самолет, набрав высоту, шел к цели. Давно миновали линию фронта. На шоссейной дороге, что вилась западнее Орла, экипаж заметил колонну вражеских машин. Штурман Петр Козленко молниеносно произвел бомбардировочный расчет, летчик сделал левый доворот на цель, и бомбы, которые они прихватили на всякий случай, обрушились на гитлеровцев. Несколько автомашин вспыхнуло. Затем самолет снова набрал высоту и продолжал полет. Решено было зайти на цель со стороны солнца. Поэтому машина уклонилась на юг, а уж потом легла на боевой курс. Сквозь легкую дымку завиднелся аэродром. Хорошо различались стоявшие в ряд самолеты противника. Их действительно оказалось очень много. Даже окраины летного поля были забиты ими. Объект — рядом, и все готово к фотосъемке. Вдруг в небе появились разрывы снарядов крупнокалиберных зениток. Их становилось все больше. По высоте они были весьма точными, но запаздывали. Хлопья сизоватого дыма висли в воздухе далеко позади.

«С аэродрома взлетают истребители», — доложил стрелок-радист Виталий Попруга. «Поздно! — ответил Дельцов. — Теперь они не смогут помешать нам. А пока передай на КП: на аэродроме — до 150 фашистских самолетов разных типов». «Слева вижу четыре «мессера»!» — прервал разговор с радистом штурман. «Принимаем бой! — ответил командир. — Вы отбивайтесь от истребителей, а я буду фотографировать аэродром». Самолет следовал строго по курсу, съемка началась. Стрелок-радист и штурман вели огонь по нападавшим на «Пе-2» слева и справа двум парам вражеских истребителей. Треск и свист заглушали шум моторов. Снопы трассирующих пуль и снарядов пролетали над самолетом. Вот разбито верхнее остекление кабины пилота и штурмана; поврежден приемник указателя скорости и высоты. Экипаж Дельцова вел неравный и ожесточенный бой. Летчик в труднейших условиях продолжал удерживать самолет на боевом курсе и одновременно выполнял задание. До конца аэрофотосъемки оставалось несколько секунд, когда самолет подвергся новой атаке. Теперь «мессеры» наседали со всех сторон и норовили зайти в хвост.

Стрелок-радист, пользуясь световой сигнализацией, доложил: «Вышла из строя радиостанция». «А что с тобой?» — запросил командир экипажа. «Невредим!» — ответил

радист. В это время штурман огнем прошил насквозь «Ме-109». Тот пошел на снижение, оставляя за собой след черно-серого дыма. Наконец съемка закончена, можно возвращаться. Но истребители противника вновь заходят в хвост «Петлякову». Павел Дельцов начал маневрировать. «Командир, патроны кончились,—доложил штурман,—надо уходить...» В это время вражеские снаряды пронзили правую плоскость. У командира экипажа мелькнула мысль проимитировать гибель летчика. Дельцов резко взял штурвал на себя, перевернул многотонный бомбардировщик через крыло и стал падать. Хитрость удалась. Немцы решили, что советский самолет сбит, и прекратили преследование. А «Пе-2», перейдя в крутое пикирование, стремительно приближался к земле. Пронзительный свист бил в уши. Ничего не было видно и слышно. Штурману удалось все же подать летчику сигнал, что пора выводить самолет из пике. Дельцов снова потянул штурвал на себя, но тот ни с места. Пикировщик не слушался пилота. А земля все ближе и ближе. Тогда командир обратился к сидевшему рядом штурману, прося его о помощи. Вдвоем они с трудом потянули штурвал. Машина нехотя стала выходить из пике. До возможной катастрофы оставалось несколько секунд, когда самолет прекратил снижение. Но он плохо слушался рулей управления. Летчику и штурману пришлось приложить максимум усилий, чтобы хоть немного изменить курс. Почти на бреющем полете Дельцов развернул «Пе-2» на восток и пошел к нашему аэродрому. Самолет, как потом выяснилось, превратился в нечто фантастическое: капоты, закрывавшие моторы, были сорваны и потеряны. Обнаженные двигатели выглядели какими-то чудовищами. Смотровые люки на плоскостях отлетели, и на их месте зияли черные дыры... Командир экипажа приказал стрелку-радисту: «Быть готовым к посадке на фюзеляж, снять с креплений фотоаппараты». Моторы работали нормально, и это радовало. Посадку Дельцов сумел произвести благополучно. Важное боевое задание было успешно выполнено...

В июле 1943 г. П. А. Дельцов наносил бомбовые удары по танкам врага на Курской дуге. Летчикам приходилось бомбить противника в непосредственной близости от переднего края. Тут промаха или ошибки быть не могло, иначе поразишь своих. В те дни Дельцов обратился в парторганизацию с заявлением о принятии его в ряды

ВКП(б). Комсомольская организация и комиссар полка П. И. Алимов дали ему рекомендации, и он единодушно был принят в партию с 3-месячным кандидатским стажем. Став коммунистом, Дельцов с честью оправдывал доверие боевых товарищей. Минув в яростных сражениях еще один год. Следующим летом, преследуя отступавшего противника, наши войска стремительно продвигались на запад. Шли так быстро, что авиаторы едва успевали менять аэродромы. В один из дней Дельцова вызвал командир полка и поставил перед ним очередную боевую задачу: «Фашисты бегут из Белоруссии. Надо отрезать им путь. Поручаю вам, капитан Дельцов, нанести удар по мосту через Березину у населенного пункта Березино. Не скрою, орешек крепкий. Гитлеровцы понатыкали вокруг него уйму зениток. А в небе непрерывно висят истребители. Удар же надо нанести точно».

Вылет назначили с рассветом. Восьмерка истребителей «Лавочкин-5» пристроилась к группе Дельцова по маршруту. На небе — ни облачка. Видимость казалась беспредельной. Это давало противнику возможность обнаружить наши самолеты задолго до подхода к переправе. Так в действительности и случилось. Едва группа Дельцова приблизилась к цели, как открыли ураганный огонь зенитные батареи. Вся земля осветилась вспышками, а вокруг самолетов увеличивалось число черных шапок — следов разрывов. Выйти на прицельное бомбометание было трудно. С борта самолета Дельцова на командный пункт поступила радиogramма: «В районе цели — сильный зенитный огонь, приступаю к выполнению задания». «Петляковы» и «Лавочкины» нырнули в сплошную черноту. Ведущий выпустил тормозные решетки, и первое звено вошло в пике. Отчетливо видны скопления мотопехоты и боевой техники врага, устремляющиеся к мосту. Самолет Дельцова быстро терял высоту: 1 800... 1 500... 1 200... 900... 600... 400 метров. Пальцы ложатся на кнопку бомбосбрасывателя, и — рывок! Экипаж, прижатый к креслам силой тяги, увидел, как вблизи моста взметнулся столб земли. Последовал набор высоты. Стремительный разворот, и Дельцов вновь обрушил на мост серию 250-килограммовых бомб. Удар точен. Сквозь мостовое покрытие проступила вода. Ферма второго пролета обрушилась. «Радист! — закричал командир. — Передай: мост взорван, идем на колонну мотопехоты!»

Вдруг пилота ослепило. Самолет бросило в сторону, штурвал вырвался из рук. Дельцов поймал его, потянул на себя со всей силой, но рули не слушались. Машина стремительно проваливалась вниз. «Экипаж, прыгать!» — скомандовал Павел. Когда он повис на стропах, то увидел охваченный пламенем свой самолет, а дальше — друзей, спускавшихся на парашютах. Ветер относил их, как ему показалось, в сторону своих войск. Но затем обнаружилось: ошибка. От шоссе к тому месту, где он должен был приземлиться, бежали солдаты в мундирах мышиного цвета. «Плен? Никогда!» И рука летчика нащупала рукоятку пистолета. Парашют приземлил его метрах в шестидесяти от врагов. Когда из-за гаснущего купола выскочил фашистский автоматчик, Дельцов выстрелил. Затем пули настигли еще двух гитлеровцев. Летчик бросился бежать. Немцы не стреляли и молча преследовали. Вот кончились патроны. И как раз в этот момент ближайший фашист кинулся на Дельцова. Резкий удар кованого каблука повалил Павла навзничь. Еще и еще удары, и вдруг все прекратилось. Превозмогая боль, Дельцов приоткрыл глаза и увидел удиравших преследователей. А над самой землей, ожесточенно поливая врагов пушечно-пулеметным огнем, проносились штурмовики «Ильюшины».

Дельцов приподнялся, медленно пошел, потом убыстрил шаг... Долго пробирался он сквозь лесную чащу. Наконец на опушке услышал русскую речь. Там расположились наши артиллеристы. Через двое суток он вернулся в родной полк. Но его боевые товарищи — штурман старший лейтенант Анатолий Тимофеев и стрелок-радист старшина Виталий Попруга навек остались лежать в сырой земле у моста через Березину: пуле-

метная очередь сразила отважных авиаторов, когда они спускались на парашютах...

Герой Советского Союза Павел Андреевич Дельцов был на фронте до последнего дня войны, участвовал в Висло-Одерской и Берлинской операциях. В конце апреля 1945 г. водил самолеты на бомбардировку особо важных военных объектов в центре Берлина. А всего за время войны совершил 289 боевых вылетов. Когда закончилась война, он еще долго учил летному мастерству молодых авиаторов, одним из первых освоил реактивный скоростной бомбардировщик и свободно летал ночью, вслепую, над морем, на всех высотах и при всех режимах. Выйдя в отставку, Павел Андреевич поселился в поселке Нерль, Ивановской области. Долгое время он возглавлял там поселковый Совет депутатов трудящихся. Нелегкий четырехлетний фронтовой путь, раны, болезни все чаще давали о себе знать. В мае 1969 г., в канун Дня Победы, Павла Андреевича Дельцова не стало...

Но имя героя навсегда сохранится в памяти советских людей. Постановлением Совета Министров РСФСР от 14 ноября 1969 г. Ивановскому железнодорожному училищу № 1, которое в свое время окончил Дельцов, присвоено его имя. В училище открыта комната славы, где висит портрет героя П. А. Дельцова, рассказывается о совершенных им подвигах во время Великой Отечественной войны. Нерльский поселковый Совет назвал одну из улиц именем П. А. Дельцова; к 25-летию Победы над германским фашизмом на доме, где он проживал, установлена мемориальная доска. Так чтут память своего земляка и воспитанника трудящиеся Ивановской области.

А. Г. Федоров

ВЫСКАЗЫВАНИЯ ОБ ИСТОРИИ И ИСТОРИКАХ

Человеческая история неисчерпаема. Может показаться, что быть историком, доискиваясь причин и устанавливая взаимосвязь всех минувших событий, не очень благодарная участь. Между тем это — почетная, нужная и одна из древнейших на Земле профессий. Еще не возникло письменности, когда история уже существовала. Она складывалась из устных преданий и легенд, ее источниками являются памятники матери-

альной культуры. В чем же заключается притягательная сила истории? Она состоит прежде всего в естественном желании знать как можно больше о своих предках, об их делах и помыслах. Кроме того, история отражает культурный уровень народа, характеризуя ступень развития, на которой он находится. Наконец, познавая прошлое, мы выявляем закономерности исторического развития и на их основе учимся стро-

ить будущее. Конечно, в истории не обходилось без периодов застоя или даже сдвигов назад. В. И. Ленин указывал, что «представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно»¹. Это бесспорно. Но в целом человечество неизменно движется в своем развитии вперед. Вот почему лучшие умы человечества постоянно обращались к истории.

С того времени, как появился марксизм, история тоже начала становиться подлинной наукой, которая путем анализа прошлого дает возможность предвидеть последующие результаты политических, экономических и общественных действий, а также влияния идей. И в этом — ее могучая сила. Эту силу стало возможным использовать после того, как К. Маркс и Ф. Энгельс показали общие закономерности развития общества и создали науку о них — исторический материализм. «Мы знаем только одну единственную науку, науку истории»², —

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 6.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 3, стр. 16.

писали К. Маркс и Ф. Энгельс. В. И. Ленин подчеркивал: «Ведь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории»³. И какую бы из работ корифеев марксизма-ленинизма мы ни взяли, увидим, что любая из них насыщена историзмом, основана на истории, ориентирует читателя в прошлом и содержит определенные прогнозы на будущее.

Ниже предлагается вниманию читателей подборка высказываний об истории и историках. Они взяты из произведений ученых, писателей, артистов, художников и политических деятелей разных времен и расположены в алфавитном порядке авторов. Во многом их взгляды различны, иногда противоречивы. Но имеется и то общее, что объединяет их всех: любовь и уважение к истории⁴.

³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 49, стр. 329.

⁴ Подборка дана по материалам из сборника исторических афоризмов, подготовляемого к печати старшим научным сотрудником Института истории СССР АН СССР, кандидатом исторических наук Г. С. Игнатьевым.

История требует творчества, как и поэзия... Отчего поэзия действует на нас сильнее, чем та действительность, которая составляет ее содержание? — Оттого, что в поэтическом произведении устраняется все случайное и постороннее и представляется одно необходимое и знаменательное, совокупленное в стройной картине, носящей на себе отпечаток единства и целостности. То же условие требуется и от истории, а условие это требует творчества. В. Г. Белинский (1811—1848) *«История Малороссии, Николая Маркевича»*.

Содержание исторической жизни составляют идеи, а не одни факты. В. Г. Белинский *«Сочинения Державина»*.

Кто чрезмерно чтит старину, становится в новое время посмешищем. Ф. Бэкон (1561—1626) *«Опыты и наставления нравственные и политические»*.

Кто кончает революцию на половине — копает сам себе могилу. Г. Бюхнер (1813—1837) *«Смерть Дантона»*.

Всякий, изучающий историю народных бедствий, может убедиться, что большую часть несчастий на Земле приносит невеже-

ство. К. А. Гельвеций (1715—1771) *«Об уме»*.

Всякий, кто пишет историю и искажает ее факты, — дурной гражданин. Он обманывает читателей и лишает их неоценимой выгоды, которую они могли бы извлечь из чтения истории. К. А. Гельвеций *«О человеке»*.

Ни человечества, ни природы нельзя понять мимо исторического развития. А. И. Герцен (1812—1870) *«Письма об изучении природы»*.

Ничего не может быть ошибочнее, как отбрасывать прошедшее, служившее для достижения настоящего, будто это развитие — внешняя подмостка, лишенная всякого внутреннего достоинства. Тогда история была бы оскорбительна: вечное заклятие живого в пользу будущего; настоящее духа человеческого обнимает и хранит все прошедшее, оно не прошло для него; бывшее не утратилось в настоящем; проходит одно — ложное, призрачное, несущественное; оно, собственно, никогда не имело действительного бытия, оно мертворожденное, — для истинного смерти нет. Там же.

Высокое значение всей истории — страст-

ная борьба. А. И. Герцен *«Письмо к сыну, 7.II.1860»*.

Историк должен разделить истину от лжи, достоверное — от сомнительного, сомнительное — от того, чего вовсе нельзя принять. И.-В. Гёте (1749—1832) *«Избранные афоризмы и мысли»*.

Для того, чтобы изложить историю в ее подробностях и вместе с тем сохранить в них некоторую целостность, необходимо... сжать ее пределы. Ф. П. Г. Гизо (1787—1874) *«История цивилизации во Франции»*.

Отнимите у человека все источники к познанию прошедшего — он готов склоняться в собеседование с собою столетние древа; вопрошать скалы, ища жизни в тлении и света во мраке могил... Таково, впрочем весьма извинительное, стремление отгадывать тайны, умолченные веками! Ф. Н. Глинка (1786—1880) *«Рассуждение о необходимости деятельной жизни, ученых учреждений и чтения книг»*.

История — это роман, бывший в действительности. Э. Гонкур (1822—1896) и Ж. Гонкур (1830—1870) *«Яд и корона»*.

Народ — не только сила, создающая все материальные ценности, он — единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и genialности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии Земли и величайшую из них — историю всемирной культуры. А. М. Горький (1868—1936) *«Разрушение личности»*.

История человеческого труда и творчества гораздо интереснее и значительнее истории человека, — человек умирает, не прожив и сотни лет, а дело его живет века. А. М. Горький *«О том, как я учился писать»*.

Нет оружия более острого, чем знание, основанное на трудовых процессах, на изучении прошлого человечества. А. М. Горький *«Предисловие к книге Ф.-Р. Шатобрена «Ренэ»*.

Можно без преувеличения сказать, что нет науки, которая не входила бы своими результатами в состав всеобщей истории, имеющей передать все видоизменения и влияния, каким подвергалась жизнь человечества. Т. Н. Грановский (1813—1855) *«О современном состоянии и значении всеобщей истории»*.

История делается в высшем и обширнейшем смысле, чем у древних, наставницею народов и отдельных лиц и явится нам не как отрезанное от нас прошедшее, но как целый организм жизни, в котором прошедшее, настоящее и будущее находятся в по-

стоянном между собой взаимодействии. Там же.

История по самому содержанию своему должна более других наук принимать в себя современные идеи. Мы не можем смотреть на прошедшее иначе, как с точки зрения настоящего. В судьбе отцов мы ищем преимущественно объяснения собственной. Т. Н. Грановский *«Историческая литература во Франции и Германии в 1847 году»*.

Нередко историки, игнорирующие или неправильно понимающие народные оценки важнейших фактов своей истории, делали крупные ошибки. Народное предание правдиво и искренно, потому что это голос подлинной жизни. Б. Д. Греков (1882—1953) *«Киевская Русь»*.

Народ, переживший на протяжении своей истории много и тяжелых и радостных событий, прекрасно их запомнил, оценил и пережитое передал на память следующим поколениям. Былины — это история, рассказанная самим народом. Тут могут быть неточности в хронологии, в терминах, тут могут быть фактические ошибки... но оценка событий здесь всегда верна и не может быть иной, поскольку народ был не простым свидетелем событий, а субъектом истории, непосредственно творившим эти события, самым непосредственным образом в них участвовавшим. Там же.

Беседовать с писателями других веков — почти то же, что путешествовать. Полезнее познакомиться с нравами других народов, чтобы более здраво судить о наших собственных, и не считать, что все, не согласное с нашими обычаями, смешно и противно разуму, как это обычно думают те, кто ничего не видел. Р. Декарт (1596—1650) *«Рассуждение о методе»*.

Историю надо писать заново, и каждый выдающийся ум, опираясь на движение идей, которые он принимает или с которыми борется, открывает в событиях, рассказанных другими, новые уроки и перспективы. Э. Делакруа (1798—1863) *«Дневник»*.

Знание истории... молодым людям доставляет благоразумие старых, а искусство старых умножает. Простых делает достойными начальства; начальников же славою бессмертия возбуждает к предпрятию дел достохвальных. Диодор Сицилийский (ок. 90—21 до н. э.) *«Историческая библиотека»*.

В произведениях исторического характера правда должна быть фактическая; в беллетристике, где происшествия вымышлены, она

заменяется логическою правдою, то есть разумной вероятностью и сообразностью с существующим ходом дел. Н. А. Добролюбов (1836—1861) *«Луч света в темном царстве»*.

История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего. Н. М. Карамзин (1766—1826) *«История государства Российского»*.

История... расширяет пределы нашего собственного бытия; ее творческою силою мы живем с людьми всех времен, видим и слышим их, любим и ненавидим. Там же.

Историк — не летописец: последний смотрит единственно на время, а первый — на свойство и связь деяний. Там же.

Великие народы, подобно великим мужам, имеют свое младенчество и не должны его стыдиться. Там же.

Что сделано, того не воротишь, то слилось уже с безграничным, вечно живущим, вечно деятельным миром, то вместе с ним действует людям на пользу или вред, явно либо тайно, на вечные времена. Т. Карлейль (1795—1881) *«Этика жизни»*.

Знание исторических событий представит в нас человека, как бы несколько веков уже прожившего. Марк Фабий Квинтилиан (ок. 35—95) *«Риторические наставления»*.

История народа, научно воспроизведенная, становится приходно-расходной его книгой, по которой подсчитываются недочеты и передержки его прошлого. Прямое дело ближайшего будущего — сократить передержки и пополнить недоимки, восстановить равновесие народных задач и средств. Достигнутый уровень народных сил, накопленный запас народных средств — это плоды многовекового труда наших предков, результаты того, что они успели сделать. Нам нужно знать, что они не успели сделать: их недоимки — наши задачи, т. е. задачи вашего и идущих за вами поколений. В. О. Ключевский (1841—1911) *«Курс русской истории»*.

Определяя задачи и направление своей деятельности, каждый из нас должен быть хоть немного историком, чтобы стать сознательно и добросовестно действующим гражданином. Там же.

Пока живут люди, живет история! И. Н. Крамской (1837—1887) *«Взгляд на историческую живопись»*.

История нам нужна не как что-то само довлеющее, а... как средство для более глубокого понимания действительности. Н. К. Крупская (1869—1939) *«Задачи антирелигиозной пропаганды»*.

Всякое великое историческое явление готовится веками. П. Н. Кудрявцев (1816—1858) *«О современных задачах истории»*.

Из всех наук история наименее способна вынести какое-нибудь принуждение. Там же.

Печать историческая, хороша она или дурна, почти всегда неизгладима. П. Н. Кудрявцев *«Каролинги в Италии»*.

Творя великое, человек оставляет и великую задачу последующим векам. П. Н. Кудрявцев *«Дант, его век и жизнь»*.

История убеждает, что изучение Древнего мира, развивая ум и укрепляя способность к напряженному логическому труду, вносит в общество идею свободы личной деятельности и идею свободы мысли, а вместе с тем водворяет в нем законность и преданность к исполнению долга. М. С. Кутурга (1809—1886) *«О науке и ее значении в государстве»*.

Жизнь героев обогатила историю, а история украсила подвиги героев; поэтому я затрудняюсь сказать, кто кому больше обязан: пишущие историю — тем, кто одарил их столь благодарным материалом, или эти великие люди — своим историкам. Ж. де Лабрюйер (1645—1695) *«Характеры, или нравы, этого века»*.

Каждое поколение ответственно перед потомством за то лишь, что оно могло сделать и чего не сделало. П. Л. Лавров (1823—1900) *«Исторические письма»*.

Необходимой обязанностью историка является познавать источники, проследить в них истину, обнаруживать состояние человека, духа его, места и времени. Без знакомства с источниками исследователь принужден доверять чужим глазам, он может только усваивать чужие точки зрения, но не способен выяснить истину. И. Лелевель (1786—1861) *«Каким надлежит быть историку?»*.

Настоящий историк не обращает внимания на частную деятельность отдельных личностей, если она не оказала влияния на судьбу человеческого рода. Там же.

Познание минувших времен и познание стран мира — украшение и пища человеческих умов. Л. да Винчи (1452—1519) *«Мысли и афоризмы»*.

Нужны века, чтобы мало-помалу поднимать покровы истины. Дж. Леопарди (1798—1837) *«Диалоги и мысли»*.

В этом-то и состоит нравственная польза и плодотворность изучения истории, что разнообразные примеры созерцаешь точно на блестящем памятнике: отсюда можно взять и для себя, и для своего государства образцы, достойные подражания, тут же найдешь и позорное по началу и концу, чего следует избегать. Тит Ливий (59 до н. э.—17 н. э.) *«История Рима от основания города»*.

Нет ничего поучительнее и занимательнее истории. Дж. Локк (1632—1704) *«Мысли о воспитании»*.

Когда вымышленные повествования производят движения в сердцах человеческих, то правдивая ли история побуждать к похвальным делам не имеет силы, особливо ж та, которая изображает дела праотцов наших? М. В. Ломоносов (1711—1765) *«Древняя Российская история»*.

Ум историка должен походить на зеркало, правдивое, блестящее и с точным центром; какими им воспринимаются образы вещей, такими они должны и отражаться, ничего не показывая искривленным, или неправильно окрашенным, или в измененном виде. Лукьян (ок. 120 — после 180) *«Как следует писать историю»*.

Я утверждаю, что тот, кто хочет хорошо написать историю, должен с самого начала обладать двумя основными достоинствами: политическим чутьем и умением излагать. Там же.

Историки редко нисходят до тех подробностей, по которым только и можно заключать о действительном состоянии данного общества. Оттого-то потомство слишком часто обманывается неопределенными гиперболами поэтов и риторов, ошибочно принимающих придворный блеск за народное благосостояние. Т. Б. Маколей (1800—1859) *«Макиавелли»*.

История может поистине быть определена, как славная война со Временем, ибо, отбирая у него из рук годы, взятые в плен и даже успевшие стать трупами, она возвращает их к жизни, делает им смотр и заново строит к бою. А. Мандзони (1785—1873) *«Обрученные»*.

Смотреть на историю единственно, как на литературное произведение, есть уничтожать оную. Мудрому историку мы простим недостаток искусства; красноречивого осудим, ежели не знает основательно того, о чем повествует. Н. М. Муравьев (1796—

1843) *«Мысли об «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина»*.

Настоящее — дитя прошлого и мать будущего. М. Л. Налбандян (1829—1866) *«Речь об армянской словесности»*.

Критические периоды в истории безжалостно срывают с нас все маски и выявляют глубоко скрытые в нас слабости. Дж. Неру (1889—1964) *«Автобиография»*.

О былом вспоминают в связи с настоящим. Публий Овидий Назон (43 до н. э.—18 н. э.) *«Метаморфозы»*.

История обогащает нас новыми идеями и расширяет наш умственный горизонт только в том случае, когда мы изучаем какое-нибудь событие в его естественной связи с его причинами и его последствиями. Д. И. Писарев (1840—1868) *«Исторические эскизы»*.

Жить своим умом по меньшей мере приятно, и потому те периоды всемирной истории, во время которых благодетели человечества никому не позволяли жить своим умом, наводят на нас тоску и досаду. Д. И. Писарев *«Бедная русская мысль»*.

История до сих пор — не что иное, как огромный арсенал, из которого каждая литературная партия выбирает себе годные аргументы для поражения своих противников. Д. И. Писарев *«Реалисты»*.

Чтобы понимать событие, надо знать его деятелей; чтобы объяснить себе историческое развитие человечества, надо знать те силы, которые действуют в нем самом и вокруг него. Д. И. Писарев *«Наша университетская наука»*.

Мы должны изучать факты, относящиеся к прошлой жизни человечества, чтобы открыть законы его прогресса. Мы только тогда сможем предвидеть будущее, когда поймем прошлое. Г. В. Плеханов (1856—1918) *«О материалистическом понимании истории»*.

Первая обязанность историка и надежнейшая опора его выводов — критика источников. Г. В. Плеханов *«Неудачная история партии «Народной воли»*.

Глядя в историю, словно в зеркало, я стараюсь изменить к лучшему собственную жизнь и устроить ее по примеру тех, о чьих доблестях рассказываю. Плутарх (ок. 45—127) *«Сравнительные жизнеописания»*.

Время настоящее есть плод прошедшего и семя будущего. М. П. Погодин (1800—1875) *«Исторические афоризмы»*.

Народ без историка — творение недовершенное, без самопознания. Там же.

История, в высшем знании, не есть складно написанная летопись времен минувших, не есть простое средство удовлетворять любопытство наше. Нет: она практическая проверка философских понятий о мире и человеке, анализ философского синтеза. Н. А. По л е в о й (1796—1846) *«Очерки русской литературы»*.

История по частям дает лишь очень мало для точного уразумения целого; достигнуть этого можно не иначе, как посредством сцепления и сопоставления всех частей, то сходных между собою, то различных; только тогда и возможно узреть целое, а вместе с тем воспользоваться уроками истории и насладиться ею. П о л и б и й (ок. 200—ок. 120 до н. э.) *«Всеобщая история»*.

Сочинение не должно именоваться историей, если только в нем нарушены требования правды... В историческом сочинении правда должна господствовать надо всем. Там же.

Изучение минувших событий во всех подробностях и в их истинном значении может дать руководящие указания относительно будущего. Там же.

Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости. А. С. П у ш к и н (1799—1837) *«Заметки и афоризмы разных годов»*.

Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие. А. С. П у ш к и н *«Мысли и замечания»*.

Из умственных занятий одно из самых важных и полезных — описывать былые события. Г а й К р и с п С а л л ю с т и й (86—35 до н. э.) *«Югуртинская война»*.

Историки должны и обязаны быть точными, правдивыми и до такой степени беспристрастными, чтобы ни корысть, ни страх, ни вражда, ни дружба не властны были свести их с пути истины, истина же есть родная дочь истории — соперницы времени, сокровищницы деяний, свидетельницы минувшего, поучительного примера для настоящего, предостережения для будущего. М. С е р в а н т е с д е С а а в е д р а (1547—1616) *«Хитроумный идальго Дон-Кихот Ламанчский»*.

Великий человек своею деятельностью воздвигает памятник своему народу; какой же народ откажет в памятнике своему великому человеку? С. М. С о л о в ь е в (1820—1879) *«Публичные чтения о Петре Великом»*.

История первоначально есть наука народного самопознания. Но самый лучший способ

для народа познать самого себя — это познать другие народы и сравнить себя с ними; познать же другие народы можно только посредством познания их истории. С. М. С о л о в ь е в *«Наблюдения над исторической жизнью народов»*.

Будем внимательно, добросовестно изучать старое, чтобы еще лучше познать новое. К. С. С т а н и с л а в с к и й (1863—1938) *«Речь на первом уроке ученикам, сотрудникам и актерам филиального отделения МХТ»*.

Главною обязанностью истории считаю то, чтобы не замалчивались добродетели и чтобы дурные слова и дела боялись потомства и позора. П у б л и й К о р н е л и й Т а ц и т (ок. 55—ок. 120) *«Анналы»*.

Чтобы понять тайну русского народа, его величие, нужно хорошо и глубоко узнать его прошлое: нашу историю, коренные узлы ее, трагические и творческие эпохи, в которых завязывался русский характер. А. Н. Т о л с т о й (1883—1945) *«Краткая автобиография»*.

И как жизнь отдельного человека, не переставая, изменяется соответственно его росту, т. е. согласно с изменением общего понимания смысла своей жизни, точно так же, не переставая, изменяется и не может не изменяться и жизнь не переставшего расти, подвигаться вперед к более разумной жизни всего человечества. Л. Н. Т о л с т о й (1828—1910) *«Неизбежный переворот»*.

Источники истории суть лишь указания, при помощи которых надо восстановить невидимого индивидуума. И. Т э н (1828—1893) *«О методе критики и об истории литературы»*.

Если в чем и можно быть уверенным, то только в том, что ни одна история не имеет конца, ибо история, которая нам кажется оконченной, — лишь глава истории, не имеющей конца. Р. П. У о р р е н (р. 1905) *«Вся королевская рать»*.

Сегодня, как и две тысячи лет назад, для того, чтобы представить себе будущее, нужно изучать не действия сильных мира сего, но скрытые движения масс трудового народа. А. Ф р а н с (1844—1924) *«За русский народ»*.

Историческая рукопись обладает порою потрясающей силой, ибо несколько ее строк способны восстановить какую-нибудь сцену гораздо пластичнее, чем это могут сделать поэт или биограф. С. Ц в е й г (1881—1942) *«Смысл и красота рукописей»*.

Первая задача истории — воспроизвести

жизнь; вторая, исполняемая не всеми историками,—объяснить ее; не заботясь о второй задаче, историк остается простым летописцем, и его произведение — только материал для настоящего историка или чтение для удовлетворения любопытства; думая о второй задаче, историк становится мыслителем, и его творение приобретает через это научное достоинство. Н. Г. Чернышевский (1828—1889) *«Эстетические отношения искусства к действительности»*.

Можно не знать, не чувствовать влечения

к изучению математики, греческого или латинского языков, химии; можно не знать тысячи наук и все-таки быть образованным человеком; но не любить истории может только человек, совершенно неразвитый умственно. Н. Г. Чернышевский *«Пропилеи»*.

Изучение истории необходимо, даже совершенно необходимо для человека, который желает жить в обществе. Ф. Д. С. Честерфилд (1694—1773) *«Хороший тон, или житейская мудрость и знание света»*.

СКОЛЬКО ЕЛИ ВИЗАНТИЙЦЫ?

По прочтении известной книги Ф. Кукулеса *«Византийская жизнь и культура»* создается впечатление, что византийцы были необыкновенными гурманами: они поглощали огромное количество разнообразнейших блюд из дичи, мяса, рыбы, овощей, фруктов, дикорастущих трав¹. Впрочем, составленный Кукулесом перечень включает в себя блюда, съеденные всеми византийцами на протяжении более чем тысячелетней истории империи. Существуют, однако, свидетельства, что рацион отдельного человека и даже отдельных социальных групп был и более однообразным и более скромным. Дж. Тилл, опираясь на житийные памятники и на стихи византийского поэта Феодора Продрома (XII в.), пришел к выводу, что византийцы питались преимущественно хлебом, рыбой и овощами и что хлеб скорее всего являлся главным элементом их каждодневной пищи². Вывод Тилла, правда, обоснован крайне скудными и отрывочными свидетельствами. Между тем источники, вышедшие из-под пера современников Продрома, позволяют получить гораздо более отчетливое представление о рационе и рядового и именитого византийца. К их рассмотрению мы и обратимся.

Разумеется, пиры, которые устраивали император или высшая знать, были обильными. По словам Никиты Хониата, на столе у Исаака II Ангела (1185—1195 гг.) громозди-

лись холмы хлебов, леса зверей, проливы рыбы и моря вин³. Византийский писатель первой половины XII в. Михаил Италик с восторгом описывает обильные трапезы в Филиппополе: тут и куры, и журавли, и гуси, и зайцы, и куропатки⁴. И Евстафий, митрополит Солунский, наслаждался в гостях у Никифора Комнина удивительно вкусно приготовленной птицей⁵. К роскошной трапезе подавались дичь и отборная рыба, и скуповатый Кекавмен, писатель-моралист XI в., ужасается, как дорого стоили подобные яства⁶. Кое-кто из византийской знати XII в. славился своим обжорством, например, Иоанн Каматир или Алексей Аксух.

Но тот же Никита Хониат, рассказав о низложении Исаака Ангела, добавляет, что бывший император влачил с тех пор крестьянскую жизнь, питаясь умеренным количеством вина и хлеба. Вино и хлеб представляются как Хониату, так и его современнику Евстафию Солунскому главнейшими продуктами питания⁷. О пище латинян Хо-

³ Nicetas Choniata. Historia. Bonnae. 1835, p. 579.

⁴ R. Browning. Unpublished Correspondence between Michael Italikos, Archbishop of Philippopolis, and Theodore Prodromos. «Byzantinobulgarica». Vol. I. 1962, p. 285.

⁵ Eustathius Thessalonicensis. Opuscula. Francofurti a. M. 1832, p. 311.

⁶ Cecaumeni Strategicon. «Записки» Историко-филологического факультета С.-Петербургского университета. Т. XXXVIII. 1896, p. 49.

⁷ Nicetas Choniata. Op. cit., p. 343; Eustazio di Tessalonica. L'espugnazione di Tessalonica. Palermo. 1961, p. 110.

¹ См. Ph. Koukoulès. Vie et civilisation byzantines. T. V. Athènes. 1952.

² J. L. Teall. The Grain Supply of the Byzantine Empire, 330—1025. «Dumbarton Oaks Papers». Vol. XIII. 1959, p. 98 f.

ниат говорит с насмешкой, и это не удивительно: отношения византийцев и выходцев с Запада были в ту пору настолько обостренными, что все раздражало их друг в друге: и одежда, и манера стричься, и еда. Любопытно, однако, что именно в трапезе латинян вызвало ироническое отношение греческого историка: обилие жареной говядины, копченой свинины и острые соусы. Мясо вообще в его представлении отождествляется с обжорством, и ему вторит Анна Комнин, с насмешкой подчеркивающая, что нормандскому князю Боэмунду подавали мясо птиц и «сухопутных» животных⁸.

Обратимся к другим, более конкретным источникам. Так, по завещанию византийского историка XI в. Михаила Атталиата от 1077 г. основанный им странноприимный дом должен был кормить по воскресеньям шесть бедняков; им выдавали хлеб и небольшой приварок: бобы или овощи, мясо, рыбу⁹. Хлеб здесь на первом месте. Сколько же хлеба съедали византийцы? Чтобы ответить на этот вопрос, посмотрим устав монастыря Иоанна Предтечи, в котором констатируется, что люди едят по-разному: один остается голодным после двух литр (одна литра — 325 г) хлеба, другой съест одну литру или даже шесть ункий ($\frac{1}{12}$ часть литры) — и сыт¹⁰. На основании этих цифр мы можем принять полторы литры хлеба за среднее количество, потреблявшееся византийцем в день. Попробуем рассчитать эту норму другим путем.

Атталиат в упомянутом уже завещании распорядился раздавать 18 вдовам и старикам 216 «аннонных» модиев хлеба в год¹¹, то есть по 12 модиев на человека в год, или по одному модию ежемесячно. Один «аннонный» модий составлял $\frac{2}{3}$ морского, последний же равнялся 40 литрам¹², а это

примерно 13 кг¹³. Следовательно, Атталиат исходил из нормы в 26,7 литры в месяц, или чуть менее литры хлеба ежедневно. Норма низкая, как можно видеть из сопоставления с цифрами устава монастыря Предтечи. Приблизительно о такой же норме потребления хлеба говорит и Продром, по словам которого 12 медимнов (в византийскую пору этот термин потерял техническое значение, и Продром скорее всего пользуется им вместо слова «модий») хлеба едва хватает, чтобы накормить 13 человек в течение месяца¹⁴. Следовательно, на человека приходилось чуть меньше модия хлеба (впрочем, неясно, какого именно) в месяц, или около одной литры в день.

Любопытно, что в монастырях, несмотря на призывы к воздержанию и постничеству, ели больше. Монахини патриаршего монастыря Келарея получали в год 18 морских модиев хлеба¹⁵, что составляло 60 литр ежемесячно, или 2 литры в день. Еще больше хлеба выдавали в богадельне богатого константинопольского монастыря Пандократора — 20 морских модиев на человека в год¹⁶. Наконец, монахи основанного Атталиатом монастыря получали огромное количество хлеба — по 30 модиев¹⁷. Итак, Атталиат при раздаче хлеба вдовам и старикам, а также, по-видимому, Продром исходили из нормы примерно в 300 г на день (речь идет, надо думать, о зерне, а не о печеном хлебе), в монастырях же отпускалось на человека не менее 650 граммов.

ке на рукописи XV в., модий составлял 40 литр, или 480 ункий, или 2880 стагий (D. Zakythenos. *Peri tes times tou sitou en Byzantio*. «Epeteris Etereias Byzantinon Spoudon». Т. 12. 1936, p. 392).

¹³ W. Nissen. *Die Diataxis des Michael Attaleiates von 1077*. Jena. 1894, S. 117. Я. А. Манандян (Я. А. Манандян. Римско-византийские хлебные меры и основанные на них индексы хлебных цен. «Византийский временник». Т. II. 1949, стр. 68 сл.) также приравнивает византийский модий к 40 римским фунтам, или 13,056 кг.

¹⁴ D.-C. Hesselings, H. Pernot. *Poèmes prodromiques en langue vulgaire*. Amsterdam. 1910, p. 41. Термин «медимн» вместо «модий» употреблял также Скилица (см. G. Ostrogorsky. *Löhne und Preise in Byzanz*. «Byzantinische Zeitschrift». Bd. 32. 1932, S. 320). О трудности идентификации «медимна» и «модия» в памятниках XIII в. см.: К. В. Хвостова. Особенности аграрно-правовых отношений в Поздней Византии. М. 1968, стр. 75, прим. 67.

¹⁵ «Acta...». Т. V, p. 372.

¹⁶ А. Дмитриевский. Указ. соч., стр. 694.

¹⁷ «Acta...». Т. V, p. 316.

⁸ Anne Comnène. *Alexiade*. Т. 2. Р. 1943, p. 231.

⁹ «Acta et diplomata graeca medii aevi». Ed. F. Miklosich et I. Müller. Т. V. Vindobonae. 1887, p. 306.

¹⁰ А. И. Пападопуло-Керамевс. *Noctes Petropolitanae*. СПб. 1913, стр. 13.

¹¹ «Acta...». Т. V, pp. 306, 320.

¹² См. П. В. Безобразов. Материалы для истории Византийской империи. «Журнал министерства народного просвещения». Ч. 254. 1887, ноябрь, стр. 72, прим. 2 (со ссылкой на словарь Дюканжа). Соотношение «аннонного», морского и монастырского модиев определено в уставе монастыря Пандократора (А. Дмитриевский. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Т. I. Киев. 1895, стр. 694). Согласно помет-

Византийцы питались пшеничным и ячменным хлебом: первым — преимущественно в Малой Азии, последним — на Балканах. Рожь и овес, распространенные на средневековом Западе, и рис, возделывавшийся на Востоке, встречались здесь лишь sporadически.

Ели один или два раза в день. Кекавмен рекомендует плотный завтрак и воздержание в обед. Поскольку питание раз в день не было исключением, термины для завтрака (аристон) и обеда (дипнон) рассматриваются как идентичные и употребляются один вместо другого¹⁸. Ели, по-видимому, не рано: Никита Хониат иронизирует, что царям готовят ранний дипнон, а Анна Комнина специально отмечает, что печенег ели ранним утром¹⁹. Византийский император Иоанн II (1118—1143 гг.) сперва отправлялся на охоту, а потом принимался за аристон²⁰. О Никифоре III (1078—1081 гг.) рассказывают, что вельможи являлись во дворец в час аристона; затем, отпустив гостей, император проводил остаток дня беззаботно. Видимо, час его аристона не был слишком ранним.

Монастырские уставы предусматривают обычно две трапезы: аристон после заутрени и дипнон после вечерни. В некоторых случаях монахи ели лишь раз в день, и только братии, занятой на тяжелой работе, полагалась вторая трапеза²¹. Вечерняя еда в монастырях состояла из хлеба и вина, к которым иногда добавлялись овощи и фрукты. Вареную пищу ели утром, когда готовили два или три блюда, как правило, из рыбы, сыра, бобов или капусты, приправленных оливковым маслом²². В монастыре Пандократора пища была разнообразнее: помимо обычных блюд, подавали лук, яйца, устрицы и ракушки-мидии. В пелопоннес-

ском монастыре в Арее число блюд доходило по праздникам до пяти. Запивали утреннюю еду, подобно мирянам, вином: в монастыре Спасительницы мира ежедневно полагалось каждому два «монашеских» красовулия (чаши) вина²³.

Такой рацион признавался составителями уставов достаточным, как это прямо сказано, например, в уставе монастыря богородицы Благодатной. Разумеется, в разных монастырях ели по-разному, и если Евергетидский устав запрещает голодным монахам просить добавку, то устав Пандократора, наоборот, отмечает, что после завтрака остаются куски²⁴.

Количественный анализ византийского рациона, основанный преимущественно на монастырских уставах XI—XII вв., в целом подтверждает заключение Тилла: в Византии действительно ели довольно много хлеба и пили порядочно вина. Остальная еда составляла сравнительно незначительный, случайный и довольно однообразный приварок. Монахи ели не меньше, а скорее больше мирян, во всяком случае, бедноты.

Можно попытаться выразить денежную стоимость монашеского рациона. Хлеб продавался в конце XI в. по 12—18 модиев на одну золотую номисму²⁵, и соответственно годовая стоимость выдаваемого монаху хлеба составляла одну-две номисмы. Приварок, не считая вина, бобов и оливкового масла, исчисляется Атталиатом в две номисмы, а на оливковое масло (которое шло также на освещение) он приказывает выдавать одну номисму²⁶. По-видимому, весь рацион приблизительно может быть исчислен в шесть-семь номисм ежегодно.

Византийская беднота тратила на дневное пропитание, насколько можно судить по «Житию Андрея Юродивого» (X в.), два обола, получая за эти деньги овощи и горячее блюдо²⁷; это составляет около двух

¹⁸ Nicephorus Bryennius. *Commentarii*. Bonnæ. 1836, p. 93.

¹⁹ Anne Comnène. *Op. cit.*, p. 128.

²⁰ Ioannes Cinnamus. *Epitome regum*. Bonnæ. 1836, p. 25.

²¹ Согласно уставу монастыря Иоанна Предтечи (А. И. Пападопуло-Керамевс. Указ. соч., стр. 29). Впрочем, в иных случаях и в этом строгом уставе предусматривались как аристон, так и дипнон (там же, стр. 42).

²² Например, в монастырях Илиу Вомон (А. Дмитриевский. Указ. соч., стр. 733), богородицы Милостивой (L. Petit. *Le monastère de Notre-Dame de Pitié*. «Известия» Русского археологического института в Константинополе. Т. VI. 1900, стр. 86), Бачковском (S. Kauchtschischvili. *Tyricon Gregorii Pascuriani. Thbilisi*. 1963, p. 66) и др.

²³ А. Дмитриевский. Указ. соч., стр. 668; «Acta...». Т. V, p. 185; Nicetas Choniata. *Op. cit.*, p. 169.

²⁴ «Acta...». Т. V, p. 366; А. Дмитриевский. Указ. соч., стр. 625, 626.

²⁵ G. Ostrogorsky. *Op. cit.*, S. 321 f. Однако к 1213 г. цена модия хлеба поднялась до 1/2 номисмы («Acta...». Т. VI. 1890, p. 163), а к концу XIII в. за модий платили около номисмы (К. В. Хвостова. Указ. соч., стр. 75).

²⁶ «Acta...». Т. V, p. 316.

²⁷ А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агнографии. М. 1917, стр. 124.

номисм в год (номисма разна 288 оболам). На пропитание бедняки имели гораздо меньше средств, чем монахи. Впрочем, другого от средневековой империи историк и не мог бы ожидать.

Одна из интереснейших проблем, встающих в этой связи,— сопоставление византийского рациона с пропитанием в странах Западной Европы и Ближнего Востока. Появившееся недавно исследование С. Аштора практически не учитывает византийского материала, зато содержит важные данные на этот счет о средневековой Европе и Востоке. Аштор подчеркивает, что доля хлеба в рационе (особенно у трудового люда) была значительно выше, чем в настоящее время: в Иране X в., по его расчетам, $\frac{2}{3}$ жалованья наемного работника уходило на покупку хлеба. Кроме того, бедняки ели овощи, иногда рыбу, дешевое мясо и фрукты. На Западе хлеб был худшего ка-

чества и составлял меньшую долю в рационе, хотя и здесь горожане потребляли до килограмма хлеба в день, то есть значительно больше, чем в Византии. На Западе ели также относительно много мяса, но зато почти не потребляли оливкового масла²⁸.

Насколько можно судить по скудным свидетельствам средневековых источников, византийский рацион был ближе к нормам мусульманского мира, нежели к западным. От мусульманского он отличался прежде всего обильным употреблением вина, а также незначительным количеством сладостей (разведение сахарного тростника в Византии засвидетельствовано значительно более поздними памятниками).

А. П. Каждан

²⁸ S. Ash t o r. Essai sur l'alimentation des diverses classes sociales dans l'Orient médiéval. «Annales», 1968, 23, № 5.

ОБ ИТОГАХ ВСЕСОЮЗНОГО СМОТРА-КОНКУРСА РАБОТ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ, ПОСВЯЩЕННОГО 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

Рассмотрев информацию оргкомитета об итогах Всесоюзного смотра-конкурса работ молодых ученых по общественным наукам, посвященного 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, Секретариат ЦК ВЛКСМ, Президиум Академии наук СССР и Коллегия Министерства высшего и среднего специального образования СССР постановляют наградить дипломами лауреатов Всесоюзного смотра-конкурса работ молодых ученых по общественным наукам, посвященного 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, следующих авторов:

По истории КПСС:

Жагара Э. А., младшего научного сотрудника Института истории АН Латвийской ССР, за статью о революционных преобразованиях и социалистическом строительстве в Латвийской ССР в 1940—1941 гг;

Козицкого Н. Е., ассистента кафедры истории КПСС гуманитарных факультетов Киевского ордена Ленина государственного университета им. Т. Г. Шевченко, за рукопись брошюры «Борьба большевиков во главе с В. И. Лениным за единство действующих левых сил в период первой русской революции»;

Скребова В. С., кандидата исторических наук, майора, доцента кафедры истории КПСС Свердловского высшего военно-политического танково-артиллерийского училища, за серию статей о гражданской войне, иностранной интервенции и военной деятельности КПСС на Урале и учебно-методические работы;

Тютюкина С. В., кандидата исторических наук, младшего научного сотрудника Сектора истории СССР периода капитализма Института истории СССР АН СССР, за статьи о работах В. И. Ленина периода первой мировой войны;

Хазиахметова Э. Ш., кандидата исторических наук, доцента кафедры истории КПСС Томского инженерно-строительного института, за книгу «Большевики в Нарымской ссылке»;

Холджураева Х. Х., кандидата исторических наук, доцента кафедры истории КПСС Таджикского государственного университета им. В. И. Ленина, за книгу «Коммунистическая партия Таджикистана в борьбе за технический прогресс в промышленности»;

Щербакова Н. Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры истории КПСС Иркутского государственного университета им. А. А. Жданова, за рукопись монографии «В. И. Ленин и политическая ссылка в Сибири (1907—февраль 1917 г.)»;

По истории ВЛКСМ:

Дюжева Ю. И., кандидата филологических наук, младшего научного сотрудника Сектора литературы и народного творчества Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, за серию статей «Эстафета пионерских поколений»;

Зиновьева А. П., кандидата исторических наук, старшего преподавателя кафедры истории КПСС Саратовского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, за серию статей «Из истории Коммунистического Интернационала Молодежи (1920—1923 гг.)»;

Рябова В. В., кандидата исторических наук, доцента кафедры истории КПСС Куйбышевского планового института, за серию работ «В. И. Ленин, КПСС и комсомол».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Дьяков Юрий Леонтьевич, аспирант Института истории АН СССР.

Красников Николай Петрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС. Автор ряда работ: «Социалистические государства и церковь»; «Церковь приспособляется»; «Ленинский декрет об отделении церкви от государства и его международное значение»; «В погоне за веком» и др.

Федосов Иван Антонович, профессор, доктор исторических наук, член-корр. АПН СССР, зав. кафедрой истории СССР, декан исторического факультета МГУ. Автор монографий «Революционное движение в России во второй четверти XIX в.»; «Из истории русской общественной мысли XVIII в. М. М. Щербатов», учебников по истории СССР для 8-х и 9-х классов средней школы и ряда учебных пособий для вузов.

Андреев Игорь Леонидович, кандидат философских наук, доцент Владимирского педагогического института имени П. И. Лебедева-Полянского. Специализируется в области истории народов Африки. Автор статей по этой проблеме.

Королев Юрий Николаевич, аспирант Института Латинской Америки АН СССР. Автор книги «Луис Рекабаррен — великий гражданин Чили» (в соавторстве с В. И. Ермолаевым) и статей по проблемам рабочего и коммунистического движения в Чили.

Шацилло Корнелий Федорович, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР, доктор исторических наук, специализируется по истории СССР периода империализма, автор монографии «Русский империализм и развитие флота накануне первой мировой войны» (М. 1968) и других работ.

Яковлев Николай Николаевич, доктор исторических наук, профессор, работает в Институте США АН СССР. Автор многих книг и статей по новейшей истории США и международным отношениям.

SUMMARIES OF MAJOR ARTICLES

Y. L. DYAKOV. The Establishment of a New Coal-Mining and Metallurgical Centre in the North of the U.S.S.R.

The article traces the rise and development of the coal-mining and metallurgical complex in the North of the European part of the U.S.S.R., the establishment of which began in the prewar period, continued during the second world war and was completed in the postwar years. The author vividly describes the devoted labour effort of Soviet workers, engineers, technicians and geologists in developing the coal field on the Pechora River, the iron ore deposits on the Kola Peninsula and the construction of the giant iron and steel mills in Cherepovets.

N. P. KRASNIKOV. The Social Conception of Orthodoxy and Its Evolution

The author graphically shows that after the Great October Socialist Revolution the Russian Orthodox Church was compelled to take the path of modernizing its social views. The evolution of the social conception of Orthodoxy began at the end of the 1920's simultaneously with the political reorientation of the clergy. The association of the Russian Orthodox Church with the peace movement since 1948 and with the ecumenical movement since 1961 stimulated the process of modernizing its social conception. But despite this positive development, the pseudo-scientific and profoundly reactionary nature of its religious doctrine remained unchanged. That is why religious ideology and socialism are incompatible. The article comprehensively analyzes Soviet literature on the problem.

I. A. FEDOSOV. Enlightened Absolutism in Russia

The article is devoted to the history of the political superstructure in Russia from the second half of the 18th to the beginning of the 19th centuries. The author examines the following major problems: state development, social and economic policy of the autocracy in the given chronological period. The main theoretical problem of the article is elucidation of the social essence and historical significance of so-called enlightened absolutism, which is viewed as a special period in the evolution of the political superstructure of feudal society.

I. L. ANDREYEV. The Specific Features of Non-Capitalist Development of Peoples Which Have Not Consummated the Process of Class Formation

The article analyzes certain specific aspects of non-capitalist development of peoples which have not yet consummated the process of class formation and have preserved the commune as the basic socio-economic nucleus. Drawing on materials from the history of the former semi-colonial borderlands of our country and a number of countries of the

contemporary Third World, the author shows that alongside the decisive role of foreign policy conditions attending the development of these peoples and the social nature of state power inside the country, certain peculiarities of non-capitalist development and primarily the "technique" of socio-economic transformations appear to be determined by the existence of the peasant commune. Belonging to these peculiarities are the specific features attending the formation of democratic organs of local self-government and state power, especially at village and rural community level, as well as the agricultural cooperation of members of the peasant commune.

The experience of the former backward peoples that inhabited the semi-colonial outlying areas of our country provides practical confirmation of the theoretical prevision of the classics of Marxism concerning the possibility for the peoples still retaining the commune of advancing to socialism along the road of non-capitalist development.

Y. N. KOROLEV. The Labour Movement and the Spread of Marxism in Chile (from revolutionary democracy to Marxism)

The article traces the sources of Marxist ideology in the Chilean labour movement and the first practical steps made by the working class of that country in the struggle for socialism.

By the close of the 19th and the beginning of the 20th centuries the economic and other prerequisites for the emergence of socialist ideology matured in Chile and there began the complex process of combining socialist theory with the labour movement. On the socio-political plane this process was vividly reflected in the rise and development of the political party of the proletariat relying on Marxist theory and directly participating in the working-class movement. In Chile's history such an organization was the Socialist Labour Party founded in 1912, which after ten years of tense political and ideological struggle was transformed into the Communist Party of Chile—the living embodiment of the fusion of Marxism with the working-class movement in the specific conditions of this country.

CONTENTS

of the journal "Problems of History" No. 9 1970

Articles: **Y. L. Dyakov.** The Establishment of a New Coal-Mining and Metallurgical Centre in the North of the U.S.S.R.; **N. P. Krasnikov.** The Social Conception of Orthodoxy and Its Evolution; **I. A. Fedosov.** Enlightened Absolutism in Russia; **I. L. Andreyev.** The Specific Features of Non-Capitalist Development of Peoples Which Have Not Consummated the Process of Class Formation; **Y. N. Korolev.** The Labour Movement and the Spread of Marxism in Chile. **Publications:** The Fall of the "Semi-Autocratic Ruler" (evidence in the case of Prince A. D. Menshikov). **Historical Essays:** **K. F. Shatsillo.** Attempts at Separate Negotiations During the First World War; **N. N. Yakovlev.** From the History of the Kennedy Clan. **Historical Science in the U.S.S.R. and Abroad.** **Surveys:** **V. I. Bugarov.** Soviet Literature on V. I. Lenin's Methods of Work with Historical Sources; **A. D. Kolpakov.** Topical Problems of Ireland's History and Irish Historical Science. **Book Reviews:** **M. R. Kruglyansky.** Soviet Higher School in the Years of the Great Patriotic War; **Y. A. Pisarev.** Serbia and Montenegro in World War I; **L. N. Nezhinsky.** An Outline History of People's Hungary, 1948—1962; **G. Rasch.** Bonn and Moscow. Concerning the Need of German-Soviet Friendship; **T. Kristanov.** Freedom for Spain. Memoirs by a Bulgarian Communist. **Scientific Notes.** Facts, Events, People. Articles in Soviet and foreign historical publications, new books, notes on articles published in foreign journals.

SOMMAIRE

de la revue « Questions d'histoire », 1970, № 9

Articles: **Y. L. Dīakov.** Création de la base houillère et métallurgique septentrionale de l'U.R.S.S.; **N. P. Krasnikov.** Evolution de la conception sociale de l'orthodoxie; **I. A. Fēdosov.** Absolutisme éclairé en Russie; **I. L. Andréev.** Traits spécifiques du développement non-capitaliste des peuples, dont le processus de la formation des classes n'a pas été achevé; **Y. N. Korolev.** Le mouvement ouvrier et la propagation du marxisme au Chili. **Publications:** La chute d'«un seigneur demi-souverain» (documents de l'enquête du prince A. Menchikov). **Etudes historiques:** **K. F. Chatsillo.** A propos des pourparlers séparés pendant la Première Guerre mondiale; **N. N. Yakovlev.** De l'histoire du clan des Kennedy. **Sciences historiques en U.R.S.S. et à l'étranger.** **Revue:** **V. I. Bouganov.** Littérature soviétique sur les méthodes du travail de V. Lénine avec les sources; **A. D. Kolpakov.** Problèmes actuels de l'histoire de l'Irlande et la science historique irlandaise. **Comptes-rendus des livres:** **M. R. Krougliansky.** L'école supérieure de l'U.R.S.S. dans les années de la Grande Guerre nationale; **Y. A. Pissarev.** La Serbie et le Monténégro pendant la Première Guerre mondiale; «Léninisme et mouvement ouvrier révolutionnaire mondial (Problèmes de la lutte pour l'unité du prolétariat, de toutes les forces anti-impérialistes)»; **L. N. Néjinsky.** Essai de l'histoire de la Hongrie populaire. 1948-1962; **G. Rash.** Bonn et Moscou. Sur la nécessité de l'amitié germano-soviétique; **Ts. Kristanov.** Pour la liberté de l'Espagne. Mémoire d'un communiste bulgare. **Faits, événements, hommes.** Sommaire des revues historiques soviétiques et étrangères. Nouveaux livres en U.R.S.S. et à l'étranger, notes sur les articles, publiés dans les revues étrangères.

SUMARIO

de la revista «Cuestiones de historia» № 9. 1970.

Artículos: Y. L. Diákov. Creación de una zona metalúrgica y de extracción de hulla en el norte de la URSS; N. P. Krásnikov. Evolución del concepto social de la iglesia ortodoxa; I. A. Fedósov. Absolutismo instruido en Rusia; I. L. Andreev. Rasgos específicos del desarrollo no capitalista de los pueblos, que se caracterizan por el estado de no conclusión del proceso de formación de las clases; Y. N. Korolev. Movimiento obrero y divulgación del marxismo en Chile. **Publicaciones:** Caída del «señor semisoberano» (documentos de la causa de investigación del príncipe A. D. Ménshikov). **Ensayos históricos:** K. F. Shazillo. Hacia los intentos de las negociaciones separadas en el curso de la Primera guerra mundial; N. N. Yákovlev. De historia del clan de Kennedy. **La ciencia histórica en la URSS y en el extranjero.** **Revistas.** V. I. Bugánov. Publicaciones soviéticas sobre los métodos del estudio de las fuentes por V. I. Lenin; A. D. Kolpakov. Problemas actuales de historia de Irlanda y la ciencia histórica irlandesa. **Reseñas de libros.** M. R. Kruglianskiy. Escuela superior de la URSS en los años de la Gran Guerra Patria; Y. A. Písarev; Servia y Montenegro en la Primera guerra mundial; L. N. Nezhinskiy. Esbozo de historia de la Hungría popular. 1948—1962; G. Rasch. Bonn y Moscú. Sobre la necesidad de la amistad germano-soviética; Z. Kristánov. Por la libertad de España. Memorias de un comunista búlgaro. **Nuevos libros en la URSS y en el extranjero.** **Artículos de las revistas soviéticas y extranjeras.** **Notas científicas.** **Hechos, acontecimientos, personalidades.**

ПОПРАВКА

В № 8 журнала за 1970 г. на 146 стр., 33 строку
сверху следует читать:
Всего же на Украине сейчас имеется свыше
4 тыс. народных музеев.

Редакционная коллегия: ТРУХАНОВСКИЙ В. Г. (главный редактор),
АХРАМОВИЧ Р. Т., ГАПОНЕНКО Л. С., ГОЛИКОВ Г. Н., ДУДИНСКИЙ И. В.,
ЖУКОВ Е. М., КИМ М. П., КОВАЛЬЧЕНКО И. Д., СКАЗКИН С. Д.,
ФЕДОСОВ И. А., ХРЕНОВ И. А., ЧЕРНЯЕВ А. С., ЮДАЧЕВ С. А.

Технический редактор В. Н. Пархоменко.

Адрес редакции: Москва, ГСП, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон 228-96-21.

Сдано в набор 24/VII 1970 г.
А 00133. Подписано к печати 2/IX 1970 г. Формат бумаги 70×108^{1/16}.
Объем 19,60 усл. печ. л. 22,29 учетно-изд. л. Тираж 31 000 экз. Изд. № 2024. Заказ № 2088.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.